

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

DIALOGUE WITH TIME

Intellectual History Review

2

Editors:

L.P.Repina, V.I.Ukolova

URSS

Moscow • 2000

*Будем же измерять время
мерой духовной!*
(Р.Эмерсон)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Альманах интеллектуальной истории

2

Под редакцией
Л.П.Репиной, В.И.Уколовой

УРСС
Москва • 2000

ББК 63.3

Под редакцией

Л.П.РЕПИНОЙ и В.И.УКОЛОВОЙ

Рецензенты:

кандидат исторических наук М.Р.ЗЕЗИНА

кандидат исторических наук П.Ю.УВАРОВ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. Под редакцией Л.П.Репиной и В.И.Уколовой. Вып. 2. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 304 с.

Альманах "Диалог со временем" — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, исследовательское пространство которой охватывает историю идей и идеологий, философской, общественной и политической мысли, естествознания и техники, социальных и гуманитарных наук, историю книги и историю религии, историю историографии и историю литературы, историю искусства и музыки и т.д. — словом, изучение исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. Editors: L.P.Repina, V.I.Ukolova. Issue 2. — М.: Editorial URSS, 2000. — 304 p.

"Dialogue with Time" is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history. This interdisciplinary field of research is broadly interpreted as embracing history of ideas and ideologies, history of philosophy and religion, history of social and political thought, history of sciences and humanities, history of historiography and history of art, music and literature, and so on - that is the study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Эдиториал УРСС
научная и учебная литература

Тел./факс: 7(095)135-44-23

Тел./факс: 7(095)135-42-46

E-mail: urss@urss.ru

Каталог изданий в Internet: <http://urss.ru>

ISBN 5-8360-0009-3

- © Коллектив авторов, 2000
- © Институт всеобщей истории РАН, 2000
- © Издание: Эдиториал УРСС, 2000

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л.П.Репина

Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы

“Что такое интеллектуальная история?”. Вопрос был поставлен в заголовок моей вводной статьи к первому выпуску альманаха интеллектуальной истории далеко не случайно. Это — не игра в дефиниции. Хочу сразу же уточнить: термин “интеллектуальная история” указывает вовсе не на особое *качество* того, что выходит из-под пера ученого, который ею занимается (или считает, что занимается), а на то, что фокус исследования направлен на *один из аспектов и одну из сфер человеческой деятельности* — точно так же, как в терминах “экономическая история” или “политическая история”.

В изучении прошлого нет резких водоразделов. Названия и самоназвания всех разнообразных ветвей историографии — необходимая условность, удобная маркировка, часто — способ профессионального самоутверждения, но отнюдь не естественное размежевание неких сущностей. История — это не торт, который можно разрезать на куски и жевать каждый из них отдельно, наслаждаясь всей гаммой вкусовых ощущений, и, конечно, историк не может без ущерба для профессиональной деятельности замкнуться в своей специализации. И все же, конвенциональное разделение труда в историографии существует, более того, на каждом этапе ее развития результаты этого процесса пересматриваются и переоцениваются. Современная эпистемологическая революция, в которую история оказалась вовлечена позднее других социально-гуманитарных наук, поставила историографию в целом и ее отдельные субдисциплины в состояние активного переопределения своих методологических и содержательно-предметных оснований.

Чтобы понять всю глубину этих изменений, нужно обратиться к истории предмета. Очень долгое время (начиная с XIX в.) оба понятия — “интеллектуальная история” и “история идей” — фактически означали то же самое и связывались главным образом с историей философии. Американский философ и историк А.О.Лавджой, автор знаменитой книги “Великая цель бытия”, ставшей классикой интеллектуальной истории, отдавал приоритет термину “история идей”, что отражало специфику его оригинального подхода. Этот подход, как известно, состоял в изолировании и изучении странствующих во времени универсальных

“идей-блоков”, которые последовательно использовались как составные части, модули или монтажные узлы в сложных конструкциях самых разных учений и теорий. “История идей — писал Лавджой — имеет по большей части дело с тем же материалом, что и другие ветви истории мысли..., но она препарирует его особым образом...”¹ Аналогией этой процедуры Лавджой видел в аналитической химии — проникновение внутрь структуры и вычленение из нее составных элементов. В такой методологии истории идей крупные идейные комплексы и философские системы превращались из главного объекта внимания историка всего лишь в исходный материал для выделения тех идейных единиц, которые и были его главным предметом. Конечная цель исследования состояла в том, чтобы создать максимально полную биографию изучаемой идеи, описать ее манифестации на всех стадиях исторического развития и в разных сферах интеллектуальной жизни, будь то философия, наука, литература, искусство, религия или политика.²

Лавджой дал интересную типологию факторов, действующих в различных областях интеллектуальной жизни, среди которых необходимо отметить, во-первых, “скрытые или неявно выраженные допущения, более или менее бессознательные ментальные привычки”, убеждения, которые “скорее молчаливо подразумеваются, чем формально выражаются или отстаиваются”, “такие способы мышления, которые кажутся настолько естественными и неизменными, что они не подвергаются критическому рассмотрению”, и, во-вторых, — сложившийся именно вследствие влияния этих “мыслительных привычек” некий “логический лейтмотив”, привычный ход рассуждений, характерные логические приемы, методологические допущения, которые доминируют в мышлении индивида, философской школы, целого поколения или эпохи.³

Одной из составляющих работы историка идей Лавджой считал “философскую семантику” — изучение ключевых слов и выражений, характерных для какого-либо исторического периода или идейного течения, с тем чтобы “прояснить их двусмысленности, выявить различные смысловые оттенки и исследовать, каким образом возникающие из этих двусмысленностей неясные ассоциации влияют на развитие

¹ Lovejoy A.O. The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea. Cambridge (Mass.), 1936. Introduction. P.3.

² Лавджой включал в историю идей и историю литературы, распространяя ее сферу компетенции на изучение идей и чувств, двигавших людьми прошлых эпох, а также процессов формирования общественного мнения. Отсюда — внимание к писателям второго и третьего плана, произведения которых не представляют ценности с точки зрения современных эстетических и интеллектуальных стандартов, но могут быть так же важны, а с указанной точки зрения — даже еще более важны, чем шедевры признанных сегодня великими авторов. К тому же понять историческое место великих писателей невозможно без знакомства с их интеллектуальным окружением и общими моральными и эстетическими ценностями эпохи, а сам характер этого окружения должен быть установлен в результате исторического исследования природы и взаимосвязей тех идей, которые тогда преобладали в обществе в целом.

³ Lovejoy A.O. The Great Chain of Being... P.7-11.

доктрин или ускоряют процесс превращения одного образа мыслей в другой, возможно в противоположный".⁴ Реализация динамического потенциала истории идей предполагала решение весьма сложных задач: "понимание того, как возникают и распространяются *новые* убеждения и интеллектуальные формы, освещение психологической природы процессов, воздействующих на изменения в популярности и влиятельности тех или иных идей, выяснение — по возможности — того, как концепции, которые доминировали или преобладали в одном поколении, теряют свою власть над умами людей и уступают место другим".⁵

В программу истории идей Ладжоя был включен еще один очень важный пункт — изучение проявлений определенных идей не только в учениях или оригинальных суждениях глубоких мыслителей или выдающихся писателей, но и в коллективной мысли больших групп людей, а также исследование воздействия разных факторов на убеждения, верования, предрассудки, склонности, стремления целого поколения или многих поколений. Короче, речь идет об "идеях, которые получили широкое распространение и стали частью мыслительного инвентаря многих людей".⁶

Итак, в заявленной Лавджоем программе, которая была гораздо более сложной, чем ее часто представляют, имелись необходимые предпосылки для всеобъемлющего преобразования интеллектуальной истории. Однако, во многом предвосхитив те повороты в интеллектуальной истории, которые стали особенно заметными в последнее десятилетие, она так и не была реализована ни самим автором, ни его последователями. Более того, именно работы последних послужили основанием к тому, что под "историей идей" стали все чаще понимать изучение идей как неких автономных абстракций, имеющих внутреннюю логику развития, безотносительно к другим видам человеческой активности или к тому, что называют их "социальным контекстом" (ср. с немецкой традицией *Geistesgeschichte* или *Ideengeschichte*).

Между тем, благодаря многочисленным ученикам и основанному самим А.Лавджоем журналу "*Journal of the History of Ideas*", такой подход к истории идей доминировал несколько десятилетий. В 1960-70-е годы интеллектуальная история оказалась на обочине историографии. Ее вполне обоснованно критиковали за "интернализм" и "интеллектуализм", за сосредоточенность на теориях и доктринах и игнорирование социального контекста идей и социальных функций науки, за "буржуазную элитарность" и "пуризм", за исключительный интерес к великим мыслителям и канонам и отсутствие внимания к местным традициям и народной культуре.

⁴ Ibid., p.14.

⁵ Ibid., p.20.

⁶ Ibid., p.19.

Совершенно неудивительно и даже логично, что на следующем этапе маятник качнулся в противоположную сторону — к “истории интеллектуалов” и “социальной истории идей”, в которых акцентировалась роль социального контекста. История ментальностей и “социальная история идей” в разных ее формах сыграли решающую роль в переосмыслении и переопределении “истории идей”, которая вновь стала восприниматься как более предпочтительный термин, подразумевающий радикальное расширение предметного поля интеллектуальной истории за пределы не только “великих идей”, но и тех, которые разделились и артикулировались большими группами людей просто образованных, а фактически всех идей, которые в нем были в ходу в конкретный период или в конкретном обществе — от популярных до эрудитских.

Сегодня интеллектуальная история, отнюдь не порывая с историей идей, занимает гораздо более обширное исследовательское пространство и не является направлением, опирающимся на какую-то одну научную парадигму. Более того, нежелание ограничивать спектр возможных теоретико-методологических перспектив является вполне осознанной позицией. В частности, С.Коллини, возражая против того, что интеллектуальная история должна придерживаться какого-то одного метода или теории и иметь единый концептуальный аппарат, писал: “Мангеймовская “социология знания”, лавджоевская “история идей”, анналистская “история ментальностей”, “археология знания” Фуко — каждая из них предлагает свой собственный специальный словарь и собственную теорию как единственно возможный способ понимания мыслей прошлого и каждая из них оказывается недостаточной.”⁷

В большой мере это связано с междисциплинарным статусом интеллектуальной истории и с существующими расхождениями внутри связанных с ней дисциплин. Современная интеллектуальная история включила в себя весьма разнородные составляющие, которые до сих пор сохраняют свои “родовые” субдисциплинарные черты: речь идет не только о традиционной философски ориентированной истории идей и идейных систем, об истории естествознания и техники, об истории общественной, политической, философской, исторической мысли, которые по большей части сводились к их “внутренней истории”, отвлекаясь от изучения общеисторического контекста, но также и о той социально-интеллектуальной истории 1970–80-х гг., которая акцентировала социологический и организационный аспект познавательной деятельности. Для реализации этой программы необходимо решить трудную задачу — преодолеть разнонаправленность субдисциплинарных векторов и выбрать новую перспективу, способную их переориентировать и упорядочить, но не игнорировать.

⁷ What is History Today? / Ed. by J.Gardiner. Atlantic Highlands (N.J.), 1988. P.109

Этот процесс непосредственно связан с переосмыслением самого предмета исследования на эпистемологических и методологических принципах современного социокультурного подхода, усвоившего уроки постмодернистского вызова и предложившего ему альтернативу: в домене интеллектуальной истории все больше территорий попадает под суверенитет "новой культурной истории".

Одной из исходных предпосылок современной интеллектуальной истории является осознание неразрывной связи между историей самих идей и идейных комплексов, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой. Вспомним, что еще в 1969 г. в своей программной статье о задачах интеллектуальной истории Хейден Уайт подчеркивал, что последняя нуждается в "опоре на социальную реальность, которой ей так долго недоставало"⁸. В настоящее время принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и их отношением к абстрактной исторической "средой обитания", теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи порождаются, распространяются, извращаются, модифицируются, развиваются. В такой перспективе речь может идти о реализации проекта "новой культурно-интеллектуальной истории", которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности и процессов в сфере гуманитарного, социального и естественно-научного знания в их конкретно-историческом социокультурном контексте.

"Новая культурная история" заменяет сложившуюся в историографии 1970-80-х гг. бинарную модель культурных форм более сложной и подвижной моделью, отвергает вводящие в заблуждение дихотомии "идеи" и "чувства", "рационального" и "религиозного", "аналитического" и "символического", "интеллектуальной элиты" и "профанной массы", а с ними — жесткое противопоставление народной и ученой культуры, производства и потребления, создания и присвоения культурных смыслов и ценностей, подчеркивая активный и продуктивный характер последнего. Таким образом, с точки зрения нового подхода, человеческая субъективность выступает в ее истинной целостности, неразрывно соединяющей категории сознания и категории мышления. Именно в этом варианте культурная и интеллектуальная история — под объединяющим влиянием культурной антропологии, "лингвистического поворота" и теоретического литературоведения — как бы сливаются воедино.¹⁰ Первая фокусирует внимание на мифах, символах и статичных

⁸ White H. The Tasks of Intellectual History // *The Monist*. 1969. V. 53. № 4. P.606-630. (P.626).

⁹ Chartier R. Intellectual or Sociocultural History? The French Trajectories // *Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives* / Ed. by D. LaCapra, S.L. Kaplan. Ithaca, 1982. P.34.

¹⁰ См., в частности, такую "инвертаризацию", проведенную К.Скиннером: "Изучение великих религиозных и философских систем; изучение представлений и верований простых людей о небесах и земле, прошлом и будущем, мета-

языках, в которых люди осмыслиют свою жизнь или отдельные ее аспекты. Вторая — накладывает на эту основу творческое мышление интеллектуалов, “вышивая” по канве динамический рисунок.

Интегральная установка реализуется в существующих концепциях современной интеллектуальной истории в разной степени. Свое максималистское выражение она нашла в определении Дональда Келли: “Интеллектуальная история — это скорее не раздел истории, а способ (или способы) целостного рассмотрения прошлого человечества..., задача интеллектуального историка — изучить все области человеческого прошлого, в которых сохранились его поддающиеся расшифровке следы (как правило, письменные и изобразительные), и придать им современный смысл средствами языка”.¹¹ Но тут, безусловно, слычай экстремальный. Все это — часть истории культуры в широком смысле слова, которая создается комбинацией всех культурных форм, а не каждой из них в отдельности, что, однако, не лишает нас права (и желания) ставить вопросы и о роли отдельных форм.

Более умеренная версия опирается на конкретизацию предмета и исследовательских задач интеллектуальной истории, подчеркивая, что последняя все же сохраняет свою специфику в том, что касается ее ориентации на изучение человеческого интеллекта и интеллектуальной деятельности, а также в особом внимании к выдающимся умам прошлого и текстам “высокой культуры”. Есть и другие концепции современной интеллектуальной истории. В частности, базовой характеристикой нового подхода, под которым обычно понимают совокупность некоторых наиболее общих теоретических и методологических принципов, разделяемых сторонниками “новой интеллектуальной истории”, является признание активной роли языка, текста и нарративных структур в конструировании исторической реальности, и соответственно — предпочтение, отдаваемое анализу дискурсивной практики.

Мне представляется наиболее перспективной теоретической модель “новой культурно-интеллектуальной истории” с некоторым уточнением, касающимся преимущественного интереса собственно интеллектуальной истории к историческим категориям мышления, интеллектуальной деятельности и продуктам человеческого интеллекта, а также к историческому развитию интеллектуальной сферы (включая ее художественные, гуманитарно-социальные, натуралисти-

физике и науке; исследование позиций наших предков в отношении молодости и старения, войны и мира, любви и ненависти; раскрытие их предрассудков относительно того, что следует есть, как надо одеваться, кем надо восхищаться; анализ их предположений о здоровье и болезни, добре и зле, морали и политике, рождении и смерти — все эти и огромное множество подобных тем входят в просторную орбиту интеллектуальной истории, поскольку все они — отдельные особые случаи общего предмета, которым прежде всего занимаются интеллектуальные историки: *изучение прошлых мыслей* (курсив мой — Л.Р.).” — *What is History Today?* / Ed. by J. Gardiner. Atlantic Highlands (N.J.), 1988. P. 109.

¹¹ Kelley D.R. Prolegomena to the Study of Intellectual History // *Intellectual News*. 1996. №1. P.13-14.

ческие, философские компоненты) в рамках общекультурной парадигмы. В такой интерпретации, в исследовательское поле интеллектуальной истории может быть включен и анализ разнообразного мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации окружающей природы и социума (т.е. субъективности "интеллектуалов" разных уровней), и изучение всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с "внешним" миром культуры.

Сегодня специалисты не разделяют ни презентистской позиции в целом, ни упрощенного представления о возможности сконструировать интеллектуальную историю, как складывают из отдельных фрагментов мозаику, — из истории науки, истории политической мысли, истории философии, истории литературы и т.д., что означало бы проецирование в прошлое структуры современного интеллектуального пространства. Напротив, все больше внимания уделяется как раз тем образованиям в интеллектуальной жизни прошлого, которые впоследствии не оформились институционально, не превратились в профессиональные виды деятельности или в современные академические дисциплины. Проблемно-ориентированная интеллектуальная история стремится преодолеть оппозицию между "внешней" и "внутренней" историей идей и текстов, между их содержанием и контекстом. Например, в истории наук заметна тенденция сосредоточить внимание скорее не на доктринах и теориях, а на изучении реально стоявших перед учеными проблем (включая весь спектр конвенций, практик и стратегий, вовлеченных в их постановку и решение), раскрыть диапазон рассматриваемых ими вопросов, восстановить более общий интеллектуальный контекст, организационные структуры и структуры знания, отраженные в энциклопедиях и учебных программах.¹²

Изменения произошли и в более традиционных областях исследований. Значительное место в современной интеллектуальной истории, как и в ее предшествовавших инкарнациях в историографической традиции XIX в., занимают история философии и история политической мысли, как в жанре биографий их выдающихся представителей,¹³ так и в противоположной перспективе — в рамках историко-антропологических исследований, которые иногда называют "интеллектуальной историей снизу". Последние изучают не одни лишь "сияющие вершины", а весь разноуровневый интеллектуальный ландшафт того или иного исторического периода.

Особое внимание отводится, с одной стороны, выяснению того, какие именно из более ранних идей воспринимались и удерживались

¹² Jardine N. The Scenes of Inquiry: on the Reality of Questions in the Sciences Cambridge, 1991

¹³ Биографический подход играет важную роль в разных областях интеллектуальной истории. О специфике "персонального подхода" в современной историографии см.: Репина Л.П. "Персональная история": биография как средство исторического познания // Казус. Вып.2. М., 1999. С.76-100.

(пусть избирательно и непоследовательно) не претендующим на оригинальность массовым сознанием. А с другой стороны, исследуются пути и способы распространения новых идей, в частности через популярную литературу, прежде всего в переломные периоды. Между этими двумя перспективами остается место и для изучения "безлюдной" истории идей: например, идеи свободы, равенства, справедливости, прогресса, тирании и других ключевых понятий, и для популярного в 80-е гг. метода, ограничивающего изучение складывания той или иной интеллектуальной традиции анализом содержания наиболее влиятельных текстов, хотя эти направления подвергаются критике со всех сторон. Историки политической мысли сконцентрировали свое внимание не на идеях, текстах и традициях, а на изучении политического "языка" или "языков" (полного политического словаря того или иного периода) с целью выявить тот интеллектуальный контекст, на почве которого выросли "великие тексты" и в трансформацию которого они внесли свой вклад. Аналогичный подход к интеллектуальной истории состоит в анализе политических дискурсов.

На примере так называемой религиозной истории, которая в настоящее время выступает как одна из ветвей культурно-интеллектуальной истории, хорошо видно, как решается проблема раздела "сфер влияния" со смежными дисциплинами во всех направлениях интеллектуальной истории. "Религиозная история" — это не история церкви как института, с одной стороны, и не история официальной церковной доктрины — с другой, и даже не история ересей и религиозных сект как некая оппозиция последней, а история религиозного сознания и мышления — история разделяемых духовенством и мирянами верований и идеалов, задающих интерпретационные модели и выступающих как один из решающих факторов ориентации личностной и групповой интеллектуальной или квази-интеллектуальной деятельности. Впрочем, новые тенденции пронизывают все участки исследовательского пространства интеллектуальной истории.¹⁴

Неотъемлемая территория современной интеллектуальной истории — история знания, история науки и так называемая дисциплинарная история. В отличие от традиционной истории науки, которая была историей открытий, воплощающих прогрессивное движение человечества к познанию истины, сегодня она отказывается от интерпретации знаний прошлого исключительно с точки зрения современной научной ортодоксии. Существуют разные подходы к истории науки, но ведущая тенденция состоит в смене "интерналистского" (или сконцентрированного на самой науке) подхода более широким контекстуальным подходом, который соотносит науку с современным ей обществом. Новая

¹⁴ О новых подходах в изучении истории историографии, исторической мысли и исторического сознания см. в моей вводной статье к первому выпуску нашего альманаха: *Релина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. альманах интеллектуальной истории. Вып.1. М., 1999. С.9-11.*

историография науки рассматривает ее (и другие области знания) как одну из форм общественной деятельности и часть культуры, которая не может исследоваться в изоляции от социального, политического и других аспектов интеллектуальной истории.

Произошла легитимизация не только социальной, но и "культурной истории" науки, важнейшей предпосылкой которой является признание культурно-исторической детерминированности представления о "науке" и "псевдо-науке", о том, чем отличается знание "естественное", или "научное" от "социального" и "культурного".

Хотя история естествознания и техники, оставаясь чрезмерно специализированной, сохраняет инерцию "автономного плавания", она (по крайней мере, в одном из своих направлений) наряду с историей социального и гуманитарного знания, составляет важную часть интеллектуальной истории. Именно интеллектуальная история ориентирована на реконструкцию исторического прошлого каждой из областей и форм знания (включая знания до-научные и паранаучные, религиозные, эстетические) как части целостной интеллектуальной системы, переживающей со временем неизбежную трансформацию. Она также призвана выявлять исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания, изучать процессы становления и развития научной картины мира, стиля мышления, средств и форм научного исследования — в общем контексте духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи.

Нынешняя историографическая ситуация не просто возродила интеллектуальную историю: она качественно изменила свою проблематику. Ее отличия от других областей историографии лежат не в исключительном обладании особым корпусом исторических свидетельств или набором методов, а в том аспекте прошлого, который она ставит своей целью осветить. Если формулировать в самом общем виде, то с точки зрения внутривидового разделения труда *роль интеллектуальной истории состоит в приоритетном изучении когнитивного и рефлексивного аспектов прошлого человеческого опыта.*

ИДЕЯ ИМПЕРИИ

Балакин В.Д.

Средневековая Римская империя: идея и реальность

В середине X в. идея возрождения империи на Западе витала в воздухе. Возникшая в результате коронации Карла Великого на Рождество 800 г. в Риме, она к тому времени уже совершенно угасла, однако память о ней, так же как и о Древней Римской империи, продолжала жить. Наиболее реальным претендентом на титул императора был король Германии Оттон I (936-973). Триумфальная победа немецкого войска над вторгшимися в страну ордами кочевников-мадьяр, одержанная 10 августа 955 г. на берегу реки Лех близ Аугсбурга, недосыгаемо возвысила его авторитет не только в Германии, но и среди правителей других государств.¹ Видукинд Корвейский, в своей истории племени саксов подробно описавший эту битву, резюмирует: "Король снискал славу благодаря замечательной победе, и войско провозгласило его отцом отечества и императором".² Далее в своей хронике он называет Оттона I исключительно императором.

Тогда для многих, особенно в Саксонии, титул императора ассоциировался с триумфальной победой на поле брани (по аналогии с древнеримскими временами, когда солдаты на поле победной битвы провозглашали императором своего полководца), а не с коронацией в Риме.³ Иного мнения придерживался сам Оттон I. Он не стремился стать солдатским императором. Для него победа 955 г. была важным этапом на пути к императорской короне, но имперская идея в собст-

¹ В хронике "Продолжатель Регинона" читаем: "Венгры... потерпели от королевского войска у реки Лех столь сокрушительное поражение, что никогда еще прежде наши не имели такой победы и не слышали о ней". — *Continuator Reginonis* a. 955: "Ungarii ... ab exercitu regis apud Lichum fluvium tanta caede prostrati sunt, ut numquam ante apud nostrates victoria talis audiretur aut fieret." — *Monumenta Germaniae Historica. Series scriptorum*, t.I (MGH SS I).

² *Widukindi rerum gestarum Saxonicarum libri III. Lib.III. C.49 (Wid. III, 49):* "Triumpho celebri rex factus gloriosus, ab exercitu pater patriae imperatorque appellatus est". Здесь и далее мы даем собственный перевод хроники Видукинда, поскольку качество ее публикации на русском языке (*Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975*), нас во многом не устраивает.

³ Литературная традиция Римской империи в Западной Европе никогда не прерывалась. Опираясь на хроники Евсевия-Иеронима, Орозия и Евтропия, многочисленные исторические труды в средние века рассказывали о военных победах римлян и о провозглашении полководцев императорами. См.: *Grundmann H. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1978, passim.*

венном смысле слова связывалась с Италией и получением императорского достоинства от папы в Риме. Будучи глубоко религиозным человеком, он хотел быть христианским императором, возглавить с благословения папы "христианскую империю". Любая другая имперская идея в Европе того времени была бесперспективна, не давала преимуществ перед другими королями. Союз Оттона I с церковью и франко-имперская традиция указывали ему путь в Италию.

Оттон I совершенно сознательно решил продолжать каролингскую традицию, полагая, что его королевство, а затем империя, являются наследниками империи Карла Великого, столицу которого город Ахен он, вступая в 936 г. на королевский престол Германии, избрал местом собственной коронации, дабы открыто продемонстрировать свое намерение.⁴ Ахенская коронация явилась выражением великой идеи империи. Однако пройдет еще немало времени, прежде чем Оттону I удастся ее реализовать. После победы над венграми на берегу реки Лех он занял доминирующее положение в системе европейских государств, получившее название "империальной королевской власти",⁵ т.е. сопоставимой с императорской. Теперь он обладал очевидным перевесом над королями Франции, Бургундии и Италии, успешно защищая границы западного христианского мира от языческих племен на севере и востоке и исполняя почетную миссию по распространению христианской веры. Словом, он мог чувствовать себя главой "христианской империи", некогда возглавлявшейся Карлом Великим.

Давний замысел Оттона I осуществился 2 февраля 962 г., когда он был увенчан в Риме в храме Св.Петра императорской короной, что знаменовало собой возрождение средневековой Римской империи, которая с середины XII в. стала именоваться Священной и рассматривалась ее творцами как продолжение Каролингской и Древней Римской империй.⁶ Возрождение Западной империи, просуществовавшей, непрерывно видоизменяясь, вплоть до 1806 г., явилось одним из важнейших событий в истории Европы, имевшим далеко идущие последствия. Поскольку Римская империя в средние века считалась последним из всемирных царств, гибель которого означала пришествие Антихриста и наступление Страшного Суда, ее существование всячески старались продлить. Благодаря своему включению в священную исто-

⁴ О программном значении торжеств в Ахене по поводу коронации Оттона I хорошо сказал В.Шлезингер: "День Ахена явился новым началом, прежде всего в смысле сознательной преемственности с империей Карла Великого. В тот день было указано направление развития немецкой истории надолго вперед". — *Schlesinger W. Die Anfänge der deutschen Königswahl // Ders.: Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd.I. Göttingen, 1963. S.167.*

⁵ *Beumann H. Das imperiale Königtum im 10. Jahrhundert // Ders.: Wissenschaft vom Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Köln, 1972. S.241-254.*

⁶ Литература по этому вопросу огромна. См., в частности: *Beumann H., Büttner H. Das Kaisertum Ottos des Grossen. Zwei Vorträge. München, 1962; Beumann H. Die Ottonen. Stuttgart, 1991.* См. также: *Балакин В.Д. Происхождение Священной Римской империи // Вопросы истории. 1998. №10. С.144-149.*

рию христианства, Римская империя обрела особое достоинство. Унаследованная от античности идея всемирного господства империи тесно переплелась с притязаниями папства на примат в христианском мире. Власть императора, по самой своей идее была универсальной, однако в реальности императоры Священной Римской империи повелевали только Германией, большей частью Италии и Бургундией. Поскольку же носителями императорской власти были немцы, средневековая западноевропейская империя называется также Римско-германской империей.

Как проблема Священной Римской империи в целом, так и отдельные ее аспекты издавна привлекали к себе внимание исследователей. И по вопросу об идее империи, унаследованной от античности и пронесенной через всё Средневековье, имеется ряд работ,⁷ однако расхождения во взглядах и выводах исследователей слишком велики, чтобы на сегодняшний день считать эту тему закрытой. Не претендуя на исчерпывающее решение вопроса, тем более в рамках одной статьи, мы все же попытаемся дать собственное видение проблемы.

Священная Римская империя в значительной мере представляла собой дань традиции, попытку воскресить былую славу. Ее даже невозможно рассматривать как государство в общепринятом смысле этого слова. Воплотив в себе определенную систему идей, средневековая империя являлась, по своей внутренней природе, синтезом римских и германских элементов, породившим новую цивилизацию.

В Римской империи до нашествия варваров все этнические и религиозные различия отступили на второй план перед идеей общей для всех монархии. Сама идея универсализма империи уходит корнями в эпоху эллинизма. Греческие философы, и особенно стоики, делали акцент на понятии человеческой общности, причастной к всемирному разуму. Для стоицизма с его доктриной универсальной системы природы второстепенные различия между людьми представлялись не имеющими значения. Под впечатлением от завоеваний Александра Македонского стоики подчеркивали всемирную миссию греческой цивилизации, занимавшей территорию ойкумены, за пределами которой царит варварство. Позднее именно греки, начиная со II в. до н.э., стали отождествлять Римское государство с ойкуменой, полагая, что завоевания

⁷ Прежде всего следует упомянуть уже ставший классическим труд Дж.Брайса, в котором уделяется много внимания анализу идей, питавших средневековую империю: *Bryce J. The Holy Roman Empire. A new ed. L., 1906* (рус.пер.: *Брайс Дж. Священная Римская империя. М., 1891*). Обзор идейного содержания империи, однако без детального анализа источников, посвящена книга Р.Фольца: *Folz R. L'idée d' Empire en occident du V au XIV siècle. P., 1953*. Идея Рима в средние века рассматривается в часто цитируемой работе П.Э.Шрамма: *Schramm P.E. Kaiser, Rom und Renovatio. Bd.I-II. Leipzig, 1929*. В этом далеко не полном перечне следует также упомянуть: *Erdmann C. Forschungen zur politischen Ideenwelt des Frühmittelalters. Berlin, 1951*; *Heer F. Das Heilige Römische Reich. Bern, 1967*; *Stengel E.E. Abhandlungen und Untersuchungen zur Geschichte des Kaisergedankens im Mittelalter. Köln, 1965*.

римлян реализуют единство цивилизованных народов. Целью Римской империи и оправданием ее существования, считалось установление мира, порядка и справедливости. Под влиянием этих идей понятия “весь мир” (*orbis ferrarum*) и “империя” стали тождественны.

После того, как Константин Великий перенес свою резиденцию из Рима в Византий, императорская власть перестала быть связанной с городом, создавшим ее. Благодаря этому идея римской монархии стала более универсальной, поскольку, утратив свой территориальный центр, она продолжала существовать не только по историческому праву, но и как часть мироздания, которое не может быть поколеблено изменением внешних условий. Отныне идее Римской империи не могло причинить ущерб даже падение самого Рима.

Эта идея империи — очага и рамок цивилизации — была усвоена, сохранена и возвеличена христианством. Церковь, требуя строгого единообразия в вероучении и организации, поддерживала и чувство единства римского народа по всему миру. Границы христианства и цивилизации совпадали с пределами Римской империи. Связь с христианством сделала ее всеобъемлющей и священной. Две идеи придавали империи особую стойкость и силу. Во-первых, вера в то, что господство Рима, будучи всемирным, должно быть и вечным. После признания христианства официальной религией церковь, становясь все сильнее, давала новую жизнь и идее империи, клонившейся к упадку. Во-вторых, связь Римского государства с единоличным правителем — императором и святость императорского имени. Со времен Цезаря и Августа, когда император принял сан верховного жреца, его личность стала священной. Идеи всемирной монархии и мировой религии античность завещала средним векам. Благодаря духовенству, хранителю древней учености, уцелела и идея всемирного светского государства. Церковнослужители сами были римлянами, жили по римскому праву, пользовались латинским языком как родным и были убеждены, что сохранение идеи всемирного государства необходимо для их собственного благополучия. В течение многих поколений они были пропагандистами идеи исторической связи двух властей — светской и духовной.

Христианство и Рим первоначально противостояли друг другу, но с конца II в. империя перестала быть для христиан объектом враждебности. За нее стали молиться как за элемент Божественного Промысла. Она рассматривалась как четвертая и последняя из монархий пророка Даниила, коему привиделся во сне “зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него — большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами” (*Дан. 7,7*).⁸ Четвер-

⁸ *Dan. 7,7*: “Post haec aspiciebam in visione noctis, et ecce bestia quarta terribilis atque mirabilis et fortis nimis, dentes ferreos habebat magnos comedens atque comminuens et reliqua pedibus suis concalcans”. В средние века люди читали именно этот латинский текст “Вульгаты”, перевод с древнееврейского, выплывший в конце IV в. св.Иеронимом. Свое сновидение Даниил истолковал следующим образом: “Зверь четвертый — четвертое царство будет на земле, от-

тое царство пророка Даниила в раннехристианской традиции и стало отождествляться с Римской империей.⁹ Теологи и историки спорили о сроках этого четвертого царства, но все же возобладало мнение св.Иеронима, полагавшего, что, согласно пророчеству Даниила, Римская империя просуществует до Страшного суда.¹⁰

Со времен императора Константина Великого и признания христианства государственной религией, понятия "христианский мир" (*orbis christianus*) и "римский мир" (*orbis romanus*) стали тождественны. Инструментом утверждения и пропаганды идеи римского и христианского универсализма стала литургия. Наиболее древние из дошедших до нас требников (IV в.) сохранили молитвы за империю и императора. К их числу относится и читавшаяся в Страстную Пятницу молитва за императора о том, чтобы Господь Бог покорил его власти все варварские народы ради вечного мира, чтобы он явил свою милость к Римской империи, обуздав дикость варваров.¹¹ Здесь смешаны понятия римские и христианские: Бог — защитник империи, через которую он гарантирует мир и безопасность верующим в него.

История взаимоотношений между империей и церковью — история двух учреждений, изначально независимых друг от друга, но позднее пронизавших друг друга. Если империя возникла раньше церкви, зародившейся в ее недрах и многое перенявшей от нее для собственной организации, то церковь, начиная с IV в., пропитывает империю своим духом и упрочивает собственную независимость. Обеспечение гармо-

личное от всех царств, которое будет пожирать всю землю, попирает и сокрушать ее" (*Дан 7, 23*). — *Дан. 7, 23*: "Bestia quarta regnum quartum erit in terra, quod maius erit omnibus regnis et devorabit universam terram et conculcabit et comminuet eam".

⁹ Вскоре это представление широко распространилось благодаря комментарию св.Иеронима: "Царство же четвертое, очевидным образом относящееся к римлянам, железное, всё сокрушает и попирает" (к *Дан. 2, 40*); "Четвертое царство, кое ныне владеет миром, есть Римская империя" (к *Дан. 7, 7*). — *Migne PL*, 25. Col.504: "Regnum autem quartum, quod perspicue pertinet ad Romanos, ferreum est, quod comminuit et domat omnia" (ad *Dan. 2, 40*); "Quartum, quod nunc orbem tenet terrarum, imperium Romanorum est" (ad *Dan. 7, 7*).

¹⁰ Об этой полемике см.: *Grundmann H. Die Grundzüge der mittelalterlichen Geschichtsanschauungen // Archiv für Kulturgeschichte, Bd.24, 1934. S.326 ff.*; *Brincken A.-D. Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. 1957. S.47 f.* Особое мнение М.Линцеля состоит в том, что на людей X в., в частности, на Оттона I, пророчество Даниила не оказывало сильного воздействия нет свидетельств о том, что немецкий король стремился восстановить империю, дабы отворотить пришествие Антихриста. — *Lintzel M. Die Kaiserpolitik Ottos des Großen // Ders.: Ausgewählte Schriften, Bd.2. Berlin, 1961. S.163.*

¹¹ *Tellenbach G. Römischer und christlicher Reichsgedanke in der Liturgie des frühen Mittelalters. Heidelberg, 1934. Nr.1*: "Oremus et pro christianissimo imperatore nostro, ut deus et dominus noster subditas illi faciat omnes barbaras nationes ad nostram perpetuam pacem. Omnipotens sempiterna deus, in cuius manu sunt omnium potestates et omnia iura regnorum, respice ad Romanum benignus imperium, ut gentes, quae in sua feritate confidunt, potentiae tuae dextera comprimantur".

нии между ними требовало взаимного признания прерогатив каждой из них: империи — в мирских делах, церкви — в духовной сфере.

Поскольку на практике это абсолютное разделение не соблюдалось, пытались регулировать взаимоотношения империи и церкви с помощью учения о двух властях, восходящего к папе Геласию I (492-496). Согласно ему, миром правят две главные власти: священный авторитет пап и королевская (императорская) власть. Это было учение о двух мечях, духовном и светском, о соотношении папства и империи как солнца и луны, души и тела. Спустя век, когда Западная империя при Юстиниане I опять из идеи воплотилась в реальность, папа Григорий I (590-604) уточнил характер этих двух властей: Римская империя остается политическим выражением христианского универсализма; империя — “христианская империя” (*christianum imperium*), “священное государство” (*sancta respublica*), и ее существование продлится до светопреставления. Он даже говорит о божественном происхождении империи, вменяя ей в обязанность заботу о христианстве, обеспечение мира в церкви и распространение христианской веры среди язычников. У церкви более обширное поле деятельности, включающее в себя и народы, не входящие в состав империи; эта чисто духовная сфера должна управляться папой — преемником Доброго Пастыря. Папа и император — органы одного тела. Конечную цель империи Григорий I усматривал в том, чтобы “земное царство служило царству небесному” (так называемая служебная концепция христианской империи).¹²

Духовный глава христианского мира не мог обойтись без светского главы. Без Римской империи не могло быть римской католической церкви. Невозможно было разделить то, что было нерасторжимо в идее: христианство, казалось, будет существовать, пока существует великое христианское государство. После падения Западной Римской империи в 476 г. произошло как бы воссоединение половин некогда единой державы: Одоакр, свергший Ромула Августула, отправил императорские инсигнии византийскому василевсу Зенону, получив от него титул патриция и поручение управлять западными провинциями. И западное духовенство во главе с папой римским признало над собой власть правителя Византии, который официально считался римским императором. Таким образом, и в условиях, когда происходило раздробление реальной светской власти, западное духовенство сохранило приверженность идее всемирной империи, заявляющей о своих универсалистских притязаниях. Однако византийский император, поглощенный собственными проблемами и все больше отчуждавшийся от Запада, не мог быть для него подлинным главой и покровителем.¹³

¹² MGH Epist., I Nr.6: “terrestre regnum caelesti regno famuletur”; Levison W. Die mittelalterliche Lehre von den beiden Schwertern // Deutsches Archiv, Bd.IX, 1952. S.14-42; Arquilliere H.-X. L' Augustinisme politique. P., 1934. P.75.

¹³ Его более высокий ранг признавался правителями варварских королевств, но императорское верховенство становилось все более эфемерным.

И в литургии VI-VII вв., когда от Римской империи мало что осталось, продолжало сохраняться идеальное представление о ней: к Богу, покровительствующему всем государствам, а особенно Римской империи, обращаются с молитвой, чтобы власть ее правителей превалировала повсюду.¹⁴ В рамках римской имперской идеи остается и написанный в эпоху Меровингов трактат, в котором излагается иерархическая структура государственного управления, целая пирамида римских должностей (*gradus Romanorum*): император, король, патриций и т.д., а также дается определение императора: "Императором является обладающий наивысшей во всем мире властью, в подчинении которого находятся правители прочих государств, называемые не императорами, но королями".¹⁵ Император может быть только один, и власть его должна распространяться на весь мир. Всё сказанное могло относиться только к римскому императору, но определение не содержало на это прямого указания. Императорское достоинство, в принципе, уже не связывалось с Римом, а служило лишь выражением супрематии, и правитель, не связанный с Римом, мог получить императорский титул, свидетельствующий о его универсальном верховенстве.

Представляет интерес вопрос о том, как относились к этой идее франки, занявшие доминирующее положение в Европе, особенно при Карле Великом. Поскольку франки включали завоеванные территории непосредственно в состав своего государства, их король являлся не верховным сюзереном подвластных ему королей, а повелителем многих народов, занимая, таким образом, положение, подобное императорскому. Тем не менее государство называлось Франкским королевством (*regnum Francorum*), а не империей. Понятие "империя" у франков внедрялось труднее, чем у англосаксов, у которых с VII в. бретвальду, возвысившегося в качестве верховного правителя над несколькими королевствами, авторы, писавшие по-латыни, называли императором (*imperator*), возможно, в память о некогда существовавших в Британии провинциальных римских императорах, не претендовавших на универсальную власть в рамках всей Римской империи. Здесь мы имеем дело с германской идеей гегемониальной верховной власти, обретенной благодаря одержанной в войне победе. Разумеется, бретвальду можно было называть императором лишь по аналогии, и этот титул, очевидно, именно так и понимался, поскольку средневековый автор, писавший по-латыни, был вынужден передавать современные ему понятия аналогичными латинскими терминами. Таким образом, и бретвальда, именуемый императором, имеет, несмотря на свою не-

¹⁴ Tellenbach G. Op.cit. Nr.3: "Deus regnorum omnium et Romani maxime protector imperii"; Nr.7: "Deus servientium tibi fortitudo regnorum, propitius Romani nominis esto principibus, ut ... eorum ubique excellentior sit potestas".

¹⁵ Baesecke G. Die gradus Romanorum // Festschrift R. Holtzmann. Leipzig, 1933. S.5: "Imperator, cuius regnum procellit in toto orbe, et sub eo reges aliorum regnorum, et non imperatores, sed reges nominantur".

римскую, неуниверсалистскую природу, римские корни, в терминологическом отношении примыкая к римской традиции.

У франков употребление по аналогии термина “император” можно встретить в литургии: древнеримскую молитву за императора по случаю Страстной Пятницы переносили на франкского короля, употребляя выражение “император или король” (*imperator vel rex*) и заменяя в тексте название “Римская империя” на “Римская или Франкская империя” (*Romanum sive Francorum imperium*).¹⁶ При этом франки, молясь за “всехристианнейшего императора или короля”, ставили собственного короля на место императора, так что одновременное употребление обоих титулов представлялось уместным. Молитва за “Римскую, или Франкскую империю”, уподобление Франкского королевства Римской империи, делали возможным восприятие франками идеи Рима — притязания на Рим с целью оправдания универсалистских политических устремлений, выходящих за рамки простой гегемонии. В этом, как и во многих других отношениях, славное прошлое Рима служило в средние века ориентиром. Восприятие римской идеи означало обретение перспективной политической программы.¹⁷ Даже если сравнение с римлянами служило франкам для прославления собственного народа,¹⁸ Рим оставался для них эталоном.¹⁹

Усвоению франками римской идеи способствовало и их сближение с папством. Первый важный шаг на этом пути сделал в 751 г. майордом Пипин Короткий. Желая узаконить совершенный им государственный переворот, отстранение от власти последнего представителя Меровингской династии, он направил в Рим к папе Захарию запрос о том, кому должна принадлежать королевская корона: тому, у кого титул, или тому, кто обладает реальной властью. Как и надеялся Пипин, папа, рассчитывавший найти защитника в лице сильного франкского правителя, ответил, что ради поддержания порядка будет лучше, чтобы королем назывался тот, кто имеет власть.²⁰ Противопоставление фактической власти и королевского титула, лишённого реального содержания, обогатило арсенал политических идей Каролингской эпохи идеей императорского достоинства, независимого от внешнего авторитета или пожалования и основанного на собственных успехах.²¹

¹⁶ Tellenbach G. Op. cit. Nr 1-2; S.20, 31.

¹⁷ Schramm P.E. Op. cit. S.4-9.

¹⁸ “Слава Христу, возлюбившему франков!.. Ибо это есть храброе и сильное племя, которое оружием свергло с себя тяжчайшее иго римлян, познав святость крещения, щедро украсило золотом и драгоценными камнями тела святых мучеников, которых римляне сожгли огнем, убили или изувечили железом, или бросили на растерзание диким зверям.” — Салическая правда / Пер. Н.П. Грацианского. М., 1950. Пролог I. С.87.

¹⁹ Freil E. Die fränkische und deutsche Romidee des frühen Mittelalters. München, 1929. S.96

²⁰ Annales Fuldenses sive annales regni Francorum orientalis // Ed. F.Kurze. Hannover, 1993, a.a.751: “ut melius esset illum regem vocari, qui potestatem haberet, quam illum, qui sine regali potestate manebat; ut non conturbaretur ordo”.

²¹ Beumann H. Nomen imperatoris // Historische Zeitschrift, Bd.185, 1958. S.525 ff.

При сыне Пипина, Карле Великом, эта функция защитника церкви стала пониматься как светское и одновременно духовное господство над "христианской империей". Так слово "империя" стало усваиваться в окружении Карла Великого еще до его императорской коронации в 800 г. Понятие "христианская империя" возникло в период христианизации Римской империи, но затем постепенно утратило связь с ней, всё более приобретая духовное, идеальное значение. Ассоциируясь с Царством Божиим, оно не имело политического смысла до тех пор, пока попечительство над "христианской империей" не было поручено Карлу Великому, т.е. пока на Западе не была учреждена империя, воспринимавшаяся как продолжение Древней Римской империи. В 798 г. англосаксонский монах Алкуин, на протяжении многих лет состоявший при Карле в качестве советника и придворного ученого, а затем получивший за свою службу должность епископа Турского, писал ему о необходимости борьбы против ереси адоптианизма с тем, "чтобы эта нечестивая ересь всячески истреблялась, прежде чем она распространится во все пределы христианской империи, которую Божья милость поручила тебе и твоим сыновьям для попечительства и управления".²²

Таким образом в Карле Великом видели правителя, достойного властвовать в пределах всей христианской ойкумены, защищать это всемирное государство и его католическую (т.е. мировую) религию. Время диктовало потребность в наведении строгого и прочного порядка как в мирских делах, так и в вопросах веры, и потому всемирное государство могло быть только монархией. Не прерывавшаяся традиция, равно как и сохранение части античных учреждений, подсказывали, что во главе этой монархии должен быть римский император.²³ На его месте не мог быть король, поскольку существовало много королей, император же рассматривался как универсальный суверен, повелитель всего цивилизованного мира. Ему отводилось место рядом с духовным

²² MGH *Epistolae*. Vol.IV, Nr.148: "quatenus haec impia heresis omnimodis extingatur, antequam latius spargatur per orbem christiani imperii, quod divina pietas tibi tuisque filiis commisit regendum atque gubernandum". На следующий год в письме Карлу Алкуин сообщает, что молится за то, "чтобы через ваше процветание охранялась христианская империя, защищалась католическая вера, всем стал ведом закон правосудия". — *Ibid.*, Nr.177: "quatenus per vestram prosperitatem christianum tueatur imperium, fides catholica defendatur, iustitiae regula omnibus innotescat".

²³ Свидетельство того, что только за римским императором признавалось достоинство высшего светского правителя, мы находим в приведенном в "Хронике Салерно" письме императора Людовика II византийскому императору Василию: "Ты удивляешься, любезный брат, что мы называем себя императорами не франков, а римлян; но тебе должно знать, что если бы мы не были императорами римлян, то не были бы и императорами франков. Ибо от римлян восприняли мы это название и достоинство, у которых впервые просияла вершина такого величия". — MGH *SS III. Chronicon Salernitanum*. C.106: "Praeterea mirari se dilecta fraternitas tua quod non Francorum set Romanorum imperatores nos appellemus; set scire te convenit quia nisi Romanorum imperatores essemus, utique nec Francorum. A Romanis enim hoc nomen et dignitatem assumpsimus, apud quos profecto primum tantae culmen sublimitatis effulsit".

вождем христианства. Функции императора выводились из главного принципа средневековой политической теологии — точного соответствия земли и неба: Бог на небе являлся “императором небесным” (*imperator coelestis*), а на земле должен быть его представителем “император земной” (*imperator terrenus*).

“Христианская империя”, по Алкуину, должна была включать в себя всю христианскую ойкумену, в том числе и Византию, поскольку там в 797 г. произошел государственный переворот: император Константин VI был свергнут своей матерью Ириной, объявившей себя правительницей империи. Однако на Западе женщина в таком качестве не могла быть признана, а посему византийский престол рассматривался как вакантный. Таким образом, Карла Великого прочили на место правителя всей Римской империи, которая, как полагали, возродилась бы в своем некогда существовавшем единстве и величии. И все же авторам сего замечательного проекта предстояло еще преодолеть серьезное препятствие. Дело в том, что сам Карл с трудом воспринимал идею Римской империи, а поначалу и прямо отвергал ее. Она казалась ему слишком безбожной, языческой. Эти его представления нашли свое выражение в трактате “Карловы книги” (*Libri Carolini*), сочиненном в 792 г., обличительный пафос которого был направлен против Византии. Она тогда в реальности олицетворяла собой Римскую империю, и царившие в ней порядки, прежде всего иконоборчество, воспринимавшееся на Западе как особенно вредная ересь, претили Карлу Великому. Резкие выпады в адрес Византии представляли собой, по сути дела, критику империи вообще, императорской власти как таковой: Римская империя подвергается поношениям, сравнивается с жестоким и кровожадным четвертым зверем из пророчества Даниила, ей вменяется в вину вавилонское идолопоклонство; византийский правитель удостоивается лишь королевского, а отнюдь не императорского титула (*rex*).²⁴ Верховенству императора и римской имперской идее отказано в признании. Но, с другой стороны, совершенно в категориях “римского мира” (*orbis Romanus*) Карл заявляет о своих притязаниях на роль защитника Запада от Востока, подчеркивая превосходство в духовном отношении римской церкви.²⁵ В самом заголовке трактата он, принимая административно-территориальное деление Римской империи, объявляет себя, короля франков, также и правителем Галлии, Германии, Италии и соседних провинций.²⁶

²⁴ MGH Legum Sectio 3. Concilia. T.2. Supplementum. Libri Carolini. Hannover, 1893. Praefatio: “rex eorum Constantinus”; I, 1-4; II, 19; III, 15; IV, 20. Относительно выражения в этом трактате взглядов Карла Великого см.: Steinen W. Karl der Große und die Libri Carolini // Neues Archiv, Bd.49, 1932. S. 251-278.

²⁵ Ibid. Praef.: “orientali de parte venientem hostem occidua in parte per nos favente deo adlata sanctorum patrum sententia feriat”; I, 6.

²⁶ “Incipit opus... Caroli nutu Dei regis Francorum, Gallias Germaniam Italiamque sive harum finitimas provintias Domino opitulante regentis...”

Правда, здесь Карл еще не приходит к имперской идее, не претендует на универсальное верховенство среди прочих правителей. Собственно, он и не мог претендовать на это, пока в Константинополе правили василевсы, именовавшие себя римскими императорами. Ситуация изменилась в 797 г., когда на византийском престоле оказалась женщина. Теперь Карл, в принципе, мог заявить о своих универсалистских притязаниях. Это стало возможным в 799 г., когда папа Лев III был изгнан из Рима. Тогда Алкуин и написал, что из трех наивысших мировых авторитетов, папы римского, византийского императора и короля Карла, остался только третий, наиболее могущественный, мудрый и достойный среди них, единственный оплот церкви.²⁷

Карл находился в саксонском городе Падерборне, когда летом 799 г. к нему прибыл бежавший от врагов папа Лев III. О переговорах папы с королем и о принятых ими решениях красочно и подробно рассказывается в так называемом Падерборнском эпосе — стихотворном панегирическом сочинении “Карл Великий и папа Лев”.²⁸ Это произведение возникло в окружении Карла и сообщает ценные сведения об идеях, обсуждавшихся тогда при его дворе, в частности, о зарождении так называемой ахенской имперской идеи. Король франков и папа римский предстают как два верховных главы,²⁹ причем если верховенство в мире папы принимается как нечто само собой разумеющееся, то восхвалению Карла посвящено всё начало поэмы (стихи 13-96): он превосходит добротой всех королей, он, наивысший из них, справедливее и могущественнее всех, он — глава мира, вершина Европы, с которым никто не сравнится даже в искусствах и науках.³⁰ Примечательно, что в этом многословном панегирике встречается почти буквальное совпадение с определением императора в уже рассматривавшемся нами трактате о римских государственных должностях: Карл вершиной своей империи возвышается над прочими королями.³¹

Надо думать, слово “империя” здесь употреблено не случайно, дабы обозначить власть, превышающую простое королевское верховенство. Еще не встречается слово “император”, однако оно вполне заменяется равнозначным обозначением *augustus*: “Достопочтенная вершина Европы, всеблагий отец, герой, Август, владеющий также и градом, где второй великий Рим поднимается новым замечательным

²⁷ MGH Epp.4. Nr.174.

²⁸ “Karolus Magnus et Leo papa” // MGH Poetae. Vol.I. P.366-379.

²⁹ Ibid.: “Rex pater Europae et summus Leo pastor in orbe”.

³⁰ Ibid. Versus 28-93: “Rex cunctos superat reges bonitate per orbem, Justior est cunctis cunctisque potentior exstat; Summus apex regum; caput orbis; Europae venerandus apex; cunctis praefertur in arte magistris...”

³¹ Ibid. Versus 86 f.: “Scilicet imperii ut quantum rex culmine reges Excellit, tantum cunctis praeponeitur arte”. В трактате о должностях говорится: “Императором является обладающий наивысшей во всем мире властью, в подчинении которого находятся правители прочих государств”. — Baesecke S. Die gradus Romanorum. S.5: “Imperator, cuius regnum procellit in toto orbe, et sub eo reges aliorum regnorum”.

цветком".³² Под вторым или "грядущим Римом"³³ подразумевался Ахен, возводившийся в те годы Карлом Великим в качестве своей резиденции, которая, таким образом, должна была стать императорской резиденцией. "Падерборнский эпос" ставит на место Византии с ее Новым Римом (Константинополем) Ахен в качестве столицы будущей империи Карла Великого. Здесь, определенно, речь уже идет об идее империи, получившей в литературе название "ахенской имперской идеи",³⁴ предполагавшей возрождение на Западе Европы империи, не связанной с Римом. Однако и эта "неримская" Ахенская империя Карла Великого наполовину оставалась римской, возникнув в качестве филиации идеи римской империи, не будучи чисто германской по своему происхождению. Ахенская имперская идея, благодаря сохранению римского названия и притязаниям на универсальное господство, была гораздо ближе к римской, чем британская (бретвальда-император, повелевающий несколькими англосаксонскими королевствами).

Такая идея империи едва ли могла устроить папу Льва III, прибывшего к франкам с просьбой о помощи. Его целью было создание универсальной Римской империи, направленной против Византии, а возможно даже и способной поглотить ее. Так возникли две концепции империи: франкская, или императорская, Карла Великого и римская, или куриальная, отвечавшая интересам папы. Король франков оказался перед трудным выбором: если неукоснительно придерживаться ахенской идеи, то нечем было обосновать притязания на универсальное верховенство в христианском мире — его власть оставалась бы в этом случае гегемониальной, квази-императорской, какой обладал и англосаксонский бретвальда³⁵; с другой стороны, принятие римско-куриальной идеи было бы ударом по самолюбию франков, не потерпевших бы такого унижения, чтобы высшее достоинство светского правителя было пожаловано духовным главой Запада.

³² "Karolus Magnus..." Versus 93 f.: "Europae venerandus apex, pater optimus, heros, Augustus, sed et urbe potens, ubi Roma secunda Flore novo, ingenti, magna consurgit". В то время хорошо знали, что слова "augustus" и "imperator" являются синонимами, о чем дополнительно должно было свидетельствовать упоминание "города", коему прочили славу нового Рима.

³³ Ibid. Versus 98: "Altaque disponens venturae moenia Romae".

³⁴ Lintzel M. Das abendländische Kaisertum im 9. Und 10. Jahrhundert // Die Welt als Geschichte. Bd.4, 1938. S.429 ff.; Erdmann C. Op.cit. S.21-23; Beumann H. Nomen imperatoris // Historische Zeitschrift. Bd.185, 1958. S.518-530; Ders. Das Kaisertum Ottos des Großen // Historische Zeitschrift. Bd.195, 1962. S.546-548.

³⁵ Источники, в частности и биограф Карла Великого Эйнгард, сообщают о фантастическом проекте поселения папы римского в Ахене, для чего рядом с Ахенской капеллой был возведен "дом понтифика" (*domus pontificis*), называвшийся по аналогии с римской резиденцией пап Латераном. Тем самым у Ахена появилось бы еще больше оснований называться "Новым Римом" (см.: Beumann H. Das Kaisertum Ottos des Großen. S.548). Однако это "ахенское пленение пап", скорее всего, не прибавило бы авторитета империи Карла, оказавшись губительным для духовной власти главы западного христианства, как это в действительности было в период "авиньонского пленения пап" в XIV в.

И всё же Карл отправился в Рим, где на Рождество 800 г. состоялась его императорская коронация. Это событие, бесспорно, одно из важнейших в истории Европы, поставило перед историками, возможно, неразрешимую задачу, обрекая их на бесконечные интерпретации противоречивых сообщений источников. Разумеется, Карл прибыл в Рим добровольно (кто смог бы принудить его к этому?) с целью обретения императорского достоинства при содействии папы римского, роль и значение которого он не склонен был приуменьшать: ведь и его отец, Пипин Короткий, принял королевскую корону с благословения римского первосвященника, а затем и сам он, и его сыновья подверглись обряду помазания, совершенному папой. Однако события, очевидно, стали развиваться не так, как было предусмотрено предварительным соглашением между франкским королем и папой римским. По мнению Г.Телленбаха, Карл Великий был захвачен врасплох, когда папа возложил ему на голову императорскую корону.³⁶ В результате, как сообщает Эйнгард, он был столь сильно раздосадован, что, по его словам, не пошел бы в церковь, несмотря на великий праздник (Рождество — В.Б.), если бы знал о намерении папы.³⁷

Эти слова Эйнгарда стали камнем преткновения для исследователей, породив множество толкований. В свое время Х.Бойман настаивал на необходимости буквально понимать объяснение недовольства Карла Великого, данное его биографом: причиной возмущения послужил сам титул императора.³⁸ Такая трактовка, казалось бы, находит свое обоснование в том, что Карл сравнительно долго после коронации избегал употреблять императорский титул, словно бы он ему и вправду был неприятен. Но в таком случае непонятно, для чего он вообще прибыл в Рим. Современный немецкий историк Й.Фрид объясняет слова Эйнгарда как простой литературный прием, использованный с целью оттенить величие императорского достоинства Карла.³⁹

Нам представляется, что объяснение следует искать между этими крайними точками зрения: сообщение Эйнгарда — не упражнение в риторике, оно повествует о реальном событии, но причиной гнева Карла Великого послужил не императорский титул, якобы навязанный ему папой. Отправляясь в 800 г. в Рим, он хотел стать императором, однако способ реализации имперской идеи не вполне отвечал его собст-

³⁶ Tellenbach G. Germanentum und Reichsgedanke im frühen Mittelalter // Historisches Jahrbuch. Bd.62-69, 1949. S.109-135.

³⁷ Einhardi Vita Karoli Magni. C.28: "Quo tempore imperatoris et augusti nomen accepit. Quod primo in tantum aversatus est, ut adfirmaret se eo die, quamvis praecipua festivitas esset, ecclesiam non intraturum, si pontificis consilium praescire potuisset".

³⁸ Beumann H. Romkaiser und fränkisches Reichsvolk // Festschrift Edmund E. Stengel: Zum 70. Geburtstag am 24. Dezember 1949. Münster, 1952. S.158.

³⁹ Fried J. Der Weg in die Geschichte. Die Ursprünge Deutschlands bis 1024. Frankfurt a. Main, 1998. S.401.

венным представлениям. Очевидно, достигнутый ранее баланс⁴⁰ между римско-куриальной и франкско-имперской идеями оказался нарушенным. Чтобы выявить возникшее противоречие, необходимо кратко охарактеризовать обе эти идеи.

Свое классическое выражение римско-куриальная идея империи обрела в письме папы Иннокентия III (март 1202 г.): “Право и власть подобного рода достаются от апостолического престола, который Римскую империю перенес в лице славного Карла от греков к германцам”.⁴¹ Так думали все папы, начиная с Льва III, короновавшие императоров средневековой Римской империи, хотя не каждый из них осмеливался открыто заявлять об этом. Согласно этой идее, папы римские жалуют императорскую власть подобно бенефицию, после получения которого император должен был исполнять обязанности защитника церкви: главное назначение империи — защита церкви (*defensio ecclesiae*). С другой стороны, императорская концепция империи решающее значение придавала избранию императора римлянами. И эта точка зрения своё наиболее законченное выражение приобрела в эпоху Штауфенов, после длительной борьбы между Империей и папством за доминирующее положение в христианском мире, в “Легенде о Карле”, сочиненной в 1166 г. в Ахене по заданию Фридриха I Барбароссы: “Поэтому, когда молва о преданности вере и добру столь великого и славного мужа облетела весь мир, римляне, охваченные ужасом, признали за ним право владения могущественнейшей Римской империей и даже избрания папы”.⁴² Под избранием императора народом, в данном случае римлянами, подразумевалась так называемая аккламация, т.е. одобрительные возгласы толпы при появлении нового претендента на императорскую корону. “Легенда” носит ярко выраженный апологетический, проимператорский характер: роль папы в возведении на престол очередного императора здесь явно занижена — не только ничего не говорится о его участии в этом торжественном акте, но и предоставляется императору безраздельное право избрания самого папы (как это делал Барбаросса, возводя на Святой Престол одного антипапу за другим — в пику Александру III).

Карл Великий не склонен был принижать значение римского папы, напротив, он всегда изъявлял готовность сотрудничать с ним, но, разумеется, не под его эгидой. Сценарий императорской коронации, при-

⁴⁰ И в этом отношении Х.Бойман чрезмерно категоричен: не приводя каких-либо доводов, он утверждает, что уже в Падерборне Карл Великий отказался от ахенской концепции в пользу римской: *Beumann H. Das Kaisertum Ottos des Großen. S.548*. Как показали последующие события, ни сам Карл Великий, ни его преемники полностью не отказались от ахенско-франкской идеи империи

⁴¹ MGH Constitutiones. Vol.2. Nr.398: “Jus et potestas huiusmodi ab apostolica sede pervenerit, quae Romanum imperium in personam magnifici Caroli a Grecis transtulit in Germanos”.

⁴² *Legenda Karoli II, 1*: “Proinde, postquam tanti tamque famosi viri per totum orbem terrarum fidei probitatisve fama transvolavit, Romani magno terrore perterriti potentissimum romanum imperium immo et pape electionem sibi prescripserunt”.

емлемый для франкского короля, мог выглядеть следующим образом: по просьбе папы Льва III и определенной части римской знати ("народа") он прибывает в Рим, где в результате аккламации провозглашается императором, после чего в качестве завершающего церковного обряда папа возлагает ему на голову корону. Таким образом, его императорская власть была бы освящена церковью, но при этом не пожалована в качестве бенефиция папой. Примерно так описывают, выдавая желаемое за действительное, проимператорские Лоршские анналы коронацию Карла Великого на Рождество 800 г.: поскольку греки утратили императорский титул при "женской империи" (намек на узурпацию власти Ириной), папе Льву и всему христианскому народу было угодно назвать короля франков Карла императором, поскольку тот владел Римом, столицей императоров, а также прочими резиденциями в Италии, Галлии и Германии; поскольку же всемогущий Бог отдал во власть ему все эти резиденции, они сочли справедливым, чтобы он с Божьей помощью и по просьбе всего христианского народа получил и императорский титул. И король Карл не захотел пренебречь их просьбой, но со всевозможным смирением и покорный Богу и всему христианскому народу принял титул императора, освященный папой Львом.⁴³ Объективно (утрата греками императорского титула — а не лишение их этого титула папой римским, как утверждалось в письме Иннокентия III — и обладание Римом, равно как и другими обширными странами) Карл пользовался властью, сопоставимой с императорской, и ему недоставало лишь императорского титула (*nomen imperatoris*), который он и получил по воле всего народа, после чего папа освятил его. Здесь выражена императорская идея универсальной (всемирной) империи римских цезарей, имеющей свое правовое обоснование во владении Римом и большей частью Древней Римской империи.

Отличная от этой версия императорской коронации Карла приводится в жизнеописании папы Льва III: достопочтенный папа, собственными руками короновал его, после чего римляне громкими голосами единодушно прокричали славу новому императору.⁴⁴ Здесь иная по-

⁴³ MGH SS I. Annales Laureshamenses a.801: "Et quia iam tunc cessabat a parte Graecorum nomen imperatoris et femineum imperium apud se habebant, tunc visum est et ipso apostolico Leoni et reliquo christiano populo, ut ipsum Carolum regem Francorum imperatorem nominare debuissent, qui ipsam Romam tenebat, ubi semper Caesares sedere soliti erant, seu reliquas sedes, quas ipse per Italiam seu Galliam necnon et Germaniam tenebat; quia Deus omnipotens has omnes sedes in potestate eius concessit, ideo iustum eis esse videbatur, ut ipse cum Dei adiutorio et universo christiano populo petente ipsum nomen haberet. Quorum petitionem ipse rex Karolus denegare noluit, sed cum omni humilitate subiectus Deo et petitioni sacerdotum et universi christiani populi... ipsum nomen imperatoris cum consecratione domni Leonis papae suscepit".

⁴⁴ Duchesne L. Le Liber pontificalis. Texte, introduction et commentaire par L. Duchesne. T. II. P., 1955. P.7: "Venerabilis et almiificus praesul manibus suis propriis pretiosissima corona coronavit eum. Tunc universi fideles Romani... unanimiter altissima voce... exclamaverunt: Carolo piissimo augusto, a Deo coronato magno pacifico imperatori vita et victoria".

следовательность и совсем другой смысл возведения в императорское достоинство: сначала папа собственноручно коронует Карла, и лишь затем тот удостоивается аккламации, следовательно, императорская власть пожалована папой в качестве бенефиция, а “верным римлянам” осталось лишь громкими возгласами одобрить свершившееся. Это — типичный пример римско-куриальной идеи императорской власти.

Сопоставив две концепции императорской власти, римско-куриальную и франкско-императорскую, а также две изложенные в источниках версии коронации Карла Великого, можно сделать вывод, что для недовольства, о котором сообщил Эйнгард, не было бы причины, если бы Карл тогда обрел императорское достоинство по собственному усмотрению, как сообщается в Лоршских анналах. Следовательно, Лев III без предварительного согласования с франкским королем возложил корону на его голову еще до того, как состоялась аккламация, реализовав тем самым римско-куриальную концепцию империи. Карлу, прибывшему в Рим именно для коронации, дабы стать императором, не оставалось ничего иного, кроме как стерпеть во избежание публичного скандала.⁴⁵ Лишь позже он дал волю чувствам, увековеченным для потомков в рассказе его биографа Эйнгарда.

Судя по тому, что впоследствии Карл продолжал поддерживать нормальные отношения с папой Львом III, они сумели уладить возникшее недоразумение. Сложнее обстояло дело с использованием титула. Похоже, что в этом смысле затруднение испытывал не только сам Карл, но и его канцелярия. Надо было указать, императором какого государства он является, и само собой напрашивалось употребление традиционного титула “римский император” (*imperator Romanorum*). Однако в таком случае Франкское королевство оказывалось в тени нового, более высокого ранга его правителя, вместо Ахена Рим становился главной резиденцией и ядром империи, а римляне, потеснившие франков, — ее основным, структурообразующим, титульным народом. Карл не мог этого принять, но не хотел и отказываться от своего вновь приобретенного императорского достоинства и от сотрудничества с папой, только Рим рассматривавшим в качестве центра империи.

⁴⁵ Х.Бойман усмотрел в реализации имперской идеи на Рождество 800 г. компромисс, не во всем отвечающий представлениям Карла Великого (Beumann H. Das Kaisertum Ottos des Großen. S.548). Это слишком мягко сказано: происшедшее явилось неприятным, вынужденным компромиссом, свое отношение к которому Карл и продемонстрировал. Совершенно необоснованным представляется утверждение М.Линцеля, будто Карл стал императором в результате избрания римским народом, и в правовом отношении это избрание было решающим, тогда как совершенный папой обряд коронации не имел конститутивного значения, являясь лишь простым церковным освящением и благословением: Lintzel M. Der römische und der fränkisch-deutsche Kaisergedanke von Karl dem Großen bis auf Otto den Großen // Ders. Ausgewählte Schriften. Bd.II. Berlin, 1961. S.122-123. В этом случае у Карла не было бы причин для недовольства.

В результате было найдено компромиссное решение. После долгих колебаний Карл принял императорский титул,⁴⁶ сохранив при этом и титул короля франков и лангобардов.⁴⁷ Было смягчено и римское звучание его титула: вместо “римского императора” он теперь именовался “императором, правящим Римской империей”. Это не только не было отказом от идеи Римской империи, но явилось ее расширением: найденная формулировка, включавшая всю империю, не ограничивала императорское достоинство исключительно властью над Римом и римлянами. Теперь не обязательно Рим должен был считаться столицей. Вновь обретал реальный смысл античный принцип: “Где император, там и Рим”, благодаря чему Ахен сохранял за собой то значение, которое ему придавал Карл Великий. Сам он после коронации больше не бывал в Риме, тогда как папа Лев III еще навещался в Ахен.

Позднее, обдумывая план раздела империи среди своих наследников, Карл Великий выделил старшему сыну Карлу исконные франкские земли с центром в Ахене, тогда как Италия с Римом должна была достаться младшему Пипину, а защита римской церкви вменялась в обязанность всем троем братьям совместно. И в этом можно усматривать неприятие им имперской идеи в папском варианте. Он всячески старался показать, что не считает себя римским императором и, несмотря на акт коронации в соборе св.Петра в Риме, продолжает придерживаться ахенской идеи империи. Свою империю он рассматривал как расширенное Франкское королевство. И все же он не сумел преодолеть естественное притяжение Рима — родины имперской идеи, где сам он получил императорский титул и где находилась резиденция папы, положение которого в христианском мире было тесно связано с Каролингской империей. Римская идея, входившая составным элементом в ахенскую концепцию 799 г., получила мощное подкрепление благодаря состоявшейся на следующий год императорской коронации.

Вопреки воле самого Карла его империя имела двойственный франкско-римский характер. Эта двойственность при жизни Карла Великого проявилась в том, что центр тяжести империи переместился на север, удалившись от своих истоков, благодаря чему в значительной мере была реализована идея империи, не связанной с Римом: из римской она превратилась в христианско-франкскую империю. Когда Карл в 812 г. договором урегулировал отношения с византийским императо-

⁴⁶ В качестве причины, побудившей его сделать это, М.Линцель указывает на возможность обретения законных оснований для политической власти над папой, официально ставшим, таким образом, его подданным: *Lintzel M. Der römische und der fränkisch-deutsche Kaisergedanke... S.124-125*. В этом объяснении есть немалая доля истины, учитывая, что одной из целей и итальянской политики Оттонов было стремление контролировать папство.

⁴⁷ С весны 801 г. его полный титул выглядел так: “Светлейший Август, коронованный Богом великий император и миротворец, правящий Римской империей, и по милости Божией король франков и лангобардов” (*Serenissimus Augustus a Deo coronatus magnus et pacificus imperator Romanorum gubernans imperium qui et per misericordiam Dei rex Francorum et Langobardorum*).

ром Михаилом I, он не стал добиваться сохранения за собой титула римского императора, и это не было простой уступкой притязаниям Константинополя. Он лишь отказался от титула, не имевшего значения в собственной империи, которую опять, как при Феодосии, стали называть Западной (*occidentale imperium*).

Двойственный характер Каролингской империи, в которой папы оставались непримиримыми противниками ахенской концепции, поскольку в их понимании защита церкви и Святого Престола составляла существенное содержание императорского достоинства, оказывал определяющее влияние и на ее дальнейшее развитие. Весьма показательна в этом отношении императорская коронация Людовика Благочестивого в 813 г. С одобрения имперского собрания франков в Ахене и по велению своего отца, Карла Великого, Людовик взял императорскую корону с алтаря Ахенского собора и возложил ее себе на голову. С Римом и папством эта коронация не имела ничего общего. Коронував сына в качестве соимператора, Карл Великий показал, что он подразумевает под императорской властью — достоинство, возобновляющееся само собой и не нуждающееся в связи с Римом и в освящении папой римским.⁴⁸ Однако после смерти Карла папа Стефан IV сделал ответный ход, явившись в 816 г. ко двору Людовика в Реймс для совершения обряда духовной коронации, поскольку состоявшая за три года до того в Ахене имела чисто светский характер. Речь шла о том, чтобы, образно говоря, скрепить римской печатью императорское достоинство Людовика. В свите папы находились римские клирики, во время торжественного приема громко восславившие императора, что должно было символизировать аккламацию. В Реймс была доставлена и корона, принадлежавшая, как считалось, Константину Великому, на что обратил особое внимание Стефан IV, благословляя Людовика.⁴⁹

И все же, несмотря на эту, казалось бы, уступку куриальной концепции империи, период правления Людовика Благочестивого явился временем наиболее полной реализации ахенской идеи империи. Он довольствовался простым титулом “император август” (*imperator augustus*). Использувавшаяся при Карле Великом надпись на императорской булле “Возрождение Римской империи” (*Renovatio Romanorum imperii*) была заменена на “Возрождение Франкского королевства” (*Renovatio regni Francorum*), что на первый взгляд казалось совершен-

⁴⁸ После официального признания наличия двух империй уже невозможно было претендовать на всемирное верховенство, и лишь связь с папами римскими придавала ей универсальное значение, возвышавшее ее над гегемонистскими притязаниями англосаксонских и испанских правителей. В оценке антиримской и антипапской направленности этой коронации исследователи практически единодушны, отмечая также неукоснительное следование Людовика Благочестивого ахенской идее империи: *Schramm P.E. Op.cit. S.14-15; Lintzel M. Der römische und der fränkische Kaisergedanke... S.127; Erdmann C. Op.cit. S.27-28.* Правда, для политики Людовика, хотя он ни разу не посетил Рим, было характерно тесное сотрудничество с папством.

⁴⁹ *MGH SS II. Vita Ludowici. C.26.*

но бессмысленным и могло означать лишь отказ от связей с Римом. В свою очередь неприятие “римского” характера императорского достоинства позволяло придать империи иное содержание, выражавшееся идеей “христианской империи” во главе с “христианнейшим императором”, что должно было исключить какие бы то ни было ассоциации с языческим императорским Римом.

Однако последующие преемники Карла Великого не сумели твердо придерживаться намеченной им линии. Уже при сыне Людовика Благочестивого Лотаре I происходит смещение акцентов. Он, хотя уже был, подобно своему отцу, коронован в качестве императора в Ахене, отправился в 823 г. по приглашению папы в Рим, чтобы тот совершил над ним обряд духовной коронации. Тем самым Лотарь I признал папский Рим как место, где должна совершаться императорская коронация. Своего сына Людовика II он в 850 г. отправил для императорской коронации в Рим, даже не проводя ее предварительно в Ахене. После раздела империи по Верденскому договору 843 г. доставшийся Лотарю I удел еще включал в себя обе имперские резиденции, Рим и Ахен, но уже в 855 г., незадолго перед смертью поделив его между двумя своими сыновьями, он поступил противоположным образом, нежели в свое время его дед Карл Великий: территорию с центром в Ахене он дал младшему сыну Лотарю II, тогда как итальянскую часть с Римом — старшему Людовику II, обладавшему императорской короной.

Роль Ахена как имперского центра сошла на нет, а церковная, римско-куриальная идея империи победила, и эта победа была окончательной. С того времени содержание императорской власти состояло в господстве над Римом и в исполнении обязанности по защите римской церкви, а единственным способом обретения императорского достоинства был обряд коронации, совершавшийся папой в Риме. Этот торжественный акт приобрел конститутивный характер. Отсюда, однако, не следует, что папа по собственному усмотрению жалует титул, достоинство и власть императора как нечто находящееся в его личном владении, хотя папы нередко пытались именно так истолковывать императорскую коронацию. С другой стороны, учитывая важность свершающегося акта и высокое достоинство его исполнителя, нельзя видеть в папе некое орудие для завершающего освящения предварительно избранного князьями императора (нередко встречающаяся трактовка). В идеале это должно было происходить как свободное волеизъявление папы в смысле благого деяния без каких-либо намеков на вассально-ленные отношения (“*beneficium*” как “*bonum factum*”).

По мере дробления Каролингской империи у императора оставалось все меньше оснований для универсалистских притязаний. Если Карл Великий обладал бесспорным верховенством хотя бы в Западной Европе, то Беренгар Фриульский, получивший императорскую корону в 915 г., не имел прочной власти даже в пределах своих незначительных владений в Италии. Тогда единственной универсальной инстанцией в

Европе оставалось папство, чем и пыталась воспользоваться империя: по крайней мере формально считаясь защитником престола св.Петра, император по своему достоинству, авторитету (*"auctoritas"*) был выше других европейских правителей, обладавших значительно большей реальной властью (*"potestas"*), чем он. Вместе с тем франкская имперская идея продолжала жить, не будучи полностью вытесненной римской идеей: считалось, что власть и достоинство императора должны принадлежать наиболее могущественному представителю Каролингской династии. Так, Людовик Немецкий неоднократно именовался в анналах императором уже в то время, когда императорской короной еще обладали его племянник Людовик II, а позднее — брат Карл Лысый. Обретение императорского титула, имея своим непременным условием коронацию в Риме, определенным образом связывалось и с идеей франкской супрематии.⁵⁰ Тем самым нашли свое выражение обе формы позднекаролингской империи: малая римская империя, не выходящая за пределы Италии, и общепанноннская, основанная на супрематии империя, также включавшая в себя римские компоненты, в частности, признание необходимости коронации в Риме.

О безраздельном доминировании римской идеи не позволяет говорить и тот факт, что даже во второй половине IX в. продолжало бытовать представление об императорской власти, основанной на господстве над множеством народов и королевств, без упоминания о Риме. Нотгером, монахом Санкт-Галленского монастыря, Людовик Немецкий воспринимается как "король или император всей Германии, Реции и древней Франконии, а также Саксонии, Тюрингии, Норика, Паннонии и всех северных народов".⁵¹ Перечисление областей, коими повелевает Людовик, должно было обосновать правомерность употребления в отношении его императорского титула. Еще более определенное высказывание встречается в Фульдских анналах: Карл Лысый в 869 г., когда императором был еще его племянник Людовик II, захватил Лотарингию и "по совету нечестивых" короновался в Меце в качестве императора, поскольку он обладал двумя королевствами.⁵² В приведенных примерах империя понимается как королевство более высокого ранга. Такое представление основывается в первую очередь на ахенской, а значит, косвенным образом, и на римской идее империи, хотя при этом в равной мере абстрагируется от Рима и Ахена.

⁵⁰ Stengel E. Kaiseritel und Souveranitätsidee // Deutsches Archiv. Bd.3, 1939. S.49-56; Ders. Abhandlungen und Untersuchungen... S.173-176.

⁵¹ MGH SS II. *Notgeri Monachi Sangallensis De Gestis Karoli. II. C.11*: "Hudowicus rex vel imperator totius Germaniae Rhetiarumque et antidue Franciae necnon Saxoniae Turingiae Norici Pannoniarum atque omnium septentrionalium nationum".

⁵² *Annales Fuldenses a.869*: "Karolus vero rex... regnum Hlotharii invasit et secundum libitum suum disposuit...; qui etiam pravorum usus consilio in urbe Mettensi diadema capiti suo ab illius civitatis episcopo imponi et se imperatorem et augustum quasi duo regna possessurus appellare praecepit".

Таким образом, к концу Каролингского периода имперская идея приобрела более комплексный, но вместе с тем менее определенный характер, что открывало для нее в последующие десятилетия различные пути развития. В начале X в., когда Каролингская империя формально еще существовала, но уже отчетливо клонилась к закату, императорами стали именовать себя короли Астурии и Леона.⁵³ И у англосаксов, некогда именовавших своего бретвальду императором, вновь ожила имперская идея. Примечательно, что титул императора на сей раз появляется не в литературных произведениях, а в официальных грамотах. Король Этельстан (924-941) велел именовать себя императором, причем применялись в равной мере и византийский титул "василевс", и римский "император": "василевс англов и император королей и народов, живущих в пределах Британии".⁵⁴ Претендовали на императорский титул и его ближайшие преемники в последующие несколько десятилетий.⁵⁵ Однако и на сей раз использование в Англии императорского титула оказалось лишь эпизодом, не получившим дальнейшего развития. Возможно, поводом для притязания английских королей на императорское достоинство послужило угасание империи в Западной Европе в 924 г. со смертью ее последнего императора — Беренгара, у которого не нашлось преемников и продолжателей. Авторитет императорского достоинства к тому времени пал столь низко, что казалось, будто корона Римской империи не стоит хлопот ради ее получения. Империя на Западе опять превратилась в чистую идею.

Обе эти концепции средневековой империи, римская и не связанная с Римом (прежде всего франкская, ахенская идея), были еще живы, когда Оттон I в 962 г. возродил империю в Западной Европе. Отдав предпочтение римской идее, он отправился в Рим для получения короны из рук папы. Последствия этого решения сказывались на протяжении столетий: по пути Оттона I пошли все претенденты на корону Священной Римской империи. Однако папская коронация сама по себе еще не свидетельствовала об исключительном доминировании римской идеи. И Карл Великий, поборник неримского императорского достоинства, не отвергал освящения своей власти папой. И в 962 г. папа (представитель римской идеи) в известной мере признавал, что императорская власть германского короля имеет и другую основу. В грамоте об учреждении Магдебургского архиепископства, оглашенной 12 февраля 962 г., римский первосвященник писал, что Оттон, победив

⁵³ Erdmann C. Op.cit. S.31-37; Stengel E. Abhandlungen und Untersuchungen... S.247-251.

⁵⁴ Birch W. Cartularium Saxonicum, a collection of chartes relating to Anglo-Saxon history. Vol.2. L., 1886. Nr.700: "basileus Anglorum simul et imperator regum et nationum infra fines Britanniae commorantium".

⁵⁵ К сожалению, в книге А.Г.Глебова (Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998) имперским притязаниям англосаксонских королей не уделено внимания, хотя они весьма важны для характеристики самопонимания королевского достоинства его носителями

венгров и множество других языческих народов, прибыл в Рим для получения, при посредничестве папы, от св.Петра императорского достоинства, дабы в дальнейшем служить защитником церкви.⁵⁶

Хотя императорская корона здесь выступает в качестве папского пожалования с целью обеспечения защиты церкви, однако основанием для этого послужили победы, одержанные над язычниками. Римские и неримские элементы сосуществуют в империи Оттона I, так что в некоторых грамотах он именуется как "император римлян и франков" (*imperator Romanorum ac Francorum*). Этой двойственной природе имперской идеи соответствовала и проводившаяся Оттоном I политика: решительно вмешиваясь в происходившие в Риме и Италии события, он никогда не забывал, что центром и главной опорой его империи является Германия.

Если имперская идея Оттона I еще заключала в себе оба компонента, римский и неримский, и, соответственно, две возможные тенденции развития, то при его преемниках римская идея начинает все отчетливее доминировать, чтобы к концу эпохи Оттонов окончательно возобладать.⁵⁷ Франкская, ахенская идея Карла Великого более двух столетий боролась с римской идеей средневековой империи и в конце концов была побеждена. В Каролингский период прежде всего папство противилось попыткам оторвать имперскую идею от Рима, а в эпоху Оттонов на помощь ему пришли литературная традиция античности ("Оттоновское возрождение") и влияние клюнийского движения за реформу церкви, тесно связанного с идеей христианской империи. В XI в., когда римская идея фактически победила, она получила дополнительное подкрепление в виде возрождавшегося римского права. Этот результат, возможно, был предопределен и тем, что сама неримская идея империи в конечном счете являлась филиацией римской идеи.

⁵⁶ Papsturkunden 896-1046. Erster Band: 896-996. Bearb. von H.Zimmermann. Wien, 1984. Nr.154: "rex Otto, devictis barbaris gentibus, Avaribus scilicet ceterisque quam pluribus, ut ad defensionem sanctae Dei ecclesiae triumphalem victoriae in imperii culmen per nos a beato Petro apostolorum principe susciperet coronam, summam et universalem, cui Deo auctore presidemus, adiit sedem".

⁵⁷ Развитие имперской идеи в эпоху Оттонов, в период правления в Германии Саксонской династии (919-1024), во многом обнаруживавшее преемственность с Каролингским периодом, но в целом представлявшее собой самостоятельное явление, заслуживает специального исследования. Здесь мы можем лишь указать на результаты процесса, не вдаваясь в подробную его характеристику.

ТЕОРИЯ И МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

И.М.Савельева, А.В.Полетаев

Эмпирические основания исторической науки*

*Ищем же мы не само явление,
а то, что говорится о явлении.
(Секст Эмпирик.Пирроновы положения.)*

Уже более ста лет, с момента становления общественных наук как самостоятельной области знания, не утихают споры о том, является ли наукой история. В основном споры о научности современного исторического знания связаны с обсуждением исторических методов, и прежде всего вопроса о степени "теоретичности" истории. Наша позиция, которую мы неоднократно формулировали¹, состоит в том, что современное историческое знание—это специализированное научное знание о прошлой социальной реальности. Соответственно, история в полной мере является теоретической дисциплиной, хотя конкретные формы теоретического анализа, применяемые в истории, имеют свою специфику, как, впрочем, и в любой другой науке.

Однако наука является эмпирико-теоретическим знанием, поэтому в данной работе мы хотим обсудить вопрос об эмпирической составляющей исторических исследований. Нельзя сказать, что эта тема была обойдена вниманием историков; фактически именно ею специально занимается важнейшая историческая дисциплина – источниковедение. Однако в рамках источниковедческого подхода акцент по существу делается на изолированном рассмотрении эмпирической базы собственно исторических исследований, ее специфичности и "особости". Лишь в последние годы в отечественном источниковедении начали развиваться более широкие, универсалистские подходы к этой проблеме², но пока речь идет лишь о первых шагах в этом направлении.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 98 01.-00108.

¹ См. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. в поисках утраченного. М. Языки русской культуры, 1997, гл.1; а также статья: История, общественные науки и время // *Российская американистика в поисках новых подходов / Ред. Манькин А.С. и др. М. Изд-во МГУ, 1998. С.206-219; Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история. 1998/99. М., 1999. С.101-119.*

² См., например. *Медушевская О.М.* Теория, история и метод источниковедения // *Источниковедение М: РГГУ, 1998. С.17-168.*

В данной работе мы попытаемся показать, что эмпирическая составляющая истории как знания о прошлом, с точки зрения современного науковедения, не имеет принципиальных отличий от эмпирической основы других общественных наук, занимающихся изучением "настоящего". Но вначале коротко напомним основные этапы развития представлений об эмпирических основаниях исторического знания.

1. Свидетельства

В Древней Греции словом "история" с предметной точки зрения обозначались любые знания о социальной, божественной или природной реальности³. Но с самого начала "историческими" знаниями или "историей" именовался далеко не каждый тип или разновидность знания. В соответствии с этимологией слова "история", к "историческим" относились знания, полученные прежде всего путем наблюдения (знание об увиденном, наблюденном).

"Согласно абсолютно утвердившейся в лингвистике точке зрения, ионийское слово "история" происходит от индоевропейского корня *vid*, значение которого выступает в лат. *video* и русск. *видеть*. Как видно из греческих слов *oida* "знаю" или *eidenai* "знать", образованных от того же корня, слова с этим корнем обозначают не просто зрительное восприятие, но и познавательные процессы, что нетрудно заметить также и в русск. *ведать* и нем. *wissen*, относящихся уже окончательно к сфере мышления"⁴.

"Концепция видения как значимого источника знания приводит к идее, что *istor*, тот, кто видит, одновременно является тем, кто знает; *istorein* по-древнегречески означает "разузнавать (стараться узнать)", "информировать кого-либо" История, таким образом – это расспрашивание (разузнавание) ..Связь между *voir* и *savoir* <фр. "видеть" и "знать">, между видением и знанием, является, таким образом, первой проблемой"⁵.

Ориентация на увиденное или на свидетельства (увиденное другими) – отличительный признак сочинений, которые начали называть "историями" в эпоху эллинизма. Так, работа Геродота начинается с заявления, что он собирается излагать "сведения, полученные путем расспросов" (*Геродот. История I, 1*). Точно так же и у Фукидида: "я рассматриваю в свете данного свидетельства" (*Фукидид. История I, 1*).

Тем самым уже в Древней Греции историческое знание стало трактоваться как знание эмпирическое, а в качестве эмпирической основы выступали личные наблюдения и свидетельства, основанные на личных наблюдениях. Говоря о том, что подобное понимание возникло в Древней Греции, мы не утверждаем, что оно было господствующим –

³ См., например: Тахо-Годи А.А. Ионийское и аттическое понимание термина "история" и родственных с ним // Вопросы классической филологии. М.: Изд-во МГУ, 1969. Вып.2. С.107-126; Ее же. Эллинистическое понимание термина "история" и родственных с ним // Там же. С.126-157.

⁴ Тахо-Годи А.А. Ионийское и аттическое понимание... с. 112

⁵ Le Goff J. History and Memory. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1992. P.101-102.

скорее речь шла о еще слабой тенденции, существовавшей наряду с иными значениями и смыслами термина "история".

Как известно, греческая философия различала два типа мысли: знание в собственном смысле слова (эпистема) и то, что мы переводим как "мнение" (докса). В применении к историческим сочинениям этот принцип сводился в общем виде к тому, что изложение увиденного автором или пересказ прямых свидетельств очевидцев обычно считались "знанием" (эпистемой), а изложение вторичных сведений, в том числе относящихся к более отдаленному прошлому, рассматривалось как "мнение" (докса). Это разделение выражалось в существовании двух типов "историй", описывающих события, произошедшие при жизни автора и до его рождения. Первый из них не обязательно основывался на увиденном самим сочинителем, но по крайней мере предполагал использование им прямых свидетельств его современников, являвшихся очевидцами описываемых событий. Наряду с этим в качестве относительно самостоятельного вида историографии имеется описание событий или деяний, происходивших до рождения автора, "не на его памяти". И хотя оба типа "историй" часто сочетаются в одном сочинении, они пишутся и воспринимаются по-разному.

Оценивая ориентацию античной историографии на личные наблюдения и устные свидетельства очевидцев, это явление следует признать симптомом начала движения по пути становления истории как науки. Безусловно, в отличие от современного положения, в те далекие времена свидетельства очевидцев были гораздо более надежным и доступным видом эмпирического материала, чем какие-либо письменные документы. Роль письменных документов постепенно увеличивалась – первые серьезные шаги в этом направлении были сделаны уже в эпоху эллинизма благодаря созданию Александрийского мусейона. Тем не менее приоритетное внимание, уделявшееся личным воспоминаниям и рассказам свидетелей, еще долго проявлялось в исторических сочинениях, и в первую очередь в лучших из них.

Например, Фукидид описывал прежде всего те события, современником которых он был сам. Точно так же и Полибий (ок. 200 – после 120 до н.э.), несмотря на претензии на создание "Всемирной истории", описывает в основном период, почти целиком относящийся к его жизни (примерно с 210 до н.э.), применительно к которому он мог собрать свидетельства современников тех или иных событий, дополнив их своими личными воспоминаниями. И хотя у Фукидида и Полибия есть главы, посвященные предшествующему периоду, они имеют главным образом предваряющий, вводный характер. В римской историографии различие между прямыми и косвенными наблюдениями несколько ослабевает, но тем не менее не исчезает полностью, о чем свидетельствуют известные рассуждения Цицерона об истории:

" Существует небольшое разногласие... насчет времени, с какого следует начать изложение. По моему мнению – с самых отдаленных времен, потому

что они описаны так, что этого даже и прочесть нельзя; но Марк предпочитает рассказ о современных ему событиях, дабы иметь возможность охватить те из них, в каких он участвовал сам" (Цицерон. О законах I, III, 8).

В средневековых исторических сочинениях разделение прямых и косвенных сведений резко усиливается. При этом для средневековой "историографии" специфично не критическое отношение к уже существовавшим текстам, которые могли использоваться в качестве источников. Любой автор являлся авторитетом для каждого следующего сочинителя исторической хроники. Базовый текст не вызывал сомнений у средневекового хрониста, сомнения у него возникали из-за естественных расхождений между *разными* текстами. Именно поэтому средневековые авторы при описании событий, современниками которых они сами не были, обычно старались ограничиваться одним источником для того, чтобы не путаться в противоречиях. При этом, как отмечал Е.А.Косминский, пересказ этого одного источника с течением времени делался все более и более кратким. Эту характерную для средневековых хронистов черту немецкие исследователи называют принципом одного источника (*Einquellenprinzip*). Однако, если автор хроники переходил к рассказу о событиях по свидетельствам очевидцев или собственным наблюдениям, стиль повествования заметно преображался.

"Например, существует значительная разница между "Хроникой или Историей двух градов" Оттона Фрейзингенского и его "Историей (*Gesta*) императора Фридриха I", где он описывает события либо на основании того, что он сам видел, либо главным образом на основании рассказов непосредственных свидетелей событий. Здесь и язык, и стиль меняются, все изложение делается гораздо живее"⁶.

Таким образом в Средние века была заложена традиция "источника", практиковавшая использование косвенных сведений в форме письменного текста для освещения событий отдаленного периода. При этом средневековый "источник" обычно воспринимался хронистами не как мнение, а как знание, не подвергаемое сомнению (критическому анализу).

2. Источники

В эпоху Возрождения начинается новый этап в развитии эмпирической базы исторического знания. Он характеризуется, во-первых, сдвигом от свидетельства (наблюдения) к документу (тексту), а во-вторых, расширением эмпирической базы исторического знания за счет включения в нее материальных предметов. Первоначально критика текстов и собирание древностей были слабо связаны друг с другом, но постепенно они стали выступать как взаимодополняющие части единой эм-

⁶ Косминский Е.А. Историография Средних веков (V в. – середина XIX в.). Лекции М.: Изд-во МГУ, 1963. С.32.

пирической основы исторического знания, получившей позднее название "исторических источников".

Переход к новому этапу в развитии эмпирической базы исторических исследований исследован в работе П.Бёрка "Чувство прошлого в эпоху Ренессанса". В частности, Бёрк отмечает, что уже Петрарка собирал древние монеты и использовал их как историческое свидетельство, например, того, как выглядел Веспасиан. Его также интересовала история костюма, и свои знания греческой одежды он применил для объяснения строфы в "Илиаде". Друг Петрарки Джованни Донди, посетив Рим в 1375 г., копировал надписи и делал обмеры⁷. К середине XV в. изучение античных текстов и собирание древностей выходят из любительской стадии и становятся частью профессиональных исследований. Своего рода точкой отсчета принято считать трактат Лоренцо Валлы "О ложности Константинова дара" (*De falso credita et ementita Constantini donatione Declamatio*, 1440), который рассматривается как первый опыт критики текста. Практически в то же время Флавио Бьондо на основе изучения античных памятников и надписей пишет трактат "Восстановленный Рим" (*Roma Instaurata*, 1444–1446), в котором пытается реконструировать топографию имперского Рима.

Уже в эпоху Возрождения начинается работа с текстами, ставшая составной частью процесса становления исторических исследований: сбор, расшифровка, датировка, атрибуция, классификация, публикация, комментирование, критика. Из этого почтенного занятия в XVIII в. возник целый ряд вспомогательных исторических дисциплин – археология, палеография, дипломатика, эпиграфика, папирология и т.д.

В XVIII в. огромный вклад в развитие эмпирической базы исторических исследований внесли французские мавристы (члены бенедиктинской конгрегации Св.Маврикия, основанной в 1618 г.), сыгравшие выдающуюся роль в собирании и публикации западноевропейских средневековых рукописей. С целью отстоять от критики протестантов авторитет католической церкви, мавристы, выявили и издали огромное количество источников по ее истории. Кроме того ими была составлена история французской литературы (более 40 томов), а также многотомные истории отдельных провинций (Лангедока, Бретани и др.), в приложениях к которым напечатано множество документов. Заслуга мавристов, среди которых наиболее известны имена Ж.Мабильона, М.Буке, Б.Монфокона, – выработка правил критического издания памятников, создание вспомогательных исторических дисциплин.

В XIX в. главная заслуга в усовершенствовании методики определения подлинности документов, их датировки и локализации принадлежит школе немецкого историка Л. фон Ранке. Если до Ранке историки преимущественно опирались на источники, созданные с целью прославления своего времени (античники – на сочинения Тацита, Цезаря,

⁷ Burke P. The Renaissance Sense of the Past. N.Y., 1969. P.24.

Светония, медиевисты — на известные хроники), то в итоге “ранкеанской революции” приоритетным стало изучение источников, не ориентированных на будущее, прежде всего—текущей государственной документации. Именно в семинаре Ранке в Берлинском университете была выведена “новая порода” академических историков (среди них: Г. фон Зибель, Г.Вайц, В.Гизебрехт, В.Ваттенбах и др.), практиковавшихся в критическом изучении и оценке государственных документов в соответствии с позитивистскими представлениями о научности. Создавались громадные коллекции тщательно просеянного материала: своды латинских надписей, новые издания исторических текстов и документов всякого рода с обширными комментариями.

В результате техника критики текстов, идущая “от Лоренцо Валлы и итальянского гуманизма XV в., через труды бенедиктинцев Святого Маврикия, появившихся на фоне кризиса европейского сознания накануне эпохи Просвещения, до исторического толкования Библии в немецких университетах XIX в.” достигает “такого уровня формального совершенства, который, видимо, никогда не будет превзойден”⁸.

Общественное признание ценности исторических документов выразилось в масштабных усилиях, направленных на составление максимально полных описей имеющихся источников и их публикацию. Начало было положено в 1826 г. публикацией *Monumenta Germaniae Historica* при государственной поддержке и при участии крупнейших немецких историков. К 1860 г. в этих сериях была издана большая часть источников по истории средневековой Германии⁹. Несколько позже и другие страны последовали этому примеру.

Параллельно с расширением текстовой базы исторических исследований шло развитие материально-предметной составляющей. В XVII в., когда увлечение древностями охватило всю Европу, начинаются попытки систематической классификации и изучения древних находок, прежде всего памятников искусства и надписей. В начале XVIII в. Б.Монфокон публикует десяти томный свод античных древностей, тогда же организуются первые научные археологические экспедиции (до этого раскопки велись в целях наживы и были разновидностью кладоискательства). Особое значение имели научные раскопки Геркуланума и Помпей в конце XVIII в., которые впервые привлекли внимание к особенностям античного быта. Египетский поход Наполеона и расширяющееся влияние Ост-Индской компании открыли археологам доступ в страны Востока, в результате чего XIX в. становится веком расцвета археологии. Изучение продуктов человеческой деятельности имело первостепенное значение для истории дописьменных обществ и обществ, от которых осталось мало письменных источников. Остатки поселений, жилища, захоронения, орудия труда, оружие и предметы бы-

⁸ Шоню П. Экономическая история. проблемы и перспективы [1974] // THESIS, 1993, вып. 1. С.137-151 С 142

⁹ Knowles D. Great Historical Enterprises. Nelson, 1963. P.65-97.

та, украшения и декор позволяли судить не только об общем уровне развития того или иного социума, но и о характере социальной стратификации, хозяйственной деятельности, эстетических представлениях, верованиях и многом другом.

Но и история обществ с развитой письменной культурой была бы сильно обеднена, если бы не использовала в качестве эмпирического материала "нетекстовые элементы культуры". Любая эпоха и любое общество, если его нельзя наблюдать непосредственно, конструируются с учетом знаний о продуктах человеческой деятельности. Массштабно мыслящие историки интуитивно или сознательно всегда учитывали важность воссоздания вещественного мира, описывая как люди перемещались, чем воевали, что ели и как хранили припасы, во что одевались, как строили и обустроивали жилища. Но все же эмпирическая база истории преимущественно состоит из текстов, и подавляющее большинство историков собирают свой материал не выходя за порог библиотек и архивов.

Итоги "классического" этапа развития источниковедения были подведены в конце XIX в. в работах И.Дройзена, Э.Фримена, Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса, Э.Бернгейма¹⁰. В частности, ими были предложены первые развернутые классификации "источников", т. е. эмпирического материала, используемого в исторических исследованиях. Ключевым элементом этих классификаций было введенное Дройзеном и развитое Бернгеймом разделение "исторических остатков" и "исторических преданий" (традиции, известий).

По Бернгейму, основными формами "исторических известий (преданий)" являются:

- устная традиция (песнь, рассказ, сага, легенда, анекдот, крылатые слова, поговорки);
- письменная традиция (исторические надписи, генеалогические таблицы, биографии, мемуары, брошюры и газеты);
- изобразительная традиция (иконография исторических личностей, географические карты, планы городов, рисунки, живопись, скульптура).

Второй тип исторических источников – "остатки", которые Бернгейм классифицирует следующим образом: непосредственные следы жизни древних времен; данные языка; существующие обычаи, нравы, учреждения; произведения всех наук, искусств, ремесел как свидетельства о потребностях, способностях, взглядах, настроениях; деловые акты, протоколы и всевозможные административные документы; монументы и надписи, не содержащие каких-либо сведений (пограничные знаки,

¹⁰ См. Фриман Э. Методы изучения истории. М., 1893; Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб.: 1899, Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908; *Idem.* Философия истории, ее история и задачи. М., 1910.

монеты и медали); законодательные, делопроизводственные и тому подобные документы.

Подход Дройзена и Бернгейма, который, на первый взгляд, выглядит довольно убедительно, не лишен внутренних противоречий. Не вполне понятно, например, как разделять на "предания" и "остатки" произведения искусства и вообще любые знаковые или символические системы. Сложность заключается в том, что любое изображение социальной реальности одновременно является элементом этой реальности. Здесь проявляется, кстати, еще одно радикальное отличие социальной реальности от природной – в последнем случае сама реальность и ее изображение (описание и объяснение) четко разделены.

3. Информация

В XX в. инструментарий историков, традиционно изучавших письменные источники с помощью текстологии, палеографии, эпиграфики и иных прикладных исторических дисциплин, существенно обогатился методами сопредельных социальных наук. Благодаря появлению квантитативной истории в обиход вошли процедуры критики статистических источников, а социология, антропология и демография способствовали укоренению в исторических штудиях контент-анализа, устного анкетирования и других не-исторических методов, вплоть до технических процедур климатологии, примененных Э.Леруа Ладюри.

Однако главное изменение в эмпирической базе исторических исследований произошло не в самом материале и способах его обработки, а в новом понимании роли эмпирического материала. Эту новацию можно условно обозначить как переход от "источника" к "информации". С конца XIX в., т.е. на этапе превращения истории в науку, понятия информации и источника по сути начинают разделяться. Если раньше считалось, что каждый источник несет конкретную и фиксированную информацию, то теперь стало ясно, что один и тот же документ или предмет может быть источником разной информации.

Информационный подход или анализ информационных систем не получил в исторических исследованиях сколько-нибудь заметного распространения. Слово "информация" используется в исторических работах не как четкое научное понятие, а лишь как синоним "сведений", "данных" и т. д. Даже в период всплеска интереса к теории информации число работ по применению информационного анализа в истории было сравнительно невелико¹¹. Тому есть как минимум две причины. Первая и достаточно очевидная – высокий уровень формализации общей теории систем, теории информации и, соответственно, их комбинации – теории информационных систем. Традиционное для историков отсутствие математической подготовки естественным образом сдерживало попытки освоения этих теорий и их приложения к историческим

¹¹ Наиболее известной можно считать работу И.Ковальченко.—Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987; с.106–127.

исследованиям. Второе, не менее важное обстоятельство – недостаточная разработанность самой теории информационных систем, отчетливо проявляющаяся при попытке ее приложения к сложным социальным объектам. Если первая причина не требует комментариев, то на второй следует остановиться более подробно. Но вначале напомним некоторые основные понятия системно-информационной теории, воспользовавшись работой Е.Майминаса.

“В теории информации рассматривается система, включающая получателя информации, систему-объект, на котором получатель задает априорное распределение вероятностей его состояний (в случае полного незнания все состояния объекта равновероятны для получателя), передаваемое по каналу сообщение (сигнал), которое изменяет это распределение вероятностей состояний объекта у получателя сообщений. Соотношение апостериорного (после того, как сообщение принято) и априорного распределения вероятностей или уменьшение неопределенности знаний получателя об объекте здесь рассматривается как *информация*. В классическом случае шенноновской теории система включает: приемник, передатчик, связывающий их канал, по которому передается сигнал или последовательность сигналов, производящих состояние передатчика. Затем эта система усложняется введением помех, отражающих воздействие внешней среды, и т. д.”¹²

В рамках системно-информационного подхода весьма важным является различие между “информацией” и “данными” (“сведениями”, “сообщениями”), которые могут рассматриваться как синоним традиционного термина “источник” (хотя “источник” также используется в значении “носитель информации”).

“Информация – не вещь, а некоторое отношение между средой и данной системой, объектом и наблюдателем, отправителем и получателем, которые вместе, в свою очередь, образуют рассматриваемую информационную систему. Сами по себе любые сведения, данные о каких бы то ни было объектах не тождественны информации об этих объектах. Данные и соответствующие сообщения можно охарактеризовать с разных сторон – по содержанию, по числу символов, их записи и т. д. Но сообщения несут информацию лишь постольку, поскольку они снимают неопределенность, увеличивают знание получателя, потребителя этих данных об интересующем его объекте. Следовательно, информация зависит от соотношения априорного и апостериорного знания получателя об объекте (до и после получения сообщения), от способности получателя понять сообщение и сопоставить его с прежними сведениями, данными (если он ими располагал). Необходимой предпосылкой является также включение объекта, о котором поступает сообщение, в систему, рассматриваемую наблюдателем. В противном случае данные об этом объекте как бы не фиксируются наблюдателем и не несут для него никакой информации”¹³.

Системно-информационный подход позволяет наглядно структурировать основные проблемы, связанные с применением эмпирического материала в исторических исследованиях. В частности, можно сказать,

¹² Майминас Е.З. Процессы планирования в экономике: Информационный аспект. 2-е изд. М.: Экономика, 1971, с. 241

¹³ Там же, с. 244-245.

что здесь существует своего рода "системная неопределенность", которую можно проиллюстрировать на конкретном примере.

Предположим, что мы имеем некий "источник" типа "исторических преданий" по Бернгейму, например, написанный в XI в. текст о крестовом походе. При работе с этим текстом возможны следующие системно-информационные подходы.

1. Мы считаем системой-объектом общество (социальную реальность) XI в., автора текста рассматриваем как канал передачи сообщения об объекте, сам текст – сообщением, а себя рассматриваем как систему-приемник сообщения. Это сообщение несет для нас информацию в той мере, в которой оно уменьшает неопределенность наших знаний об объекте (обществе XI в.).

2. Мы по-прежнему считаем себя системой-приемником, а системой-объектом – общество XI в., но рассматриваем автора текста в качестве элемента этой системы (или рассматриваем его личность как самостоятельную систему). В этом случае текст является сообщением о личности автора (его мышлении, знаниях и т.д.), и только через него – сообщением об обществе, составной частью которого он являлся.

3. Наконец, сам текст может рассматриваться как система-объект (в данном случае стационарный, а не динамический, т. е. не изменяющий своего состояния, но это по существу не меняет дела). При чтении этого текста мы осуществляем его мыслительную интерпретацию. Если мы фиксируем эту внутреннюю интерпретацию в виде текста, предполагая самим фактом его написания, что его кто-то прочитает, то дальше происходит переход к одному из двух предшествующих вариантов, с той разницей, что в качестве системы-приемника сообщения выступает читатель нашего текста:

3-а Наша интерпретация рассматривается как сообщение о тексте как системе-объекте, а мы сами – как канал передачи сообщения;

3-б Наша интерпретация рассматривается как сообщение о нас как о системе-объекте или как об элементе (подсистеме) нашей социальной реальности в целом. В этом случае наш текст может трактоваться как сообщение о нашей социальной реальности или о нас как о системе личности.

Это реально существующее разнообразие подходов к анализу текстов с точки зрения теории информационных систем (более того, на практике эти подходы смешиваются в рамках одного исследования), корреспондирует с разнообразием подходов к интерпретации текстов в рамках герменевтики и семиотики.

"В течение 60-х годов складывается противостояние двух основных подходов к интерпретации <текстов>. экзистенциально-герменевтического и структурно-семиотического. В основе герменевтической интерпретации лежит представление о тексте как объективации духа. В качестве смыслообразующих компонентов здесь выступают "индивидуальность", "жизнь", "внутренний опыт", "объективный дух" и т.д. Методологическую основу структурно-семиотической интерпретации составляет трактовка текста как

совокупности определенным образом взаимосвязанных элементов (знаков); смыслообразующими компонентами здесь выступают независимые от субъекта "порядки", по которым эти знаки организованы. В герменевтике интерпретация направлена на постижение смысла текста как сообщения, адресованного потенциальному читателю, в структурализме – на расшифровку кода, обуславливающего взаимодействие знаков"¹⁴.

Легко видеть, что здесь обсуждаются практически те же проблемы, которые возникают при анализе текстов в рамках информационного подхода. В рамках герменевтического подхода системой-объектом является автор текста и через него – окружающая его реальность (см. выше случай 2), в рамках структурно-семиотического подхода системой-объектом является сам текст (см. выше случай 3).

В последние десятилетия в дискуссиях об историческом знании много говорится о так называемом лингвистическом повороте, начало которому положила известная работа Х. Уайта "Метаистория"¹⁵. На самом деле, это название вводит в заблуждение: в соответствии с общепринятым определением метатеорий, выработанным в логической семантике, работа Уайта относится не к метаистории, а к металингвистике (метариторике, метапоэтике, метастилистике и т.д.) и является по сути не историческим, а семиотическим исследованием. Объектом истории является прошлая социальная реальность, т.е. человеческие действия и их результаты, а сами тексты являются объектом семиотики. Это четко разъяснил еще М. Вебер в начале нашего века:

"Толкование языкового "смысла" литературного объекта и толкование его "духовного содержания", его "смысла" в этом ориентированном на ценность значении слова, пусть даже они часто – и с достаточным основанием – связываются, логически представляют собой различные в корне акты... Лингвистическое "толкование" – это (не по ценности и интенсивности духовной деятельности, но по своему логическому содержанию) элементарная предварительная работа для всех видов научной деятельности и научного использования "материала источников" С точки зрения историка, это техническое средство, необходимое для верификации "фактов", орудие исторической науки (а также и многих других дисциплин)...

В той мере, в которой "толкование" объекта является "филологическим" в обычном значении этого слова, например толкование языка литературного произведения, оно служит для историка технической вспомогательной работой. В той мере, в какой филологическая интерпретация, "толкуя", анализирует *характерные черты* своеобразия определенных "культурных эпох", лиц или отдельных объектов (произведений искусства, литературы), она служит образованию логических понятий"¹⁶.

Тот факт, что, историки имеют дело с текстами не означает, что единственным объектом их изучения должны быть сами эти тексты. Например, физики имеют дело с показаниями приборов, но ведь из

¹⁴ Современная западная философия. Словарь / (Сост.) Малахов В. С., Филатов В. П. Изд. 2-е. М. Остожье, 1998. С. 169-170.

¹⁵ White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins Univ. Press, 1973.

¹⁶ Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре [1905] // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 416–494 (С. 447, 460–461).

этого не следует, что единственным объектом их изучения должны быть эти приборы. Впрочем, чтобы не злоупотреблять сравнениями с общественными науками, обратимся к опыту наук общественных. Все обществоведы работают с текстами (в широком смысле, включая статистические данные и т.д.). Однако это не означает, что тексты договоров, к которым обращаются специалисты по международным отношениям, являются конечным объектом их исследования, равно как изучения текстов и таблиц, характеризующих выполнение государственного бюджета или финансовую деятельность фирмы, отнюдь не является конечной целью экономистов. Эти утверждения достаточно очевидны для любого обществоведа.

Конечно, существуют научные дисциплины, в которых именно текст может рассматриваться как конечный объект исследования (семиотика, филология). Однако не вполне ясно, почему представители этих специальностей вдруг стали настойчиво убеждать историков, что *конечной целью* исторических исследований тоже должно быть изучение текстов, по сути возрождая девиз Фюстель де Куланжа: "Тексты, тексты, ничего кроме текстов". Еще менее понятно, почему сами историки переполошились по этому поводу и включились в эту полемику.

На протяжении едва ли не полутора столетий историческое знание неизменно оказывается в эпицентре методологических дискуссий. При этом, с одной стороны, обсуждением проблем методологии истории занимаются все кому не лень – от физиков до филологов, с другой – историки не только терпят это, но и весьма чувствительно переживают по поводу всех этих "советов посторонних". Утешает, впрочем, то, что несмотря на душевные переживания, они в конечном счете все равно продолжают заниматься своим делом.

4. История и общественные науки

Одной из основных характеристик эмпирического материала, используемого в научном знании, является интерсубъективность этого материала, его доступность для любого исследователя. Особенность социальной реальности, радикальным образом отличающая ее от природной, состоит в том, что значительная часть объектов исследования имеет ограниченно интерсубъективный характер. В основе социальной реальности как продукта человеческой деятельности лежат акты мышления, но они недоступны для прямого наблюдения. Поэтому в качестве первичного объекта при изучении социальной реальности выделяются человеческие действия (социальные и культурные). Однако человеческие действия (*res gestae*) локализованы во времени и пространстве и являются ограниченно интерсубъективными. Эти действия интерсубъективны только в момент их совершения и в силу локальности наблюдать их может лишь ограниченное число людей. Любое данное конкретное действие имеет разовый, единичный характер, и не воспроизводимо как объект для повторных наблюдений. В связи с этим в

общественных наук, в том случае, когда речь идет об изучении человеческих действий, полностью intersубъективными являются *данные* наблюдений, а не сами объекты наблюдений. Более того, в общественных науках требованию intersубъективности полностью отвечают только результаты или продукты культурных действий, в нашем определении – элементы системы культуры, имеющие предметную форму. При этом intersубъективный характер присущ и самой предметной форме, и символическому содержанию этих предметов. Строго говоря, устойчивый (сохраняющийся во времени) intersубъективный характер имеют лишь материальные объекты и заключенные в них сообщения, представленные в знаковой форме.

Вообще для того, чтобы заниматься анализом какого-либо общества, его не обязательно видеть. Например, можно заниматься американской экономикой, политикой и т.д. ни разу не будучи в США (в советские времена так оно и было). И даже если побывать в стране, это вряд ли даст вам больше для ее понимания и объяснения, чем чтение нескольких книг, что отмечал еще Ф.Бродель:

“Клод Леви-Стросс утверждает, что один час беседы с современником Платона сказал бы ему о монолитности (или же, наоборот, разобченности) древнегреческой цивилизации больше, чем любое современное исследование. И я с ним вполне согласен. Но он прав только потому, что в течение многих лет слушал голоса многих греков, спасенных от забвения. Историк подготовил ему путешествие. Час в сегодняшней Греции не сказал бы ему ничего или почти ничего о монолитности или раздробленности современного греческого общества”¹⁷.

Тезис о том, что историческое познание отличается от других общественных наук тем, что историки не имеют возможности наблюдать исследуемый объект, по существу, конечно верен. Однако на самом деле подавляющее большинство обществоведов также не занимается непосредственными наблюдениями, в отличие от естественников, которые в среднем уделяют наблюдениям достаточно много времени. Обществоведы же имеют дело с данными (сообщениями) об объекте, и в этом смысле мало чем отличаются от историков. Конечно, здесь есть и исключения – например, культурная антропология, в значительной мере психология и отчасти лингвистика (в рамках изучения живых естественных языков) действительно активно опираются на прямые наблюдения. Однако в большинстве общественных и гуманитарных дисциплин – экономике, социологии, политологии, международных отношениях, праве, не говоря уже о филологии, – ученые имеют дело с сообщениями (данными, текстами и т.д.).

Именно этим отчасти можно объяснить наблюдаемый во второй половине XX в. рост интереса к анализу текстов. В некотором смысле

¹⁷ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] // Философия и методология истории. Сборник переводов / (Ред.) Кон И С М.. Прогресс, 1977. С 115–142 (С. 131).

это отражает стремление к повышению "научности" общественно-гуманитарных исследований, а не отход от нее. Требование интерсубъективности эмпирического материала, являющееся неперенным условием объективации научного знания (т.е. признания его в качестве знания или истинных высказываний о реальности) естественным образом выдвигает тексты (сообщения, данные) на первый план:¹⁸

В качестве одного из доводов в пользу отличия эмпирической базы истории от других общественных наук выдвигается также тезис об отсутствии в исторических исследованиях обратной связи между теорией и эмпирическими данными. Подразумевая под теоретической составляющей научного знания, в самом широком смысле, постановку вопросов и поиски ответа на них, можно сказать, что для ответа на новые вопросы исследователь нуждается в новой информации. Эта новая информация может возникать как за счет новых данных (сведений), так и благодаря новому использованию имеющихся данных.

В принципе, в XX в. историческая наука продемонстрировала колоссальные возможности развития и того и другого, т.е. вовлечение в оборот новых данных (сообщений) или "источников" (на языке историков) и извлечение радикально новой информации из уже использовавшихся ранее сообщений-источников. Конечно, здесь есть какие-то ограничения: историк не может организовать социологический опрос, обследовать конкретное предприятие или провести психологическое тестирование. Однако следует заметить (и, думаю, с этим согласится каждый обществовед), что наличие у специалистов по "нынешней реальности" *потенциальной* возможности получения радикально новых данных имеет мало отношения к *реальным* возможностям.

Социолог, не работающий в каком-либо центре по изучению общественного мнения, имеет весьма мало шансов добиться включения в опросные листы нужного ему вопроса (кстати, и для сотрудников центров это не так просто). Специалист по международным отношениям в подавляющем большинстве случаев не может присутствовать на переговорах (кроме небольшого числа отобранных МИДом экспертов, да и то не всегда). Экономист не может получить доступ к документам конкретной фирмы, и почти невозможно добиться, чтобы статистические органы начали собирать новые данные (в лучшем случае на это уходят годы). Психолог вряд ли может рассчитывать на то, что ему удастся затаскать в свою лабораторию сколько-нибудь известную личность и уговорить ее пройти парочку тестов. Ну а юристы и литературоведы в принципе лишены возможности инициирования новых данных в соответствии со своими исследовательскими интересами.

¹⁸ "У историков появилось стремление видеть в документе, в свидетельстве, т.е. в тексте, самостоятельную научную ценность... Они отдают себе отчет в том, что единственно доступная им реальность заключается в документе" — Дюби Ж Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей 1991. М., 1992 С.48–59 (С.58)

"Историки не снаряжают экспедиций в страны, где происходят войны и революции. И они не делают этого не потому, что менее энергичны и смелы, чем естествоиспытатели, или же менее способны добывать деньги, которых бы потребовала такая экспедиция. Не делают они этого потому, что факты, которые можно было бы добыть с помощью экспедиции, равно как и факты, которые можно было бы получить путем преднамеренного разжигания революций у себя дома, не научили бы историков ничему такому, что они хотят знать"¹⁹.

Но в полной мере это относится ко всем обществоведам (конечно, если речь идет об ученых).

Наконец, представление о науке как о эмпирико-теоретическом знании включает не только посылку о том, что теория должна опираться (при всех возможных оговорках) на эмпирические данные, но и теоретические построения должны каким-то образом проверяться с помощью эмпирических данных. Это служит еще одним поводом для сомнений в "научности" исторического знания, поскольку считается, что историки, в отличие от других обществоведов, не имеют возможности "проверять" свои концепции "на практике".

На это прежде всего следует возразить, что, как показано во множестве современных исследований в области социологии и философии науки, на самом деле теории не опровергаются и не подтверждаются только с помощью эмпирических данных, и проверки такого рода — лишь один, далеко не самый существенный механизм формирования социального запаса научного знания. Идея о том, что история отличается от "нормальной" науки невозможностью эксперимента, базируется на естественнонаучном представлении о научных "нормах" и по сути является архаичным (мы также не смогли полностью избежать этого архаизма в нашей предыдущей книге). Другой крайностью является попытка "подогнать" историческую науку под стандарты естественнонаучного знания: "Естественнонаучному эксперименту соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников"²⁰.

На самом деле эксперимент, если подразумевать под ним искусственные манипуляции с объектами исследования с целью получения исследовательских результатов, невозможен практически ни в одной общественной науке (исключение составляет только психология). Тот факт, что некоторые мероприятия отдельных правительств начинают постфактум именовать "экспериментами" (большевистский эксперимент, фашистский эксперимент и т.д.), не имеет никакого отношения к научным экспериментам, даже если в основе этих практических действий и лежали некоторые научные или псевдонаучные концепции (социальные, экономические, расовые и т.п.).

¹⁹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории [1946] // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Пер с англ М.: Наука, 1980. С.238.

²⁰ Хайдеггер М. Время картины мира [1950] // Хайдеггер М. Время и бытие. Пер с нем М.: Республика, 1993. С 41–62. (С.45).

Ни один обществовед не может провести научный эксперимент в реальности, и историки в этом смысле отнюдь не являются каким-то исключением. Если же говорить о мыслительных экспериментах, то здесь у историков точно такие же — если не большие — возможности для экспериментирования, как у любого экономиста или политолога.

Характеризуя в целом эмпирическую составляющую исторического знания, можно сказать, что в своей основе она принципиально не отличается от эмпирической базы других общественных наук. Отличия имеют, прежде всего, количественный характер и определяются объемом данных (сведений), с которыми имеют дело историки. Понятно, что эти количественные различия в эмпирической базе истории и других общественных наук естественным образом возрастают по мере удаления в прошлое. Но гораздо более существенное, на наш взгляд, отличие эмпирической основы истории от других общественных наук связано с возможностями освоения имеющегося материала.

В целом в современном обществе сбор данных и их первичная обработка вынесены за рамки науки или играют в ней вспомогательную роль, которую берет на себя "младший научный персонал". В основном первичным сбором и обработкой экономической, социальной, политической и другой информации занимаются государственные статистические ведомства, центры, проводящие социологические опросы, информационные агентства и т.д. Но все это относится лишь к существующей, сегодняшней реальности — для прошлого эту работу должны выполнять сами историки.

Как показывает практика, современные общества выделяют на изучение прошлого (в том числе на создание информационной базы для описания и объяснения прошлой реальности) гораздо меньше ресурсов (людских и финансовых), чем на изучение настоящего. Конечно, в последние десятилетия, благодаря развитию компьютерных систем сбора, хранения и обработки информации, в исторической науке также наблюдается значительный прогресс. Но несмотря на расширение информационной базы исторических исследований, она все равно увеличивается гораздо медленнее, чем информация, используемая в большинстве других общественных наук. По-прежнему историки вынуждены тратить значительную часть времени на подготовительные операции и выполнять их самостоятельно. Объем, характер и первичная обработка эмпирического материала в большинстве случаев ограничены пределами возможностей одного индивида, реконструирующего тот или иной фрагмент прошлой реальности.

С.И.Сотникова

Естественнонаучные методы в современном историческом познании

В инструментарии "чужих" наук, активно используемых историками, видную роль играют естественнонаучные методы. Современная практика обнаруживает устойчивую тенденцию к увеличению разнообразия этого инструментария, что хорошо согласуется с общими интеграционными процессами. В рамках исторических исследований экспансия естественнонаучных методов идет по линии освоения все новых проблемных полей. Вместе с тем, наблюдается определенная специализация (по отдельным историческим дисциплинам) и ранжированность некоторых методов (применительно к эмпирическому, теоретическому или методологическому уровню исторического исследования). Все используемые современными историками методы точных и естественных наук можно условно объединить в три группы: математические, естественноисторические (физико-химические методы, преимущественно в геолого-географическом варианте) и визуальные методы (главным образом многообразные модификации картографического метода), используемые в основном для изучения пространственных объектов и явлений. Не ставя целью представить исчерпывающий обзор, автор видит свою задачу в том, чтобы прояснить характер применения и проблемную "специализацию" конкретных методов. В качестве примеров выбраны работы, наиболее отвечающие поставленной задаче.

Математические методы, сквозные по отношению как к областям исторического знания, так и к его уровням, являются в настоящее время наиболее востребуемым историей инструментарием точного знания. Об этом свидетельствует большое число монографических работ по кардинальным проблемам социально-экономической, политической истории, исторической демографии, источниковедению, базирующихся на математических приемах обработки информации¹

¹ С начала 70-х гг. проблематика, связанная с использованием этого инструментария, нашла подробное освещение в специальных сборниках, издаваемых Комиссией по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях *Ковальченко И.Д.* /ред./ Математические методы в исторических исследованиях М, 1972, Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях М, 1977, Количественные методы в гуманитарных науках М, 1981, Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях М, 1981, Количественные методы в советской и американской историографии М, 1983; Количественные методы в исторических исследованиях М, 1984, Математические методы и ЭВМ в историче-

Начало активного обращения историков к математике восходит к 1960-м годам и связано с потребностью облегчения рутинной работы с массовыми количественными данными, статистическими таблицами, материалами анкетных обследований, ревизий и т.п.² Использование элементарных приемов теории вероятности (определение репрезентативности выборки, подсчет средних значений и экстремумов, оценка характера и тесноты взаимосвязей изучаемых явлений с помощью корреляционного и регрессионного анализов) уже на первых этапах показало свою результативность. Успехи способствовали сравнительно быстрому преодолению многими историками барьера неприятия гуманитарием непривычного инструментария. Наиболее результативными работами, доказавшими перспективность использования аппарата математики, явились труды Б.Г. Литвака по крестьянскому движению, И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова о формировании единого аграрного всероссийского рынка. Их также отличает особая тщательность и корректность использования математических методов.

Исследования Б.Г. Литвака показали, что статистическая обработка массового материала может дать существенную дополнительную информацию. Метод основывался на изучении крестьянского движения как процесса с выраженными параметрами: размах движения, причины подъема и спадов, региональные и этнические особенности и пр. Была выполнена своеобразная квантификация качественной информации с представлением ее в виде показателей, поддающихся обработке статистическими методами. В итоге автору удалось по-новому осмыслить формы крестьянского движения, причины их последовательной смены, показать роль сословно-групповых и регионально-национальных особенностей, дать четко обоснованные критерии периодизации крестьянского движения.³ Эта практика использования статистических методов была обобщена и развита автором в 70-е годы применительно к проблематике, связанной с теорией и методикой источниковедения

И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова⁴ развили метод характеристики качественных явлений (каким в данном случае выступает столь интегративное понятие как аграрный рынок) через выявление количественных характеристик (цены на хлеб), их обработку, ранжирование и пр. В ра-

ских исследованиях М., 1985, Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях М., 1989, *Милов Л.В. /ред./ Россия и США на рубеже XIX-XX вв., Математические методы в исторических исследованиях*, М., 1992. С середины 80-х гг. в образовательные программы исторических факультетов введены одноименные курсы, по которым изданы соответствующие учебные пособия *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ* М., 1987.

² *Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий)* М., 1963

³ *Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в.* М., 1967, *он же Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861-1895* М., 1972

⁴ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. Опыт количественного анализа* М., 1974

боте был использован аппарат теории вероятностей, в изучении факторов, влияющих на цены, задействованы приемы корреляционного и регрессионного анализа. Дальнейшее развитие этого инструментария в области аграрной тематики нашло воплощение в анализе писцовых книг в монографии Л.В.Милова, М.Б.Булгакова, И.М.Гарсковой.⁵ Авторами была разработана новая методика анализа писцовых книг с помощью компьютера, использованы методы корреляционного, регрессионного, кластерного и факторного анализа, дано подробное обоснование набора выделенных признаков, адекватных исследовательской задаче, и мотивировка выбора математического инструментария в соответствии с исходной содержательной гипотезой о структуре рассматриваемой совокупности объектов. Полученные данные были использованы для характеристики двух различных типов феодального хозяйства (вотчинного и помещичьего) и положения различных категорий крестьянства, определения характера и темпов развития феодальных отношений в первой половине XVII в.

Успехи применения статистических методов в исторических исследованиях в значительной мере стимулировали становление теории и методики *источниковедения массовой документации*. Как показали работы Б.Г.Литвака⁶, обращение историка к ординарным событиям, их анализ и осмысление дает ценный материал для понимания различных феноменов социально-экономической и политической истории. При этом важнейшая роль отводится статистической обработке сведений, которая позволяет получить новую информацию, не улавливаемую единичным наблюдением. Обобщение опыта использования количественных методов анализа в работе с массовыми источниками по социально-экономической и политической истории нашло отражение в специальных сборниках (под редакцией И.Д.Ковальченко)⁷

В конце 70-х годов применение математических методов в истории вступает в качественно новый этап, что находит свое отражение в источниковедческом анализе сугубо текстовой информации, не содержащей количественных характеристик, например, в исторических хрониках, философских трактатах⁸ и т.п. Вопросы атрибутирования, выяс-

⁵ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986

⁶ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979, он же. Крестьянское движение в России 1775-1904 г. История и методика изучения источников. М., 1989

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979, Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма. М., 1982

⁷ Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи "Чунь цю" // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. Бородин Л.И., Милов Л.В. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Там же, с. 298-326, Бородин Л.И., Милов Л.В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людям) // Там же,

нения авторства, подлинности, ранжирования различных списков и пр. решаются с использованием аппарата контент-анализа, а также метода репрезентации текста. Примером может служить исследование Н.В. Романковой⁹, посвященное определению стилей греческих авторов и славянских переводчиков византийских хроник. Разработанная ею методика атрибутирования базируется на поиске предполагаемой статистической закономерности в порядке расположения частей речи в предложении, создании системы грамматических классов, их кодировании, построении матриц частот парных встречаемостей и т.д. При этом активно задействованы возможности обработки на ЭВМ. Метод позволил не только фиксировать различия переводов, но и проследить в каждом конкретном переводе судьбу "опосредованного" источника (греческого) оригинала. Подобное использование элементов структурно-лингвистического анализа подготовило историков к восприятию в последующие годы ряда положений теории систем¹⁰.

Развитие электронно-вычислительной техники существенно упрощает работу с огромными массивами данных и делает возможным создание обширных баз машиночитаемых документов (МЧД). Ставятся на машинную основу разнообразные процедуры анализа: преобразование, классифицирование, аппроксимирование изучаемых явлений законами и уравнениями. В исторических исследованиях широко применяется *математическое моделирование*. Положения теории дифференциальных и разностных уравнений, теории информации, теории игр, графов, методы линейного и нелинейного программирования и пр. используются для построения различных моделей хозяйственных структур в России XVII-XX вв., для выявления особенностей их функционирования и взаимовлияния; циклов в аграрном развитии различных регионов¹¹ и пр. В работах конца 80-х — начала 90-х годов уже используются отдельные положения теории систем: например, для моделирования конкретных структур общественного сознания и выявления механизмов их функционирования¹².

с 235-279, Брагина Л. М. Методика количественного анализа философских трактатов эпохи Возрождения // Там же, с. 280-297, и др.

⁹ Романкова Н. В. Формальные методы определения авторского стиля (авторы и славянские переводчики византийских хроник) // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях М, 1989 С. 226-235

¹⁰ Применительно к графическим источникам методически значима предпринятая Я. А. Шером еще в 70-х гг. попытка их атрибутирования путем разработки алгоритма распознавания стилистических типов в древних писаницах. — Шер Я. А. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях, с. 117-127

¹¹ Какх Ю., Роммель М. Опыт изучения циклов аграрного развития методами распознавания образов // Количественные методы в советской и американской историографии, с. 162-176

¹² Минц С. С. О возможном подходе к изучению социального сознания в историко-культурных исследованиях (постановка проблемы) // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях, с. 212-225

В условиях успешного продвижения многообразного инструментария математики в различные области исторического познания остро встает проблема отношений историка-профессионала и представителей точного знания — разработчиков инструментария. Все более важную роль играют критерии выбора признаков, подвергаемых формализации, с точки зрения их репрезентативности для изучаемого явления. Именно применительно к задаче исторического исследования, к специфике изучаемых феноменов подбирается и метод анализа. Контакт с историком совершенно необходим при адаптации математического аппарата к исторической проблематике. Опыт сенсационных переписываний всемирной истории, получивший особенно широкий размах в работах Г.В.Носовского и А.Т.Фоменко¹³, являет пример игнорирования истории как науки, ее методологии, понятийного аппарата, концепций, инструментария, фактографической базы. Концепция этих авторов, несостоятельность которой очевидна для историков¹⁴, к сожалению, получает поддержку непрофессионалов, для которых основным аргументом в защиту выдвигаемых положений выступает нередко авторитет указанных авторов как математиков.

Рассмотренные на примере отечественной истории и источниковедения математические методы в аналогичном составе, проблематике и логике бытования с 60-х гг активно используются и археологией. Изучая древнейшую историю человечества, археология имеет дело, главным образом, с объектами материальной культуры. Последние несут обширную информацию об обстоятельствах своего происхождения (времени, месте создания, функциональном назначении и др.), которая может быть получена с помощью **физико-химических, минералогических методов, приемов металловедения и других методов негуманитарного источниковедения.**

Некоторые методы, связанные с определением абсолютного возраста изучаемых процессов (ядерно-физические, или изотопные методы), реконструкцией палеоландшафтной обстановки, выяснением локализации и генезиса рудных месторождений, их минералогическо-петрографических "паспортов" и т.д., являются сквозными для гуманитарного и негуманитарного знания.¹⁵ В большинстве своем они используют инструментарий физико-химических наук, адаптированный к историко-геологической и историко-географической проблематике. В историческом познании в целом методы геолого-географических наук

¹³ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. М., 1996.

¹⁴ Володихин Д.М. О вреде фольк-хистори // История России в мелкий горошек. М., 1998. С. 178-222.

¹⁵ Более того, применение естественнонаучных методов в исторической проблематике геолого-географических исследований сопровождалось становлением новых смежных дисциплин, таких как палеонтология, палеогеография, геофизика, геохимия ландшафта, палеоклиматология, палеоботаника, палеозоология, палинология и др.

используются в междисциплинарных изысканиях по проблемам взаимоотношения общества и природы для реконструкции природной среды бытования социумов разных эпох и культур.

“Вживание” этих методов в практику археологических изысканий свидетельствует о неуклонном повышении их статуса от первично утилитарных отношений “запрос-ответ” вплоть до построения интерпретационных моделей древних культур, изучения их генезиса, типологии, территориальной локализации и др. Данная группа методов используется в решении вопросов археологической хронологии, в изучении “анатомии” археологических объектов (выяснение происхождения материала, истории древней технологии и производства, распространения древних культур и экономических связей и т.д.); в воссоздании палеоклиматических и палеоландшафтных условий древнего земледелия и скотоводства; оптимизации полевых археологических изысканий (обнаружения, организации эффективного раскопа и т.п.).¹⁶

Применительно к обозначенной проблематике сложилась определенная специализация естественноисторического инструментария. Так, в решении вопросов датирования древних культур археология традиционно использовала достижения палеонтологии и, прежде всего, сведения геохронологических шкал, которые дают возможность определения относительного возраста. Относительная хронология, построенная палеонтологами, использовалась археологией для реконструкции последовательности и характера изменений, происходивших в истории природы Земли как среды бытования культур, начиная с палеолита. Иными словами, методы традиционной палеонтологии давали возможность реконструкции ландшафтов для археологических культур. Как известно, палеонтологический метод позволяет устанавливать относительные возрасты, и притом только осадочных пород, содержащих окаменелые остатки или следы живых существ.

К настоящему времени археология, впрочем, как и историческая геология и палеонтология, в воссоздании палеообстановки использует и такие естественноисторические методы, как стратиграфический, литологический, данные палеоклиматологии, палеоботаники, палеозоологии. В своей совокупности они позволяют подробно воссоздать палеозоологическую обстановку (климатические условия, древний рельеф, животный и растительный мир, состав почв и пород и т.п.). Так, например, для реконструкции форм древнего рельефа, к которым приурочена та или иная археологическая культура, используется инструментарий литологии и палеогеоморфологии. Их методы строятся на существовании корреляции форм рельефа с механическим составом и структурой осадочных слоев. Палеоклиматическую обстановку воссоз-

¹⁶ Общая стратегия использования естественнонаучных методов в археологии была достаточно ясно обозначена Б.А.Колчиным еще в середине 60-х годов — *Колчин Б.А. Археология и естественные науки // Археология и естественные науки // Под ред. Б.А.Колчина М., 1965 С.8-9*

дают, обращаясь к достаточно обширному в настоящее время инструментарию исторического раздела климатологии. Ее методы позволяют воссоздать температурно-влажностные условия существования биоты и древнего человека, а также физико-химические условия, определявшие скорость и направление процессов выветривания, формировавших лик Земли. Как известно, температурно-влажностные условия в различных их сочетаниях определяют типы ландшафтов, а следовательно, и характер растительности, животного мира и пр. В свою очередь, палеоклиматические реконструкции осуществляются с помощью использования большого набора методов: палеоботаники, палеозоологии, геохимии, литологии, дендрохронологии и др.

Существует и определенная специализация методов реконструкции применительно к составу палеонтологического материала: так, реконструкция температурного и солевого режима древних морей ведется по определенным группам морских животных, систематика которых очень экологична (бытование в узких рамках температурно-влажностного режима). Для воссоздания климатической обстановки древней суши анализируют растительные остатки, причем не только макроформы, но и представителей микромира (споры, пыльцу древней растительности), используя палинологический метод. Сейчас установлено, что микромир отличается не только своей массовостью, но исключительно информативен в экологическом отношении. Наука, реконструирующая древние ландшафты по спорам и пыльце (палинология), является хорошо разработанным разделом биологии. Споропыльцевой метод широко используется в археологии при датировке (относительной) и реконструкции среды обитания (анализ материала древних стоянок), а также при изучении древних земледельческих культур. При изучении скотоводства древних культур активно востребуются палеофаунистические методы (разновидность палеогеографического метода). Здесь наряду с анализом макроостатков (палеозоология) широко бытуют методы электронной микроскопии, позволяющие существенно уточнить экологические условия по составу микроформ, имеющих четкую экологическую привязку.

В группе методов абсолютного датирования археологических культур ведущее место занимают изотопные методы. Кроме них, археологи используют дендрохронологический и археомагнитный методы. В целом методы абсолютного датирования, прежде всего изотопные, позволили увязать стратиграфические разрезы и слои с определением их абсолютного возраста. Изотопные методы базируются на возможности определения времени распада химических элементов (в составе минералов горных пород), обладающих естественной радиоактивностью. В геологии изотопные методы используются для абсолютного датирования магматических и метаморфических пород. Ввиду исключительной длительности событий геологической истории используются, главным образом, методы, базирующиеся на долгоживущих изотопах (т.е. обладающих большим периодом полураспада): калиево-

аргоновом, ториевом и др. Долгоживущие изотопы удобны для датирования астрономических и геологических событий, исчисляемых миллионами и миллиардами лет. Так, в различных модификациях они широко используются геологами, палеонтологами, а также в палеогеографии, исторической геологии, физике Земли и др.

Благодаря возможностям изотопного датирования, многие события космической, астрономической, геологической истории Земли получили возрастную определенность. В их числе такие события, как образование Вселенной (12-20 млрд лет); Солнечной системы (около 6 млрд лет назад), астрономическая (в интервале между 6 — 4,5 млрд лет) и геологическая (с 4,5 млрд лет) история Земли. Кроме того, ученые получили представление о времени появления жизни на Земле (не менее 3 млрд лет назад). Наконец, была разработана абсолютная хронологическая шкала геологической истории Земли в целом. Та ее часть (четвертичный период и особенно голоцен), которая затрагивала период возникновения и бытования древнейшего человека, использовалась и археологами. Изучение этого периода геологической и социальной истории определяло основания и зоны контактов археологии с инструментарием геолого-географических наук.

Однако для обеих ветвей знания (гуманитарного и естественнонаучного) стала очевидной невозможность использования ядерно-физического датирования по долгоживущим изотопам при изучении более молодых событий (менее ста тыс. лет), поскольку по отношению к ним эта группа методов оказалась нечувствительной. Поиск радиофизиков привел к возникновению в середине 40-х гг. **радиоуглеродного метода**. Как известно, радиоактивный углерод распадается достаточно быстро, что дает возможность надежного датирования с его помощью событий в пределах 50-60 тыс. лет. Он применяется в естественной истории для исследования событий, связанных с последним мощным материковым оледенением в Европе и Северной Америке, а археологией — для изучения некоторых событий палеолита и всех более молодых культур. Радиоуглеродный метод особенно эффективен для изучения письменных культур, а также для культур, не имевших календаря с исходной датой и пользовавшихся относительным отсчетом времени. Хотя метод имеет определенные ограничения, он активно используется для создания абсолютной хронологической шкалы различных культур и регионов, а в перспективе — единой абсолютной хронологии археологических памятников всех континентов¹⁷.

В настоящее время метод хорошо освоен археологией, но история его применения весьма показательна для методологии освоения "чужого" инструмента гуманитарным знанием. На первых же этапах обнаружилась потребность в тщательной корректировке радиоуглеродного метода применительно к изучаемому материалу. Поводом послужила бурная дискуссия конца 50-60-х гг. вокруг результатов радиоуг-

¹⁷ Колчин Б. А. Археология и естественные науки. С. 10.

леродного датирования археологических культур неолита и бронзового века Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья. Радиоуглеродная хронология практически на тысячелетие разошлась с традиционной¹⁸, что потребовало от разработчиков метода уточнить период полураспада углерода, выявить дополнительные (средовые) факторы, искажающие данные. Наконец, совместно радиофизиками и археологами была осознана необходимость построения проверочной шкалы на основе перекрестного сравнения радиоуглеродного и традиционного датирования для определения возможных погрешностей¹⁹.

Для датирования некоторых памятников археологи (как и географы) используют **дендрологический метод**. Он удобен для определения абсолютного возраста деревянных построек, мостовых, икон и других памятников и имеет точность датировки в пределах одного года, но возможности его использования определяются наличием дендрохронологических шкал для конкретных территорий, и развитие этих исследований в России (работы Б.А. Колчина, Н.Б. Черных и др.)²⁰ и за рубежом идет как раз в направлении создания таких шкал для обширных регионов (Восточная Европа, европейский север России).

Для археологических памятников неорганической природы используется **археомангнитный метод** датирования, принадлежащий к инструментарию геофизики и основанный на определении изменений магнитного поля Земли (по принадлежности материала к нормальной или обратной полярности)²¹. Для археологической керамики используется также **термолюминесцентный метод**, основанный на феномене свечения кристаллических веществ, подвергшихся последнему обжигу. Имея преимущества в точности по сравнению с археомангнитным, он все еще достаточно дорог и требует особого оборудования.

За исключением радиоуглеродного датирования, все вышеописанные методы касались анализа непосредственно материала археологического памятника. Вместе с тем, в ряде случаев археологи прибегают к датированию по вмещающему или сопутствующему материалу, ис-

¹⁸ Уточнения традиционной хронологии изотопными методами имеют тенденцию к "удревнению" событий. Так, на миллион лет вглубь веков ныне отодвинулась дата (3-3,5 млн лет вместо 2-2,5) разделения древнего ствола гоминид с выделением в нем нашего предка (калиево-аргоновый метод), вдвое раньше датируется возникновение древних очагов земледелия (радиоуглеродный метод) и существенно скорректирована их география.

¹⁹ *Титов В.С.* Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы // Археология и естественные науки М., 1965 С 34-45

²⁰ См. *Колчин Б.А.* Дендрохронология Восточной Европы // Археология и естественные науки С 62-85, *Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология Восточной Европы. Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 по 1080 г М., 1977, *Черных Н.Б.* Опыт корреляции дендрохронологических и палеоклиматических данных XII-XIV вв // Естественные научные методы в археологии // Под ред. Е.Н. Черных М., 1989 С 193-201 и др.

²¹ *Бурлацкая С.П., Нечаева Т.Б.* Датирование археологических объектов археомангнитным методом // Археология и естественные науки М., 1965 С 50-61

пользуя такие методы геолого-географических наук, как анализ ленточных глин (разновидность литологического и стратиграфического анализа), а также палинологический метод.²²

В изучении истории древней металлургии (выявление древних центров добычи сырья, технологии выплавки металлов, способов изготовления изделий из них, локализация сырьедобывающих центров и т.п.) широко бытуют химические (спектральные и др.), физические методы, металлография. На базе использования различных физико-химических методов анализа при изучении древних металлургических циклов возникло самостоятельное направление, которое получило известность как "экспериментальная археология" (моделирование древних технологий с активным использованием теории и методики современного металловедения). В своей совокупности эти методы дали археологам не только массовый фактографический материал для конкретных исследований по истории металлургии, но послужили базой для решения проблем, имеющих методологическое значение в изучении процессов общеприродного характера. Детально изучив широкий спектр вопросов, связанных с древней металлургией, Е.Н.Черных убедительно показал ведущую роль древних добывающих и перерабатывающих технологий в процессе стадийной и пространственной трансформации (взрывной и эволюционной этапы) древних культур²³.

Разнообразные *геофизические методы* используются в полевой (поисковой) археологии и получили известность под собирательным названием "археологическая геофизика"²⁴. В их числе: электроразведка, магниторазведка, сейсморазведка, эхолокация, гравиразведка. Эта совокупность нередко дополняется фосфатным анализом, зондированием, бурением и пр. От времени экспериментального их апробирования в 1950-60-х гг. и примерно до середины 80-х гг. методы археологической геофизики имели сугубо утилитарное назначение: обнаружение памятника (особенно в случае его погребенности), выявление его границ, конфигурации, внутренней структуры. Их применение существенно ускорило темпы полевых исследований, оптимизировало (по объему и точности закладки раскопов) состав и содержание традиционных раскопочных работ, снизило их стоимость. Несомненным достоинством использования геофизических методов в археологической развед-

²² Метод анализа ленточных глин в своей основе аналогичен дендрохронологии, только объектом служат озерные ледниковые отложения, или ленточные глины, хронология которых хорошо изучена для позднеледниковой и послеледниковой эпох геологами составлена подробная абсолютная хронология по сериям и циклам толстых и тонких слоев ленточных глин. Споры-пыльцевой, или палинологический, анализ сводится к привязке археологического объекта к вмещающему слою, хронологически идентифицированному (по принадлежности пыльцы и спор к определенным эпохам палеолита или неолита)

²³ Черных Е.Н. Металл и древние культуры // Естественнонаучные методы в археологии М., 1989 С 14-30

²⁴ Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественнонаучные методы в полевой археологии М., 1997 Вып 1 С 19-42

ке явилась возможность обнаружения и изучения без вторжения в памятник, что согласуется с юридическими нормативами сохранения археологического наследия. Однако успехи археологической геофизики привели уже в середине 80-х гг к изменениям и в самой методологии полевых исследований. От типологических разработок находок, как основы для интерпретации древних культур, стало возможным перейти к изучению культурных напластований со всеми мельчайшими деталями, т.е. "научному прочтению культурных слоев" в их целостности.²⁵ Благодаря применению естественноисторических методов в археологии были скорректированы, а иногда и полностью пересмотрены отдельные положения традиционных исторических концепций.

Из методов геолого-географических наук, используемых в историческом познании, мало освоено, но достаточно перспективен **картографический метод исследований**, связанный с изучением пространственного аспекта (территориальной дифференциации, пространственной структуры и взаимосвязей пространственно дифференцированных явлений) исторического процесса. Картографический метод анализа является сквозным по отношению к познанию в целом. Его эффективность достигается за счет создания визуального образа изучаемого явления, наглядность которого дает возможность задействовать в анализе механизмы зрительного восприятия, резервы ассоциативного мышления, что позволяет получить дополнительную информацию, не содержащуюся в явной форме в текстовом источнике. Таким образом, речь идет о переводе вербальной исторической информации в невербальную форму и ее презентации в форме наглядного зрительного образа, более продуктивного для анализа пространственно дифференцированных предметов и явлений.

Картографический метод представляет собой логически стройную систему приемов эксплуатации гносеологических возможностей карты: он включает визуальные, графические, графоаналитические, вероятностные приемы, варианты математического анализа картографического изображения.²⁶ По времени возникновения и нарастанию сложности приемов исследования весь инструментарий можно выстроить в следующий ряд: описание, графические приемы (построение профилей, разрезов, графиков, двух- и трехмерных картографических моделей), графоаналитические (картометрия и морфометрия — получение качественных и количественных показателей), приемы математическо-

²⁵ Там же, с 3. Характерной особенностью применения методов археологической геофизики является неперемное их сочетание с картографированием. Составление картографического образа памятника на основе геофизической разведки является, по сути, итогом работ по его выявлению, а представленная на карте конфигурация и внутренняя структура памятника служит основой для планирования содержания и объема традиционных раскопочных работ.

²⁶ Разнообразно и техническое его оснащение, предусматривающее как визуальные и инструментальные, так и исследования, основанные на полной автоматизации процессов работы с картой — Берлянт А. М. Картографический метод исследований. Изд 2-е М., 1988.

го анализа (построение пространственных моделей исследуемых явлений); приемы математической статистики, теории систем и др.

Полноценное использование возможностей картографического метода в историческом познании — дело ближайшего будущего. На сегодня обращение историков к этому методу не стало еще массовым явлением и ограничивается использованием простейших приемов анализа (визуальный и картометрия)²⁷ Пожалуй, самой верной поклонницей картографического метода исследований является полевая археология. До широкого внедрения в эту науку аэрофотосъемки и геофизической разведки при выборе мест будущих раскопов широко использовались ретроспективные чертежи и планы городов. Например, в работах Новгородской археологической экспедиции 60-70-х гг. для изучения топографии древнего города использовался чертеж XVII в.²⁸

Осознание и формулирование возможностей карты как специфического инструмента в историческом познании произошло еще в 30-е гг и связано с работой В.М.Лавровского²⁹, посвященной истории землевладения в Англии конца XVIII — начала XIX в. Он четко обозначил круг вопросов, решаемых с помощью карты, в частности определение географического положения изучаемых объектов, их конфигурации, территориальной структуры, выяснение пространственной мотивировки земельных обменов и пр. Автор показал, что с помощью карты можно получить утраченные, а иногда специально опущенные в текстовом источнике количественные данные. В этом отношении определенный объем картометрии позволяет существенно увеличить массив количественных показателей, подвергающийся статистической обработке.

Некоторое распространение получило составление исторических карт как способа репрезентации пространственных аспектов изученного явления (работы Я.Е.Водарского, В.М.Кабузана, Н.Е.Бекмахановой и др.)³⁰ Но наиболее показательны, на мой взгляд, работы В.А.Кучкина по историко-картографической реконструкции процесса формирования

27 Малая востребованность метода в значительной мере объясняется существовавшими до недавнего времени ограничениями доступа к картам исследователей (в том числе и к картам прошлых эпох). Сложность их получения в архиве, а также невозможность публикации результатов анализа надолго отвратили многих исследователей от этих ценных исторических источников. Именно поэтому до сих пор остаются слабо разработанными как эвристическое, так и методическое направление картографического источниковедения.

²⁸ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. Изд. 2-е доп. и испр. М., 1975. С. 12.

²⁹ Лавровский В.М. Карты парламентских огораживаний как источник по истории землевладения Англии конца XVIII — начала XX вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 2. М.-Л., 1936.

³⁰ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и северной Киргизии (последняя четверть XVIII — 60-е гг. XIX в.) М., 1980. С. 48-51; Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII — первой половине XIX в. М., 1976, он же Дальневосточный край в XVII — начале XX в. (1640-1917). Историко-демографический очерк. М., 1985; Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX века (размеры, размещение) М., 1988. С. 49.

государственной территории Руси в X-XIV вв. В качестве источников использовались летописи и другие текстовые материалы, а для локализации, или "опознания", указанных в летописях реалий — карты более поздних эпох. Автор построил серию исторических карт, фиксирующих в наглядном пространственном образе процесс консолидации северо-восточных земель под властью московского князя³¹. Им же созданы картографические модели расположения войск противоборствующих сторон в Куликовской битве на разных ее этапах³². Составляемые В.А.Кучкиным карты представляют собой форму изложения выводов об изучаемом явлении, а не просто его констатацию.

Истоки формирования аналитического направления в отечественном картографическом источниковедении восходят к 60-м гг. и связаны с попытками географов разработать методiku построения исторических карт для изучения динамики различных природных явлений (по картам прошлых эпох). Стала очевидной несводимость изображения старой и современной карты, была предложена своеобразная методика "перевода" содержания ретроспективной карты на современную основу³³. Вопросы анализа и оценки полноты, точности и достоверности изображения карт разных эпох получили наиболее полное отражение в трудах историка картографии А.В.Постникова³⁴. В них были подробно освещены методики съемок и картосоставления, бытовавшие в мировой и отечественной практике разных ведомств. Выполненные этим автором детальные исследования больших массивов рукописных и изданных карт имеют непреходящее значение для оценки полноты, точности, достоверности карт как исторических источников.

Попытка осуществления обобщающей характеристики русских карт прошлых эпох, построения их генетической классификации, освещения истории социального их бытования и, наконец, некоторого ранжирования их потенциальных возможностей как исторических источников с учетом современных методов их анализа, предпринята автором настоящей статьи³⁵. Один из опытов построения схемы использования картографического метода применительно к исторической и источниковедческой проблематике, предпринятый мною в середине 80-х гг., был связан с изучением возможности использования картографических материалов генерального и специального межеваний в изучении

³¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 186, 224, 238, 261, 286, 313.

³² Бескровный Л.Г. Куликовская битва // Куликовская битва. М., 1980. С. 230, 239, 240 — публикация исторических карт, составленных В.А.Кучкиным.

³³ Гедымин А.В. Опыт использования материалов русского межевания в географических исследованиях для сельскохозяйственных целей // Вопросы географии. Вып. 50. 1960. С. 147-172.

³⁴ Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985, он же. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.

³⁵ Сотникова С.И. Источниковедение русских карт XVII — начала XX в. Автореф. докт. дисс. М., 1990.

динамики природных и социально-экономических явлений. Для решения поставленной задачи анализировались текстовые и картографические материалы межеваний Елатомского уезда. Методика включала снятие определенного набора количественных показателей, определяемых картометрически, с последующей статистической их обработкой и составлением карт статистического рельефа изучаемых явлений. Картометрически были получены не содержащиеся в текстовых источниках сведения по удаленности населенных пунктов от дорог, плотности заселения, плотности дорожной сети и т.д. Затем после статистической обработки массовых количественных показателей и их ранжирования были построены карты статистического рельефа указанных параметров. Синхронный анализ трех видов карт, составленных на одну дату, лег в основу районирования территории, а сопоставление разновременных карт использовалось для изучения динамики изучаемого явления³⁶. (Нетрудно заметить аналогию в организации работы по преобразованию качественной информации в количественную и последующей ее обработке с процедурами квантификации и преобразований качественной информации при использовании математических приемов в анализе текстового материала).

Другой пример возможной схемы использования картографического метода в источниковедческом анализе статистического материала предложен в работе, выполненной мною совместно с Б. Г. Литваком³⁷. Картографический метод был апробирован в анализе массивов статистических данных об урожаях хлебов и запасах хлебных магазинов, содержащихся в двух ведомостях губернаторских отчетов по 47 губерниям европейской России. Целевой установкой эксперимента было определение возможностей этого метода в деле проверки достоверности данных одной ведомости путем выяснения тесноты их связи со сведениями другой, заведомо достаточно достоверной. Выбранные ведомости содержат логически связанные данные, но это нужно было подтвердить. В случае положительного итога эксперимента историки получили бы возможность через состояние хлебных магазинов иметь дополнительную информацию об урожаях хлебов по большим регионам и в широких хронологических рамках. Построенные две карты статистического рельефа — среднедушевых запасов хлеба и урожайности хлебов — сопоставлялись. На фоне общей картины согласованности статистического рельефа карт двух логически связанных показате-

³⁶ Сотникова С. И. Использование картографического метода в анализе картографических материалов межеваний // Основные проблемы исторической географии России на современном этапе. Материалы 2-й Всероссийской конференции по исторической географии. М., 1980. С. 60-62; Берлянт А. М., Сотникова С. И. Использование картографического метода в изучении экологической ситуации XVIII — 60-х гг. XIX в. // Материалы Всесоюзной конференции по проблемам взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах. Тезисы докладов. М., 1987. С. 82-83.

³⁷ Литвак Б. Г., Сотникова С. И. Картографический метод в источниковедении // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 3-16.

лей имели место два варианта диссонанса, по которым необходима дополнительная проверка обстоятельств их происхождения и особая осторожность при интерпретации данных.

Конечно использование картографического метода требует от историка приобретения серьезных навыков анализа готовых карт, методов их преобразования, построения серий производных карт, но высокая результативность его в работе с пространственной информацией свидетельствует о целесообразности таких усилий (как, впрочем, и в случае с математическим инструментарием). Это тем более оправдано, поскольку логика развития этого метода, приведшая к широкому внедрению в его инструментарий современных электронных технологий существенно упрощает процедуры анализа и картосоставления.

Завершая тему использования естественнонаучных методов в историческом познании, необходимо вкратце остановиться на некоторых изменениях в общей методологии познания, связанных с привнесением в историю "средового" понятия. Речь идет о пересмотре отношения историка к окружающей природе в сторону признания за ней факторообразующего элемента исторического процесса, все чаще оцениваемого не как социально-экономический, а как социоестественный. Отметим, что импульсом к формированию подвижки методологии познания в сторону так называемой "биосферности" послужила острая экологическая ситуация, приобретающая с конца 70-х гг. признаки глобального кризиса. Общество столкнулось с необходимостью выработать стратегию своего выживания. В этой связи проблематика многих научных исследований стала формироваться вокруг задач изучения природы и человека как целостного организма, а каждый вид человеческой деятельности ученые и практики стали соотносить с возможной реакцией природы, развивающейся в соответствии с ее объективными законами. Стало очевидным, что человечеству следует придерживаться определенных жестких рамок своей деятельности, согласуя их с развитием окружающей природы. Как свидетельствует современная наука, требования эти столь суровы, что их правомерно назвать экологическим императивом. Под ним понимается набор тех ограничений активной деятельности людей, нарушение которых уже в ближайшие десятилетия может обернуться для человечества катастрофическими последствиями³⁸. Проблема экологического императива способствовала тенденции сближения гуманитарного и естественнонаучного знания и определила междисциплинарный подход как основу для изучения биосферы и разработки мероприятий по ее сохранению.

Попытки использования в изучении и описании биосферы инструментария математики были реализованы в работах ВЦ АН и получили

³⁸ Моисеев Н.Н. Человек Среда Общество проблемы формализации описания М., 1982, он же Человек и биосфера М., 1985, он же Человек и ноосфера М., 1990, он же Некоторые общие особенности цивилизации наступающего века М., 1994

известность как системный подход, легший в основу формирования новой методологии познания. С его позиций математиками совместно с другими естествоиспытателями стали разрабатываться серии математических моделей, описывающих различные феномены живой и неживой природы, а также общественной жизни, понимаемые как разные уровни организации материи. Поиск общих закономерностей, присущих естественным и социальным явлениям, построение вариаций их развертывания в условиях меняющихся факторов антропогенной активности реализовывались в положениях теории синергетики. Математиками были предприняты попытки построения концептуальной модели биосферы, трактуемой как самоуправляющаяся система. Дальнейшие усилия математиков сосредотачивались вокруг описания основных параметров экологического императива как одного из главных гарантов стабильного сосуществования человека и природы. В теории это обернулось появлением учения о коэволюции, т.е. совместном развитии человека и природы. Отдельные стороны практической реализации этих установок стали разрабатываться в многообразной проблематике взаимодействия общества и природы (в широких хронологических рамках и содержательных аспектах).

Общим для всех областей знания явилось постепенное складывание новой методологии познания, базирующейся на системных представлениях и получившей известность как биосферное мышление. Концептуальную основу нового мышления составляет биосферно-ноосферное учение В. И. Вернадского, дополненное и развитое современной наукой применительно к сложившейся ситуации. Главная особенность биосферного подхода в познании заключается в пересмотре взаимоотношения человека и природы, общества и среды. Они рассматриваются ныне как взаимно детерминированные компоненты единого целого — биосферы Земли. Последняя трактуется в современном познании как сложная, иерархически построенная система оболочек планеты, в которой все параметры, структура, свойства созданы и контролируются работой живого вещества. Исследования показали, что биосфера обладает свойствами саморегуляции, а следовательно может быть описана как кибернетическая система.

Человек — составная часть природы, связанная с определенным этапом в развитии биосферы; он — отнюдь не венец творения и не главная ее компонента, тем более — не царь природы. С позиций биосферных представлений человечество со всеми атрибутами его деятельности мыслится как определенным образом встроенный компонент в рамках единого целого. Безусловно, что он весьма специфичен по сравнению с другими феноменами живого вещества, поскольку наделен разумом. Более того, важнейший продукт коллективного разума — информация — трактуется сегодня как особая среда, а с точки зрения структуры биосферы — как новая ее оболочка, дополнительная по отношению к имеющимся природным. Эти представленные в столь конспективном виде положения составляют суть современной методо-

логии познания, определяемой как биосферное мышление. Совершенно очевидно, что "кирпичики" для его формирования заложены теорией систем и разделами биологии, связанными с учением об организме и среде, т.е. восходят к инструментарию естественных наук.

Биосферная концепция в историческом познании реализуется, прежде всего, в изменении представления о сущности исторического процесса, в частности, во включении природы как активной формирующей среды развертывания социально-экономической и культурной жизни. В этой связи происходят уточнения и в понятийном аппарате, проблематике и методике исследований и как итог — изменения в трактовке некоторых традиционных тем и появлении новых разделов в исторической науке. Прежде всего отметим, что в понятийном аппарате исторического познания получает широкое распространение представление о социоестественных системах (общество и окружающая среда) как главном объекте исторического познания. В практике конкретно-исторических исследований (Л.В. Даниловой, Э.Г. Истоминой, Э.С. Кульпина и др.) рассмотрение окружающей среды как условия жизнеобеспечения социума привело к новациям в трактовке ряда социально-экономических тем в области всеобщей (Э.С. Кульпин) и отечественной (Л.В. Милов) истории, а также способствовало становлению новой исторической дисциплины — социоестественной истории (СЕИ). Последняя как область знания и учебная дисциплина изучает социоестественные системы разных эпох, их типологию, географию. Предпринимаются попытки разработки ее понятийного аппарата и методики исследований. В настоящее время ведущим центром в области этой проблематики является подразделение Института востоковедения, руководимое Э.С. Кульпиным, научные исследования которого выполняются совместно с Академией городской среды. Результаты исследований нашли отражение как в научной периодике (материалы совещаний и семинаров), так и в работах Э.С. Кульпина, посвященных некоторым событиям европейской истории, истории Китая, а также компаративному анализу истории Запада и Востока³⁹. Не давая оценку целесообразности конституирования социоестественного подхода (наука или инструментарий), отмечу несомненную продуктивность биосферного подхода в интерпретации некоторых событий древнейшей истории Египта, Китая, средневековой Европы и Руси. Интересно введение этими авторами понятия социально-экологических кризисов как факторов, формировавших определенные стереотипы мышления, традицию землепользования, формирования этических норм, ритуалов и пр., связанных с формами взаимоотношений человека и природы в восточных и европейских культурах. Интересны предпринятые иссле-

³⁹ Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае, М., 1990, он же Курс по социоестественной истории, М., 1992, он же Бифуркация Запад-Восток (Введение в социоестественную историю), М., 1996 // Социоестественная история Вып. 7 М., 1996, Кульпин Э.С., Панин В.И. Две великие распадки в судьбе Западной и Восточной Европы (Материал к курсу социоестественной истории) М., 1993

дователями попытки сопоставления однопорядковых антропогенных воздействий на ландшафт (распашки земель) в западноевропейской и русской средневековой истории и их различных последствий в экономической, политической и социокультурной жизни и т.д.

Наконец, на мой взгляд, представляет особый интерес недавно вышедшая в свет монография Л В Милова, посвященная русскому крестьянству. Методология исследования базируется на положении об определяющей роли природно-климатических условий России в формировании менталитета крестьянина и складывании многовекового опыта российского земледелия. В частности, автор убедительно показывает, что суровые почвенно-климатические условия стали причиной отсутствия корреляции между степенью трудовых усилий человека и мерой получаемого им урожая на довольно обширных территориях. Это формировало неоднозначные психологические и поведенческие стереотипы (типа “бог — что захочет, человек — что может”). Автором детально рассмотрены “природные компоненты”, способствовавшие переплетению христианского вероучения и языческих обрядов и поверий, реализованных во многих праздничных ритуалах. На основе анализа различных феноменов крестьянской культуры Л.В Миллов показывает глубокую ее укорененность в окружающей природе, тонкое знание “механизма” и сигнальной системы природы, диктовавших логику поведения. В монографии подробно рассмотрены системы земледелия европейской России применительно к природно-климатическим зонам. Общей доминантой в анализе является мысль об определяющей роли неблагоприятных почвенно-климатических условий в сохранении малозффективных экстенсивных систем земледелия. Суровая природа с коротким земледельческим сезоном работ формировала особый тип хозяйствования и уклад крестьянского населения, носивший четко выраженный “мобилизационно-кризисный” характер⁴⁰, реализованный в строгой регламентации всех сфер сельской жизни (распорядке трудовой деятельности, рационе питания, праздниках и пр.).

В целом биосферный подход в историческом познании набирает силу и, вероятно, его реализация послужит материалом для будущих интересных обобщений.

⁴⁰ Миллов Л В Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса М, 1998 С 379

ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ

С.А.Экштут

"Несбывшееся — воплотить!" Опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории

Историческая альтернатива, по определению, предполагает необходимость выбора одной из двух (или нескольких) возможностей. Процесс поиска и выбора всегда представляет собой *попеременное рассмотрение взаимоисключающих возможностей*, но лишь в предельном случае осуществляется выбор *одного из двух* альтернативных решений, направлений, вариантов. Отвергнутые возможности не исчезают бесследно: они остаются в историческом предании и в исторической памяти. В наши дни ученые стремятся инкорпорировать сослагательное наклонение в ткань исторического повествования. Воскреснув под пером историка, побежденные альтернативы и упущенные возможности могут вновь заявить о своем существовании. Контрфактическое моделирование — это попытка представить, как развивались бы исторические события, если бы побежденная в действительности альтернатива, одержав воображаемую победу, получила возможность реализоваться.

I

Взросший интерес к проблеме альтернативности исторического процесса, выбора путей общественного развития объясняется как логикой развития самого научного знания — исторического и философовского, так и практическими реалиями российской действительности конца XX в. В настоящее время проблема нуждается в теоретическом изучении², однако альтернативность истории уже не требует верифи-

¹ При изменившихся условиях отвергнутые варианты развития событий могут *вторично* обрести онтологический статус и вновь получить исторический шанс для реализации — в реальном пространстве и реальном времени, но рассмотрение проблемы *повторяемости в истории* выходит за рамки данной работы.

² Об этом свидетельствует круглый стол, проведенный в 1999 г. альманахом "Одиссей". Наиболее обстоятельно вопрос о сослагательном наклонении в истории изложен в капитальной монографии: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С.111-154, 647-654, 673-674. См. также новейшие исследования по контрфактической истории: *Экштут С.А.* На службе российскому Левиафану: Историософские опыты. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С.245-268; *Парамонова М.Ю.* "Несостоявшаяся история": аргумент в споре с исторической объективностью?

кации, ибо сам факт ее наличия очевиден даже на уровне обыденного сознания все мы в последние годы несколько раз принимали участие в выборе дальнейших путей развития общества или, по крайней мере, были свидетелями этого выбора. За истекшие пятнадцать лет неузнаваемо изменился наш социум то, что создавалось десятилетиями, нередко разрушалось в течение нескольких дней. Все мы — независимо от отношения к происходящему — пережили ряд сдвигов в социальной, политической и экономической сферах жизни общества. Скорость протекания социальных процессов ощутимо превысила и продолжает превышать скорость их теоретического осмысления. Научная мысль не успевает за ходом событий — часто непредсказуемых, нередко трагичных и всегда касающихся каждого из нас. Внезапность происходящего поражает самую буйную фантазию. На авансцене политической борьбы мелькает множество лиц, ярко вспыхивают новые имена, чтобы очень скоро засиять новым блеском или же исчезнуть — если не навсегда, то надолго. Калейдоскоп лиц, событий, обстоятельств убеждает в одном: все это не может быть описано с позиций жесткого, тотального детерминизма, ибо *постоянно обнаруживается фундаментальная роль случая*. Именно случай неоднократно предоставлял материал для экономического, политического или нравственного выбора. Случай играет ведущую роль в нашей жизни, став обязательным и в высшей степени ощутимым фактором развития. Меняется стиль жизни и стиль мышления, меняется мировосприятие. Мы перестаем воспринимать свободу исключительно как осознанную необходимость и начинаем осознавать возможность альтернативных путей развития. Мы перестаем следовать инерции прошлого и начинаем воспринимать будущее как веер альтернатив, обладающих различной или одинаковой возможностью для реализации.

Проблема поиска исторической альтернативы может быть разработана двумя способами. В первом случае к историческому материалу прилагаются философско-исторические концепции, претендующие на большую или меньшую универсальность, причем конкретный материал выступает в качестве суммы примеров и служит для подтверждения обоснованности применения этих концепций к различным эпохам. Во втором случае историософские концепции вырабатываются на основе изучения конкретного материала, относящегося к определенной эпохе, и полученные выводы могут быть применены лишь к данной эпохе. Между этими способами разработки проблемы нет непроходимой грани, но до настоящего времени первый способ не мог быть плодотворно применен: в отечественном обществоведении отсутствовали соответствующие теоретико-методологические концепции, а конкретный исторический материал, относящийся к различным эпохам, еще никем специально не рассматривался и не систематизировался с точки зре-

ния альтернативности исторического процесса. Иными словами, таким концепциям просто неоткуда было взяться, ибо не существовал эмпирический материал для философских обобщений.³

"История не терпит сослагательного наклонения"⁴. Это утверждение долгие годы было символом веры, основой мировоззрения советских обществоведов. Альтернативность исторического процесса не воспринималась в качестве реальной научной проблемы. В своих изысканиях историки и философы слабо интересовались как упущенными историческими возможностями, так и самим фактом выбора тех или иных путей в процессе исторического развития человечества. Причина понятна. Подобная постановка вопроса требовала изрядного гражданского мужества, ибо автоматически вела к возникновению нежелательных с точки зрения официальной идеологии аллюзий. Существовала ли альтернатива Октябрьской революции? Можно ли было обойтись без гражданской войны, коллективизации, "Большого террора" и т.п.?) Даже признание противоборства различных исключающих друг друга возможностей развития не вело к следующему шагу — потребности рассмотреть нереализованные исторические альтернативы на эмпирическом и теоретическом уровне. Разумеется, существовали исключения из этого правила, но они носили единичный характер.

Еще в 1970 г. Б.Ф.Поршнев настойчиво писал о необходимости рассматривать альтернативные исторические ситуации: "Еще и еще раз повторю свою убежденность, что историк вправе говорить о перспективах и возможностях, между которыми колебалась и из которых выбирала история"⁵. Фундаментальная монография известного историка и философа получила высокую оценку специалистов, но его призыв изучать разные возможности и перспективы и их противоборство не был услышан коллегами.

В тезисах VII Международного конгресса славистов (Варшава, 1973) была опубликована новаторская работа А.В.Исаченко с примечательным названием "Если бы в 1478 году Новгород поразил Москву (об одном несостоявшемся варианте истории русского языка)". В лапидарном стиле было выдвинуто несколько принципиальных утверждений: "История всегда держит наготове несколько вариантов. И нет оснований считать то, что фактически произошло, во что бы то ни стало проявлением "прогрессивного хода истории". Все развитие Рос-

³ В предметных каталогах научных библиотек до недавнего времени отсутствовала рубрика, посвященная альтернативности истории, соответствующих словарных статей нет в "Философской энциклопедии", "Философском энциклопедическом словаре" и "Советской исторической энциклопедии".

⁴ С этой позиции была написана монография "День 14 декабря 1825 года" (Изд 2-е М Мысль, 1975) академика М.В.Нечкиной, несколько десятилетий фактически занимавшей монопольное положение в отечественном декабристоведении: ни один труд о декабристах не мог быть напечатанным в академическом издании без ее предварительного одобрения.

⁵ Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. Наука, 1970. С.333. Ср. С.239, 326, 327-330.

сии сложилось бы совершенно иначе, если бы в конце XV в Новгород, а не Москва оказался главенствующей силой объединения страны. И такая возможность реально существовала... Предлагаемые здесь мысли являются лишь умственным экспериментом, позволяющим взглянуть на фактическое развитие лишь как на один из возможных вариантов, особенно выпукло выступающих на фоне несостоявшегося⁶. Эти нетривиальные рассуждения практически никому в России не были известны. Интересная статья Б.Г. Могильницкого об альтернативности исторического развития также не смогла существенно изменить отношение отечественных обществоведов к этой проблеме⁷.

Альтернативный характер социального бытия находился вне сферы профессиональных интересов академической науки, он был осмыслен и стал фактом общественного сознания несколько необычным способом. В 1975 г. писатель и историк Н.Я. Эйдельман, человек широчайшей эрудиции и гениальной одаренности, в документальной повести "Апостол Сергей" нарисовал поразительную по своей убедительности картину "Фантастический 1826-й" — картину победоносной военной революции в России, начатой восстанием Черниговского полка под предводительством С.И. Муравьева-Апостола. Автор показал, к каким результатам могли привести альтернативные тенденции, если бы они одержали победу, и при помощи какого механизма нереализованные исторические альтернативы могли бы реализоваться.

"Революция в России..

Призраки новой Вандеи, нового террора, нового Бонапарта, старых героев Плутарха

Все будет — и кровь, и радость, и свобода, и террор, и то, чего ожидали, а затем — чего совсем не ожидали. Но что бы ни случилось, происходит нечто необратимое

Кто восстановит отмененное крепостное право!

*Не было. Могло быть*⁸.

⁶ Цит. по Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена Хельсинки, 1992 С 12-13

⁷ Могильницкий Б.Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки Вып 9 Томск Изд-во ТГУ, 1974 Ср более поздние работы того же автора Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории 1989 №11, Историческая необходимость и историческая закономерность выбор путей общественного развития // Всеобщая история дискуссии, новые подходы. М., 1989 Вып 1, Историческая альтернативность. методологический аспект // Новая и новейшая история 1990 №3 "В итоге идея была разработана им до уровня учения, которое без всяких натяжек может претендовать на статус фундаментального открытия в теоретико-методологической области, равных которому не было в последние десятилетия в отечественной методологической науке" — Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух // Методологические историографические вопросы Вып 25 1999 С 17

⁸ Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М. Политиздат, 1975 С 264

Книга имела огромный успех и многочисленных читателей, но приведенная выше итоговая формула не послужила толчком для теоретического и историко-культурного осмысления проблемы альтернативности исторического процесса. На страницах академических изданий еще целое десятилетие о ней не было сказано ни слова.

В 1982 г. вышла в свет монография А.И.Ракитова "Историческое познание", посвященная вопросам, касающимся процедуры исторического исследования (исторический факт, историческая истина, законы истории, структура и содержание исторического времени, особенности исторического объяснения и предсказания), но в заключении автор наметил ряд назревших исследовательских проблем, "представляющих первостепенный интерес для исторической науки и образующих обширное поле для логико-методологических исследований". К их числу была отнесена проблема исторического понимания, ориентированная на "реконструкцию не проявившихся в действиях или текстах актов поведения как актов мыслимых, продуманных, но не реализованных теми или иными персонажами"⁹. Фактически уже признавалась необходимость теоретической реконструкции исторических альтернатив в целенаправленной и мотивационной сфере деятельности людей, но еще ничего не говорилось об их изучении в сфере предметно-практической деятельности, причем само понятие "историческая альтернатива" в тексте книги отсутствовало.

Начало перестройки и приближавшийся юбилей Октябрьской революции существенно повлияли на ситуацию в общественных науках. В коллективной монографии И.К.Пантин, Е.Г.Плимак и В.Г.Хорос рассмотрели историю российской общественной мысли и революционной борьбы в масштабе *длительной временной протяженности*, от Радищева до появления марксизма. Была предпринята оригинальная попытка выявить особенности освободительного движения в России (соотносительно со странами Запада и Востока). Авторы сознательно стремились преодолеть отставание "теоретического, концептуального осмысления истории освободительного движения в России от ее фактографически-описательного освоения", что привело их к необходимости уточнения тенденций поиска российской "исторической альтернативы" — российского варианта буржуазной эволюции страны¹⁰.

"Истории всегда внутренне присуща альтернативность. Поэтому историк обязан учитывать не только совершившиеся события, но и их возможные варианты "в сослагательном наклонении". Все дело заключается в том, чтобы анализ исходил из действительно реальных возможностей, опирался на факты, а не на домыслы"¹¹.

⁹ Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 293, 296.

¹⁰ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России 1783-1883 гг. М.: Мысль, 1986. С. 3, 31-56, 88-93.

¹¹ Там же С. 102. В монографии обосновывалась правомерность теоретической постановки вопроса о том, могли ли декабристы победить и доказывалась недостаточная зрелость объективных предпосылок буржуазной эволюции Рос-

В 1986 г. была опубликована статья академика И.Д. Ковальченко, в которой обращалось внимание на сложность изучения альтернативных ситуаций в истории. Высокий статус автора в советской исторической науке сразу же придал этой проблеме недостающую ей доселе научную респектабельность, которая была ощутимо усилена выходом в свет его книги "Методы исторического исследования". В этой работе И.Д. Ковальченко посвятил проблеме альтернативности специальный раздел, признав, что она не привлекла еще должного внимания отечественных историков. В книге содержалось определение исходного понятия и предостережение от его расширительного толкования¹².

Почти одновременно вышла в свет монография И.А. Желениной "Историческая ситуация: Методология анализа". Доцент кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ хорошо представляла себе запросы пытливающей студенческой аудитории и сознательно стремилась ответить на них. Заключительная глава книги была посвящена исторической альтернативе, соотношению альтернативности и многовариантности, проблемности и альтернативности, обоснованию необходимости изучения исторических ситуаций прошлого "под углом зрения не использованных в прошлом возможностей и вариантов развития"¹³. В том же году появилась книга академика П.В. Волобуева, представлявшая собой попытку осмыслить Октябрьскую революцию 1917 г с точки зрения выбора путей исторического развития. В книге подробно рассматривался российский исторический опыт дооктябрьского периода, а в одном из авторских примечаний была высказана мысль о возможности победы декабристов¹⁴. В своих неоднократных публичных выступлениях П.В. Волобуев постоянно ратовал за необходимость изучения проблемы альтернативности исторического процесса, полагая, что

сии в первой четверти XIX в. Это утверждение противоречило точке зрения М.В. Нечкиной, которая в своем двухтомном труде "Движение декабристов" писала, что феодализм в России в это время находился в состоянии кризиса, формировались новые капиталистические производственные отношения, поэтому мировоззрение декабристов было обусловлено в основном "внутренним развитием русского исторического процесса", а внешний фактор играл вспомогательную роль — *Нечкина М.В. Движение декабристов Т.1 М. Изд-во АН СССР, 1955 С. 48*

¹² "Альтернативной" является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития" При расширительном толковании этого понятия "неправомерность трактовки альтернативности как антитезы настоящему сочетается с попытками представить как альтернативный такой ход последующего развития, который имеет однозначно-закономерный характер" — *Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования М. Наука, 1987 С. 73, 77*

¹³ *Желенина И.А. Историческая ситуация. Методология анализа М. Изд-во МГУ, 1987*

¹⁴ "Восстание 1825 г, хотя и было вынужденным в отношении срока и повода, отнюдь не было фатально обречено на неудачу. Нельзя исключить и другой вариант исхода — его победу" — *Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. Теория, история, современность М. Мысль, 1987 С. 150, 177, Россия 1917 г. Выбор исторического пути М. Наука, 1989 С. 10-29*

следует изучать не только реализованные пути развития, но и упущенные или частично реализованные возможности "Ибо упущенные, несостоявшиеся возможности не исчезают бесследно, а дают о себе знать в состоявшейся истории, причем иногда очень болезненно"¹⁵.

Альтернативы в истории стали предметом обсуждения в апреле 1988 г. за "круглым столом" редакции журнала "Вопросы философии". В выступлениях А.Я.Гуревича, П.В.Волобуева и Я.Г.Шемякина прозвучала мысль о необходимости совместного изучения историками и философами этой проблемы: целесообразно комплексно рассмотреть какие-либо иные возможности развития, кроме тех, что реализовались. Этот подход был назван П.В.Волобуевым наиболее плодотворным, сулящим более полное и глубокое раскрытие всего "богатства" истории и ее закономерностей. Я.Г.Шемякин утверждал, что социальное бытие изначально имеет альтернативный характер, и требовал признать *онтологический статус исторической возможности*. ("То есть, иными словами, признание бытия в возможности как особой сферы реальности") Он же обратил внимание на "экзистенциальный" аспект проблемы — механизм выбора различных вариантов поведения¹⁶.

В 1989 г. В.М.Вильчек издал книгу, в которой предпринял попытку критического анализа марксистской доктрины истории человечества. Это научно-публицистическое эссе, переизданное в 1993 г., было сознательно ориентированно не на отвержение марксизма, а на его переосмысление и фундаментальную ревизию. В частности, свобода рассматривалась не как осознанная необходимость, а как *осознанная возможность*, отрицалось наличие предопределенности в истории: исторические законы реализуются не в форме фатума, а в форме возможности, обуславливая чувство ответственности человека за свои поступки и присущее последнему чувство совести "Люди свободно — дальневидно ли, нет ли — избирают ту или иную возможность, отсекая другие и оказываются во власти совершенного выбора. Если избранная возможность не утопична..., т.е. не запрещена законами исторического развития, она может осуществиться, но может разбиться о некий альтернативный выбор, оказавшийся более реальным в данных условиях"¹⁷. В истории всегда существуют различные альтернативы развития. Единственная возможность — это предельный случай, который может осуществиться лишь в критическом состоянии, когда общество исчерпает все другие возможности, кроме гибели. Только в этом случае свобода становится осознанной необходимостью.

Лишь в 1989 г. было опубликовано учебное пособие "Введение в методологию истории" Б.Г.Могильницкого, включавшее специальный параграф об альтернативности в истории. Сделав оговорку:

¹⁵ Философия и историческая наука. Материалы "круглого стола" // Вопросы философии. 1988. №10. С. 40.

¹⁶ Там же. С. 60, 61.

¹⁷ Вильчек В.М. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). М. Прогресс. Культура, 1993. С. 215.

"Естественно, историк не может заниматься догадками типа "что было бы, если бы..." — автор обосновал необходимость рассмотрения этой проблемы для более глубокого понимания природы и характера исторической закономерности, причем сама альтернативность объясняется внутренней противоречивостью исторического процесса: "В реальной исторической действительности одновременно существуют и противостоят различные экономические и социальные структуры, порождающие соответствующие им различные альтернативы будущего развития. Но эти же структуры определяют и границы альтернативности в истории... Нередко побежденная альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает более или менее существенный отпечаток на победившую тенденцию общественного развития"¹⁸. Итак, студентов стали обучать тому, что сравнительно недавно считалось прерогативой беллетристов и писателей-фантастов¹⁹.

В 1991 г. появился трехтомный труд А.С.Ахиезера, содержащий оригинальную теорию социокультурной динамики России и получивший многочисленные положительные отклики в прессе. Научный аппарат теории составляет третий том, включающий социокультурный словарь из 335-ти терминов и понятий. Альтернативность истории определяется как "способность субъекта истории в процессе развития рефлексии формировать новые пути истории, отличные от следования исторической инерции. ... А.и. существует прежде всего в способности человека либо следовать исторически сложившемуся уровню *исторической необходимости*, действовать в рамках инерции истории, либо углублять эту необходимость, выходить на ее более глубокий уровень... Анализ возможности А.и. требует углубленного понимания конкретных субъектов, принимающих решения, т.е. необходимо не подставлять им наши мотивы, культуру и наши объяснения истории, но

¹⁸ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории М. Высшая школа, 1989 С 55-56 Эти рассуждения в своей заключительной части созвучны мыслям П.В. Волобуева.

¹⁹ Вспомним знаменитый фантастический рассказ Рея Бредбери "И грянул гром" его герой путешествовал на машине времени в прошлое, раздавил там бабочку, что в корне изменило результаты президентских выборов и общий уровень культуры в настоящем, изменило облик мира и его судьбу. Приведем еще один пример. Японский писатель-фантаст Саке Комацу в рассказе "Да здравствуют предки!" сформулировал мысль, созвучную вышеприведенным рассуждениям из учебного пособия "Настоящее не является прямым следствием прошлого, а лишь одной из реализованных возможностей развития". Нереализованные же возможности незримо присутствуют в настоящем: непреодоленное прошлое оказывает влияние на сегодняшнюю жизнь людей. "Нет, нет, как бы ни светило солнце, какими бы яркими ни были краски, все равно за всем этим стоит черный призрак прошлого. Сколько еще поколений должно смениться, какие преобразования должны произойти, чтобы этот призрак развеялся навсегда? А вдруг прошлое оживет и с яростью одержимого вонзит свои страшные кривые когти в настоящее?" — Продается Япония. Сборник японской научной фантастики М. Мир, 1969 С 179, 182 Подчеркнем, что этот рассказ был опубликован на русском языке в 1969 г., то есть за два десятилетия до того, как в учебном пособии для студентов было сказано о существовании альтернатив в истории и о необходимости их теоретического осмысления.

воспроизвести соответствующую конкретно историческую систему ценностей, с иным, чем у нас пониманием альтернативных возможностей"²⁰. Была обоснована необходимость изучать историко-культурный аспект проблемы поиска исторической альтернативы.

Достигнутый уровень осмысления проблемы альтернативности в истории нашел отражение в ряде журнальных публикаций²¹, однако дальнейшее изучение было осложнено бурными событиями последующих лет, сказавшимися на всех сферах жизни общества. Каждый день рождал новые альтернативы, что явно мешало отыскивать и пытаться осмыслить их в далеком и недавнем прошлом. Повторилась ситуация, некогда очень точно охарактеризованная князем П.А.Вяземским: "Жизнь сама по себе выходила скоропечатными листками. Типография была тут в стороне, была ни при чем"²².

II

В феврале 1993 г. вышла в свет десятитысячным тиражом и в течение нескольких дней была распродана гениальная книга Ю.М.Лотмана "Культура и взрыв"²³. Я прочел ее залпом за два-три дня, после этого несколько раз перелистывал и был потрясен. "Дни наши сочтены не нами." Тогда я еще не знал, что этой книге суждено стать научным завещанием Юрия Михайловича, скончавшегося 28 октября 1993 г. На фоне каждодневных политических баталий и сетований о разрушении культуры и распаде "связи времен" мы, преодолевая языковой барьер, получили благодаря этой книге возможность говорить с прошлым и будущим, нам дали путеводную нить, которая позволит не заблудиться в быстро меняющемся настоящем²⁴.

²⁰ Ахиезер А С Россия: критика исторического опыта Т III М, 1991 С 9-10

²¹ Логико-методологическому рассмотрению проблемы альтернативности исторического развития препятствовал недостаток конкретного фактического материала, необходимого для теоретических обобщений. Причина понятна: долгое время никто не занимался его сбором, ибо побежденные и нереализованные альтернативы не интересовали ни историков, ни философов. На это обратил внимание В.И.Старцев в статье с красноречивым названием "Альтернатива: фантазии и реальность". "Сейчас время самых невероятных предположений, споров об истории, фантастических гипотез, обращенных в прошлое. В этих условиях исследователь-профессионал просто обязан дать обществу исторический материал для размышлений по вопросу об альтернативах" — Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? / Под ред. П.В.Волобуева М Политиздат, 1991 С 138

²² Вяземский П.А. Записные книжки М Русская книга, 1992 С 266

²³ Лотман Ю.М. Культура и взрыв М Гнозис, Прогресс, 1992 Ссылки на это издание даны непосредственно в тексте статьи

²⁴ Еще в 1970 г., отвечая на вопросы редакции "Нового мира", ученый с мировым именем М.М.Бахтин охарактеризовал труды Ю.М.Лотмана и его учеников как выдающиеся литературоведческие работы — "большие и в высшей степени отрадные явления последних лет" (что, впрочем, не помешало М.М.Бахтину оспаривать универсальность примененного в этих работах метода исследования). Спустя почти треть века очевидна исключительная прозорливость и точность лестной характеристики — ведь М.М.Бахтин не читал ни биографии Пушкина, ни комментариев к "Евгению Онегину", ни книги "Сотворение Карамзина",

Итоговая книга Ю. М. Лотмана исследует различие между бинарными и тернарными структурами в момент "взрыва", культурного перелома. По динамике они отличаются друг от друга радикально. "Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная — осуществить на практике неосуществимый идеал" (С 258). Тернарная культурная система старается сохранить ценности предшествующего периода: разрушение всей толщи культуры невозможно, происходит лишь относительное перемещение ценностей от центра системы к ее культурной периферии и наоборот. Бинарная же культурная система в момент культурного слома стремится полностью уничтожить все существовавшее ранее, как запятнанное неисправимыми пороками. Именно бинарные структуры характерны для русской культуры. Разговор на эту тему требует *двойной перспективы*. С одной стороны, на книге лежит печать времени, научным, культурным и психологическим документом которого она является; того времени, когда август 1991 г. уже миновал, а октябрь 1993 — еще не наступил. С другой — "Культура и взрыв" может быть понята и прочитана как звено в цепи по меньшей мере двухвековых размышлений о месте России в истории мировой цивилизации, о прерывности и непрерывности, предсказуемости и непредсказуемости в судьбах общества и культуры.

"Переход от мышления, ориентированного на взрывы, к эволюционному сознанию приобретает сейчас особое значение, поскольку вся предшествующая привычная нам культура тяготела к полярности и максимализму.

Коренное изменение в отношениях Восточной и Западной Европы, происходящее на наших глазах, дает, может быть, возможность перейти на общеевропейскую тернарную систему и отказаться от идеала разрушать "старый мир до основания, а затем" на его развалинах строить новый. Пропустить эту возможность было бы исторической катастрофой" (С 265, 270).

В моменты культурного слома резко возрастает роль случайности: результаты взрыва во многом неожиданны и непредсказуемы. Объясняя логику взрыва, Лотман восстанавливает случайность в ее правах: это настоящая антология (и апология) случая, нуждающегося после Гегеля в таком же "оправдании", как и добро. Размышления автора на эту тему органически связаны не только с его предшествующими и последующими работами, но и с западноевропейской философской и культурной традицией двух последних столетий.

не говоря уже о ряде блистательных статей, те работ, принесших Ю. М. Лотману всемирную известность. В настоящее время имя этого человека, еще при жизни опубликовавшего более 800 печатных работ, известно каждому, кто серьезно интересуется отечественной культурой. Прекрасный телесериал "Беседы о русской культуре" демонстрировался по ЦТ, и его смотрели, затаив дыхание, такова была магия живого слова и обаяние творческого процесса, который происходил на глазах у всех, мы следили за ходом рассуждений ученого и получали ни с чем не сравнимое интеллектуальное наслаждение. Впоследствии на основе этого цикла телевизионных лекций Ю. М. Лотман подготовил большую книгу "Беседы о русской культуре", которая постоянно допечатывается, пользуясь неослабевающим читательским спросом.)

Французские философы эпохи Просвещения стремились изгнать из истории идеи божественного Провидения. Утверждение о том, что история — это игра случайностей, неоднократно использовалось Вольтером, Гельвецием и Гольбахом в качестве остроумного полемического приема, позволяющего при помощи ярких и хорошо запоминающихся примеров демонстрировать читателям абсурдность религиозного фатализма. "Оракулы веков" в какой-то степени неожиданно для самих себя добились того, что в менталитете эпохи Просвещения прочно укоренилась мысль о жизни человека как игре мелких и мельчайших случайностей: "часто незначительные причины определяют поведение всей нашей жизни и течение всех наших дней" (Гельвеций).

Впоследствии Гегель весьма иронично отзовется об *"арабескной манере излагать историю"*, суть которой заключается в остроумной, но поверхностной трактовке широких и глубоко захватывающих исторических событий как следствий ничтожных случайностей, дошедших до нас лишь благодаря анекдоту; таким образом "из ничтожного зыбкого стебля вырастает какой-либо большой образ". Гегель подверг критике подобный подход, но был вынужден констатировать его исключительно широкое распространение "В истории стало обычным острое словцо, что из малых причин происходят большие действия". В противовес этому подходу к истории Гегель выдвинул и обосновал собственный: "От случайности мы должны отказаться при вступлении в область философии". Гегелевская концепция широко распространилась в кругу специалистов и была многими из них безоговорочно принята, сыграв исключительную роль в судьбах истории философии и философии истории: она стала существенным компонентом теоретического познания и научной картины мира.

С историей культуры ситуация была несколько иной. Благодаря незаурядному таланту Вольтера, Гельвеция, Гольбаха и других философов XVIII в. яркий образ истории как игры случайностей стал достоянием европейской культуры — весьма существенной характеристикой склада ума и системы ценностей образованного общества накануне революции. Французские энциклопедисты не только стали провозвестниками революции, но и произвели настоящую революцию в умах, утвердив в стиле мышления эпохи идею о фундаментальном значении случайности в истории: несколько поколений "с томленьем упования" станут ждать счастливую случайность, для того, чтобы резко изменить свою судьбу в резко меняющемся мире; будут верить в то, что такая случайность обязательно настанет, научатся ее своевременно распознавать и максимально использовать. Появление на арене истории Наполеона Бонапарта, его молниеносное превращение из лейтенанта артиллерии в императора французов станет мощным катализатором для подобного рода мыслей и ценностных ориентаций.

Россия не была исключением. В могуществе случая убеждала не только судьба Наполеона, но и российская действительность: с одной стороны, сам ход истории от Петра Великого до Александра I, ознаме-

новавшийся многочисленными (общим числом более десяти!) дворцовыми переворотами, с другой — судьбы многочисленных фаворитов Елизаветы Петровны и Екатерины II, попавших, как тогда говорили, "в случай" и ставших богатыми вельможами. Если последнее обстоятельство интересовало в основном "баб обоего пола" и давало богатую пищу для сплетен, то о роли случайности в российской истории мучительно размышляли Карамзин, Вяземский, Пушкин, декабристы. Они обращали внимание на то, что важнейшие события последних ста лет часто бывали неожиданными и непредсказуемыми. Размышления о роли случая в истории страны и в человеческой судьбе были характерной чертой не только стиля мышления, но и стиля жизни первой четверти XIX в.: случай не только ждали, к нему готовились, причем довольно активно и деятельно, идеи же натуралистического фатализма не нашли в это время ни сочувствия, ни понимания. Решая философские, политические, нравственные или житейские проблемы, наиболее проникательные люди постоянно помнили об "*инкогнито* Провидения" — так называл случай один из пушкинских современников. Это мироощущение было присуще не только людям высокообразованным. Оно проявлялось как в высших формах культуры и интеллектуальной деятельности, так и в фольклоре, наблюдалось на уровне теоретического мышления и обыденного сознания. Подобное мироощущение было характерно и для декабристов, особенно накануне восстания на Сенатской площади. В свободном нравственном выборе членов тайного общества сплелись воедино стремление предельно сократить степень возможного риска предстоящего восстания, упование на случай, желание его максимально использовать и чувство личной моральной ответственности за свой выбор перед современниками и потомками, перед Историей²⁵

Именно в русле этой историко-культурной традиции следует рассматривать книгу Ю М Лотмана в *большом времени* истории. Глубинный смысл книги не может быть раскрыт сам из себя еще и потому, что "Культура и взрыв" представляет собой незаурядное явление не только философской мысли, но и всей русской культуры. Книга является неотъемлемой частью исторического движения этой культуры. Лишь в этом контексте она может быть правильно понята и адекватно оценена. Я предлагаю каждому убедиться в том, что текст Лотмана выдерживает сопоставления с текстами его предшественников (они конгениальны) и представляет собой органическое продолжение историософских размышлений о судьбах России и о роли случайности в ее истории. Без них эта книга была бы невозможна: он продолжил начатое другими, воплотил невоплощенное.

²⁵ Подробнее см. Эштут С А. В поиске исторической альтернативы Александр I Его сподвижники Декабристы М Россия молодая, 1994 С 6-18

"Воистину могу я сказать, что естли, вступя позже других народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов, мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростию бежали к повреждению наших нравов"

(Князь М М Щербатов. "О повреждении нравов в России" 1786-1787).

"Удивительно всесилие творческого гения, который, вырвав Россию из латаргического сна, в который она была погружена, направил ее на пути света с такой силой, что по прошествии малого числа лет мы находимся впереди вместе с народами, которые многие века обгоняли нас. Но здесь другие идеи и новые образы теснятся в моем уме достаточно ли прочны сооружения, воздвигаемые с излишней поспешностью? Шествие Природы не является ли всегда постепенным и медленным? Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной? Вырастают ли великие люди из детей, которые с самого раннего возраста обучаются слишком многому? Я умолкаю"

(Н М Карамзин. "Письмо в "Зритель" о русской литературе" 1797).

"Державы, подобно людям, имеют определенный век свой. так мыслит философия, так вещает история Благоразумная система в жизни продолжает век человека, — благоразумная система государственная продолжает век государств, кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкого вечного бедствия, но благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит, — вижу опасность, но еще не вижу погибели!"

(Н.М Карамзин. "Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях". 1811).

"Нельзя не согласиться, что в историческом отношении не успели бы мы пережить то, что пережили на своем веку, если происшествия современные развивались бы постепенно, как прежде обтекая заведенный круг старого циферблата, нынче и стрелка времени как-то перескакивает минуты и считает одними часами"

(Князь П А Вяземский. ["Цыганы". Поэма Пушкина] 1827).

"Не говорите иначе нельзя было быть Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные Но Провидение не алгебра Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия Провидения"

(А.С.Пушкин [О втором томе "Истории русского народа" Полевого]. 1830)

"У Провидения есть всегда в запасе свои калифы на час Легко пересуживать задним числом попытки, действия и события минувшего! Не должно забывать, что Провидение, что История имеют свои неожиданные, крутые повороты, свои *coups d'état* [государственные перевороты] и *coups de theatre* [театральные эффекты], которые озадачивают и сбивают с панталыку всякую человеческую мудрость То, что казалось полезным и нужным в известное время, может, в силу непредвидимых и не подлежащих человеческой видимости обстоятельств, принять в другое время совершенно противоположный оборот Случай часто проказит, но проказы его непродолжительны"

(Князь П А Вяземский "Старая записная книжка")

"Наш путь — иной путь, путь "презренный и несчастный", развитие, идущее скачками, сопровождаемое вечными упадками, постоянными растратами и потерями того немногого, что удалось скопить и сколотить, величайшие на-

ши достижения — не закономерны, случайны, как будто украдены у времени и пространства ценою бесконечных личных трагедий, надрывов и отчаяний наших величайших творцов"

(А А Блок "Размышления о скудости нашего репертуара"
2 июня — 29 августа 1918)

"Нельзя не заметить, что весь т н "петербургский", императорский период русской истории отмечен размышлениями над ролью случая (а в XVIII в — над его конкретным проявлением "случаем" — специфической формой устройства личной судьбы в условиях "женского правления"), фатумом, противоречием между железными законами внешнего мира и жадной личной успеха, самоутверждения, игрой личности с обстоятельствами, историей. Целым, законы которых остаются для нее Неизвестными Факторами Начиная с Петровской реформы, жизнь русского образованного общества развивалась в двух планах умственное, литературное, философское развитие шло в русле и темпе европейского движения, а социально-политическая основа общества изменялась замедленно и в соответствии с другими закономерностями. Это приводило к резкому увеличению роли случайности в историческом движении. Каждый фактор из одного ряда с точки зрения другого был внезакономерен, случаен, а постоянное взаимное вторжение явлений этих рядов приводило к той скачкообразности, кажущейся безусловности событий, государственных акций, личных судеб, которая заставляла современников целые аспекты русской жизни объявлять "неорганичными", призрачными, несуществующими".

(Ю М.Лотман "Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века" 1975)

Уже в конце XVIII в. было очевидно, что XIX век станет веком политики. Эту мысль выразил Наполеон в разговоре с Гете о сущности трагедии: в новое время политика и есть судьба. Основу трагедии древних составляла борьба человека с роком, который его подавлял. Теперь же именно политика, по мнению Наполеона, "должна быть использована в трагедии как новая судьба, как непреодолимая сила обстоятельств, которой вынуждена покоряться индивидуальность". Эта мысль приоткрывала завесу грядущего и позволяла представить характер нового века и место человека в историческом процессе. Французская революция еще шла полным ходом, а в сознании людей уже начали формироваться два полюса отношения человека к своему месту в истории, к возможности резкого изменения судьбы в революционную эпоху: героический энтузиазм, удовлетворенность и счастье от сознания того, что довелось посетить "сей мир в его минуты роковые" (Тютчев), и заурядное желание найти спокойный уголок, постараться уцелеть, выжить самому в эпоху социальных потрясений и обеспечить судьбы детей, близких.

В разгар революционных событий во Франции некоторые русские вельможи сделали практический вывод: стали срочно обучать своих детей полезным ремеслам. В случае победы революции в России дети крепостников могли бы прокормиться собственным трудом. Русский посол в Англии С.Р. Воронцов, объясняя свое намерение обучить сына Михаила столярному ремеслу, написал брату о неотвратимости революции в России и даже о возможном сроке ее победы: "Мы ее не увидим, ни вы, ни я, но мой сын увидит ее" Аббат Эмманюэль Жозеф

Сьейес, сумевший пережить множество политических катаклизмов и ухитрившийся, едва ли не единственный, долгие годы оставаться у кормила власти (он был в числе основателей Якобинского клуба, а после переворота 18 брюмера стал одним из консулов) на вопрос о том, что он делал в это грозное время, ответил "Я оставался жив".

Нереализованные возможности никто не склонен был воспринимать всерьез: они никого не интересовали, даже если покой покупался ценой отказа от славы, а за славу приходилось расплачиваться утратой покоя. Одним из первых об этом задумался Пушкин, рассуждая о возможных вариантах судьбы Ленского.²⁶ В "Путешествии в Арзрум" Пушкин подведет итог своим мыслям о том, что жизнь человеческая — это всегда совокупность реализованных и нереализованных возможностей: "Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в "Московском телеграфе". Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос". Наконец, его же: "случай, бог-изобретатель".

Книга Ю.М.Лотмана "Культура и взрыв" продолжает и развивает пушкинскую традицию постижения механизма отечественной и мировой культуры. Перелистаем книгу и убедимся в этом:

"Путь как отдельного человека, так и человечества, усеян нереализованными возможностями, потерянными дорогами Гегельянское сознание, вошедшее даже незаметно для нас в самую плоть нашей мысли, воспитывает в нас пиетет перед реализовавшимися фактами и презрительное отношение к тому, что могло бы произойти, но не сделалось реальностью

Следует подчеркнуть, что взгляд из прошлого в будущее, с одной стороны, и из будущего в прошлое, с другой, решительно меняет наблюдаемый объект. Глядя из прошлого в будущее, мы видим настоящее как набор целого ряда равновероятных возможностей. Когда мы глядим в прошлое, реальное для нас обретает статус факта и мы склонны видеть в нем нечто единственно возможное. Нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы. Они приобретают эфемерность.

Случайности отдельных человеческих судеб, переплетение исторических событий разных уровней населяют мир культуры непредсказуемыми столкновениями. Стройная картина, которая рисуется исследователю отдельного жанра или отдельной замкнутой исторической системы — иллюзия.

Более того, именно эта беспорядочность, непредсказуемость, "размазанность" истории, столь огорчающая исследователя, представляет ценность истории как таковой. Именно она наполняет историю непредсказуемостью, наборами вероятных случайностей, то есть информацией. Именно она превращает историческую науку из царства школьной скуки в мир художественного разнообразия.

Искусство воссоздает новый уровень действительности, который отличается от нее резким увеличением свободы. Свобода привносится в те сферы, которые в реальности ею не располагают. Безальтернативное получает альтернативу" (С 96, 194-195, 208)

²⁶ Разбирая черновики пушкинского романа в стихах, Ю.М.Лотман вычленил эти размышления и обратит внимание на их важность для понимания стиля жизни и стиля мышления автора "Евгения Онегина".

Именно искусство позволяет, по словам Александра Блока, "несбывшееся — воплотить!"

Способствуя осмыслению альтернативного характера социального бытия в прошлом, настоящем и будущем, книга Ю.М.Лотмана "Культура и взрыв" восполняет ощутимый пробел, который доселе существовал в исторических, историко-культурных и философских исследованиях. Она меняет наши представления о мире и законах его развития, что делает ее незаурядным явлением отечественной культуры. Практически каждый абзац этой книги может быть развернут в солидную монографию, став прочной базой для новых исследований. К сожалению, идейное богатство книги Ю.М.Лотмана лишь в незначительной степени востребовано нашими современниками. Не беда! Этой небольшой книге суждена долгая жизнь.

Но муза, правду соблюдая,
Глядит а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей²⁷

III

Целесообразно выделить пять уровней рассмотрения проблемы поиска исторической альтернативы.

Первый уровень Поиск исторической альтернативы имеет *онтологический* статус: он ведется и меняет свой вектор в реальном социальном пространстве и реальном времени. Такой же статус имеют различные социальные утопии, возникающие в это время, и проекты государственных преобразований, которым впоследствии не будет суждено воплотиться в жизнь, — все они принадлежат культуре своего времени и не могут быть от нее безболезненно отчуждены.

События происходят *здесь и теперь*. Процесс поиска еще не завершен во времени: настоящее время еще не успело превратиться в прошлое, наоборот, оно тесно связано с недавним прошлым, со вчерашним днем, и строит различные планы на ближайшее и отдаленное будущее.²⁸ Это — *малое время истории*²⁹.

Грядущие результаты этого поиска и сроки, необходимые для достижения желаемой цели, вызывают ожесточенные споры. Споры ведутся

²⁷ Фет А.А. Вечерние огни М. Наука, 1981 С 200

²⁸ Подчеркиваю, что речь идет именно о социальном времени. Поиск исторической альтернативы, который ведут сторонники модернизации развития общества, направлен на то, чтобы ускорить бег времени. Собственное нетерпение выступает в качестве аргумента в теоретических спорах и политической борьбе. А их противники из консервативного лагеря, наоборот, желают этот бег замедлить на десятилетия "заморозить" страну в исходной точке, выиграть время и употребить его на поиск адекватных средств против социальной революции. И тех и других объединяет желание обмануть время.

²⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества М. Искусство, 1986 С 390, 392

как о самой "сокровенной цели", так и о средствах ее достижения (моральных и аморальных, приемлемых и неприемлемых, реальных и умозрительных). Споры из сферы теоретических дискуссий плавно перетекают в сферу практической политики, и наоборот.

В качестве *социального* пространства, как правило, выступает столица, где "гремят витии"; провинция — дело иное, там царит "вековая тишина". Впрочем, возможны исключения: по ироничному, но исключительно точному наблюдению поэта Давида Самойлова, "в провинции любых времен есть свой уездный Сен-Симон".

Субъекты поиска принадлежат к политической и интеллектуальной *элите* общества; *безмолвствующее большинство* не принимает участия в этом процессе и мало что о нем знает, питаясь слухами и сплетнями. Хотя результаты поиска исторической альтернативы неизбежно скажутся на судьбе всего общества, большинство не осознает этого, равнодушно наблюдая за происходящим или глумясь над неудачными попытками изменить привычное течение дел. Господствует всеобщая иллюзия, что решение судьбы большинства от него самого никак не зависит. Применительно к "петербургскому" периоду истории России можно смело утверждать, что пушкинская ремарка "народ безмолвствует" еще не написана или, по крайней мере, не успела стать банальной от слишком частых повторений.

Второй уровень. Поиск исторической альтернативы завершен в реальном социальном пространстве и реальном времени. Проблема поиска утратила онтологический статус. Событие совершилось и приобрело статус исторического факта. Восторжествовала *ирония истории*: осуществляемые намерения превратились в свою противоположность. Кажется, что все уже окончательно решено и что новых возможностей для исторического выбора, по крайней мере при жизни этого поколения, больше не предвидится. Одна из противоборствующих тенденций одержала победу и предстала в качестве единственно возможного пути исторического развития — закономерного и необратимого. Такая трактовка минувших событий получает санкцию официальной идеологии и становится непреложным фактом для ученых, считающих, что история не терпит сослагательного наклонения. Именно с этого момента побежденная тенденция начинает восприниматься как досадная случайность, изначально не имевшая ни малейшего шанса помешать поступательному движению истории, — случайность, которой можно безболезненно пренебречь при осмыслении закономерного хода исторического процесса.

Однако далеко не все разделяют эту точку зрения. Еще живы люди, имевшие *непосредственное* отношение к выбору исторической альтернативы и хорошо осведомленные о скрытом механизме принятия тех или иных решений. Они хранят память о былом в его незавершенности и пытаются понять как смысл минувших событий, так и свое место в них. Настоящее не является для них единственно возможным следствием прошлого, непосредственное восприятие которого сохра-

нилось в их памяти, где не угасает "минувшего зарница" Для них история — "догадок сеть", продолжающийся процесс, в котором "мы часто действуем случайно"³⁰.

Иногда эти люди настолько укореняются в прошлом, что еще при жизни становятся ходячим анахронизмом: суетные, с их точки зрения, хлопоты настоящего им глубоко чужды, ибо кажутся мелкими, пошлыми, лишенными эстетического и нравственного смысла³¹. Физическое старение последних свидетелей былого протекает "среди чуждых сердцам их людей"³². Именно таким человеком был князь Петр Андреевич Вяземский, более трети века проживший с непреходящим ощущением собственной исключенности из настоящего, десятилетиями лелеявший свою *тоску* по "золотому веку" русской дворянской культуры. С особенной сердечной болью он вспоминал о безвременно погибших современниках, которых "преждевременная смерть похитила с поприща, богатого многими надеждами, не обратившимися в события"³³. С конца 30-х — начала 40-х гг., когда наступили сумерки дворянской культуры — после смерти Пушкина, Дениса Давыдова, Баратынского, — князь остро чувствовал свое одиночество "Жизнь мысли в нынешнем, а сердца жизнь в минувшем"³⁴, — так в 1877 г., за год до смерти, написал он в одном из последних стихотворений

"Память сердца"³⁵ неотделима для таких людей от непрекращающихся мыслей о том, что в какой-то момент времени их судьба могла сложиться иначе, если бы река времени повернула в иное русло. Хотя только один шаг отделяет такие размышления от попытки вообразить в сослагательном наклонении важнейшие эпизоды своей биографии, лишь единицы решаются этот шаг сделать.³⁶ С предельной откровен-

³⁰ Вяземский П.А., князь Полн собр соч Т XI СПб., 1887 С 401, 438; Т XII СПб., 1896 С 551.

³¹ "Нет великого человека в глазах камердинера, нет эпических событий и лиц для журналистов, биографов, лазутчиков, в стане живых и мертвых. История была прежде жертвоприношение, апофеозное служение, нынче она сомнение, изобличение и отрицание" — Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика М. Искусство, 1984 С 130

³² Вяземский П.А., князь Полн собр соч Т XI С 408

³³ Вяземский П.А. Записные книжки С 281 "Ясно, что одни цели реализуются на практике, те осуществляются в форме событий, другие так и остаются фактом человеческого сознания, образуя вместе с мечтами, фантастическими проектами, идеалами, общечеловеческими ценностями и т.п. его огромный пласт. Поскольку в структуре этого пласта сознания основное место занимают идеалы, постольку образуемый им специфический тип исторической реальности можно назвать идеально-нормативным в отличие от материально-событийного. Совокупность этих двух типов реальности образует историческую реальность в целом" — Хмылев Л.Н. Структурный кризис исторической науки // Методологические и историографические вопросы. Вып 25 С 76-77

³⁴ Вяземский П.А., князь Полн собр соч Т XII С 535

³⁵ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе М. Наука, 1978 С 220

³⁶ Декабрист Дмитрий Завалишин пошел еще дальше он написал записки не о жизни, которую фактически прожил, а записки о жизни, которую хотел бы прожить — Лотман Ю.М. О Хлестакове // Избранные статьи В 3-х тт. Т.1. Таллинн Александра, 1992 С 339-342

ностью и поразительной протокольной точностью Анна Ахматова изложила логическую последовательность подобных размышлений в "Пятой северной элегии", которая была завершена 2 сентября 1945 г., за один день до дня победы над Японией и окончания Второй мировой войны.

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула
Мне подменили жизнь В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал

Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь
В таком году произошло бы то-то,
А в этом — это. ездить, видеть, думать,
И вспоминать .

Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,³⁷
Узнала бы я зависть наконец

Третий уровень Историки получают доступ к документам, осознают сам факт наличия в прошлом проблемы поиска исторической альтернативы и начинают ее изучать, стремясь постичь суть былых событий и овладевая *хронотопом* минувшего.

"Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп. Следовательно, всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов"³⁸

В научный оборот вводится целый ряд новых фактов, многие из которых были глубокой тайной для непосредственных участников событий. Осознается неустранимое противоречие между обманчивой видимостью явлений и их скрытой от непосредственного наблюдения сущностью.³⁹ Выявляется как роль случая в истории, так и всеобщая, необходимая и существенная связь между отдаленными друг от друга

³⁷ Ахматова А.А. Соч. В 2-х тт. Т.1 М. Правда, 1980 С. 263, 264

³⁸ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет — М. Худож. лит., 1975 С. 235, 406.

³⁹ "Мы должны считаться с тем законом великого обмана, который вступает в силу, когда изучаются внешние явления. Ведь все более или менее видимое нами может абсолютно не соответствовать реальному положению вещей" — Тарле Е.В. Очерк развития философии истории // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле М. Наука, 1981 С.121

явлениями и сферами жизни социума — постигается необходимое и случайное в истории. Проясняется различие между мифом и реальностью, что вовсе не означает автоматической утраты былых иллюзий.

Мечты поэта -
Историк строгой гонит вас!
Увы! его раздался глас, -
И где ж очарованье света!⁴⁰

Оставшиеся в живых непосредственные участники исторических событий весьма болезненно реагируют на предпринимаемые историками попытки демифологизации, ибо многие мифы были неотъемлемой частью их биографии и в этом качестве не утратили для них свой непреходящей ценности⁴¹. Среди непосредственных участников былых событий всегда отыщется такой человек, который вместе с пушкинским Поэтом из стихотворения "Герой" будет готов гневно воскликнуть по адресу историка, склонного к "срыванию всех и всяческих масок".

Да будет проклят правды свет
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну хладной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман⁴²

Даже если историки сознательно хотят интерпретировать эти новые и многообразные факты только в рамках официальной идеологии, отныне политическая власть утрачивает, пусть частично, монополию на истолкование прошлого. Устанавливается наличие отвергнутых альтернатив и упущенных возможностей. Открываются скрытые механизмы принятия решений. Возникает реальная возможность посмотреть, как выглядит совершившееся событие в *большом времени* истории, в масштабе длительной временной протяженности. Исследователь может судить не только о ближайших, но и об отдаленных *исторических* последствиях события, оценивая его значимость для истории.⁴³ Минувшее событие инкорпорируется историческим знанием и обретает в его рамках *аксиологический* и *эпистемологический* статус.

⁴⁰ Пушкин А С Полн собр соч В 19-ти тт Т 3, кн 1 М Воскресенье, 1995 С 253.

⁴¹ "Миф не принадлежал исключительно архаической стадии человеческой истории, он остается содержанием человеческого сознания и в позднейшие времена Он был не только полученным от седой старины культурным наследием, но и живым соучастником нового культурного процесса" — Гуревич А Я Средневековый мир культура безмолвствующего большинства М Искусство, 1990 С 379

⁴² Пушкин А С Полн собр соч В 19 т Т 3, кн 1 С 253

⁴³ "Нельзя изменить фактическую вещную сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершена и не совпадает сама с собой (она свободна)" — Бахтин М М Эстетика словесного творчества С 430. Бахтину вторит Шкловский "Так идет история, преодолевая кривизну Вселенной История перечитывает себя Без этого она

Историк использует анализ и синтез, индукцию и дедукцию, микро- и макроподход, — все это для того, чтобы систематизировать и истолковать собранные документы и материалы, выстраивая имеющиеся факты в соответствии с той или иной теоретической концепцией. При этом некоторые факты — сознательно или бессознательно — отбрасываются как якобы незначительные или случайные, а роль и значение других — невольно преувеличивается.

Жизнь — без начала и конца
 Нас всех подстерегает случай
 Над нами сумрак неминуемый,
 Иль ясность Божьего лица

 Сотри случайные черты -
 И ты увидишь мир прекрасен⁴⁴

Так формируются различные версии и интерпретации былого. Создается база для "экспериментальной" истории, для постановки вопросов типа: "что было бы, если бы..." Однако мало кто отваживается на контрфактическое моделирование исторического прошлого "господствует какая-то боязнь исследовательского риска, боязнь гипотез"⁴⁵. На этой стадии историки находятся в поиске и уясняют суть дела для самих себя⁴⁶. Завершив этот процесс, они начинают излагать результаты своих изысканий в статьях и монографиях, что означает переход к следующему уровню рассмотрения проблемы поиска альтернативы.

Четвертый уровень. Логика исследования сменяется логикой изложения. Дискурс становится текстом. Историк должен рассказать читателю о том, что он, историк, уже очень хорошо знает, но что еще только ожидает узнать читатель. "Материал, творчески преобразованный в сознании, ведет историка за собой, и он в состоянии сосредоточить все внимание на литературной форме, стараясь максимально точно и образно отразить ход своей мысли, воплощенной в подборе и связи конкретных фактов"⁴⁷.

Необходимо решить, как писать историю. Обосновывать ли немолчаливое действие исторических закономерностей или же видеть во всем только фундаментальную роль случая? Как воплотить в тексте научного сочинения *несбывшееся*? Стоит ли говорить читателю о том, что не состоялось — было побеждено, отвергнуто, упущено, — что не превратилось из возможности в действительность? Делать ли вид, что рассказываешь о том, как было на самом деле, или же честно признаться, что пишешь лишь об эмоциях людей прошлого по поводу

непонятна" — Шкловский В. Б. О теории прозы М Советский писатель, 1983. С 290, 297

⁴⁴ Блок А. А. Избранные сочинения М Худож. лит., 1988. С 498

⁴⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества С 347.

⁴⁶ Историк в поиске Микро- и макроподходы к изучению прошлого Доклады и выступления на конференции 5-6 октября 1998 М ИВИ РАН, 1999

⁴⁷ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка М Наука, 1979 С 95-96

состоявшихся или не состоявшихся событий? Судить или понимать этих людей? Рассказывать ли, наконец, и о своих ошибках и заблуждениях, без которых не бывает настоящего исследования?⁴⁸ Чтобы приблизиться к получению содержательных ответов хоть на часть из перечисленных вопросов, имеет смысл обратиться к опыту мыслителей, чьи труды существенно обогатили гуманитарное знание XX века.

Крупнейший французский историк Люсьен Февр в работе с красноречивым названием "Как жить историей" (1941) грустно заметил: ". Мы упорствуем, говоря об истории по старинке, мысля этажами, кладками, булыжниками — фундаментами и надстройками, тогда как всевозможные явления, связанные с электричеством, — ток, бегущий по проводам, перемена фаз, короткое замыкание — могли бы одарить нас целой сокровищницей образов, с большей гибкостью выражающих наши мысли. Но все идет так, как шло прежде"⁴⁹.

Рассуждения Л.Февра получили афористическое завершение в эссе Хорхе Луиса Борхеса "Сфера Паскаля" (1952). Величайший мастер интеллектуальной метафоры, писатель, без произведений которого невозможно представить себе не только латиноамериканскую литературу, но и мировую культуру XX столетия, высказал парадоксальную мысль: "Быть может всемирная история — это история нескольких метафор. ...Быть может, всемирная история — это история различной интонации при произнесении нескольких метафор"⁵⁰.

Историк не может обойтись без метафоры⁵¹. И дело не только в том, что именно метафора способна придать историческому повество-

⁴⁸ "... Процедура исследования, ограниченность исторических документов, приемы доказательств и конструирование интерпретаций сами становятся предметами рассказа. Происходит разрыв с авторитарным методом подбора лишь подтверждающих аргументов, которым историки традиционно пользовались, когда описывали объективную реальность. Теперь сама точка зрения исследователя становится частью рассказа, процесс исследования описывается либо в подробно, ограниченность документов, формулирование гипотезы — вся проделанная работа уже больше не считается лабораторной тайной, скрытой от глаз непосвященных. Итак, рождается особая форма диалога с читателем, который вовлекается в процесс монтажа историографического дискурса " — Левин Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории М., ИВИ РАН, 1996 С 180-181

⁴⁹ Февр Л. Бой за историю. М. Наука, 1991 С 31

⁵⁰ Борхес Х Л Проза разных лет. М. Радуга, 1984 С 200, 202.

⁵¹ "Метафоры живой, свежей, хотелось бы сказать. В своем бытовании в культуре метафора приобретает общераспространенность, а затем уходит на периферию, вплоть до забвения. Бывает так, что она освежается в результате переосмысления, бывает так, что она становится банальной, тривиальной. История метафор — это история культуры" — Вжозек В. Метафора как эпистемологическая категория (соображения по поводу дефиниции) // Одиссей-1994. С 264. "Складывается впечатление, что современная культура уже как бы изрядно подустала от изощренной иронии — доминирующей интонации последних двух десятилетий. Не ожидает ли современную культуру рождение новых интонаций — вероятно — более серьезных, чтобы не сказать — патетических? Что будет означать смена интонаций применительно к историческому сознанию?" — Мучник В. М. Историческое сознание на пороге XXI века От

ванию исключительную выразительность. Образность изначально присуща гуманитарному знанию. Вспомним широкообъемлющую формулу М.М.Бахтина: "Предмет гуманитарных наук — выразительное и говорящее бытие"⁵². Изучая культуру минувшего времени, историк стремится отыскать его наиболее выразительные приметы, чтобы, отталкиваясь от них, корректно сформулировать вопросы прошлому и заставить его заговорить. Исследователь вступает в диалог с прошлым с позиций *внеаходимости* понимающего по отношению к былой культуре. "В области культуры — внеаходимость самый могучий рычаг понимания". Теоретическое изучение прошлого — это, как полагает Бахтин, не интуитивное "вчувствование" в иную культуру, не субъективное в нее "переселение" и "вживание", а "диалогическая встреча двух культур"⁵³, которая сопровождается не только их взаимным обогащением, но и утратами ряда особенностей культуры прошлого. Разумеется, историк старается избежать этих потерь, обращаясь к документам и материалам эпохи и прилагая усилия к тому, чтобы не навязывать прошлому сегодняшнее понимание социальных процессов.

История, подобно литературе и искусству, стремится отыскать "способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно"⁵⁴. Так утверждал Виктор Шкловский, которому принадлежит честь открытия эффекта *остранения* в искусстве: "остранение есть почти везде, где есть образ"⁵⁵. Я полагаю, что оно есть и в истории. Историческое сочинение не обходится без метафор ("река времен", "весь мир — театр"), что сближает его с художественной прозой. Историк, сознательно стремящийся сочетать научную доказательность текста с его эстетической выразительностью, постоянно вплетает художественные образы в ткань своего повествования. Так возникает эффект *остранения*: на всем известные вещи, события, структуры, институты, на героев и антигероев смотрят иными глазами ("для того, чтобы вернуть ощущение жизни"⁵⁶, как сказал бы В.Шкловский).

История предстает как незавершенный процесс. "История продолжается", — любил повторять Н.Я.Эйдельман. Исторический процесс всегда абсолютен, а его результаты — относительны. Таков исходный пункт абстрактного рассмотрения проблемы альтернативности в истории. В течение почти двух столетий историки — апеллируя либо к Провидению, либо к неумолимым законам истории, — абсолютизировали эти относительные результаты: подводили к ним, отсекая все второстепенное, все случайное. В наши дни возникла потребность писать иначе. Так в одной точке неожиданно сошлись давние идеи

"логоса" к мифу // Методологические и историографические вопросы. Вып 25. С.115

⁵² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С.430

⁵³ Там же. С.354

⁵⁴ Шкловский В.Б. О теории прозы. С.15

⁵⁵ Там же. С.20

⁵⁶ Там же. С.15

Бахтина и Шкловского с постмодернистским дискурсом. Новая интеллектуальная история фактически взяла на вооружение мысль о венаходимости исследователя в *большом времени* истории и остранилась не только от того, как было на самом деле, но и от предшествующих достижений исторической науки⁵⁷. Процесс делания истории и протекания событий "самоцелен и должен быть продлен"⁵⁸. Историк остраивается от результата и сознательно продлевает в своем повествовании ощущение протекания процесса⁵⁹.

Фридрих Шлегель еще в 1798 г. заметил: "Историк — это пророк, обращенный в прошлое"⁶⁰. Иными словами, историку свыше дан дар провидения, дар бессознательного, но верного прорицания, обращенного в прошлое; историк — это одаренный Богом провозвестник минувшего; ему дано единственно верное откровение былого. Позднейшее стремление историка отыскать в прошлом действие законов истории означало все то же стремление дать единственно возможный вариант правильного объяснения исторических событий. Закон, т.е. всеобщая, необходимая и существенная связь между явлениями, всегда однозначен, что сближает его с Провидением. Постмодернистский дискурс изменил отношение к ремеслу историка, провозгласив постулат о *множественности* истолкований и интерпретаций минувших событий. Исследователь-постмодернист стал проводить мысленные и компьютерные эксперименты с неслучившимся или упущенным. Манипулируя с прошлым, историк пытается былое, стремясь узнать не то, как это было на самом деле, но интересуясь преимущественно тем, "как это не произошло в действительности"⁶¹.

Что можно противопоставить пророку, который предсказывает назад? Результат — известен. Ответ — найден. Как избежать соблазна подогнать решение под уже известный ответ? Требуется дать *видение* процесса, а не его *узнавание*. Именно это и позволяет сделать *остранение* — "прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и

⁵⁷ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей-1996 С.7 Перспективы постмодернизма обсуждались в марте 1995 г за "круглым столом", организованным редколлекгией "Одиссея" (см статьи Г И Зверевой, Л.П Релиной, В П Визгина, И.Н.Ионова)

⁵⁸ Шкловский В.В. О теории прозы С.15

⁵⁹ А В Гулыга неоднократно настаивал на том, что историческое повествование — это синтез теоретического и эстетического освоения мира. Оно не должно быть бесстрастным "История требует сопереживания..." Далее он осторожно заметил в примечании. "Хейзинга, явно увлекаясь, советовал даже историку, переживать события в их неопределенности, как еще не совершившиеся "Рассказывая о Саламине, он может предполагать, что победителями будут персы, рассказывая о государственном перевороте 18 брюмера, — что Бонапарт потерпит позорное поражение" — Гулыга А В Эстетика истории М Наука, 1974 С.63 Более определенно выразить свое безусловное согласие с утверждением нидерландского коллеги он в 1974 г, разумеется, не мог

⁶⁰ Шлегель Ф Эстетика Философия Критика В 2-х тт Т 1 М Искусство, 1983. С.293 (История эстетики в памятниках и документах)

⁶¹ Савельева И М, Полетаев А В Указ соч С 308, 650, 658

долготу восприятия"⁶² Последовательное использование этого приема подводит не боящегося смелых гипотез историка к необходимости сделать следующий шаг — дать контрфактический вариант протекания реальных исторических событий, что означает не только неизбежный эпатаж научного сообщества, но и сознательный разрыв с предшествующей исторической традицией, не признававшей сослагательного наклонения в истории. Между тем, уходят в небытие последние из непосредственных участников былых событий. Исчезает очень существенная *этическая* преграда для проведения опытов "экспериментальной" истории и обнародования полученных результатов.

Меняются названия городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам⁶³.

Пятый уровень. На заключительной стадии научное сообщество осознает, что онтологический аспект проблемы поиска исторической альтернативы представляет интерес для футуролога, политолога, социолога, экономиста, правоведа, но не имеет никакого отношения ни к историку, ни к философу, на долю которых остаются аксиологический и эпистемологический аспекты. Несостоявшаяся история, обретя своего историографа и найдя воплощение в его работах, становится историей несостоявшегося. Контрфактическая модель исторического прошлого позволяет глубже уяснить суть былых событий, четко очерчивая границы непознанного — того, что мы привыкли именовать словом "тайна". Именно в этом качестве контрфактическая модель ведет к приращению научного знания, становится объектом неизбежной полемики и фактом историографии.

В истории всегда будет нечто непознаваемое, ускользающее от нашего категориального аппарата. Среди профессиональных историков редко можно встретить явного агностика, не считающего нужным скрывать свое мировоззрение. Однако есть своя притягательность в том, чтобы заявить собратьям по цеху: "Я не знаю". Не следует путать невежество и некомпетентность с отчетливым пониманием того, что ты столкнулся с *тайной*. Тебе попала в руки шкатулка со множеством потайных ящичков, а ключей — нет. Ремесло историка потеряло бы свою неизъяснимую прелесть, если бы историку не приходилось время от времени разгадывать тайны.

⁶² Шкловский В Б О теории прозы С 15

⁶³ Ахматова А А Соч В 2-х тт Т 1 С 264

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

П.П. Шкаренков

“*Variae*” Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры

Проблема изучения языковой картины мира — зафиксированной в языке, специфической для данного автора схемы восприятия действительности — имеет давнюю историю¹. Обращение к языковой картине мира объясняется тем, что язык не просто выражает то, что называет, но именно моделирует описываемую автором действительность, задает свои отношения в рамках того “жизненного контекста”, в который он включен. Предшествующий уровень познания, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности. Язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Эта организация складывается в некую единую систему взглядов, формирующую весь комплекс представлений о внутреннем мире автора и об окружающей действительности. Современная наука уже не довольствуется непосредственным выводом текста прямо из жизненного опыта его автора. Между этими двумя объектами она ставит третий объект — инвариантный и неповторимый “языковой мир” автора, опосредствующий его опыт и формирующий его тексты. Язык связывается с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям модели мира, как она представлена в языке.²

В одном из писем VII книги своих “*Variae*” Кассиодор уделяет довольно много места описанию двух придворных короля Теодориха родных братьев Киприана и Опилия. Братья предстают перед нами

¹ См. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды Т II М., 1995. С.629-650

² “Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира, эти модели выступают как побочные источники познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знания, корректируя ее. Словесный образ сочетается с понятийным, лингвистическое моделирование мира — с логическим его отображением, создавая предпосылки воспроизведения более полной и всесторонней картины окружающей действительности в сознании людей”. — Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа Ереван, 1968 С 57; Он же Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопросы философии 1972 №10 С 87.

образцами физического и морального совершенства, что находит свое отражение и в композиции письма. Характеристики героев даются параллельно, и они практически тождественны:

“ Он, Опилий, до такой степени вобрал в себя все достоинства своего брата, что неизвестно..., кто из них был более достоин похвалы от другого. Если один искренне предан своим друзьям и свято чтит дружеские узы, то и другой также честно выполняет данные им обеты. Если одному из них неизвестно, что такое жадность, то другому не менее чуждой оказывается алчность. . Таким образом, они знают, что значит быть лояльными своим королям, ибо никогда не поступали вероломно по отношению к своим коллегам. .”³

Совершенно иное мы узнаем из Боэция. Оба брата выступили против него с ложными обвинениями, причем, если Киприан просто называется доносчиком, то про Опилия говорится, что он был приговорен судом к изгнанию за многочисленные служебные злоупотребления, и над ним, как над простым преступником, даже нависла реальная угроза клеймения, в случае отказа покинуть Равенну⁴.

Подобное противоречие мы видим и в случае с крупным чиновником Парфением, являвшимся *magister officiorum* франкского короля Теодоберта. В письме Аратора Парфению дается необычайно высокая оценка в самых восторженных выражениях⁵. Его имя, утверждает автор послания, полностью соответствует присущей Парфению “чистой скромности” и воздержанности. Высокий государственный муж был необычайно любезен с ним, во время их встречи в Равенне, и именно под его руководством Аратор смог насладиться всей прелестью произведений Цезаря, а также оценить достоинства поэзии, как светской, так и божественной. Парфений побудил его изложить стихами Священное писание, и сейчас поэт имеет удовольствие представить на суд своего старого друга готовое переложение.

Другая картина предстает перед нами в “Истории франков” Григория Турского, который сообщает, что этот самый Парфений чрезвычайно неприятной личностью, грубым и невоспитанным человеком. К тому же он собственноручно убил ни в чем не повинную жену и друга, а через несколько лет после письма Аратора (544 г.), и сам погиб от рук

³ Cassiod., Var VII, 17

⁴ Боэций, Утешение философией I, 4 (пер В И Уколовой) “Затем Опилион и Гауденций, им королевская цензура повелела за многочисленные преступления удалиться в изгнание. Когда же они, не желая подчиниться, устремились под защиту святого убежища, и об этом стало известно королю, тот приказал: если они не покинут город Равенну в предписанный срок, то после клеймения оба будут изгнаны”. О Киприане известно только то, что будучи королевским референдарием, он донес королю о письмах, якобы отправленных сенатором Альбином византийскому императору Юстинину, что послужило поводом для начала массовых репрессий среди римской аристократии, во время которых погибли Боэций и Симмах — PLRE 2: “Opilio 4”, “Cyprianus 2”, Уколова В И “Последний римлянин” Боэций М, 1987 С 39-41

⁵ Arator, Epistula ad Parthenium; cp Cassiod., Var VIII, 19, CIL IX, 1596

разъяренной толпы, которой он был ненавистен из-за своей жадности⁶. Кажется невероятным, что одному и тому же человеку могут быть даны такие диаметрально противоположные характеристики.

Если предположить, что Кассиодор, рисуя портреты Киприана и Опилия, сознательно искажал действительность, преследуя политические цели, то подобная деятельность явно не встречала осуждения при дворе: одной из главных установок позднеримских литераторов было стремление придать формальный блеск всем своим корреспондентам⁷. Уже в предисловии к "Variae" Кассиодор говорит, что его цель — воздать "достойную хвалу" высшим сановникам, и при этом описать их в "свете исторической реальности". Он называет "Variae" зеркалом своей души, заглянув в которое, потомки смогут узнать его; ведь вряд ли может существовать произведение, противоречащее характеру автора, поскольку известно, что результат самых сокровенных сердечных излияний может рассказать о нем больше и правдивее, чем даже его собственные дети⁸. В другом месте "Variae" Кассиодор говорит о себе как о стороннике "прозрачного" ораторского искусства, то есть такого красноречия, которое является выражением искренних чувств и переживаний оратора, идет непосредственно из глубины его души, ибо тогда в нем, как в зеркале, отражаются моральные устои автора. Таким образом, ничто не может служить более надежным свидетельством внутреннего мира человека, нежели рассмотрение тех слов, которыми он выражает свои мысли⁹. Не в меньшей мере характер говорящего проявляется в содержании и в тоне речи¹⁰. Даже поза и манера поведения могут сообщить очень многое: человек всегда будет пользоваться почетом и уважением, если не только его голос остается спокойным, но и весь его внешний вид, манера держать себя неизменно служат образцом невозмутимости и благой сдержанности¹¹.

Представление о том, что каждый текст ориентирован на определенную аудиторию и только в ее сознании может полностью реализоваться, не является новым. Всякий текст содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории. Этот образ активно навязывается реальной аудитории и становится нормой ее собственных представлений о себе, переносясь из области текста в среду реального поведения культурного коллектива¹².

⁶ "История франков" (III, 36); PLRE 2: "Parthenius 3"

⁷ Cp. Enn 314.29ff, другая точка зрения Liber Pontificalis 53 3-5

⁸ Cassiod., Var. 4.19-27.

⁹ Cassiod., Var. V, 22, 3

¹⁰ Cassiod., Var. V, 21, 2

¹¹ Cassiod., Var. VIII, 14, 3-4

¹² "Если такого рода текст расходится с очевидной и известной аудитории жизненной реальностью, то сомнению подвергается не он, а сама эта реальность, вплоть до объявления ее несуществующей". — Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992. С. 368

“Нравы служащих нам чиновников мы узнаем по их лицу и голосу. Если выражение лица спокойное, если дело излагается голосом сдержанным и ровным, то тогда мы полагаем, что сообщаемые факты заслуживают доверия, ибо все сказанное в состоянии смятения не может приниматься в расчет, так как, по нашему мнению, никогда не бывает правдивым”¹³.

Киприан и Опилий, по-видимому, овладели этим искусством придворного общения в совершенстве. Киприан, должно быть, в нем отличился, так как известно, что он был направлен Теодорихом в Византию с дипломатической миссией¹⁴. Столь обычное для “*Variae*” внимание к внешней стороне дела, к ритуализированным формам проявления чувств является одной из основных примет времени, характерной чертой данного исторического периода. Во многом это объясняется полной оторванностью образования, основанного на изучении классических образцов, от какой бы то ни было социальной реальности. Чрезвычайная любовь к стереотипам, привычка пользоваться готовыми штампами приводили к тому, что любой человек, независимо от его моральных качеств, предстал образцом совершенства.

Единственный язык, который слышали вокруг себя высшие представители государственной власти и знатнейшие аристократы, был язык непрерывного славословия, постоянных восхвалений, на которые не скупилась позднеримская риторика, имеющая в своем распоряжении целый набор соответствующих слов, таких как *lux, splendor, jubar, decus, serenitas, claritas, radiis, coruscare, rutilare, fulmen, aura, fax, lampas, lumen, gloria, laus, praeconia, tituli, insignia, micare, ornamentum*. Их постоянное употребление является одной из характернейших черт как “*Variae*”, так и всей поздней римской литературы.

В “*Variae*” мы находим следующее замечание: “Это великое свидетельство жизни человека не может быть названо просто “славным” (*clarum*), но только “славнейшим” (*clarissimum*), поскольку считается, что практически все прекрасно в том, к кому обращаются столь блестящим именем в превосходной степени (*tanti fulgoris superlativo nomine vocitatur*)”¹⁵. Тот позднеантичный институционализированный мир, который предстает перед нами в “*Variae*”, мы видим как преломленное (под определенным углом зрения) отражение в зеркале кассиодоровской риторики, где степень искажения напрямую зависит от положения героя в государственной иерархии¹⁶.

В латинском языке поздней античности пристрастие к гипотаксису (т.е. подчинительной конструкции), являвшемуся характернейшей чертой литературной прозы классического периода, постепенно ослабе-

¹³ Cassiod., Var VI, 9, 3-4, и ср III, 6, 3

¹⁴ Cassiod., Var V, 40, 5

¹⁵ Cassiod., Var. VII, 38

¹⁶ Cassiod., Var. VII, 35. О’Доннелл (O’Donnell J.J. Cassiodorus Berkeley-Los Angeles, L., 1979 P 5) назвал Остготское королевство “миром, отраженным в зеркале” Enn., 12 9-13, ср Fronto, Ad Marcum Caesarem et Invicem, III, 12. Что касается “*Variae*”, О’Доннелл говорит о “ностальгии по блестяще отточенной риторике серебряной латыни” (Op cit P 96)

вало, уступая место конструкциям с более простым синтаксисом, где связи между простыми предложениями и между частями сложного поддерживались чередой частиц, из которых наиболее распространенными были "enim" и "nam" ("ибо", "ведь")¹⁷. Вместе с отходом от сложной, периодической структуры предложения главное внимание при передаче смысла начинает уделяться не глаголам, на которых, в сущности, и держался классический риторический период, а все в большей мере различным сочетаниям существительных.

Выделим несколько взаимосвязанных факторов, обусловивших резкий рост числа абстрактных существительных в поздней латыни. Во-первых, на смену четкости и лаконичности латинского языка классического периода, который стремился к ясному формулированию рациональных доводов, апеллируя к разуму в большей степени, чем к эмоциям, пришли иные эстетические установки¹⁸. С определенной долей условности сложившуюся эстетическую концепцию можно назвать "новой чувственностью". Несмотря на то, что многие новые слова и выражения находят смысловые аналоги в словарном составе языка "золотого века", они, тем не менее, стремятся создать вокруг себя некое барочное изобилие. Отказ от принципа словесной экономии в поздней латыни реализуется как выполнение центральной эстетической задачи — вновь осознанной необходимости отгородиться от реального мира. Отсюда частое употребление таких слов, как: *districtio* (суровость), *interminatio* (угроза), *nimietas* (чрезмерность), *oblocutio*, *depraedatio*, *hostilitas*, *incivilitas*, *indisciplinatio*, большинство из которых появляется в источниках не раньше III в. н.э., и все они наличествуют в "Variae". Много можно было бы сказать и о постоянно нарастающей в поздней латыни тенденции заменять личные местоимения абстрактными наименованиями, в частности титулами и многочисленными почетными званиями. Подобные абстрактные понятия встречаются иногда и в сочинениях писателей классического периода, даже в переписке Цицерона, но их повсеместное распространение в поздней латыни, неважно в бюрократических ли документах, в формулах, в описаниях различных протокольных церемоний, в эпистолографии, или даже у сугубо религиозных писателей, во многом объясняется вновь ощущаемой необходимостью в "спасительном изобилии слов"¹⁹. Автор бесконечно нагнетает синонимы, однако не для того, чтобы внести смысловые нюансы, не для наглядности, а скорее чтобы разрушить ее.

В поздней Римской империи существовала четко разработанная иерархическая система титулов и официальных обращений к членам императорского дома, сенаторам и чиновникам различного ранга в за-

¹⁷ Cassiod., Var. VIII, 26, 3-4, X, 31, 2-3, Fridh A J. Études critiques et syntaxiques sur les Variae de Casiodore. Göteborg, 1950. P 62-82

¹⁸ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе М., 1976. С 92-93, 104-105

¹⁹ Muller H F. L'époque mérovingienne. Essai de synthèse de philologie et d'histoire. N Y, 1945. P 161, а также выше pp 157-158

висимости от их нахождения на той или иной ступени служебной лестницы²⁰. Зародившаяся еще во времена принципата, унифицированная в *Notitia dignitatum*, в "Variae" Кассиодора эта система достигла наивысшей степени четкости и проработанности²¹.

Кроме того, постоянному использованию абстрактных существительных в поздней латыни во многом способствовали изысканные литературные пристрастия представителей высших образованных слоев общества, которые предпочитали дистанцироваться от реального мира, задрапировать его узорной тканью из абстрактных понятий, обтекаемых и утонченных выражений²². Многие из встречающихся у поздних авторов абстрактных существительных появились уже в "золотой" латыни, но только с конца III в., мы находим их в таком изобилии; большинство из них были образованы от прилагательных (например, *carus/caritas*), и писатели часто нанизывали их одно на другое, создавая длинные цепочки слов: их громоздкость представляла реальную сложность для чтения, письма, а тем более для произнесения вслух. Такой строй речи вряд ли был совместим с четкой, высоко подвижной, может быть иногда чрезмерно систематизированной структурой классической латыни в период ее расцвета как синтетического языка.

Все основные ценностные характеристики поздней античности и наметившиеся тенденции к их изменению, отразившиеся в развитии латинского языка, могут быть рассмотрены методом "ключевых слов", выделяющим те слова, которые хотя и имелись в языке, но до определенного момента оставались относительно редкими²³. Тем не менее, исходя из потребностей языка, практически постоянно образовывались и совсем новые абстрактные существительные, чаще всего по принципу аналогии — *Trinitas, puritas, profunditas, moralitas, resurrectio, sanctificatio, pollutio, dilectio, manifestatio, afflictio, illuminatio, adunatio...*²⁴

Принимая во внимание непереносимое требование эвфонии, нет ничего удивительного в том, что авторы этого периода очень часто используют различные слова со значение "сладости" и "приятности". Для такого рассудительного традиционалиста как Квинт Аврелий Симмах слово *mel* ("мед") было не более чем метафорой для обозначения

²⁰ Начиная с *nostra/vestra serenitas* или *mansuetudo* при обращении к императору, через *celsitudo, sudlimitas* или *magnitudo* в титулатуре чиновников высшего и среднего звена, до *devoto tua* для рядовых служащих различных канцелярий

²¹ Fridh A. J. Terminologie et formules dans les *Variae* de Cassiodore. *Études sur le développement du style administratif aux derniers siècles de l'antiquité*. Stockholm, 1956. P. 106-109

²² Вот несколько изысканных примеров, сочетающих в себе вышеприведенные качества и отвечающих требованиям эвфонии *cervicositas, flexibilitas, numerositas, officiositas*. Cp. Zimmermann O. J. *The Late Latin Vocabulary of the Variae of Cassiodorus*. Washington, 1944; а также Fridh A. J. *Contributions a la critique et l'interprétation des Variae de Cassiodore*. Gøteborg, 1968. P. 33f

²³ Fridh A. J. *Contributions*. P. 155-156.

²⁴ Все эти слова встречаются в основном у христианских авторов или, как, например, *profunditas* и *puritas*, характерны для поздней античности в целом

стилистического великолепия²⁵ У христианских писателей, особенно у авторов посланий, это слово становится одной из наиболее часто встречающихся метафор для обозначения духовного начала, особенно, когда оно заключается в письменном слове. К слову *mel*, в эпистолярном или ином контексте, можно добавить *dulcedo* ("сладость"), *suavitas* ("приятность"), *favus* ("соты") и *nectar*²⁶, или же слова, связанные с освежающим отдыхом: *fons*, *irrigare*, *refrigerare*, с пищей: *ubertas*, *cibus*, *pastus*, *lac*; с удовольствиями²⁷. Подобный язык не создавался в расчете на потребности управленческого делопроизводства, но его повсеместное распространение в самых разнообразных контекстах связано с активным проникновением деятелей христианской церкви в социальную сферу, или даже скорее с их все более усиливающимся влиянием на духовную атмосферу эпохи, идет ли речь о Павлине Ноланском, или о посвященном в сан Сидонии, о Рурикии или Эннодии, когда последний говорит в меньшей степени как аристократ, а больше как представитель церкви, о позднем Кассиодоре, когда он стал "обращенным" и удалился от мирских дел. Частота употребления этих слов сохраняется на века и их популярность самым непосредственным образом связана с важнейшими культурными процессами эпохи.

Рассматриваемый нами "новый" латинский язык отражает скорее некий культурный сдвиг, нежели упадок культуры или образованности как таковой. Произведения позднеримских авторов, таких как Сидоний Аполлинарий и даже в большей мере Авит Вьеннский, свидетельствуют о необыкновенной образованности, изысканности, утонченности интеллектуального сообщества тогдашней Европы. Это был мир, в котором культурный человек уже не чувствовал себя удовлетворенным, имея простое, житейское имя, как, например, *Naevius* или *Balbus*, часто получаемое из-за физических недостатков, но стремился носить имя либо связанное с внешним блеском, как *Asterius*, *Celestinus*, *Orientius*, *Fulgentius*, либо с добродетелями, как *Constantius*, либо с библейскими персонажами, такие как *Petrus* или *Johannes*.

Одним из исследователей было замечено, что идущий очень активно в позднем греческом языке процесс замещения простого глагола парафразой из отглагольного существительного (по типу образования на "-esis") и вспомогательного глагола мог происходить и происходил только "за счет" наиболее динамичного элемента языка — глагола²⁸. Сходный феномен мы можем наблюдать и в латинском языке. Эннодий, как и некоторые другие "последние римляне", мог выразиться

²⁵ Symm, Ep. I, 24.

²⁶ Cp. Paulinus Nol., Ep. 21,6, Sid., Ep. IV, 28, Vita Honorati // PL 50 1261B-C "blanda dulcia. mel. dulcedinis", Victor Vitensis 4,8-10 и т.д. У Симмаха примеры подобного словоупотребления встречаются гораздо реже.

²⁷ Prudentius, Cathemerinon IV, 33, Sid., Ep. III, 12, Fausti aliorumque epistulae // MGH AA Vol VIII P 271, 22-7, Enn., 18 12-14, Vita Caesarum I, 52, Cassiod., Instit. I, 17, 1; Epp. Austrasicae 12.

²⁸ Zilliacus H. Zur Umschreibung des Verbums in spätgriechischen Urkunden // Eranos 1956 56 P 160-166.

следующим образом *"me ad amicitiae custodiam... compellis"* ("ты побуждаешь... меня к защите дружбы"). Автор классического периода скорее всего предпочел бы в этом случае конструкцию с глаголом *custodire*²⁹. Тем не менее, одна из характернейших черт *"Variae"* — наличие большого числа отглагольных существительных: *"Manifestatio est conscientiae bonae praesentiam iusti principis expetisse"* ("Настаивать на присутствии справедливого повелителя есть проявление чистой совести"), тогда как, например, *"Manifestat conscientiam bonam qui..."* было бы более вероятным в классическую эпоху. Во всяком случае *manifestatio*, как и многие другие слова на *-atio*, появилось уже в постклассическую эпоху³⁰. Отмечается, что возникновение из глагола отглагольного существительного, например, *"imitari Deum"* — *"imitatio Dei"*, предполагает "институционализацию, основательность, значительность"³¹. Но не только отглагольные существительные фиксируют внимание на упорядоченном, институционализированном, в основе своей статичном мире. Абстрактные существительные на *-tas*, образованные от прилагательных, также могут оказаться элементами этого мира, как, например, *caritas* и *puritas* в сфере морали, *Trinitas* — в религиозной сфере и *spectabilitas* — в социально-политической

Позднеримское общество было очень высоко институционализированным не только в политической и правовой сферах, со множеством абстрактных существительных для обозначения и описания различных ритуалов, церемоний, судебных процессов, политических и административных функций, но также и в сфере общественной морали и религии. Император и высшие чиновники обладали теми же самыми добродетелями, описывались в тех же самых категориях, что и деятели церкви³². Действия человека имели значение, только если они находились в соответствии с санкционированной моделью поведения, свя-

²⁹ Cassiod., Var IX, 23, 3. Ср. Symm., Ep II, 9: "... ad conciliationem gratiae", в классическую эпоху было бы *"ad conciliandam gratiam"*.

³⁰ Cassiod., Var VII, 35. В другом месте *"Variae"* встречается фраза *"consiliorum participatione"*. Слово *"participatio"* в первый раз встречается в тексте III в., а в классический период было бы скорее всего сказано следующим образом *"consilia participando"* — Cassiod., Var VIII, 16 Ср. VI, 6 *"diligentiae suae districtione"* (*distincta diligentia*), X, 30 *"captivationis"*; IV, 30: *"decoctione"*; XII, 14 *"inroratione"*, IV, 27, VIII, 29, 30. *"objectio"*, I, 28 *"reparatio"*; IX, 24 *"sequestratione"*; I, 16; XII, 21 *"subreptionibus"*; VI, 19 *"visitatio"* Все подобные слова Циммерманн считает вновь изобретенными — Zimmermann O.J. Op cit P 17-25 См также Rosen H. The Mechanisms of Latin Nominalisation // Aufstieg und Niedergang II. Principat / Ed. H. Temporini and W. Haase Berlin-N.Y., 1983 P 178-211

³¹ Шаг к образованию отглагольного существительного означает, что появилась тенденция к абстрагированию, систематизации, возможно, классификации; отглагольное существительное становится новой институцией, обладающей более высокой степенью рефлексии и формализации, чем соответствующий глагол. — Daube D. Roman Law Linguistic, Social and Philosophical Aspects Edinburgh, 1969 P 45

³² Ibid P 37-40, Fichtenau H. Arenda Spdtantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln Graz-Cologne, 1957 P 93-95

занной с исполнением определенной социальной роли³³, в которой сами действующие лица могли добиться успеха лишь в той степени, в какой они воплощали в себе необходимые моральные идеалы³⁴. При этом образ этого действующего лица выглядит отчужденным от конкретной эмпирической личности. Правда эта отчужденность осуществлялась в мире, который во многом был театрализованым, при том для описываемой эпохи это не метафора или "красивый" образ, но вполне адекватное выражение своего самоощущения. Сама сущность этого мира принуждает человека играть определенную роль. Личность становится сценой, на которой действуют пороки и добродетели. Иначе как надев некую маску человек не может быть самим собой, роль и маска оказываются сильнее его. Можно ждать лишь новой роли, нового поворота колеса фортуны, но не освобождения от роли.

При доминировании такого способа восприятия мира не удивительно, что мы все реже встречаем в текстах описания конкретных людей с только им присущими индивидуальными качествами. Личность человека скрывается за набором идеальных атрибутов, состав и количество которых зависит от места, занимаемого данным человеком в обществе. Господствующей тенденцией стала замена имени императора, должностного лица, аристократа, церковного иерарха абстрактными фразами типа "*tua serenitas*", "*tua pietas*" и т. п., что наглядно показывает, как конкретные личности становятся воплощением исполняемых ими функций³⁵. Это пристрастие к изображению идеальных качеств, представленных в отрыве от конкретных действующих лиц, в форме абстрактных существительных, тесно связано с чрезвычайной частотой употребления в произведениях поздней античности слова *semper* ("всегда"). Если люди и их идеальные образы суть одно и то же, то тогда можно сказать, что все их поведение и существование определяются неким постоянством, неизбежностью, неизменностью³⁶. Мир идеальных образцов является и миром банальностей, общих мест³⁷, обычно морализаторского толка, которыми часто злоупотребляли писатели рассматриваемого периода: при этом, правда, представлялось много возможностей для употребления слова *semper*³⁸.

³³ MacMullen R. Some Pictures in Ammianus Marcellinus // Art Bulletin. 1964. 46 P. 435-438

³⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2-е М., 1984 С. 313.

³⁵ К этому, несомненно, можно отнести и постепенное исчезновение звательного падежа из поздней латыни — O'Donnell J J Op. cit., P. 95 Существует специальное исследование, посвященное рассмотрению абстрактных терминов, встречающихся в "*Variae*", их количественному составу, взаимозаменяемости, иерархии — Fridh A J Terminologie

³⁶ Примеры из императорских указов см.: O'Donnell J J Op. cit. P. 34

³⁷ "Общее место — инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать эту пестроту легко обозримой для рассудка". — Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы М., 1981 С. 16

³⁸ Paulinus Pel, Eucharisticon, 540 " *instabilis semper generaliter aevi*"

В тесной связи с описываемыми процессами, когда определенный набор качеств должен был заменить конкретную индивидуальность, может быть рассмотрена еще одна характерная черта словесного искусства этой эпохи — особенно V и VI вв. — частое употребление слов *insignia* и *tituli* по отношению к нравственным качествам, по аналогии с титулами и знаками отличия чиновников³⁹. Но часто эти слова встречаются сразу и в прямом и в переносном смысле, являясь как непрменной характеристикой провозглашенного в поздней античности обязательного нравственного идеала чиновника, так и собственно исполнением определенной роли, что также составляет характерную черту эпохи: “В силу нашего священнического ранга (*per titulum ecclesiasticum*) мы отречаемся от наших грехов”, — пишет Эннодий⁴⁰.

То же усиление внимания к внешней атрибутике можно проследить и в развитии изобразительных искусств, особенно в позднем Риме: начиная с IV в. статуи римских императоров и государственных деятелей все меньше передают индивидуальные особенности конкретной личности, концентрируя все внимание на внешних признаках их высокого положения⁴¹. Средневековое искусство, как известно, придавало очень большое значение точному воспроизведению всех символов власти, деталей одежды, позы сильных мира сего светского и духовного звания, нимало не заботясь о передаче портретного сходства, поэтому было бы нелепо судить по этим произведениям о том, как выглядели те или иных выдающиеся личности прошлого “на самом деле”⁴². При чтении позднеримских и раннесредневековых авторов бросается в глаза необычайно частое упоминание драгоценных камней. Это обстоятельство в сочетании с указанной выше любовью к внешним знакам отличия оказывается чрезвычайно показательным при рассмотрении всей совокупности представлений о человеке в эту эпоху.

Не менее важным в русле намеченной тенденции оказывается процесс перенесения метафор непосредственно на людей. В своей эпиграфии Сенарий, преданный слуга Теодориха, называет себя “голос королей, спасительная речь, защитник согласия, путь к миру, границы гнева, семя дружбы, полет войны, враг разлада...”⁴³. В подобных выражениях написаны и многие письма в “*Variae*”, особенно те, что содержат распоряжения о назначении на ту или иную должность: “. ты будешь защитой спящего, укреплением родного дома, защитой границ...”

³⁹ Enn 105, 19-20, 138, 20; 186, 17, Cassiod., Var. II, 3, III, 6, 3; AL II, 2, 1376, 6, 1385, 6; 1411, 13, 1414, 14, 1430, 7, 1445, 7, 1516, 3. В подобном метафорическом контексте часто употребляются и *gemmae* (см. ниже).

⁴⁰ Enn 16, 30. Ср. Cassiod., Var. X, 5: “. *mutavimus cum dignitate propositum...*”, слова, вложенные в уста Теодохада при его вступлении на престол.

⁴¹ MacMullen R. Some Pictures in Ammianus Marcellinus // Art Bulletin 1964 46 P 445-450; также см. Salvianus, De gubern Dei IV, 33. (“когда человек меняет свои одежды, он немедленно меняет свой пост”).

⁴² Morris C. The Discovery of the Individual, 1050-1200 L, 1972, Ullmann W. The Individual and Society in the Middle Ages L, 1967 P.43f, Grabar A. Plotin et les origines de l'esthétique médiévale // Cahiers Archéologiques 1945 1 P 19.

⁴³ Senarius // Index nominum // MGH. AA Vol XII

Связь приведенных выражений с надписями на императорских монетах ("Общественная безопасность" и др.) кажется совершенно очевидной, тогда как язык (сказуемые) каждого из отрывков недвусмысленно показывает, что человек оказывается уже не служащим интересам *rex* или *securitas*, а их непосредственным воплощением, символом, эмблемой⁴⁴. Эмблематика — одна из форм выражения, которую создает для себя риторическая культура. Риторическое слово заключает в себе некоторую вещьность, а потому и наглядность. Эмблема — это всегда сопряжение слова и образа, образ-схема, образ-смысл, за ней стоит целый мир, и она есть репрезентация этого мира. Суть эмблемы состоит в непосредственном сопряжении графического и словесного, зримого образа и моралистического содержания, мысли. Эмблематика творит апофеоз аллегорического: эмблематическое мышление находит в аллегорических образах своеобразную аксиоматику, набор вечно истинных аргументов, оно оживляет традиционную топику и метафорику, видя за ней моральный смысл. Эмблематический образ не подвергается рефлексии, а потому заключает в себе истину⁴⁵.

Нельзя не заметить, что тяга к эмблематике стимулировалась политическим режимом Поздней империи. Придворная жизнь и придворная эстетика римских императоров IV-V вв. (а это — норма и образец для всего, что в средние века будет считать себя "имперским") требовали небывало прочувственного отношения к инсигниям, регалиям и униформам⁴⁶. Эстетика униформы принципиально схематизирует образ человека. Монета с отчеканенным ликом монарха и его именем или какой-нибудь надписью — очень важная сфера политической символики тех времен. Сама "персона" монарха мыслится как знак — знак имперсонального. Как и другие личности, и даже еще в большей степени, личность государя должна быть схематизирована, безлична. При этом все бытие монарха становится церемониалом⁴⁷. Аммиан Марцеллин описывает ритуализированное поведение императора Констанция то в образах трагической сцены (Констанций оказывается актером, представляющим самого себя⁴⁸), то в образах искусства скульптуры (Констанций оказывается своим собственным скульптурным портретом⁴⁹). Как и подобает знаку, символу, изваянию, Констан-

⁴⁴ Cassiod., Var VII, 7 Cp : I, 12; IV, 6, VI, 5, Sid, Ep IX, 4, 1, AL I, 1, 689, ILS 1259: "*Paulina... fomes pudoris, castitatis vinculum amorque purus et fides caelo sata . munus deorum*", Vita Caesarum I, 45; Venantius, Appendix V, 10: "*florum flos florens*".

⁴⁵ Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 362; Bremer D. Licht und Dunkel in frühgriechischer Dichtung. Bonn, 1976.

⁴⁶ Hunger H. Reich der neuen Mitte. Graz-Wien-Köln, 1965. S 74-96.

⁴⁷ Каждан А. П. Византийская культура СПб., 1997. С. 84-86.

⁴⁸ Amm. Marc., XXI, 16, 1 "котурн императорского авторитета"

⁴⁹ Amm. Marc., XVI, 10, 10 "*tamquam figmentum hominis*" ("словно изваяние человека")

ций тщательно освобождает и очищает свое явление людям от всех случайностей телесно-естественного⁵⁰.

Венантий Фортунат, современник папы Григория I, был одним из наиболее ярких представителей этого идеализированного мира⁵¹. Получив образование в Равенне, он отправился в Галлию. Путешествуя от одного варварского короля к другому, он писал им и их сановникам льстивые стихи и панегирики. Его поэзия наставляла на путь истинный тех, кто вознамерился забыть этот бренный мир. Тот мир, который Григорий Турский описывал во всех его мерзостях. В своей поэзии Венантий Фортунат ни на йоту не отступал от возвышенных идеалов святости, безмятежности и платонической любви. Его стихи однообразны, монотонны, в них постоянно варьируется один и тот же очень ограниченный круг идей, образов, понятий, чувств, мнений. Даже при беглом просмотре произведений Венантия взгляд сразу натывается на регулярно повторяющееся слово "*semper*". Каждый элемент его поэтического мира соотносится с образом вечности. Даже франкская монархия, какой бы неприглядной она не была, получает под его пером вид идеального, упорядоченного и процветающего государства⁵².

Венантий писал панегирики нескольким варварским королям. При этом их индивидуальные качества полностью игнорируются. Каждый из них характеризуется исходя из стандартного набора королевских добродетелей. Обращаясь к ним, поэт старается использовать символический язык⁵³. Все адресаты этих хвалебных произведений поздней античности — не надо при этом недооценивать степень формализма и в предыдущие эпохи — не наделены никакими индивидуальными качествами, их вряд ли можно представить живыми людьми с присущими им страстями, переживаниями, ошибками, сомнениями. Каждый из героев Венантия является не более чем калейдоскопом ходячих добродетелей и общих мест, вне какой-либо связи с конкретными историческими персонажами. Напыщенный, риторический стиль сочинений Венантия, являясь наглядным образцом той "оптической" амбивалентности, о которой мы говорили выше, служит примером формирования новых представлений о человеческой личности, когда сущность человека определяется исходя из его общественного положения или социального статуса, а не на основании его индивидуальных качеств⁵⁴.

⁵⁰ "Словно изваяние человека, он не вздрагивал, когда от колеса исходил толчок, не сплевывал слюну, не почесывал нос, не сморкался, и никто не видел, чтобы он пошевелил хоть одной рукой" — Ibidem.

⁵¹ Памятники средневековой латинской литературы IV-VII веков / Отв ред М. Л. Гаспаров, С. С. Аверинцев. М., 1998. С. 367-369.

⁵² Avitus, Appendix XV в честь королевы Австрегильды, которую Григорий Турский называет "презренной" (История франков, V, 35).

⁵³ Используются такие слова, как *speculum, lux, dulcedo, honos, caput, decus, salus, apex, bonitas, ornatus, ornamentum, spes, flos, fons, regimen* и т.п. — Venantius, Carmina VI, 1, 23, 27; X, 8, 5-6, Appendix V.

⁵⁴ Гуревич А. Я. Ук соч. С. 311-312.

Сходными причинами объясняется и распространение, начиная с III в. н.э.,⁵⁵ в латинском языке *nomina agentis*, оканчивающихся на "...tor", "...sor", "...trix". В "Variæ" насчитывается более пятидесяти примеров таких новообразований, относящихся к постклассическому периоду истории латинского языка⁵⁶. Некоторые подобные существительные существовали уже в эпоху республики, но главным образом обозначали исполнение неких технических функций (например, *accusator*)⁵⁷. Однако, в эпоху империи происходит значительное увеличение количества данных существительных, обусловленное как стилистическими, так и семантическими причинами. Эти новые стилистические конструкции "подчеркивают явление, качество и т.п. Сопоставьте воздействие двух выражений: "*qui primus opes adcumulavit*" и "*opum primus adcumulator*". Последнее выражение акцентирует момент законченности, определенности, завершенности действия, раз и навсегда характеризует человека, добившегося всего своими силами"⁵⁸. Не считая того, что подобный способ выражения более ёмок и лаконичен, он к тому же, оставляя в стороне аспект однократности или повторяемости действия, ставит во главу угла фигуру непосредственного деятеля и подчеркивает неотделимое от него качество. Вполне естественно, что именно такие существительные оказались наиболее подходящими для разнообразных морально окрашенных контекстов например, для инвектив или христианских проповедей, в которых грешники непрерывно клеймились словами типа *fornicatores*⁵⁹. Подобные слова годились и для панегириков и для литургии, где они одинаково часто употреблялись: "Спаситель человечества, избавитель..." Они используются вместо глагольных конструкций — "...тот, который оберегает (хранит, спасает)..." Освобождаясь от всех временных характеристик, они формируют вневременной, эталонный образец истинной реальности.

Все рассмотренные выше стилевые и языковые особенности поздней риторики указывают, кажется, в одном направлении: на уход личности на задний план, на замещение конкретного индивидуума его образом, идеальным образцом, основанным на тщательном исполнении своей роли, которая ориентирована на норму, в основном социальную. Индивиды — прежде всего носители определенных качеств, которые в институционализированном, упорядоченном мире представляются статичными и неизменными: достойными внимания были не индивидуальные черты, а необходимые атрибуты. В живописи и в скульптуре

⁵⁵ Weische A. Studien zur politischen Sprache der römischen Republik. Münster, 1966. S.105-111

⁵⁶ Zimmermann O. J. Op. cit. P.28-32

⁵⁷ Weische A. Op. cit. S.105, Cooper F.T. Word-Formation in the Roman *Sermo Plebeius*. N.Y., 1895. P.58-70

⁵⁸ Goodyear F.R.D. The Annals of Tacitus. Book I, Chapters 1-54. Cambridge, 1972. P.221; Kuntz F. Die Sprache des Tacitus und die Tradition der lateinischen Historikersprache. Heidelberg, 1962. S.106-110, Draeger A. A. Über Syntax und Stil des Tacitus. Leipzig, 1882. 3f

⁵⁹ Weische A. Op. cit. S.109f

изображение человека строилось прежде всего на точной фиксации его социального статуса, его *tituli* и *insignia*, без учета индивидуальных физических или психологических черт, к портретному сходству не стремились. В литературе средних веков практически нет произведений, в которых бы действовали конкретные люди, а не персонифицированные моральные ценности, рассматривался бы внутренний мир героев, а не типизированная действительность⁶⁰. Все это формирует ту систему ценностей, которая лежит в основе представлений о человеке в эпоху перехода от античности к средним векам.

Агиография и сборники писем деятелей церкви дополняют сложившуюся картину⁶¹. Начиная с V в. грамотность на Западе все больше и больше становится делом клириков и монахов, а с VII в. является, по существу, их исключительной прерогативой. Литературный язык стал принадлежностью определенного слоя общества, формируя и отражая характерную для него систему ценностей.

Прозрачность структуры, наполненность реальными событиями, конкретными обстоятельствами, человеческими взаимоотношениями столь характерные для писем Цицерона или писем, сохранившихся, например, в "Жизнеописании двенадцати Цезарей" Светония⁶², постепенно, в течение пяти веков империи, сменились отчужденным формализмом. Принятие христианства, искреннее или поверхностное, в сочетании с постоянно растущей значимостью литературных занятий прямо способствовало развитию этого стереотипного литературного языка. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что, несмотря на торжественные заверения в дружбе и искреннем расположении, эпистографы времен поздней Римской империи чрезвычайно редко употребляют в письмах имена своих адресатов. Личный *praenomen*, кажется еще имеют все, но он исчезает из письменного литературного языка. Неудивительно, что стиль писателей, для которых христианская *caritas* ("любовь") была центральным понятием, характеризуется — особенно на уровне *clausulae* — стереотипностью, однообразностью, монотонностью, бедностью средств художественного выражения, в нем нет и следа гибкости, динамичности, легкости, многообразия⁶³. Приверженцы "*caritas*", конечно, заявляли, что этот язык является "зеркалом" души, искренним излиянием чувств, идущих от сердца⁶⁴, но, тем не менее, их письма представляют собой главным образом поверхностные вариации одного и того же ограниченного числа тем.

⁶⁰ Ullmann W. Op. cit. P.43f.

⁶¹ Гуревич А.Я. Ук. соч. С 312

⁶² Svetonius, Vita Augusti 69, 71, 76, 87, Vita Tiberii, 21

⁶³ Hadendahl H. La correspondance de Ruricius // Göteborg Högskolas Arsskrift. 1952. 58. P.37. "La richesse en formes mythiques de la prose cicéronienne, sa variété et sa liberté sont remplacées par un système fixe, caractérisé par la pauvreté en formes, la monotonie, et le manque de liberté. Plus les soins que consacre un auteur au rythme sont grands, et plus la tendance à l'uniformisation du rythme est forte"

⁶⁴ Paulinus Nol., Epp. 13, 2, PL 61, 208, 21, 6, 61, 253C

В период между 600 и 1100 гг. слово *humanitas* употреблялось обычно в уничижительном смысле, обозначая "человеческую брэнность", тогда как в античности это слово означало либо "филантропию" (человеколюбие, человечность), либо определяло весь комплекс понятий, связанных с гуманитарными науками, интеллектуальностью, тонченным воспитанием, духовной культурой, классическим образованием⁶⁵. Говоря о процессе усвоения классической культуры на Западе церковью, Э.Ауэрбах отмечает: "Начиналась эпоха, которой суждено было долго продлиться, когда высшие слои общества не обладали ни образованием, ни книгами, ни даже языком, на котором бы они могли описать культурную ситуацию, сложившуюся в реальных жизненных условиях. Был усвоенный в процессе обучения язык, ...но это был язык общей культуры"⁶⁶. Поэтому неудивительно, что, когда в начале IX в. Эйнхард задумал написать биографию такой колоссальной фигуры, как Карл Великий, чье значение выходило далеко за пределы категорий, связанных со сферой святости и благочестия, ему пришлось соединять в единое целое мозаику цитат из "Жизнеописания двенадцати Цезарей" Светония, написанного во втором веке⁶⁷.

В античном искусстве великая традиция римского скульптурного портрета достигла своего расцвета в III в., когда художникам удавалось достичь почти полного портретного сходства с оригиналом. С этого момента в этом, да и во многих других жанрах, индивидуальные физические особенности начинают отходить на задний план перед общим и нормативным, перед типическими признаками и обязательными атрибутами⁶⁸. Позднее, в искусстве высокого средневековья мы также вряд ли сможем обнаружить какие-либо элементы реализма: воздействие этого типа искусства будет строиться на контрастах — Бог и человек, могущество и ничтожность и т.п.

В поздней античности миметическая (подражательная) традиция отражения и постижения реальности, которая доминировала на протяжении всей классической эры в Греции и Риме, начала постепенно уступать место символично-аллегорической⁶⁹, представляющей собой альтернативу мимесису.

⁶⁵ Бычков В.В. Эстетика поздней античности М, 1981 С 148, Ullmann W. Op cit P 7ff, Morris C. Op cit P 10

⁶⁶ Auerbach E. Literary Language and Its Public in Late Latin Antiquity and in the Middle Ages / Transl from the German by R. Manheim L., 1965 P 255.

⁶⁷ Morris C Op cit P.8

⁶⁸ Grabar A Op cit P.19

⁶⁹ "Символ в средневековом его понимании не простая условность, но обладает огромным значением и исполнен глубочайшего смысла. Ведь символичны не отдельные акты или предметы. весь посюсторонний мир не что иное, как символ мира потустороннего, поэтому любая вещь обладает двойным или множественным смыслом, наряду с практическим применением она имеет применение символическое" — Гуревич А.Я. Указ соч. С 301-302. См также Бычков В.В. Указ соч С 246-284

М.С.Петрова

Марциан Капелла
(просопографический очерк)

Насколько Марциан Капелла (V в.) является важным автором, настолько же он и сложен. Всякий раз, как исследователь берется за изучение его единственного дошедшего до нас произведения *О свадьбе Филологии и Меркурия (De nuptiis Philologiae et Mercurii)*, он приобретает новое знание об античной науке, зачастую меняя свое сложившееся ранее мнение. Как правило, объектом исследования становятся отдельные книги или части этого произведения, поскольку это сочинение охватывает самые разные дисциплины¹, рассмотрение каждой из которых требует специальных познаний². Настоящая работа не исключение. Она написана в рамках изучаемой нами темы "Грамматическая наука в поздней античности и в средние века"³ и посвящена третьей книге *De nuptiis*, озаглавленной *О грамматике (De grammatica, 221-326)*⁴. Наша цель – рассмотреть грамматику Марциана и не только описать ее структуру, определить тип, проснить терминологию и возможные грамматические источники, но и реконструировать как и кем такая грамматика могла быть востребована.

В первой части речь пойдет о самом авторе, ибо он, будучи одной из ключевых фигур в интеллектуальной истории Западной Европы, заслуживает самого пристального внимания. Здесь будут собраны все едино отправные положения, на основании которых делались выводы об имени писателя, датах его жизни, происхождении, роде занятий, социальном положении и времени создания *De nuptiis*⁵. В связи с тем, что система свободных искусств пребывала неизменной на протяжении всего средневековья, небезынтересно также определить степень влияния произведения Марциана на последующих авторов ранних средних веков и отметить основных комментаторов его книги в эпоху каролингского возрождения⁶.

О жизни Марциана Капеллы практически ничего не известно. Многие сведения о нем можно почерпнуть только из нескольких строк его произведения, которые (зачастую из-за плохой сохранности) интерпретируются по-разному. В связи с этим не удастся сделать неоспоримый вывод о том, когда и как долго автор жил, кем он был и когда написал свою книгу. Тем не менее, сопоставляя просопографические данные с некоторыми предположениями и допущениями, небесполезно предпринять определенную биографическую реконструкцию⁷.

Об имени и происхождении Марциана

Полное имя автора дано только в приписках к манускриптам. Он значится как "Martianus Min(n)e(i)us Felix Capella" (Марциан Минней Феликс Капелла)⁸. Сам же писатель называет себя не "Марцианом", а "Феликсом" (576,9) или "Феликсом Капеллой" (806,21; 999,7). Имя "Феликс Капелла" указывается и ближайшими современниками нашего автора – Фульгенцием (fl. кон.V-нач.VI вв.) и Кассиодором (ок.490-583 гг.)⁹. Только Григорий Турский (538-594 гг.) именует его "наш Марциан"¹⁰. Комментаторы *De nuptiis* в IX-X вв. Иоанн Скотт (Эриугена) (перв.четв.IX в. – 870/77 гг.)¹¹ и Ремигий из Осерра (ум.908 г.)¹², как правило, также называли писателя "Марциан". В современной историографии употребляются имена "Марциан Капелла", если же упоминается одно из имен автора, то предпочтительнее "Марциан".

Возможно, Марциан Капелла был уроженцем Карфагена. То, что писатель родился в Карфагене, рос и жил там какую-то часть своей жизни, следует из слов "AFRI CARTAGINIENSIS" (африканец Карфагена), которые были добавлены к его имени в одном из самых ранних манускриптов X в.¹³. Скорее всего это было сделано переписчиком на основании слов самого Марциана (999,13):

alumnum urbs Elissae –

воспитанник города Дидоны¹⁴

из заключительного автобиографического стихотворения¹⁵ его сочинения. В этом же стихотворении автор называет свою книгу "старческим произведением" (997,11), но эти слова позволяют лишь строить предположения о его возрасте¹⁶. Свои "преклонные годы", согласно тексту, Марциан провел в нужде, довольствуясь скудным доходом (999,15-16), в окружении нерадивых пастухов (999,14-15).

Свое сочинение автор традиционно адресует сыну – Марциану¹⁷. Имя сына писателя появляется в самом начале произведения (2,8-9):

Martianus interuenit dicens 'quid istud, mi pater' –

Марциан прервал меня, сказав: 'что же это, отец'¹⁸.

Время написания *De nuptiis*

Большинство исследователей¹⁹ относят дату написания *De nuptiis* к промежутку между 410-439 гг. Это мнение основано на двух фразах из текста²⁰. Одна из них содержится в шестой книге (637,10-13):

Vmbri mox Latiumque atque ostia Tiberina dehincque ipsa caput gentium
Roma, armis, uiris, sacrisque, quamdiu uiguit, caeliferis laudibus conferenda.

Эти строки не поддаются однозначному переводу: С одной стороны, если рассматривать "quamdiu" в значении "до тех пор", то перевод приведенной фразы может быть таким:

Умбры, затем Лаций, а также побережье Тибра и сам Рим, столица народов, до тех пор процветал, вознесенный до небес, благодаря оружию, мужам и священнодействиям²¹.

Тогда эту фразу возможно понять так: "Рим процветал до тех пор, пока" его не захватил Аларих и интерпретировать ее как упоминание о падении Города в 410 г. Следовательно, книга была написана Марцианом после вторжения варваров в Рим, то есть после 410 г., поскольку сам автор был очевидцем захвата города и "конца" его процветания. С другой стороны, можно рассматривать сочетание слов "quamdiu viguit" в значении "все время, пока Рим процветал"²². Тогда эти строки означают, что Город был в расцвете в то время, когда Марциан писал свое произведение и, следовательно, он завершил его до того, как Аларих захватил Рим, т.е. до 410 г. В любом случае считается, что здесь идет речь о 410 г.

Иное допущение, что книга была написана до 429 г. (т.е. до того как вождь вандалов и аланов Гейзерих (428–477 гг.) организовал поход в Северную Африку) или же не позднее 439 г. (времени захвата им же Карфагена), основано на другой фразе Марциана из той же книги (669,5-6):

Carthago inclita pridem armis, nunc felicitate reuerenda –

Карфаген некогда славный оружием
сейчас надлежит почитать за процветание

и на словах о высокой должности проконсула в испорченной строке уже упомянутого выше автобиографического стихотворения, завершающего произведение Марциана (999,10):

proconsulari uero dantem culmini –

но подателем высочайшему проконсулу

Дата "не позднее 439 г." для появления *De nuptiis* возникает при учете факта упразднения должности проконсула после захвата Карфагена Гейзерихом в 439 г. Подтверждением такому выводу служит слово "felicitas" из уже цитируемой выше фразы (669,5-6), рассматриваемое в общем значении – "процветание", "благополучие", "счастье" или "успех" – с объяснением, что описание Марцианом упомянутого состояния Карфагена едва ли может быть применимо к этому городу после варварской оккупации.

При выборе между 410 и 439 гг. предпочтение отдается верхней дате, то есть 439 г. Такое мнение основано на анализе странного и эксцентричного прозаического стиля Марциана, не похожего не только на стиль ранних авторов, но и на тех, кто жил позже: Марциан пишет громоздкими предложениями, насыщая их неологизмами, вар-

варизмами, метафорами и неоплатонической лексикой²³. Также принималось во внимание и содержание книги, посвященной описанию философских доктрин в сочетании со свободными науками. Что касается рассмотрения вопроса о создании *De nuptiis* в более позднее время, то такие попытки называются “экстравагантными допущениями”²⁴. Очевидно, что обе даты нуждаются в подтверждении.

Далее, задача определения даты написания *De nuptiis* решается с различных сторон. Но ни один из приводимых ниже фактов не следует принимать как безусловный. Лишь все они в совокупности подводят к заключению, что Марциан написал свое произведение гораздо позже – в седьмой-восьмой декаде V в.²⁵

При аргументировании последнего утверждения анализируются те же самые фразы из текста Марциана (на основании которых был сделан предыдущий вывод); использован просопографический материал, относящийся к V–VI вв.; рассматриваются авторы, которые несомненно знали *De nuptiis*. Таким образом устанавливается верхняя временная граница – *terminus ante quem* – “граница, до которой” Марциан написал свое произведение. Затем, посредством привлечения непоэтических источников, определяется нижняя граница – *terminus post quem* – “граница, после которой” Марциан создал *De nuptiis*. Далее обсуждаются поэтические источники автора, что обеспечивает уточнение времени появления работы Марциана²⁶.

Говоря об установлении *terminus ante quem* для *De nuptiis*, еще раз обратим внимание на упомянутые выше фразы из текста Марциана. Они лишь на первый взгляд свидетельствуют о конкретной дате. Из 637, 10–13 не вполне ясно о каком падении Рима может идти речь, ибо даже если принимать значение “до тех пор, пока Рим процветал” (и не дольше), фразу можно понимать по-разному, а именно: в религиозном смысле, в связи с падением Рима в конце IV в. (тем более, что речь идет о священнодействиях)²⁷, и в историческом смысле – это и 410 год, время захвата Города Аларихом (первоначальный вывод), и 455 год, время нашествия Гейзериха на Рим и его разграбления; и наконец, 476 год – падение самой Западной Империи²⁸.

Что касается фразы о должности проконсула (999, 10), то и она не может быть воспринята в качестве бесспорного доказательства: ведь имеются свидетельства о существовании такой должности и в течение правления вандалов. Первое упоминание появляется в *Historia de Persecutione Vandalica* (III, 27) Виктора Витенского, очевидца тех событий, описавшего жизнь под вандалами:

Adrumentinae civitatis civem Victorianum,
tunc proconsulem Carthaginis –

Гражданина города Адрумента, Викториана,
тогда проконсула Карфагена

Этот человек жил и подвергся гонениям во время правления Гунериха (477-484 гг.), преемника Гейзериха, т.е. гораздо позднее 439 года.²⁹

Следует указать еще одну ссылку, имеющуюся в *Неаполитанском кодексе*, в подписи к стихотворению, написанному латинским поэтом Северной Африки – Блоссием Эмилием Драконтием³⁰, жившим в эпоху литературного расцвета второй половины V в., в правление вандалов Гунериха и его преемника Гунтхамунда (484-496 гг.)³¹. Это стихотворение вошло под номером пять в сборник стихов, озаглавленных *Romulea (Ромуловы стихотворения)*. Подпись такова:

Blossius Aemilius Dracontius, vir clarissimus et togatus fori proconsulis Almae Carthaginis apud proconsulem Pacideium –

Блоссий Эмилий Драконтий, муж светлейший и тогносный, у судебного проконсула благословенного Карфагена при проконсуле Пакидеи

Оба проконсула из Карфагена (а не всей Африки), их функции были судебными³². Не остается сомнений в том, что должность проконсула существовала и после 439 г.

Но что же о "процветании" (*felicitas*) Карфагена (669,5-6)? Видимо, в нашем конкретном случае не следует рассматривать слово "*felicitas*" в указанных "прямых" значениях. Ведь существуют вандальские монеты, на которых имеется легенда: "KARTHAGO"³³ и в этом контексте *felicitas* может быть передано как "богатый", "изобильный" или "удачливый" в отношении преходящих вещей. Марциан, противопоставляя миролюбие Карфагена Риму, ведшему рекордное число войн, вполне мог подразумевать экономическое преуспевание североафриканского города – к примеру, его торговлю и запасы зерна³⁴. Даже то, что Марциан помимо упоминания о "*felicitas*" Карфагена, ссылается на него как на "*beata urbs Elissae*" (999,13), не дает безоговорочного свидетельства в подтверждение даты написания *De nuptiis* до нашествия вандалов. Источники говорят о жизни в Африке под вандалами по-разному и не дают однозначной оценки³⁵.

Очевидно, что только по фразам из текста Марциана нет возможности определить *terminus ante quem*. И здесь необходимо обратить внимание на подпись к *De nuptiis*, выполненную Секуром Мелиором Феликсом. Она имеется в 25-ти манускриптах из 241³⁶.

Securus Melior Felix, vir spectabilis, comes consistoriarum, rhetor urbis Romae, ex mendosissimis exemplaribus emendabam contra legente Deuterio scholastico, discipulo meo, Romae ad portam Capenam, consulatu Paulini viri clarissimi, sub V nonarum Martiarum, Christo adiuvante –

Я, Секур Мелиор Феликс, муж достойный, член канцелярии, ритор города Рима, выправил из испорченных манускриптов копию, вопреки чтению учителя риторики Девтерия, моего ученика, в Риме, у Копенских ворот во время консульства Паулина, мужа светлейшего, в V день мартовских нон, с божьей помощью.

Из этого текста можно получить довольно много информации. Во-первых, работа Марциана попала в Рим, будучи уже очень испорченной. Во-вторых, к некоей определенной дате, это произведение было уже не только известно, но и не раз переписано и исправлено. В-третьих, сочинение Марциана привлекло внимание человека, который сам был "rhetor urbis Romae" и у которого был ученик по имени Девтерий. Вопрос лишь в том – когда это было?

На первый взгляд, эта подпись точно поддается датировке. Ее можно отнести или к 3 марта 534 г., ко времени консульства Флавия Декия Паулина Младшего (Flavius Decius Paulinus Junior), или к 3 марта 498 г., ко времени консульства Флавия Паулина Старшего (Flavius Paulinus Senior)³⁷. Но здесь вновь возникает множество проблем³⁸. Прежде всего, сложно установить о каком из Паулинов идет речь³⁹. Характерно, что в тексте консул Паулин не назван "Младшим" (Junior), и тогда он должен быть "Старшим" (Senior). Кроме этого, у Паулина нашей подписи имеется титул – "vir clarissimus"⁴⁰. Учитывая это, подпись следует отнести к 498 г.⁴¹. Однако такой вывод не может быть окончательным⁴². Для более точного определения даты подписи, необходимо отождествить двух других персонажей: ее автора – Феликса и его ученика Девтерия. В отношении Девтерия следует выяснить, является ли "Deuterius scholasticus" подписи тем же самым Девтерием, которого упоминает латинский поэт и прозаик, епископ Павии, живший в Милане – Магн Феликс Эннодий (Magnus Felix Ennodius, 473/4–521 гг.)⁴³. И здесь следует действовать методом исключения. Если это не так, то наша подпись должна быть отнесена к 534 г.⁴⁴, поскольку сам Эннодий умер в 521 г.

Из пяти Девтериев времени жизни Эннодия нет ни одного, кто мог бы быть упомянут в подписи к изданию Марциана⁴⁵. Более того, "Девтерий" Эннодия несомненно работал в Милане, хотя, возможно, он получил образование в Риме и мог упоминаться как "discipulus" (ученик) Феликса в Риме в 498 г. "Discipulus" – было пожизненным званием для человека по отношению к своему учителю⁴⁶. Но уже в 503 г. Эннодий называет своего Девтерия "doctor optime"⁴⁷, что свидетельствует о том, что этот человек был уже стар⁴⁸. Помимо этого, Девтерий Эннодия страдает от плохого зрения или глазной болезни⁴⁹, а из эпиграммы Эннодия (*Carmina* II,104,9-10), скорее всего адресованной этому же самому Девтерию, ясно, что он еще и лыс:

Discipulis satis est vultus tacitique verenda
Calvities: Phoebae lumina plena vident –

Ученикам довольно выражения лица и почтенной плечи
безмолвного: они видят полный свет Луны⁵⁰.

К тому же Эннодий обращается к Девтерию как к "гордости Италии" (decus Italiae) (*Carmina* I,2,11) и именует его "щедрым Солнцем" (*Carmina* I,2,13-14):

luminibus locuples solem te Roma vocavit
Celsa, Quirinali suscipiens gremio –

Рим называл тебя щедрым солнцем из [всех] светил
появившимся высоко в центре Квиринала.

Очевидно, что ни одно из приведенных свидетельств, встречающихся в 503-506 гг., не может относиться к человеку, который был *scholasticus* и *discipulus* Секура Феликса в Риме приблизительно пятью-восемью годами раньше, т.е. в 498 г.. Таким образом, "Девтерий" нашей подписи и "Девтерий", упомянутый Эннодием, люди разные и здесь имеется лишь совпадение в имени. Это позволяет сделать вывод о принадлежности подписи к 534 г.

Что касается автора нашей подписи Феликса, то утвердительный ответ на вопрос, может ли он быть тем же человеком, что и "magister Felix orator urbis Romae (учитель Феликс, оратор Города Рима)"⁵¹, упомянутый в подписи Мавортия к *Эподам* Горация, датированной временем "после 527 г.", свидетельствовал бы в поддержку сделанного выше вывода. Здесь лишь отметим, что веских аргументов "против" этого нет, и вряд ли является простым совпадением то, что в обоих подписях имя "Феликс" встречается с именем "Девтерий". К тому же оба Феликса занимали должности в Риме. Все же обратим внимание читателя не только на имеющиеся сходства, но и на два отличия: написание самого имени (полный перечень имен и неполный⁵²) и название должностей ("rhetor" и "orator"). Но несмотря на эти незначительные различия все же приходят к выводу, что "Феликс" нашей подписи и "Феликс" Мавортия – один и тот же человек⁵³. Он был последним из тех, кто занимал официальный пост ритора в Риме⁵⁴. Следовательно, дата подписи к *De nuptiis* – 534 г. И тогда, к 534 г., произведение Марциана было известно, исправлено и издано.

Чтобы окончательно установить *terminus ante quem*, укажем на самого раннего писателя, ссылающегося на Марциана. Это мифограф Фабий Планциад Фульгенций⁵⁵, творческий расцвет которого приходится на кон.V–нач.VI вв. Ссылка на Марциана имеется в его *Expositio sermonum antiquorum* (1,45):

unde et Felix Capella in libro de nuptiis Mercurii et Philologiae ait... –

откуда и Феликс Капелла в книге
О свадьбе Меркурия и Филологии говорит...

К тому же аллегорическое обрамление *Трех книг мифологий* (*Mifologiarum libri III*) Фульгенция было вдохновлено первыми двумя книгами *De nuptiis*⁵⁶, а стиль мифографа показывает определенные черты влияния Марциана⁵⁷.

Итак, учитывая фразу (637,10-13) Марциана (приняв к сведению самое позднее из возможных событий⁵⁸), подпись Феликса к *De nuptiis*, отнесенную к 534 г., и время творческого расцвета Фульгенция (конец

V – начало VI вв.), можно заключить, что верхняя граница для появления *De nuptiis* относится ко времени около 476 г. Если же обратить внимание на факт существования должности проконсула в Карфагене в правление вандалов Гунериха и Гунтхамунда, то *terminus ante quem* можно существенно сдвинуть, вплоть до 496 г. И тогда, Марциан написал *De nuptiis* не позднее 496 г.

Что касается определения *terminus post quem*, то самая ранняя дата (ок.280 г.) была взята из философского контекста *De nuptiis*⁵⁹: позиция самого Марциана и его интеллектуальный мир определяют принадлежность писателя к позднему неоплатонизму, точнее к пост-порфириевому знанию⁶⁰. К примеру, наш автор мог писать после Ямвлиха (ок.280-ок.330 гг.), ибо в изложении Марцианом Капеллой демонологии во второй книге *De nuptiis* (150-166) обнаруживаются четкие следы влияния этого греческого философа. Но в нашем случае (как и во многих других, касающихся латинских авторов IV-VI вв.) выделить "явные"⁶¹ источники не просто. Это связано с тем, что, с одной стороны, описанные Марцианом положения (практически все они основаны на знании, изначально заимствованном у платоников, средних платоников, неоплатоников, герметиков, орфиков, неопифагорианцев и т.д.) были "общими местами" в эпоху поздней античности; с другой стороны, до нас не дошли как латинские, так и греческие "промежуточные" тексты, которые мог использовать Марциан. Великолепный пример того, насколько сложно говорить об источниках Марциана, являет его современник – Макробий Амбросий Теодосий (fl. перв. пол. V в.⁶²). Между *De nuptiis* и двумя произведениями Макробия – *Сатурналиями* и *Комментарием на 'Сон Сципиона'* – имеются параллели⁶³. Однако объяснить их нелегко: и сам Марциан мог читать оба трактата Макробия, и могли существовать какие-то ныне утраченные тексты. Последнее предположение не позволяет рассматривать параллельные места в произведениях обоих авторов как бесспорное доказательство заимствования Марцианом у Макробия. Тем не менее следует обратить внимание на принцип заимствования авторами поздней античности. Так, если какой-то из авторов, назовем его В, пишет свое произведение, основанное на некоем хорошо известном сюжете классического автора А, то следующий автор С – современник В или живший чуть позже – используя тот же самый сюжет, "явно" заимствует именно у своего предшественника В, не обращаясь к оригиналу А. Принцип заимствования авторами в эпоху поздней античности выглядит так⁶⁴:

А ← В ← С

Если учесть что Макробий создал свои произведения в первой половине V в., то *terminus post quem* для *De nuptiis* Марциана может быть отнесен примерно к этому же времени. Но наличие схожих мест между Марцианом и другими авторами, чья творческая активность па-

дает на конец IV – начало V вв. – Фавонием Евлогием и Клавдием Клавдианом (fl. 395-404 гг.)⁶⁵, смещает эту границу на начало V в.

Но и эта дата нуждается в уточнении с привлечением других свидетельств. Рассмотрим сложившийся к раннему средневековью канон "семи свободных наук"⁶⁶. Самые ранние латинские авторы, принявшие число "семь" – Кассиодор, обсудивший его христианское значение в предисловии к *Установлениям* (*Institutiones II: praefatio*) и описавший именно семь наук⁶⁷, и Исидор Севильский (570-636 гг.), у которого в *Этимологиях* (1,2,1), можно прочесть:

disciplinae liberalium artium septem sunt –

существует семь свободных наук

Из этого следует, что каноническая семерка установилась лишь к концу шестого столетия.

Но когда же этот канон вошел в употребление? Перед Кассиодором и Исидором только Августин (354-430 гг.) и Марциан Капелла явно писали работы обо всех или большей части дисциплин. Тогда, сочинения обоих авторов следует рассматривать как важнейший источник для всех последующих писателей. Вполне вероятно, что Августин в своем трактате *Retractationes* (1,6), написанном незадолго до смерти в 428 г.⁶⁸ и посвященном обсуждению работ о науках времен своей юности, повторил число "семь"⁶⁹, о котором упоминал ранее:

Sed earum solum de Grammatica librum absolvere potui, quem postea de armario nostro perdidit; et de musica sex volumina; quantum attinet ad eam partem quae rhythmus vocatur. Sed eosdem libros, iamque baptizatus, iamque ex Italia regressus in Africam scripsi; inchoaveram quippe tantummodo istam apud Mediolanum disciplinam. **De aliis vero quinque** illic similiter inchoatis: de Dialectica, de Rhetorica, de Geometria, de Arithmetica, de Philosophia, sola principia remanserunt –

Впрочем, из них я смог завершить лишь книгу *О грамматике*, которую впоследствии забыл в своем шкафу, и *О музыке*, в шести томах, многое [в которой] относится к тому, что называется ритмом. Но эти книги я написал будучи уже крещеным и уже возвратившись из Италии в Африку; [хотя] ведь начал [описывать] эту дисциплину в Милане. *О других же пяти [дисциплинах]* вы в таком случае начинайте [писать] схожим образом: о диалектике, о риторике, о геометрии, об арифметике, о философии – лишь только они остались.

Итоговое "семь" следует из фразы: "de aliis vero quinque". Скорее всего, Августин имеет в виду пять дисциплин, которые вместе с грамматикой и музыкой входят в число "семь". Но может быть, он имеет в виду еще какие-то "пять дисциплин", помимо тех, что уже перечислил? Отметим, что здесь Августин завершил свой список философией, посчитав ее самостоятельной (пятой) наукой. В другом же трактате, озаглавленном *О порядке* II,18 философия объединяет весь цикл наук⁷⁰. Там же Августин в аналогичном перечне наряду с музыкой упоминает и астрологию, сделав это из-за ее связи с геометрией⁷¹, а в упомяну-

той работе *Retractationes* говорит и о медицине⁷². Напомним, что Августин написал лишь *De grammatica* и *De musica*⁷³, и потому, это не столь очевидное свидетельство для установленного канона из семи дисциплин.

Марциан же сообщает о девяти науках. О двух из них он не говорит подробно, но включает их названия в эпизод девятой книги (891,23-3). В этом отрывке говорится о том, что после того как свадьба близилась к завершению, а супруги должны были быть препровождены в спальню, остались еще три девушки, как часть приданого: *Medicina* (Медицина), *Architectonica* (Архитектура) и *Musica* (Музыка). Аполлон, нарушив принятые обычаи, попросил двух первых девушек хранить молчание – ибо они платят за угощение бренными вещами, а не божественными – и предоставил слово Музыке⁷⁴.

Благодаря Витрувию (I в. до н.э.) известно, что Варрон (116-27 гг. до н.э.) написал книгу *Novem Disciplinae*, содержащую описание девяти наук, среди которых – медицина и архитектура⁷⁵. Вполне вероятно, что Марциан упомянул эти две дисциплины из-за того что чувствовал, что делает что-то необычное, излагая только "семь" наук, и вставил названия еще двух в свое изложение. Таким образом, Марциан – первый из латинских авторов, кто описал именно "семь" дисциплин: грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Он не затронул медицину и архитектуру, поскольку эти науки, согласно его словам (891,23-3), – практические. Видимо, ко времени Марциана (только мы не можем быть уверены когда, но позднее Августина и раньше Боэция, обозначившего четыре "точные" дисциплины как "квадривий"⁷⁶), была нужда в латинском учебнике по семи умозрительным дисциплинам, без практических⁷⁷. Исидор мог использовать эту же практику в своих *Etimologiae* (IV,13,1):

Quaeritur a quibusdam quare inter ceteras liberales disciplinas Medicinae ars non contineatur –

Некоторые спрашивают, отчего среди других свободных дисциплин медицинская наука не содержится

Возможно, форма *De nuptiis* оказалась столь удачной, что "семь" впоследствии стало каноническим числом, признанным Кассиодором и Исидором⁷⁸.

В целом, изложенное выше позволяет установить *terminus post quem* для написания Марцианом *De nuptiis* – после времени жизни Августина, то есть после 430 г. И тогда мы имеем иной промежуток времени для появления произведения: после 430 г. – до 496 г.

Поэтические тексты Марциана Капеллы способствуют дальнейшему уточнению времени написания *De nuptiis*. Посредством использования электронных баз данных⁷⁹, удается установить, что между Марцианом и латинскими поэтами периода вандальской оккупации Африки – Драконтием, Репосианом, а также неизвестными авторами, напи-

савшими стихотворение, включенное под номером 88 (*Carmina in codicibus scripta* 88) в *Латинскую антологию* (*Antologia latina*), и поэму *Болезнь Пердику* (*Carmen de aegritudine Perdicae*)⁸⁰ – имеются словесные параллели. Так как один из перечисленных авторов может быть достаточно точно датирован, бесполезно показать, кто от кого зависит и в какой степени.

У Драконтия в *Romulea* IV,44 имеется строка, в которой речь идет о гнусной Горгоне, женщине-чудовище, чей взгляд обращает в камень⁸¹:

pectore saxifico cui militat impia Gorgon⁸².

Скорее всего эта строка изначально восходит к фразе из поэмы Овидия (43 г. до н.э.–18 г. н.э.) – *Ибис* 553:

Saxifcae videas infelix ora Medusae –

Взвидишь перед собой каменящие очи Медузы⁸³,

или к строке из произведения Лукана (39-65 гг.) *Фарсалия или поэма о гражданской войне* IX,670:

in quo saxificam iussit spectare Medusam –

чтобы он в нем наблюдал обращавшую в камень Медузу⁸⁴,

или к словам из поэмы Силия Италика⁸⁵ (26-101 гг.) *Пуническая война* (X,177)⁸⁶:

nomina saxifcae monstruosa e stirpe Medusae,

в которых говорится о том же чудовище, но по имени "Медуза". "Медузой" звалась самая страшная из трех горгон. Однако, самая тесная связь имеется между Драконтием и Марцианом (572,10):

Pectore saxificam dicunt horrere Medusam –

Говорят, что Медуза, превращающая в камень,
смертных приводит в ужас.

Слово "pectore" Марциана точно такое же, как у Драконтия, хотя "Medusam" и "saxificam" Марциана – от Овидия, Лукана или какого-то другого раннего автора. Драконтий же, взяв "pectore" и "saxifico" у Марциана, дал другое, более общее название тому же чудовищу – "Gorgon". И здесь вполне ясно кто у кого заимствует.

Следующий пример вызывает гораздо больше проблем. В стихотворении из *Antologia latina* 88 описаны девять муз, по строке на каждую⁸⁷. Четвертая строка, в которой говорится о трагической музе Мельпомене (*AL* 88,4), такова:

Melpomene reboans tragicis fervescit iambis –

Мельпомена в ответ вскипает трагическим ямбом.

Здесь, для выявления схожих мест с Марцианом, прежде потребуется обратить внимание на строку из другого стихотворения Драконтия из *Romulea* X,20-21:

vel quod grande boans longis sublata cothurnis
pallida Melpomene tragicis cum surgit iambis.

В этих двух фразах имеются четыре схожих элемента, из которых "Melpomene...", "tragicis...", "iambis" – идентичны, а слова – "boans" у Драконтия и "reboare" из *AL* – с небольшими отличиями. Тем не менее, эти два источника связаны между собой гораздо сильнее, чем с текстом самого Марциана (121,18-22):

tunc Melpomene: sueta cothurnatos scenis depromere cantus
soccumque ferre comicum
et reboare tua tulimus quae carmina cura
melo fauente rhythmico

прежде всего заимствующего контекст произведения – песни девяти Муз – и описывающего свою трагическую музу "Melpomene", но употребляющего слово "reboare".

Драконтий же, напротив, более внимательно читал стихотворение, включенное в *AL*. Похоже, что его слова в *Romulea* X,21 – "pallida Melpomene" (бледная Мельпомена) – ни что иное, как попытка превзойти "aurea Terpsichora" (прекрасная Терпсихора) из следующей пятой строки *AL* 88. Впрочем, это не слишком существенно. Гораздо важнее факт (подтверждающий вывод) заимствования Драконтием из *AL* 88 в другой поэме – *Орест* (*Orestes*) 13-14⁸⁸:

Te rogo, Melpomene, tragicis descende cothurnis
et pede dactylico resonante quiescat iambus –

Тебя прошу, Мельпомена, сойди с трагических котурнов
И пусть ямб успокоится в звучании дактилической стопы.

Выбор Драконтием слов "quiescat iambus" в четырнадцатой строке *Ореста* – великолепное доказательство заимствования из четвертой строки *AL* 88: "feruescit iambis"⁸⁹. Очевидно, что Драконтий перефразировал собственные слова из *Romulea* X,20-21, прямо обращаясь к Мельпомене в *Оресте* 13-14.

Как было показано выше, строки Марциана (121,18-22) имеют лишь два словесных соответствия – "Melpomene" и "reboare". Но далее, когда Марциан снова включает в свое повествование Мельпомену, он добавляет слово "feruescere" (888,7-8):

nec dulcis temptat psallere Melpomene.
omnia, quae tenero moris feruescere ludo... –

и нежная Мельпомена не пытается играть на кифаре.
Все, что всегда будоражит чувства во время нежной игры

которое также имеется в AL 88 ("fervescit"), но не у Драконтия, поскольку Драконтий не нуждался в нем в рамках своего контекста. Отметим, что у Марциана "feruescere" не относится к Мельпомене, поэтому и стало возможно употребить его в измененной форме. В AL 88,4 напротив, оно является неотъемлемой частью характеристики Мельпомены.

Итак, можно заключить, что "явно" AL 88 мог использовать и Марциан (ибо фраза (121,18-20) из *De nuptiis* Марциана имеет с AL 88 не только контекстуальное сходство, но и словесные соответствия), и Драконтий (при написании двух своих произведений – стиха X,20-21 из *Romulea* и поэмы *Orestes* 13-14). Но, поскольку Драконтий также "явно" использовал *De nuptiis* Марциана при написании стиха IV,44 из *Romulea* – в этом мы убедились выше – во временном отношении три интересующих нас сочинения выстраиваются так:

Antologia Latina 88 – De nuptiis – Romulea IV

Существует еще одна параллель: между строками Драконтия из другого стихотворения из *Romulea* – VI,57-58:

subito venit aliger, ignis
ore micans

и Марциана из вступительного стихотворения первой книги (1,14):

hinc tibi nam flagrans ore Cupido micat,

в которых речь идет о Купидоне. В этом случае – посредством привлечения схожей фразы из поэмы *Aegritudo Perdicae* 77-78⁹⁰:

Tunc aliger ille
paruit officio mutatusque ore Cupido,

возможно ответить на вопрос, кто у кого заимствует. Обе фразы – Драконтия (VI,57-58) и *Aegritudo* (77-78) – содержат одни и те же элементы – "aliger" и "ore". Скорее *Aegritudo* была написана раньше, чем *Romulea* VI. Такое предположение основано на том, что последняя строка (78) *Aegritudo* "Paruit officio mutatusque ore Cupido" схожа со строками из *Энеиды* 1,658⁹¹: "ut faciem mutatus et ore Cupido"⁹². В свою очередь, часть фразы из *Aegritudo* – "mutatusque ore Cupido" – полностью лишена сходства со строкой VI, 57-58 из *Romulea* Драконтия. К тому же сам Драконтий добавляет новый элемент – созвучные слова, навеянные скорее собственными поэтическими чувствами – "ignis" для "ille" из *Aegritudo* – хотя и сохраняет тот же самый метрический размер⁹³. Таким образом, в этом случае Драконтию был "ближе" текст *Aegritudo*, чем текст Марциана. Марциан, напротив, показывает свою зависимость от Драконтия, посредством употребления слов "ore", "micat" и "flagrans", восходящее к его "ignis". Но Марциан не употребляет слова "aliger ille" из *Aegritudo*.

Имеется еще одно сходство: между строками из поэмы Репосиана *О сожительстве Марса и Венеры* 52-54 (*De concubitu Martis et Venerae*)⁹⁴:

Cur, saeve puer, non lilia nectis?
Tu lectum consterne rosis, tu sarta parato
Et roseis crinem nodis subnecte decenter –

Где ты, жестокий малыш, почему не цветы в твоих пальцах?
Розы на ложе рассыпь, заплети цветущие цепи,
В розовый узел завей красу головы материнской!⁹⁵

и фразой Марциана из стихотворения девятой книги (903,9):

conscia iam Veneris noua sarta parate Napeae
crocum que lecto aspargite,

а также из второй книги (121,1):

tu sarta probato.

Присутствие двух схожих мест вновь дает возможность предположить, что Марциан читал скорее Репосиана, чем еще какого-либо автора своего времени, хотя это нелегко доказать. Тем не менее следует обратить внимание на два факта. Во-первых, у Репосиана все три слова имеются в одной строке ("lectum..., tu sarta parato"), у Марциана, напротив, в разных книгах: во II ("tu sarta probato") и в IX ("serta parate, ...lecto"). Во-вторых, иных случаев сходства в лексике Марциана и Репосиана с кем-либо из поэтов V в. не найдено.

Для уточнения времени появления *De nuptiis* имеет смысл обратиться к Драконтию, ибо дата его рождения, хотя и приблизительно, отнесена к 450 г. Здесь нас в первую очередь будет интересовать порядок написания им своих стихов, вошедших в сборник *Romulea*.

Эта проблема уже привлекала внимание исследователей⁹⁶. Здесь мы лишь констатируем выводы, указав на их гипотетичность. К ранним работам поэта относятся первое, третье, четвертое, пятое и девятое стихотворения из *Romulea*. Стихи, вошедшие в сборник под номерами II, VIII и X – более поздние. Лишь одно стихотворение Драконтия – седьмое – возможно более точно датировать. Оно было написано около 490 г., во время тюремного заключения поэта, в правление Гунтхамунда (484-496 г.)⁹⁷. Что касается шестого стихотворения, то оно считается ранним, написанным до пленения⁹⁸. Кроме этого, на основании текстуальных исследований установлено, что отдельные стихи из *Romulea* Драконтия и поэма Репосиана *De concubitu Martis et Venerae* появились в таком порядке⁹⁹:

Romulea II – *De concubitu* – *Romulea* VII (с. 490 г.) – *Romulea* X.

И тогда, поскольку Марциан (возможно) имитирует Репосиана, Драконтий – Марциана, Марциан – Драконтия, вывод о том, что все они – современники – неизбежен.

Суммируя полученные выводы, сделаем заключение. Августин дает дату для сочинения Марциана – после 430 г. Фульгенций использовал *De nuptiis* в конце V – начале VI в. Марциан, Репосиан и Драконтий (родившийся приблизительно в 450 г.) – современники. Отметим, что Марциан писал свое произведение в "преклонном" возрасте, согласившись с тем, что ему было чуть более пятидесяти лет¹⁰⁰. Тогда, время создания *De nuptiis* может быть отнесено к седьмой-восьмой декаде V в., т.е. к периоду между 460 и 480 гг. Таким образом, сам Марциан мог быть еще мальчиком в конце жизни Августина (†430 г.), но старше Драконтия и Фульгенция¹⁰¹.

Но если не соглашаться с тем, что стихотворение Драконтия *Romulea VI* – раннее¹⁰², учесть возможность существования некоего, утраченного ныне, общего для этих авторов промежуточного текста, а также принять во внимание фразы из *De nuptiis* (637,10-13 и 669,5-6), стиль Марциана и его манеру письма, то время появления *De nuptiis* может быть сужено и отнесено к концу 70-х годов V века.

Род занятий Марциана

Определить род занятий автора не легче, чем установить дату написания им *De nuptiis*. В основном, все выводы о профессиональной деятельности писателя основаны на строках (999;10-12):

10	†proconsulari uero dantem culmini
11	ipsoque dudum bombinat ore flosculo
12	†decerptum falce iam canescenti rota ¹⁰³

из уже упомянутого нами "автобиографического" стиха. В связи с тем, что чтение этих строк в сохранившихся манускриптах различается¹⁰⁴, данный пассаж вызывает множество самых различных интерпретаций¹⁰⁵. В частности, слова "vero dantem" позволяют говорить о том, что Марциан мог представлять дела в суде перед человеком, который занимал должность проконсула¹⁰⁶. Но на основании этой фразы нет возможности установить, какие именно функции Марциан исполнял и кем именно из юридических лиц он был. Слова "bombinat ore" рассматриваются как свидетельство красноречия нашего автора¹⁰⁷, столь необходимого при судебной деятельности. Подтверждением тому, что писатель занимался судебными делами, служат две фразы, написанные цветистым стилем. Первая фраза (999,8-9) – из того же "автобиографического" стиха – следует после упоминания Марцианом собственного имени (999,7):

8	indocta rabidum quem uidere saecula
9	lurgis caninos blateratus pendere.

"lurgis" (9), в общем, имеет значение "судебный спор" или "судебная тяжба". Тогда, возможный перевод этих строк таков:

кого невежественное поколение заставляет

взвешивать собачий лай в судебных спорах¹⁰⁸.

Вторая привлекающая внимание фраза из шестой книги (577,19-21):

desudatio curaue districtior tibi forensis rabulationis partibus
illigata aciem industriae melioris obtudit...

Слова "forensis rabulationis" также двусмысленны. Они могут обозначать или "спорящего в торговом месте"¹⁰⁹, или "адвоката-крючкотвора" и "судебное крючкотворство". Если принимать последний вариант, то перевод всей фразы может быть таким:

особенно с того времени, как твои лихорадочные усилия, склонность настаивать в споре и судебное крючкотворство связали тебя и притупили острие твоего [ума] для лучших занятий.

В пользу значения "судебное крючкотворство" говорит то, что Марциан знаком с юридической лексикой (892; 898,19-5). Например, в том месте из *De nuptiis*, где речь идет о приданом к свадьбе (898,19-5)¹¹⁰:

...utrum repensatrix data diesque conferendae dotis prorogari iure publico posset inquiritur. quo dicto arcanus ille prisca iuris assertor magna nepotum obsecratione **consultitur responditque regulariter etiam matrimonio copulato dotem dicere feminam uiro nullis legibus prohiberi** –

хотя приданое должно быть [выделено кем-либо из вступающих в брак], было испрошено, согласно общественным законам, о возможности отсрочить день его приношения. После такого предложения, таинственный знаток прав по древним законам – [Сатурн], упрощенный настойчивыми просьбами своих бесчисленных потомков, ответил, что по обычаю, раз пара соединена для супружества, то нет никакого установленного законом возражения в том, что жена назначает приданое своему мужу

К тому же сами девушки, каждая из которых перед свадебной церемонией подробно излагает одну из наук, названы "feminae dotales" (803,12; 810,9), т.е. "девушками, относящимися к приданому". На основании изложенных фактов, исследователи и делают вывод о том, что Марциан занимался судебными делами и имел некую связанную с судопроизводством должность. На наш взгляд, употребление юридической лексики в *De nuptiis* вряд ли является неоспоримым доказательством того, что автор был связан только с судебной деятельностью. Таких мест в книге немного (все они перечислены в настоящей статье), а обращение к юридической лексике, скорее ее вкрапление в текст, вполне могло быть присуще любому образованному человеку – ведь такие слова, как "приданое" или же "судебное крючкотворство" общеизвестны. Лишь строки (999,8-9) из автобиографического стихотворения Марциана могли бы послужить подтверждением "судебных" занятий писателя, но при условии их однозначной трактовки.

То, как Марциан умело составляет и организует учебник по семи наукам, как подает и излагает риторический материал в пятой книге *О риторике* (425-566)¹¹¹ традиционно используют как довод в пользу

того, что какое-то время своей жизни он был учителем риторики¹¹². Но мы сомневаемся в том, что книга по риторике написана практикующим учителем. Риторика у Марциана сопровождается обширным логическим материалом – здесь наш автор больше демонстрирует собственную эрудицию, образованность и игру ума, нежели желание кого-то научить. Скорее Марциан был преподавателем грамматики, ибо грамматическая часть его работы кардинально отличается от всех остальных частей. В ней Марциан как бы меняет свою красноречивую манеру изложения, присущую латинским писателям, на немногословность, и содержание начинает преобладать над стилем – но об этом речь пойдет во второй части нашей работы, непосредственно посвященной грамматике Марциана¹¹³. Впрочем, дополнительный материал для размышления дают строки автобиографического стихотворения Марциана (999:8-9) и их возможная трактовка: можно сделать вывод, что на каком-то этапе своей жизни, Марциан совмещал служение закону и преподавание в школе¹¹⁴.

Реконструированная биография Марциана Капеллы

Очевидно, что все выводы весьма гипотетичны. По этой причине ниже мы приводим полностью латинский текст автобиографического стихотворения Марциана (997-999)¹¹⁵, на анализе которого основана большая часть изложенных заключений. Текст сопровождается приблизительным литературным переводом¹¹⁶:

997	habes senilem, Martiane, fabulam, miscilla lusit quam lucernis flamine Satura ^I , Pelasgos dum docere nititur artes cathedris ^{II} uix amicas ^{III} Atticis,	997	Тебе, Марциан, предназначено состоящее из девяти книг смешанного содержания произведение старца, что при свете свечей Сатура [мне] шутливо стихами изложила, так, как если бы она, [сидя] в кресле, силилась обучить наукам
-----	--	-----	--

^I Это место читается по-разному: в манускриптах встречается написание *Satura* (β, Α, Λ, R, Β, Μ – см. прим.8 в конце настоящей статьи), или *-tira*, или *-tyra*. Соответственно, его можно трактовать двояко: либо произведение было написано Марцианом, благодаря вдохновению, полученному от божества Сатурны, либо сам автор создал шуточное произведение, где фигурирует Сатир. Мы выбираем первый вариант.

^{II} Значение слова "creagris" (или "cagris") не ясно. Мы принимаем конъектуру Morelli – "cathedris", то есть "кафедра" (стол преподавателя).

^{III} Здесь мы следуем чтению Ремигия, *op.cit.*, p 367 (533,12), полагавшего, что "amicas" – familiaris.

^{IV} Согласно Ремигию, здесь подразумевается Ареопаг, где греческие философы встречались и обсуждали важные вопросы.

^V См. прим 108 в конце статьи

^{VI} Здесь текст испорчен очень сильно и не поддается переводу из-за отсутствия таких галаксов в словарях. См. также прим.104, 105 и 107 в конце статьи

	sic in nouena decidit		пеласгов – навряд ли
15	uolumina	15	родственных афинским
998	haec quippe loquax	998	жителям
	docta indoctis aggerans		Поскольку она сама,
	fandis tacenda farcinat,		словоохотливая, наполненная
	immiscuit		изученными и не изученными
	Musas deosque,		науками,
	disciplinas cyclicas		начиненная тем, о чем должно
	garrire agresti cruda		говорить [и тем, о чем
	finxit plasmate		надлежит] умалчивать,
	hac ipsa namque rupta		соединив муз и богов, и
999	conscientia	999	вымысел болтливой и
	turgensque felle ac bili		грубого селянина,
	'multa chlamyde		создала цикл наук.
	prodire doctis		Сама же Сатура, готовая
5	approbanda cultibus	5	вспылить от сознания того,
	possemque comis utque		[что я сделал],
	e Martis ^{iv} curia,		переполненная гневом и
	Felicis' inquit 'sed		досадой, сказала.
	Capellae flemine		"Я могла бы и впредь
	indocta rabidum quem		приходить для того, чтобы
	uidere saecula		уголжать своим учением,
	iurgis ^v caninos		красотой [речей] и убранством,
	blateratus pendere,		словно вышла из зала Марса
	†proconsulari uero		Но я вдохновила Феликса
10	dantem culmini	10	Капеллу,
	ipsoque dudum		кого невежественное
	bombinat ore flosculo ^{vi}		поколение заставляет
	†decerptum falce iam		взвешивать собачий лай в
	canescenti rota,		судебных спорах,
	beata alumnum urbs		[того, кто] прежде
	Elissae ^{vii} quem uidit		красноречиво жужжал [о
			людских делах]
			высочайшему проконсулу
			[Феликса], ныне уже
			состарившегося и отделенного
			от своего цветка
			из-за превратностей [судьбы]
			[Я вдохновила его], уроженца
			благословенного города
			Дидоны,
			[ныне] обитающего по
			соседству с ленивыми

Слово "flosculo" также относится к украшению речи. Слова Марциана об "отделении от своего цветка из-за превратностей судьбы" можно понимать по-разному. С одной стороны, писатель сам мог добровольно отойти от дел, уйдя на пенсию; с другой стороны, могли существовать обстоятельства, заставившие его прекратить деятельность помимо своей воли.

^{vi} Об Элиссе, см. прим 14 в конце статьи.

^{vii} В последних строках также возможно двоякое чтение: либо произведение сочинено Марцином, вдохновленным Сатурой (см. выше прим. i), либо оно ему навеяно во сне. Здесь выбран первый вариант.

	iugariorum murcidam		стражами быков,
15	uisiniam	15	того, кто довольствуется
	paruo obsidentem		малым доходом
	uixque respersum lucro,		[Я вдохновила человека], с
	nictante cura		трудом всматривающимися
	somnolentum lucibus –		глазами, заботливо
1000	ab hoc creatum	1000	окропляемыми [водой],
	Pegaseum gurgitem		дремлющего при свете дня –
	decente quando possem		[Не] от того ли это было
	haurire poculo?		сделано, что я смогла сполна
	testem ergo nostrum		испытать из Пегасова
	quae ueternum prodidit		источника?"
	secute nugis, nate,		Итак, мой сын, согласно
	ignosce lectitans ^{viii}		нашему свидетельству,
			прояви при чтении
			снихождение к бездельце,
			которую он сотворил

В заключение этого раздела, предложим читателю собственный вариант биографии писателя: Марциан родился в Карфагене. Дату его рождения можно отнести к концу первой четверти V в. (с.420-425 гг.). Полное имя автора было "Марциан Минней Феликс Капелла", хотя сам писатель предпочитал называть себя "Феликсом" или "Феликсом Капеллой". В Карфагене Марциан провел какую-то часть своей жизни и, по-видимому, получил хорошее образование¹¹⁷. Свое произведение он написал в конце 70-х гг. V в., традиционно посвятив его сыну Марциану, который был еще юношей¹¹⁸. К моменту завершения *De nuptiis* писателю было чуть более пятидесяти лет. Марциан не занимал высоких постов, о чем свидетельствует отсутствие титула при его имени. Его деятельность была связана с судом, хотя он занимался и преподавательской работой, будучи учителем грамматики, или же совмещал оба вида деятельности.

Влияние Марциана на средневековых авторов

Скудость биографической информации о Марциане искупается заметным влиянием, которое его сочинение оказало на развитие культуры. В этой связи небезынтересно не только упомянуть тех, кто был его внимательным читателем, но и посмотреть, кто из последующих авторов использовал его произведение и в какой степени.

В течение первых двух столетий своего существования (V-VI вв.) книга Марциана Капеллы применялась в качестве учебника в Северной Африке, Италии, Галлии и Испании¹¹⁹. Но распространенность *De nuptiis* в ранние средние века была не столь велика. Скорее всего это было связано с тем, что помимо книги Марциана существовали и другие трактаты по дисциплинам цикла наук. Это и работы Бозция (ок. 480-524 гг) по каждому из предметов квадривия (напр., *Institutiones arithmeticae*; *Institutiones musicae*)¹²⁰, книги по грамматике Доната¹²¹

(350 г.) и Присциана, работы Кассиодора и Исидора, служившие в качестве кратких введений ко всем наукам или к отдельным из них. Видимо, существованием конкурирующих произведений можно отчасти объяснить небольшое количество ссылок на работу Марциана сразу же после ее появления на свет и в период раннего средневековья.

Выше уже было сказано о влиянии *De nuptiis* на Фульгенция¹²², об имитации стихов Марциана Драконтием¹²³ и упоминании имени нашего автора Григорием Турским в обращении к читающим его *Историю*¹²⁴ клирикам. Но сам Григорий, скорее всего, был знаком с книгой Марциана как со стандартным школьным текстом по семи наукам и не изучал ее глубоко¹²⁵. Сообщение Секура Мелиора Феликса, составившего подпись к *De nuptiis*, также является чрезвычайно важным свидетельством относительно судьбы и издания текста Марциана, состояния манускриптов.

Говоря о влиянии произведения Марциана в раннее средневековье достаточно вспомнить о ключевых авторах периода, среди которых – Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский. Большую роль в этой связи может сыграть решение часто обсуждаемого вопроса¹²⁶: использовал ли Боэций *De nuptiis* при написании своего знаменитого трактата *De consolazione Philosophiae*. Этот вопрос важен еще и по той причине, что найти отчетливые следы влияния Марциана на Боэция в его книгах по квадривию, например, в *Institutiones musicae*, затруднительно¹²⁷. Возможно, это было связано с тем, что Боэций, будучи переводчиком греческих текстов и систематизатором греческого знания, не имел нужды в *De nuptiis* Марциана. Вероятно, его не мог устроить уровень книги: в отличие от источников Боэция, прямые источники Марциана были больше латинскими¹²⁸. Тем не менее, текстуальный анализ обоих текстов – *De nuptiis* и *De consolazione* – не оставляет сомнений в том, что у Боэция все же имеются места, заимствованные у Марциана¹²⁹. Впрочем, оба автора могли использовать и общий источник. К примеру, стихотворные тексты обоих писателей восходят к *Мениппиевым Сатирам* Варрона¹³⁰.

Кассиодор дважды ссылается на работу о "семи свободных науках" Марциана Капеллы¹³¹, но говорит, что ему не удалось достать ее копии. Однако, вполне вероятно, что Кассиодор (как и Боэций) не принимал всерьез книгу Марциана из-за ее содержания и даже пытался изъять ее из обращения посредством написания своего собственного произведения о дисциплинах – *Institutiones (Установления)*¹³².

Заимствования из Марциана имеются у Исидора Севильского, в его энциклопедических *Этимологиях*¹³³ – хотя нет возможности утверждать, что Исидор использовал текст Марциана явно, не прибегая к промежуточным источникам. Помимо *Этимологий* прослеживаются и параллели между фразеологией Марциана и поэмой, которая была посвящена Исидором королю Сисебуту и приложена к тексту исидоровской *De natura rerum*¹³⁴. Книгу Марциана вероятно использовал и Преподобный Беда (ок.673-735 гг.)¹³⁵.

Влияние Марциана наблюдается в анонимном произведении бретонского или ирландского происхождения, озаглавленном *Hisperica famina*, написанном во второй половине VII в.¹³⁶

De nuptiis Марциана Капеллы было известно в школах северо-запада Франкии в эпоху каролингского возрождения (IX–X вв). Для ученых того времени – Иоанна Скотта и Ремигия из Осерра – сочинение Марциана являлось благодатным материалом, поскольку в его основе лежали произведения античных авторов. Оно представляло интерес для комментаторов не только наличием в нем неоплатонических теорий, но и обилием языческих реалий. О том, насколько серьезно занимался *De nuptiis* Иоанн Скотт (Эриугена), можно судить по сообщениям Пруденция (ум. 861 г.), епископа из Труа, который обращается к Эриугене словами:

cujus meditationi magis quam veritati evangelicae animum appulisti –

ты приложил больше души к размышлению [над Капеллой],
чем к евангельской истине¹³⁷.

В свою очередь зависящий от Иоанна Скотта – Ремигий из Осерра откомментировал Марциана точно также как Сервий в IV в. дал комментарий на Вергилия¹³⁸. Частично сохранился еще один *Комментарий* на книгу Марциана, приписываемый Мартину Ирландскому (или Дунхаду)¹³⁹. Следует сказать, что каролингские комментаторы Марциана смогли намного лучше и точнее передать учение Варрона о свободных науках, чем сам Марциан смог истолковать учения греческих предшественников¹⁴⁰. Возможно, это связано с тем, что впоследствии христианские авторы (среди которых, прежде всего Иоанн Скотт), используя полученное знание от ранних авторов, отдали должное важности светских учений. Таким образом, привлекательность *De nuptiis* Марциана для средневековых ученых IX–X вв. – очевидна. Книга находилась в весьма широком обращении и пользовалась популярностью в школах того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Произведение Марциана состоит из двух книг вступительного характера и еще семи, посвященных античным наукам: грамматике, диалектике, риторике, геометрии (географии), арифметике, астрономии и музыке. О содержании *De nuptiis* см.: А.Ф.Лосев, А.А.Тахо-Годи, "Макробий и Марциан Капелла – философствующие писатели поздней античности", *Античность в контексте современности* (М.: МГУ, 1990), сс.21-33; В.И.Уколова, *Поздний Рим. Пять портретов* (М.: Наука, 1992), сс.90-99; А.Ф.Лосев, "Марциан Капелла", *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития* (М.: Искусство, 1992), том VIII (часть 2), с.153.

² Отметим, что уже предпринята попытка изучить *De nuptiis* как единое целое. Такое исследование выполнено W.H. Stahl, в соавторстве с R. Jonson, E.L. Burge, см. *Martianus Capella and Seven Liberal Arts* (N.Y.; L.: Columbia University Press, 1971), vol. I, сопровождаемое полным переводом этого произведения на английский язык – *Martianus Capella and Seven Liberal Arts* (N.Y., Columbia University Press, 1977), vol. II.

³ См предыдущий выпуск альманаха "Диалог со временем" (М.: ИВИ РАН, 1999), с 295-305, где опубликована первая статья на эту тему, с описанием нашего подхода к изучению грамматической науки в античности и в средние века

⁴ Здесь и ниже нумерация абзацев приводится по: A.Dick, *Martianus Capella* (Teubner, Leipzig, 1925) – далее Dick. Отметим, что существует новое критическое издание текста Марциана, выполненное J.Willis: *Martianus Capella* (Teubner, Verlagsgesellschaft, 1983), *Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum*.

⁵ В этой части статьи учтены исследования: Stahl, в соавторстве с Jonson, Burge (см прим 2); D.Shanzer, *A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's "De Nuptiis Philologiae et Mercurii", Book I* (Berkeley; Los Angeles; L University of California Press, 1986), а также ранние работы: H.Parker, "The Seven Liberal Arts", *English Historical Review* 5 (1890), pp.417-461; J.E.Sandys, *A history of classical scholarship*, 3 vols. – vol.I: *From the Sixth Century B.C. to the End of the Middle Ages* (Cambridge, 1903, reprint. N.Y., 1958; 1964); E.S.Duckett, *Latin Writers of the Fifth Century* (N.Y., 1930); M.Cappuyns, "Capella (Martianus)", *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques* (P., 1949), vol.XI, cols. 835-848; C.Leonardi, "I codici di Marziano Capella", *Aevum* 33 (1959), pp.443-489; 34 (1960), pp.1-99; 411-524; P.Courcelle, *Les Lettres grecques en occident de Macrobe à Cassiodore* (P., 1948); P.Courcelle, *Late Latin Writers and Their Greek Sources*, transl. H.E.Wedek (Harvard University Press, 1969). Здесь наша задача не только собрать воедино и изложить выводы, сделанные учеными за последнее время в отношении личности Марциана, и познакомить пытливого читателя с тем, как они были получены, но и изложить собственное мнение по затронутым проблемам. В этой связи, выбор материала для изложения, его компоновка и подача отражают нашу собственную позицию. Ниже, помимо общего перечня отправных работ, будут даны дополнительные ссылки на конкретные места из упомянутой литературы.

Вторая часть работы, непосредственно посвященная грамматике Марциана, будет опубликована в одном из следующих выпусков альманаха "Диалог со временем". Ее будет сопровождать комментированный перевод третьей книги *De nuptiis*. В качестве приложения к переводу мы планируем предложить вниманию читателя те части из работ Иоанна Скотта и Ремигия, которые помогут толкованию *Грамматики* Марциана в средние века

⁷ Опасность опоры на пропозографические исследования подчеркивал М.Л.Гаспаров. См. "Новая зарубежная литература о Таците и Светонии", *Вестник древней истории* 1 (1964), с 180. Но в нашем конкретном случае, как и во многих других, касающихся античных и средневековых авторов, только такой метод возможен при попытках определения времени жизни, полных имен, рода занятий, выявления потомков и пр. В противном случае, если не принимать таких допущений, придется смириться с тем, что о многих авторах, за исключением их произведений, сведений нет, и довольствоваться лишь текстом – вне контекста. На наш взгляд, это обедняет понимание.

⁸ MARTIANI MINEI FELICIS CAPELLAE – в манускриптах X века: *Leidensis* 36 (A), *Bernensis* 56^b (β), *Vambergensis* Msc. class.39 (B), *Reichenauensis* 73 (или *Caroliruhensis*) (R), XI века – *Leidensis* 88 (A) и *Leidensis* 87 (L), *Basileensis* F.v.17 (O), *Monacensis* 4559 (D), XII века – *Bernensis* 331 (γ), *Monacensis* 14729 (M). Описание вышеупомянутых манускриптов см. Dick, *Praefatio*, pp.iii-xxviii.

⁹ Фульгенций, *Expositio sermonum antiquorum* 45 (ed. Helm, p.123) – латинский текст и его перевод см на с 117; Кассиодор, *Institutiones* II, 2,17; II, 3,20.

¹⁰ Григорий Турский, *История франков* X, 31: "si te...Martianus noster septem disciplinis erudit" – перевод см. в прим 124.

¹¹ Иоанн Скотт называет автора "Марцианом" в титуле своего комментария на *De nuptiis – Annotationes in Martianum* – и далее повсеместно. См. "Index nominum et locorum" в книге Iohannis Scotti, *Annotationes in Marcianum*, ed. C.Lutz (Cambridge, MA, 1939; reprint. 1987), p.241.

¹² Ремигий из Осерра именует автора "Марциан Капелла" в заглавии своего *Комментария на De nuptiis – Commentum in Martianum Capellam* – и "Марцианом" во многих местах своей работы. См. Remigii Autissiodorensis, *Commentum*

in *Martianum Capellam*, libri I-II, ed. C. Lutz, (Leiden, Brill E., 1962). О комментаторах Марциана на русском языке см. Иоанн Скотт Эриугена *Гомилия на Евангелие от Иоанна*, вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Петрова (М.: ГЛК, 1995), с. 73-81.

¹³ Слова AFRI CARTAGINIENSIS имеются в манускрипте X века (A): MARTIANI MINEI FELICIS CAPELLAE AFRI KARTAGINIENSIS. В манускрипте XII века (Y) встречается другое написание последнего слова - CARTAGINIS. Подробнее об этом в аппарате издания Dick, *op. cit.*, p. 3. Обозначение манускриптов см. в прим. 8.

¹⁴ Дидона (или Элисса) – в римской мифологии царица, основательница Карфагена. См. *Мифы народов мира* (М.: Советская энциклопедия, 1991), том I, с 377-378.

¹⁵ Латинский текст этого стихотворения (997–1000), с указанием нумерации строк, а также его литературный перевод см на с. 127-128.

¹⁶ Можно указать еще на одну фразу из текста Марциана (2, 7-8): "incrementisque lustralibus decuriatum", которая обсуждена Stahl, *op. cit.*, II, p. 4 (n. 7), переведена как "умножив пятилетие десяток [раз]" и понята так: "Марциану было чуть более пятидесяти лет во время написания *De nuptiis*". Однако ниже Марциан в своем тексте (728, 12-13) использует слово "decuriatus" в ином значении – значении числовых декад. Кроме того, "decuriatum" может обозначать чело- века, отошедшего от государственной или военной службы. Видимо, по этой причине комментаторы Марциана – Ремигий (*op. cit.*, I, 70) и Иоанн Скотт (*op. cit.*, p. 5) – интерпретируют эти слова как указание на пожилой возраст автора и его статус юриста (об этом Stahl, *op. cit.*, I, p. 11 (n. 10)). В словаре *Revised Medieval Latin Word-List from British and Irish Sources*, ed. R. E. Latham (L., 1965), p. 5 указано на то, что в XV в. "decuriare" использовалось в значении "покинувший залы суда", что вполне может восходить к ранней традиции. И если Марциан провел большую часть времени своей жизни, занимаясь судебными делами, то перевод слова "decuriare" может быть таким – "отошедший от судебных дел", т.е. ушедший на пенсию. Все же, несмотря на то, что эти строки не поддаются однозначной трактовке, общая идея зрелого возраста автора вполне очевидна.

¹⁷ Помещенное в начале сочинения обращение-посвящение сыну в античности было традицией. Примерами могут служить трактат Цицерона (106–43 гг. до н.э.) *Об обязанностях*, посвященный сыну Марку; *Аттические ночи* Авла Геллия (род. ок. 130 г.). Современник Марциана Капеллы – Макробий (II перв. пол. V в.) также посвящает свои произведения – *Сатурналии* и *Комментарий на 'Сон Сципиона'* – сыну.

¹⁸ См. также 997, 11 и 1000, 5 (см. ниже с 127-128).

¹⁹ Об этом Stahl, *op. cit.*, I, pp. 12-16. Среди тех, кто придерживается такого мнения. Leopardi, *op. cit.*, (1959), p. 443; J. Willis, *Martianus Capella and His Early Commentators* (unpubl. Ph.D. diss., University of London, 1952), pp. 6-8; Cappuyns, *op. cit.*, col. 838; Courcelle, *Les Lettres*, p. 198 (n. 3); Duckett, *op. cit.*, p. 224; Sandys, *op. cit.*, pp. 228-230. Подробнее об истории решения проблемы датировки *De nuptiis* см. Shanzer, *op. cit.*, pp. 5-8.

²⁰ Впервые в таком контексте на эти фразы сослался один из первых исследователей текста Марциана – F. Eysenhardt, см. *Martianus Capella* (Leipzig, 1866), далее Eysenhardt. Об этом Dick, p. xxv (1). Также см. Shanzer, *op. cit.*, pp. 5-7; Stahl, *op. cit.*, I, p. 15.

²¹ Возможно, здесь Марциан (ср. выделенное курсивом) следует словам Плиния *"Tiberina ostia et Roma terrarum caput"* (по бережью Тибра и Рим – столица мира)", см. Pliinius, *Naturalis historia* III, 38, ed. K. Mayhoff (Leipzig, 1892-1909).

²² См. Dick, p. xxv (1), где фраза "quamdiu viguit" объясняется в значении "ab originibus usque ad nostra tempora, i.e., omni tempore (от рождения вплоть до наших времен, т.е. во все времена)". Подробнее см. Stahl, *op. cit.*, I, p. 14 (n. 31).

²³ Мы ограничиваемся лишь общими фразами о стиле Марциана, ибо детальное рассмотрение этого вопроса потребует отдельного исследования. Подробнее см. Stahl, *op. cit.*, I, pp. 15-16; 28-40; Shanzer, *op. cit.*, pp. 3-4; 6.

²⁴ Stahl, *op. cit.*, I, p. 15 и его примечание на этой же странице (n. 35).

²⁵ Такого мнения придерживались ранние исследователи, среди которых J.A.Fabricius, *Bibliotheca latina mediae et infimae latinitatis* (Hamburgiae, 1734-1736; reprint. Florence, 1858), pp 305-306. Однако оно было основано исключительно на анализе стиля Марциана. Shanzer, *op.cit.*, pp.5-28 привела более веские доказательства в подтверждение этой даты

²⁶ Выбор таких методов для доказательства традиционен. В частности, ему следует Shanzer, *op.cit.*, p.8.

²⁷ Говоря о падении Рима в религиозном смысле, мы имеем в виду принятые в 382г императором Грацианом (375–383 г) меры, направленные против язычества: конфискация имущества языческих жрецов, лишение их государственной поддержки, вынос из курии римского сената алтаря Победы и др. Об этом см. В.И. Уколова, *Поздний Рим*, с 4-25 и далее с 29, 33-34.

²⁸ См. L.Müller, "Über die Zeit des Martianus Capella", *Jahrbücher für klassische Philologie* 93 (1866), p.705; Shanzer, p.5 (n.17).

²⁹ Согласно Виктору (V,4) этот человек был одним из богатых граждан Адрумета и пользовался доверием правителя, по милости которого получил должность или, по меньшей мере, титул проконсула Африки. См. А.Гиббон, *История упадка и разрушения Римской империи* (СПб., 1998), том IV, глава 37, 4, с 108 (сн 105).

³⁰ Благодаря этой подписи сохранился полный перечень имен поэта. См. *Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi* XIV, p.148. См. J.R.Martindale *The Prosopography of the Later Roman Empire*, 3 vols. – vol.II: A.D. 395-527 (L., N.Y.; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1980), pp 379-380 – далее *Prosopography*.

³¹ Драконтий (предположительно род ок 450 г, в Северной Африке) получил традиционное риторическое образование. Сам поэт называет себя учеником грамматика Фелициана, посвящая ему некоторые из своих стихов (*Romulea* I: "praefatio Draconii discipuli ad grammaticum Felicianum" и *Romulea* III: "praefatio ad Felicianum grammaticum") Драконтий занимался юридической деятельностью в Карфагене, имея титул "vir clarissimus et togatus". Его семья находилась в почете с самого начала правления вандалов. Однако он сам, из-за того, что прославлял византийского императора больше, чем короля вандалов Гунтхамунда, был заключен в тюрьму. Наследие Драконтия составляют поэма *Romulea* (ed. Vollmer, 1905), представляющая собой сборник стихов, написанных в классических школьных жанрах, в основном, на мифологические темы, элегическая работа *Satisfactio* (ed. Moussy, 1988), созданная поэтом во время своего тюремного заключения, как адресованное Гунтхамунду прошение о помиловании, религиозная поэма из трех книг *De laudibus Dei* (ed. Camus, Moussy, 1985-1988), содержащая 2327 гекзаметра. О Драконтии на русском языке см. *Поздняя латинская поэзия* (М. Худ. лит., 1982), с 32-33; там же имеется перевод трех стихов поэта, с 572-593, с примечаниями, с.699-701, *Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков* (М.: Наследие, 1998), с 326-327, *Prosopography*, pp.379-380.

³² C.Courtois, *Les Vandales en Afrique* (P., 1955), p.258; Shanzer, *op.cit.*, pp.6-7.

³³ Здесь необходимо пояснение: имеются в виду монеты вандалов Северной Африки времени правления Гейзериха и его преемника Гунериха. Они подражают серебряным и бронзовым монетам императора Гонория (393-423 г). На лицевой стороне бронзовых монет Гейзериха изображена стоящая фигура короля с легендой "KARTHAGO", а на другой – традиционный символ Северной Африки голова лошади (как на монетах древнего Карфагена), с указанием номинала, помеченного римскими цифрами – 42; 21 или 12. См. R.A.G.Carson, *Coins of the World* (N.Y.: Happer & Brothers Publ., 1962), p.296; A.Burnett, *The Coins of Late Antiquity AD 400-700* (L.: British Museum, 1977), pp.6-8.

³⁴ Shanzer, *op.cit.*, p. 7.

³⁵ Ссылки на эти источники см. Гиббон, *История упадка*, том IV, глава 37, 2-8, с 105-112. Отметим, что слова "вандалы" и "вандализм", как правило, ассоциируются с разрушением культурных ценностей. Однако, вандалы не были губителями культуры в полном смысле этого слова. Об этом см. в предисловии

М.Л. Гаспарова "Поэзия риторического века", в книге *Поздняя латинская поэзия*, с. 32. Такого же мнения придерживается Courtois *op.cit.*, p.323. К тому же Courtois полагает, что нашествие вандалов не имело для Африки и серьезных экономических последствий. Деятельность вандалов, как разрушителей, скорее проявилась в связи с гонением ортодоксальных католиков и защитой арианского вероисповедания.

³⁶ Подпись приводится согласно чтению Leonardi, *op.cit.*, (1959), p.446. Об идентификации подписи см. H.I.Marrou, "Autour de la bibliothèque du Pape Agapit", *École française de Rome, Mélanges d'archéologie et d'histoire* 48 (1931), pp.157-165.

³⁷ A.Degrassi, *I fasti consolari dell' impero romano* (Rome, 1952), p.99. О Паулине, консуле 498 г., см. *Prosopography*, p.847; idem, *Fasti Consulares* 395-527, p.1244.

³⁸ O.Jahn, "Über die Subscriptionen in den Handschriften römischer Classiker", *Berichte über die Verhandlungen der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften* 3 (1851), pp.351-353; Shanzer, *op.cit.*, pp.8-9.

³⁹ Помимо упомянутых двух, Паулина подписи предлагалось отождествить с консулом 535 г. (sic!) Флавием Теодором Паулином (Flavius Theodorus Paulinus) — см. Jahn, *op.cit.*, pp.351-353. Об этом Shanzer, *op.cit.*, p.8.

⁴⁰ Здесь отметим, что в конце V в. высшим должностным лицам уже свойственны, так называемые, двойные титулы, например, "vir clarissimus et illustis". См. Е.В. Федорова, "Основные римские должности и титулы", *Латинские надписи* (М.: МГУ, 1976), с.257-259.

⁴¹ Так считает А.Cameron в статье "Martianus and His First Editor", *Classical Philology* 81 (1986), pp.320-328.

⁴² В целом очень мало известно о природе самих подписей. Ныне нет возможности сказать о том, насколько тщательно прописывались имена и титулатура конкретного лица, находящегося у власти, а потому, можно ли такую информацию приводить в качестве свидетельства вообще. Также не существует аналитических исследований о том, насколько сами подписи видоизменялись, после того, как их впоследствии скопировало большое количество людей.

⁴³ Об Эннодии см. И.Н. Голенищев-Кутузов, *Средневековая латинская литература Италии* (М.: Наука, 1972), с.112-115.

⁴⁴ Согласно Jahn, *op.cit.*, pp.351-354.

⁴⁵ *Prosopography*, pp.356-357.

⁴⁶ Shanzer, *op.cit.*, p.10.

⁴⁷ Эннодий, *Ep.* 1, 19 (ed. Hartel). Также см. *Dictio* 8 (ed. Hartel): "invenies illic Deuterium, qui ubertate linguarum germina tibi multiplicatis seminibus et sudorem remuneretur impensum".

⁴⁸ "Scholasticus" — преимущественно весьма низкая степень риторов, поскольку Плиний (*Ep.* II,3,5) говорит об Исее, который к 60 годам все еще был в таком звании —adhuc scholasticus tantum est. Перевод этого письма см.: *Письма Плиния Младшего* (М.: Наука, 1982), с.25-26. Marrou, *op.cit.*, p.158 (n.2.), анализируя это слово, приводит в пример десятилетних учеников (scholastici). Другие примеры употребления "scholasticus" см. в подписях к изданиям Теренция: "feliciter Calliopo bono scholastico" и Лукана. "feliciter Gaius scholastico bono primo", см. Jahn, *op.cit.*, p.363; об этом Shanzer, *op.cit.*, p.10 (n.42).

⁴⁹ Эннодий, *Ep.* 1, 19 (ed. Hartel, p.31.7): "tua quaeso lumina nube doloris hebetantur (твое зрение ослабевает из-за слепоты)".

⁵⁰ Ed. Vogel, (1885) Похоже, что слова Эннодия о том, что лысина Девтерия похожа на блеск луны во время полнолуния, надмешливо отсылали читателя к стиху (*Carmina* I,2,13), в котором Девтерий сравнивался с ярким солнцем. Об этом Shanzer, *op.cit.*, p.10 (n.45).

⁵¹ Он принимал участие в рецензировании издания Горация в 527 г. См. М. Manitius, *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*, 3 vols. (Munich, 1911-1931), vol.I, 7-8 (n.9); M.Schanz and C. Hosius, *Geschichte der römischen Literatur* (Munich, 1914-1922), vol.IV, pt.2, p.170.

⁵² Отметим, что в нашей подписи ее автор – Секур Мелиор Феликс – полностью написал все свои имена и указал должность. В подписи, составленной Мавортием, приводится только одно имя "Феликс". Скорее всего, Феликс был хорошо известен в обществе того времени и для Мавортия не было необходимости в полном перечне его имен.

⁵³ К примеру, такого мнения придерживается Stahl, *op.cit.*, I, p.57 (n.7); Shanzer, *op.cit.*, pp.8-12.

⁵⁴ Leonardi, *op.cit.*, pp.444-445; Stahl, *op.cit.*, I, p.57; Shanzer, *op.cit.*, p.11. Отметим, что первым этот пост занимал Квинтилиан.

⁵⁵ О Фульгенции на русском языке см. Г.Ч Гусейнов "Истолкование мифологии на рубеже античности и средневековья. из книги латинского грамматика V–VI вв", *Античность как тип культуры* (М.: Наука, 1988), с 325-329. Также см *Первый Ватиканский мифограф*, перевод с латинского языка, вступительная статья и комментарии В Н Ярхо (СПб.: Алетейя, 2000); Д О Торшилов, *Античная мифография: мифы и единство действия* (СПб.: Алетейя, 1999).

⁵⁶ Согласно словам: "Item commentum solempne Fulgencii insignis viri super duobus libris Marcialis [sic] de pupciis Mercurii et philologie (равным образом замысел Фульгенция, мужа выдающегося, [основан] на двух книгах Марциана О свадьбе Меркурия и Филологии)". См. *Mittelalterliche Bibliothekskataloge Deutschlands und der Schweiz, herausgegeben von der Bayerischen Akademie der Wissenschaften* (München, 1928), II, p.16.3 – цит. по Stahl, *op.cit.* I, p.56 (n.3).

⁵⁷ См Willis, *op.cit.*, pp.16-18, где указано на несколько параллельных мест между Фульгенцием и Марцианом.

⁵⁸ См. выше, с 111-112.

⁵⁹ R.Turcan, "Marianus Capella et lamblique", *Revue des études latines* 36 (1958), pp.233-254. Существует мнение о более поздней дате – ок. 319 г., см. T.D.Barnes, "A Correspondent of Iamblichus", *Greek, Roman and Byzantine Studies* 19 (Durham, NC: Duke University, 1978), pp.99-106.

⁶⁰ Shanzer, *op.cit.*, pp 14, 63 и далее.

⁶¹ Под "явными" источниками мы подразумеваем те, которые Марциан использовал из первых рук.

⁶² О том, что творческий расцвет Макробия приходится на первую половину V в см нашу диссертационную работу "Интеллектуальная традиция на рубеже античности и средневековья. Макробий Амвросий Феодосий", глава I (М., 1998).

⁶³ Shanzer, *op.cit.*, pp.14; 194-195; 201.

⁶⁴ См Stahl, *op.cit.*, I, p.41. Здесь отметим, что и античные классики следовали этому принципу. Так, Вергилию его современники ставили в вину то, что он, следуя Гомеру в своей *Энеиде*, читал не подлинный текст греческого Поэта, а использовал комментарий на него более позднего автора. Об этом в книге R.R.Schlunk, *The Homeric Scholia and the 'Aeneid'* (Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1974), p.8. В то же время латинские авторы не ограничивались только посредниками. Они и "напрямую" обращались к авторитетам. Хороший пример так называемой "смешанной техники" обеспечивает уже упомянутый Макробий в своем *Комментарии на 'Сон Сципиона'*. См. наши работы о нем и перевод отдельных глав из *Комментария*, с примечаниями: "К публикации перевода избранных глав *Комментария на 'Сон Сципиона'* Макробия", в *Историко-философском ежегоднике '95* (далее ИФЕ), (М.: Мартис, 1996), с 219-221; "Макробий о душе", в ИФЕ '96 (М.: Наука, 1997), с.65-68; "Натурфилософия в *Комментарии на 'Сон Сципиона'* Макробия", в сб.: *Философия природы в античности и в средние века. Часть I* (М.: ИФРАН, 1998), с.140-144, Макробий. *Комментарий на 'Сон Сципиона'*, книга I, главы 8-10 в ИФЕ '95, с.221-231; книга I, главы 11-14 и 17 и книга II, главы 12-13 и 17 в ИФЕ '96, с.68-97.

⁶⁵ Подробнее см Stahl, *op.cit.*, I, pp.41-54; Shanzer, *op.cit.*, pp.14-21.

⁶⁶ Подробнее см. Stahl, *op.cit.*, I, pp.90-98.

⁶⁷ О рождении средневекового энциклопедизма, см. в книге В.И.Уколовой *Античное наследие и культура раннего средневековья* (М.: Наука, 1989), с.196-276; о парадигме средневековой культуры – там же, с 73-144. Имеется комментированный английский перевод *Institutiones*, выполненный L.W.Jones,

см Cassiodorus Senator *An Introduction to Divine and Human Readings Records of Civilization Sources and Studies* 40 (N Y Octagon Books Inc, 1966)

⁶⁸ Или в переводе на русский язык *Пересмотры*. Об Августине см А А Столяров, "Аврелий Августин Жизнь, учение и его судьба", *Аврелий Августин. Исповедь* (M Renaissance, 1991), с 25

⁶⁹ Sourcelle, *Les Lettres*, p 198 (n 5)

⁷⁰ О порядке II,18, см Блаженный Августин *Творения* (СПб-Киев Алетейя-УЦИММ-Пресс, 1998), том I, с 177. Латинский текст см *Corpus Christianorum Series Latina* 29 (pp 89-137, далее CCSL)

⁷¹ О порядке II,15, русский перевод см. в цит соч., с 173 (см прим 70).

⁷² Имеется еще пример *Retractationes* I, 8, CCSL 57, cl 250, 20 "nec sane omnes artes eo modo se cum attulit ac se cum habet, nam de artibus quae ad sensus corporis pertinent, sicut multa medicinae, sicut astrologiae omnia, nisi quod hic didicerit non potest dicere"

⁷³ Здесь укажем еще на одну работу о науках, приписываемую Августину, озаглавленную *De dialectica liber* (или *Principia dialecticae*), в которой, в самом начале (I), диалектика названа автором "bene disputandi scientia (лучшая дисциплина для ведения споров)" См *Patrologia Latina*, ed J P Migne 32, col 1409 (далее PL)

⁷⁴ Музыка посвящена девятая книга – *De harmonia* (888-1000)

⁷⁵ Vitruvius, *De architectura* 7,14: "Item Terentius Varro de novem disciplinis (а также Теренций Варрон о девяти дисциплинах)"

⁷⁶ Об этом в книге В.И Уколовой "Последний римлянин Бозций" (М Наука, 1987), сс.50-51. Текст см : Boetii, *De arithmetica libri duo* I,1, PL 63, col 1081D или в новом критическом издании этой работы Boèce *Institution Arithmétique*, ed Jean-Yves Guillaumin (P Les Belles Lettres, 1995)

⁷⁷ Примером создания подобного латинского "учебника" может служить уже упомянутый нами макробиев *Комментарий*. Макробий не говорит четко о своих намерениях, но в его произведении рассматриваются темы арифметики, географии, астрономии и гармонии, в сочетании с философскими теориями. Следует обратить внимание и на слова "disciplinas cyclicas" (цикл наук) – *De naturis* 998) Марциана. Последнее из которых греческого происхождения (*κυκλικός* – досл "кругообразный" или "циклический"), имеющее место в образовательной системе греков, к примеру, *ἐγκύκλιος παιδεία* (общераспространенное или текущее образование) – об этом см А-И Марру, *История воспитания в античности (Греция)* (М ГЛК, 1998), сс 246-254, а также сс 211-245). Здесь возникает вопрос, который еще требует ответа – не имеет ли в виду Марциан при выборе цикла семи наук греческие тексты, в которых, к примеру, математическая "раскладка [дисциплин] была традиционной начиная с Архита Тарентского, если не с самого Пифагора" (цит соч., с 248, также прим 5, с 397). О словах Архита (В1) о математических дисциплинах [по порфириевому *Комментарию к "Гармонике" Птолемея*] см А В.Лебедев, *Фрагменты ранних греческих философов* Часть I (М Наука, 1989), с 456. "Думается мне, что знатоки математических наук (*μαθημάτα*) пришли к верному познанию. И о скорости звезд, и о восходах и заходах передали они нам точные познания, и о геометрии, и о числе, и в не меньшей мере о музыке" [или см *Fragmente der Vorratskrieger* (Diels) Archyt, fr 1]

⁷⁸ Хорошим подтверждением является тот факт, что Сидоний Аполлинарий (*Ep. V,2*), ссылаясь на книгу *De statu animae* Клавдиана Мамерта (с 460), все еще упоминает число "девять" в письме к Нумфидию, написанном сразу же после 470 г "novem quas vocant Musas, disciplinas aperiens esse, non feminas Namque in paginis ejus vigilax lector inveniet veriora nomina Camoenarum, quae propria de se sibi pariunt nuncupationem Illic enim et grammatica dividit, et oratoria declamat, et arithmetica numerat, et geometria metitur, et musica ponderat, et dialectica disputat, et astrologia praenoscit, et architectonica struit, et metrica modulatur (показывая, что те, кого они называют девятью Музами, являются дисциплинами, а не женщинами. Ибо на страницах [Клавдиана] бдительный

читатель найдет различные имена Камен, которые дают свои имена [дисциплинам] Ведь и грамматика разделяет, и риторика декламирует, и арифметика считает, и геометрия мерит, и музыка взвешивает, и диалектика оспаривает, и астрология предсказывает, и архитектура строит, и метрика модулирует". См. C. Sollii Apollinaris Sidonii Epistolae V, 2, PL 58, col. 533D-533C.

⁷⁹ Poesis. CD-ROM Dei Testi Della Poesia Latina (1995).

⁸⁰ М.Л.Гаспаров пишет о том, что поэма *Aegritudo Perdicae* также принадлежит перу Драконтия (*Памятники*, с.327). Мы не считаем это правомерным и рассматриваем Драконтия и автора упомянутой поэмы независимо друг от друга. Надеемся, что этот вопрос привлечет внимание исследователей.

⁸¹ Поскольку требуется показать лишь текстуальные соответствия, мы, указав на контекст, оставляем строки без перевода, за исключением тех случаев, когда интересующие нас фразы уже имеются в русском переводе.

⁸² Ed. Vollmer (1905).

⁸³ Пер. М.Л.Гаспарова, см. Публий Овидий Назон, *Скорбные элегии. Письма с Пронта* (М.: Наука, 1982), с.175.

⁸⁴ Пер. Л.Е.Остроумова, см. Марк Анней Лукан, *Фарсалия или Поэма о гражданской войне* (М.: Ладомир-Наука, 1993), с.217.

⁸⁵ Полное имя римского поэта – Catus Asconius Silius Italicus, а его эпическая поэма *Punica* написана в подражание Вергилию

⁸⁶ Ed. Delz (1987).

⁸⁷ Ср. Катон, *Девять Муз*, 4: "Melpomene tragico proclamat maesta boatu (скорьб Мельпомена свою изливает в трагическом клике)" – пер. М.Л.Гаспарова, см. *Поздняя латинская поэзия* (М.: Худ. лит., 1982), с.481; также *О богах Авсония* (см. там же, с.129), что скорее восходит к Седулию (V в.), *Carmen paschale* 1,18 (ed. Huemer, 1885): "grandisonis rompare modis tragicoque boatu (в слове напыщенном их украшая трагическим воплем)" – пер. Ф.А.Петровского, см. *Памятники*, с.317.

⁸⁸ Здесь отметим, что эта работа лишь приписывается перу Драконтия, хотя и с большой достоверностью. Этот факт упомянут М.Л.Гаспаровым, см. *Памятники*, с.327.

⁸⁹ В свою очередь эта строка очень похожа на строку из *Сатиры* I, 5, 64 Горация "nil illi lagua aut tragicis opus esse cothurnis (роль, для которой ему не нужны ни котурны, ни маска)" – пер. М.Дмитриева, см. Гораций. *Сочинения* (М.: Худ. лит., 1970), с.62.

⁹⁰ Ed. Zurlí, 1987. В этой поэме говорится о юноше Пердике, влюбившемся в свою мать и умершему от той любви. См. *Памятники*, с.327.

⁹¹ О подражании Вергилию автором поэмы *Aegritudo Perdicae* см. S.Mariotti, "Imitazione e critica del testo: qualche esempio dall' *Aegritudo Perdicae*", *Rivista di filologia e di istruzione classica* 97 (1969), pp.385-392. Shanzer (*op.cit.*, p.19) также показывает, что слово "aliger" из *Aegritudo* 77 прямо восходит к слову "aligerum" (крылатый [Купидон]) (l, 663) из сцены, описанной в *Энеиде* Вергилием (l, 657-662), в которой говорится об обмане, который задумала Киферея. Имеется еще одно схожее место с этой строкой (78) в *Энеиде* I, 689 Вергилия: "paret Amor dicis (словам повинуется бог)".

⁹² Ed. Geumont, 1973. Перевод С. Ошерова см. *Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида* (М.: Худ. лит., 1979), с.154.

⁹³ Имеется еще один параллельный пассаж из *Romulea* II (67) Драконтия "purpureus natat ignis in ore". Об этом Shanzer, *op.cit.*, p.19 (n.94).

⁹⁴ Ed. Duff (1934) Мы даем название этой работы как *О сожигательстве Марса и Венеры, а не О свадьбе...*, принятое в отечественной историографии.

⁹⁵ Пер. М.Л.Гаспарова, см. *Поздняя латинская поэзия*, с.458.

⁹⁶ См. Shanzer, *op.cit.*, pp.19-20 (nn.95-99).

⁹⁷ Об этом свидетельствуют строки 25: "sed quia captiuo fas non est dicere carmen" и 70: "sollicito dederant quia carmina clades".

⁹⁸ Shanzer, *op.cit.*, p.20.

⁹⁹ Shanzer, *op.cit.*, pp.19-20 (n.96), согласно E.Courtney, "Some Poems of the Latin Anthology", *Classical Philology* 79 (1984), p.309.

¹⁰⁰ См. прим.16. Здесь укажем, что так называемый "преклонный" возраст и "старость" у Бозция исчисляются немногим более сорока лет, о чем свидетельствует вступительное стихотворение его трактата *Утешение Философией* I,1,1-14. См. в пер. Ф.А.Петровского в книге *Памятники*, с.343-344 или в пер. В.И.Уколовой и М.Н.Цейтлина в книге *Бозций. Утешение Философией и другие трактаты* (М.: Наука, 1990), с.190-191. Скорее всего, жалобы такого рода (здесь не важно при каких обстоятельствах) – ни что иное, как традиционный литературный прием.

¹⁰¹ Shanzer, *op.cit.*, p.21.

¹⁰² Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о дате написания Драконтием стихотворения VI из *Romulea*. Мы полагаем, что стихотворение относится к поздним работам, написанным поэтом после его выхода из тюрьмы. Так, в этом стихе есть строка 40: "fortunamque mihi reducem pietate povarunt", которую можно трактовать как указание поэта на то, что, благодаря перемене в судьбе, он был выпущен на свободу из заточения. Здесь отметим, что освобождению Драконтия из тюрьмы могли способствовать Викториан и Руфиниан, имена которых Драконтий упоминает (возможно, из благодарности) в этом же стихотворении ниже (v.103) – об этом см. *Prosopography*, p.380. Имеется и другое мнение: стихотворение является ранним и написано поэтом до пленения (Shanzer, *op.cit.*, p.20). Доводы таковы: Драконтий не упоминяет слова "explicitly", собственного при выражении благодарности. Также (*ibid.*, (n.99)) в строках 36-40: "Quorum umbone tegor uel quorum munere uiuoo// Post varios casus, post tot discrimina vitae// Porrexere piam placido pro tegmine dextram// Et quod maius erat, laesi tribuere salutem// Fortunamque mihi reducem pietate povarunt" – не содержится никаких упоминаний о пленении поэта или же о том, что он ощущает некие угрызения совести.

¹⁰³ Такое чтение текста предложил Dick. Об этом Stahl, *op.cit.*, I, pp.16-17.

¹⁰⁴ См. аппарат к изданию Dick, p.534. К примеру, ранее было принято чтение "verba dantem" (A.Sundermeyer, *De re metrica et rhythmica Martiani Capellae* – Ph.diss. (Marburg, 1910)), что дословно означает "дающий слова", т.е. произносящий речи; "perorantem", т.е. "говорящий в заключение" (разбираемого судебного дела), см. *Martianus Capella, De nuptiis Philologiae et Mercurii et de septem artibus liberalibus libri novem*, ed. Kopp (Frankfurt-am-Main, 1836) – далее Kopp. О словах "bombinatorem" и "bombinator" – см. ниже, прим.105 и 107.

¹⁰⁵ К примеру, Ремигий объясняет слова "proconsulari culmini" как "in culmini proconsulari" (в месте пребывания проконсула), "dantem" (досл. "дающий") – как "scribentem suas fabulas" (пишущий свои сказания), а "bombinatorem" – как указание на великолепное красноречие Марциана – "pompose loquentem". Ремигий делает такое заключение: "Significat enim tunc illum proconsulem Carthaginis fuisse quando hunc librum scripsit (ведь это значит, что он был проконсулом Карфагена в то время, когда писал эту книгу)", то есть он отождествляет этого проконсула с самим Марцианом, см. Remigius, *op.cit.*, 534.10 (lines 1-6, p.369). Отметим, что один из исследователей конца XIX в. Parker вообще не рассматривает слова "proconsulari culmini" как должность, считая этот пассаж топографической ссылкой (на некое место в городе Карфагене). Об этом Stahl, *op.cit.*, I, p.15 (n.32). Мы полагаем, что "proconsulari culmini" скорее следует рассматривать как титул консула: imperiale culmen – "Высочество" (*Кодекс Юстиниана*, книга 3, титул 1, норма 16), см. Ф.Дыдынский *Латинско-русский словарь к источникам римского права* (М.: Спарк, 1997), перепеч. издания 1896г.), с.141.

¹⁰⁶ Это утверждение достаточно надежно и поддерживается Willis, *op.cit.*, p. 10; P.Monceaux, *Les Africains: Étude sur la littérature latine d'Afrique* (P., 1894), p.445; W.S.Teuffel and L.Schwabe, *History of Roman Literature*, transl. from the fifth German edition by G.C.W.Warr (L., 1891-1892), vol.II, p.447; E.R.Curtius, *European Literature and the Latin Middle Ages*, transl. from the German by W.R.Trask (N.Y., 1953), p.75; F.J.E.Raby, *A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages*, 2-nd ed. (Oxford, 1953), vol.I, p.101; C.Morelli, "Quaestiones in Martianum Capellam", *Studi italiani di filologia classica* 17 (1909), p.250; C.R.Beazley, *The Dawn of Modern Geography* (L., 1833), vol.I, p.341; Kopp, pp.488; 771.

¹⁰⁷ Слово "bombinator" в *Thesaurus linguae latinae* отсутствует. Ближайшее к нему по звучанию – "bombus" (греческого происхождения), со значением "жужжание", "шум", "гул", или "bombilo" – "жужжать". Скорее всего, это и послужило причиной такой трактовки. Для сравнения отметим, что в английском языке "bombinate" (жужжать) весьма близко по написанию и звучанию к исходному латинскому "bombinator" (ср. также итал. bombo – жужжать).

¹⁰⁸ Однако значение этих строк также далеко от определенности из-за плохой сохранности текста и разночтений, ибо упомянутое слово в манускрипте Ремигия значит как "lurgis", которое он объясняет, как "improbis" (прожорливый, ненасытный, дурной и т.д.), "gulosis" (прожорливый, падкий на еду), "epulonibus" (кутила, гурман), "hiatibus" (пасть, зев), см. Remigius, *op.cit.*, 534.7, line 29, p.368. Видимо, Ремигий следовал в этом Иоанну Скотту, принявшему это же чтение – "lurgis", объясняя его как "glutiosis", (от "gluttio" – глотать, поглощать), см. Iohannis Scotti, *op.cit.*, 534.9, line 25, p.220. Также Ремигий рассматривает слово "pendere" (взвешивать) в значении "impendere" (издерживать, тратить), т.е. "reddere" (оплачивать, отдавать назад, возвращать), как если бы говорилось, что "Марциан должен был заплатить за собачий лай ненасытных людей", см. Remigius, *op.cit.*, 534.7 (lines 30-31, p.368).

¹⁰⁹ Parker, *op.cit.*, p.443 понимает эти слова в указанном значении, но полагает, что Марциан мог быть фермером.

¹¹⁰ Такая лексика в латинском тексте выделена полужирным шрифтом. Об этом Stahl, *op.cit.*, I, p.20 и *ibid.*, п.56.

¹¹¹ Конкретно *De nuptiis* 441, 443-475; 498-503; 553-565 – об этом Stahl, *op.cit.*, I, p.18 (п.44).

¹¹² Такого мнения придерживается Stahl, *op.cit.*, I, pp.17-18.

¹¹³ В том, что Марциан мог быть учителем грамматики, читатель сможет убедиться и сам, прочитав наш перевод его книги *О грамматике* (см прим.6).

¹¹⁴ К примеру, как поэт Авсоний, см. М.Л.Гаспаров, "Авсоний и его время", в книге *Авсоний. Стихотворения* (М. Наука, 1993), с.261.

¹¹⁵ Dick, pp.533-535. Поскольку в тексте имеются разночтения (они выделены полужирным шрифтом), ниже, в примечаниях, даны необходимые пояснения и возможные варианты толкования. Знаком † обозначены спорные места.

¹¹⁶ Мы говорим о приблизительном литературном переводе из-за того, что выявить синтаксическую конструкцию предложений весьма затруднительно, а порою и невозможно. Мы учтены английский перевод, выполненный Stahl, *op.cit.*, II, pp.381-382 (см прим.2), а также *Комментарии* каролингских авторов – Иоанна Скотта и Ремигия (см. прим.11 и 12).

¹¹⁷ Рождение Марциана в Карфагене и его принадлежность африканской школе подтверждается стилем автора, похожим на стиль его соотечественников – Апулея (ок.124 г.), Арнобия (ок.300 г.), Макробия, Фульгенция. Подробнее см. Shanzer, *op.cit.*, pp.2-3. См также прим.23.

¹¹⁸ Вполне вероятно, что наш автор писал *De nuptiis*, стремясь помочь сыну получить классическое образование, которое в дальнейшей жизни помогло бы ему занять какой-либо государственный пост.

¹¹⁹ Stahl, *op.cit.*, I, pp.56-67.

¹²⁰ Подробнее см. В.И.Уколова, "Преподавание математических дисциплин в раннем средневековье", *Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль* (М.: АПН СССР, 1989), с.58-71; Н.И.Ефимова, "Музыкальное воспитание и образование в раннесредневековой Западной Европе", *Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль* (М.: АПН СССР, 1990), с.22-34, Е.В.Герцман, "Бозций и его трактат о музыке", *Музыкальная Бозциана* (СПб.: Глагол, 1995).

¹²¹ См. *Ars Minor* Доната в нашем переводе в первом выпуске альманаха *Диалог со временем*, с.306-330.

¹²² См. выше с.116-117 и прим.55 и 56.

¹²³ О параллельных местах у Драконтия и Марциана см. выше с.120-124.

¹²⁴ Григорий Турский X, 31: "Если тебя, о служитель божий, кто бы ты ни был, обучил семи искусствам [наставник] наш Марциан, то есть при изучении [курса]

грамматики он научил тебя читать, [курса] диалектики – искусству направлять и вести спор, [курса] риторики – знать размеры стиха, [курса] геометрии – исчислять меру земель и линий, [курса] астрономии – наблюдать движение звезд, [курса] гармонии – приводить ритмы звучаний в соответствие с приятной интонацией стихов; если ты станешь после этого столь искушенным во всех сих искусствах, что наш язык покажется тебе слишком грубым, я умоляю тебя – не уничтожай все же написанное мною. Если же в сих книгах тебе что-либо понравится, я не осужу, если ты изложишь мою историю в стихах, сохранив наше сочинение нетронутым" (пер. В.Д.Савуковой), цит. по Григорий Турский, *История франков* (М.: Наука, 1987), с.318. E.Auerbach, *Literary Language and Its Public in Late Latin Antiquity and in the Middle Ages*, transl. from German by Manheim (N.Y., 1965), pp.106-109 обсуждает содержание этого пассажа Григория и истолковывает его так человек не научился бы читать, не изучив изложение Марциана *О грамматике* Также см. Leopardi, *op.cit.*, pp.459-460 (1959).

¹²⁵ Об этом см. M.L.W Laistner, *Thought and Letters in Western Europe A.D. 500 to 900*, (N.Y., 1957, 2nd ed.), p.129.

¹²⁶ H.Chadwick, "Theta on Philosophy's Dress in Boethius", *Medium Aevum* 49 (1980), pp.175-177; Shanzer, "The Death of Boethius and Consolation of Philosophy", *Hermes* 112 (1984), pp.352-366.

¹²⁷ Один из примеров, согласно Willis, *op.cit.*, p.20, таков: Боэций в *Institutiones Musicae* I, 26 говорит, что Альбин истолковал греческие названия звуков полатыни, но такие же названия встречаются и у Марциана (см. с.325 русского перевода Е.В.Герцмана уже упомянутого здесь издания (прим.120), там же на с.209 – латинский текст) – т.е. или Боэций совсем не знал об употреблении Марцианом этих же терминов, или же преднамеренно скрывал свое знание его текста

¹²⁸ Stahl, (*op.cit.*, I, p.58) полагает, что Марциан большей частью использовал латинские тексты. Но существует и противоположное мнение. См. Shanzer, *op.cit.*, p.4; Courcelle, *Les Lettres*, p.198.

¹²⁹ Parker, *op.cit.*, p.453 полагал, что Боэций не был знаком с произведением Марциана. Однако, последние исследования подтвердили факт использования Боэцием *De nuptiis* при написании *Утешения Философией*. Подробно об этом, с перечнем схожих мест, см. Shanzer, *op.cit.*, pp.11-12 (n.53); p.35. P.Courcelle, *La Consolation de Philosophie dans la tradition littéraire: Antécédents et Postérité de Boèce*. Études Augustiniennes (P., 1967), p.191 (n.1); p.362 (n.3).

¹³⁰ Stahl, *op.cit.*, I, p.57-58 (n.8). Здесь мы лишь констатируем этот факт, ибо связь между *De nuptiis* и *Сатурнами* или же между *De consolatione* и *Сатурнами* – отдельный вопрос. Подробнее см. Shanzer, *op.cit.*, pp.29-44.

¹³¹ *Institutiones* II, 2, 17; II, 3, 20.

¹³² Parker, *op.cit.*, pp.437; 452-453; 456. Мы же заметим, что если Кассиодор и не принимал книгу Марциана, то это было скорее по иной причине – причине ее сложности. Изложение Кассиодора, ориентированное на обучение монахов учрежденного им монастыря, не отличается глубиной содержанием. В этом случае Кассиодор, указав на то, что следует оставить для обучения, больше наставник, чем ученый. О Кассиодоре и его произведениях на русском языке см. В.И.Уколова, *Античное наследие*, (М.: Наука, 1989), с.73-144.

¹³³ См. J.Fontaine, *Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique*, 2 vols. (P., 1959): vol.II, p.858, *Index locorum*, pp.969-970. Также см. vol.I, p.352 (n.1); 442 и vol.II, p.748; 749 (n.1). Это утверждение вызывает множество споров. Например, Leopardi, *op.cit.* (1959), p.461 (n.94) и *Intorno al 'Liber de numeris'*, p.231 склонен считать, что Исидор обладал только седьмой книгой из работы Марциана, озаглавленной *De arithmetica*, и использовал ее при составлении своей собственной *Liber de numeris* (*Книги о числах*). Leopardi не только отмечает параллельные отрывки в текстах обоих авторов, но и предлагает конкретные улучшения текста Марциана, доказывая, что тексты компиляций, выведенные из произведения Исидора, помогут восстановить исходный текст. Об этом Stahl, *op.cit.*, I, p.59-60. Также ряд параллельных мест у Марциана и Исидора указаны в E.Brehaut, *An Encyclopedist of the Dark Ages. Isidore of Seville*

(N.Y. Burt Franklin, 1912), p. 115 соответственно Eysenhardt, 118,8ff. 118.15-25, 120,9ff – *Etymologiae* II,31,1, II,31,4-5, II,31,7

¹³⁴ Isidore de Séville *Traité de la nature*, ed J Fontaine (Bordeaux, 1960), pp 156, 328-329, 332-335

¹³⁵ Этот вопрос вызывает множество дискуссий и в настоящее время в частности, ряд параллельных мест между Бедой и Марцианом приводились Willis, *op cit*, p. 25 Однако по мнению Stahl, *op cit*, I, p. 61 (п. 26) не все они убедительны. Так, в одном из случаев текстуального сходства, взятого Willis из исследования Manitius, *op cit*, I, 77, текст Беды (*De natura rerum* III) скорее основан на пассаже Плиния (*Naturalis historia* II,5,8,10), чем Марциана (814). Ср

Беда, *De natura rerum* III, PL, v 90, col 192 "Mundus est universitas omnis, quae constat ex caelo et terra, quatuor elementis in speciem orbis absoluti globata igne, quo sidera lucent, aere, quo cuncta viventia spirant, aquis, quae terram cingendo et penetrando communiunt, atque ipsa terra, quae mundi media atque ima, librata volubili circa eam universitate pendet immobilis. Verum mundi nomine etiam coelum a perfecta absolutaque elegantia vocatur, nam et apud Graecos ab ornatu κόσμος appellatur (мир – это вселенная, ставшая шаром в виде абсолютной окружности, состоящая из неба и земли, четырех элементов огня, которым светят звезды; воздуха, которым дышит все живое; вод, которые держат землю, охватывая ее и проникая внутрь, и самой земли, которая неподвижно висит в средней и нижней части мира, уравновешенная вращающейся вокруг нее вселенной. Впрочем, именем мира также называется небо, по причине его совершенной и абсолютной стройности, ведь и греки именуют его "космосом" по причине упорядоченности)", (пер В В Петрова)

Марциан, *De nuptiis* 814,12-15 "mundus igitur ex quattuor elementis isdem totis in sphaerae modum globatur, terram in medio imoque defixam aeternis caeli raptibus circumcurrens circulari quadam ratione discriminat, 814,21-2 quarum circa medium, quod dixere centrum, aquae primum, aerisque sequens, tertium ignis summa commemorant "

Плиний, *Naturalis historia* II,5,8,10 "Formam eius in speciem orbis absoluti globatam esse, nos [appellavimus] mundum; nec de elementis video dubitari quattuor esse ea"

¹³⁶ Работа заслуживает внимания как из-за своей необычной латыни, так и из-за сходства с Марцианом в лексике, см *Указатели* издания *De nuptiis* Марциана (Dick) и *Hispanca Famina* (Cambridge, 1908). Об этом Willis, *op cit*, p. 24. Manitius, *op cit*, I, pp 156-158, Stahl, *op cit*, I, p. 59 (nn 15-17) На русском языке см *Гесперийские речения*, подготовка текста, статья, комментарии Д Б Шабельникова, Д.О Торшилова (СПб, Алетейя, 2000)

¹³⁷ *De praedestinatione contra Johannem Scotum*, PL, v 115, col 1294A, цит в пер В В Петрова, см. *Иоанн Скотт Эриугена*, с.76 (сн.108).

¹³⁸ О Сервии (V в) – комментаторе Вергилия, см Т.А.Миллер "Литературная критика поэзии Вергилия в период "языческого возрождения". Сервий, Макробий", *Очерки истории римской литературной критики* (М АН СССР, 1963), сс.295-303

¹³⁹ См Dunchad, *Glossae in Martianum*, ed C E Lutz, Philological Monographs 12 (Lancaster, USA, Oxford, England: American Philological Association, 1944) Также в издании Lutz текста Эриугены (см. прим 11) приведен сохранившийся текст, приписываемый Мартину Ирландскому, с описанием схожих мест с Эриугеной См Lutz, *op cit*, Appendix III, pp.229-235

¹⁴⁰ Это происходило по той причине, что тексты латинских ученых раннего средневековья являются более богатыми и информативными, по сравнению с текстами классического периода. Поэтому для того, чтобы восстановить римскую науку, исследователи уделяют большое внимание именно текстам, относящимся к периоду раннего средневековья и "каролингского возрождения", см Stahl, *op cit*, I, pp 63-65

Загадка Девы Мид в поэме Уильяма Ленгленда: проблема "правильного" в Англии XIV века

Загадка — атрибут средневековой литературной аллегии¹. Образ Девы Мид (Леди Мид) в поэме У.Ленгленда "Видение Уильяма о Петре Пахаре" (один из центральных образов поэмы) намеренно построен автором как аллегория-загадка. Ленгленд — мастер аллегии, в искусстве которой он достигает подлинных высот, — пишет А.Митчел². Аллегорические образы Ленгленда сложны и многозначны. Намеки на реальные лица и конкретные события составляют только один из смысловых пластов. Не приходится отрицать связь образа Девы Мид с намеком на нелюбимую в народе королевскую фаворитку Алису Перерс, опустошившую казну³, — но уже давно в литературоведении и историографии идет разговор именно об обобщающем смысле образа Девы Мид. Предлагаемые трактовки отличаются — и вызывают споры.

Образ Девы Мид имеет отношение к мировоззренческим обобщениям весьма высокого уровня. Достаточно обратить внимание на то, что с ним в поэме связано само существование в мире зла: зло не исчезнет из мира, пока в нем есть Дева Мид. Сложность решения загадки Девы Мид, на мой взгляд, объясняется прежде всего тем, что этот образ вырастает из проблемности, присущей Англии XIV века и во многом уже не понятной современному читателю. Адекватная ее реконструкция — вот то, без чего разгадка Девы Мид найдена быть не может.

Обобщающий смысл образа Девы Мид пытались объяснить как персонификацию подкупа, взятки. Но по поводу этого объяснения та же А.Дж.Митчел пишет: "ясно, что этот образ представляет собой нечто более обобщающее"⁴, и она права. Есть другое объяснение: Дева Мид в поэме олицетворяет, во-первых, вознаграждение в целом, а во-вторых — подкуп в частности. Вряд ли это усложнение может дать адекватное понимание скрытого в аллегии-загадке смысла М И Никола связывает "обобщающую силу" образа Девы Мид с отражением Корыстолюбия⁵. Образ Девы Мид, действительно, заключает в

¹ Попова М.К. Аллегория в английской литературе средних веков. Воронеж, 1993 С.92.

² Mitchell A.G. Lady Meed and the Art of 'Piers Plowman' // Style and Symbolism in Piers Plowman. Knoxville, 1969. P.175.

³ Cejp L. An Introduction to the Study of Langland's Piers Plowman. B-text. Olomouc, 1956 P.82-83; Попова М.К. Аллегория в английской литературе С.31

⁴ Mitchell A.G. Lady Meed. P.175.

⁵ Никола М.И. Видение о Петре Пахаре Уильяма Ленгленда как явление английского предвозрождения // Художественное произведение в литературном процессе М, 1985 С.23-24, Никола М.И. Эволюция средневековых видений и

себе мощное художественное отражение корыстолюбия. Однако это — только один из "срезов" целостного сложного смысла образа. На мой взгляд, ближе всего к полной разгадке образа Девы Мид — Кристофер Доусон⁶. Он трактует его как символ "власти кошелька", которая приносит разобщенность в общественную жизнь. Первая часть поэмы, где доминирует Леди Мид, по мнению Доусона, рисует картину общества, опьяненного "властью кошелька", и всему этому противопоставляется видение нового века, когда вернется Правда, и Любовь будет править миром. Леди Мид олицетворяет "чисто экономический" мотив, отрицающий старый иерархический идеал общества на основе обычая и лояльного служения. По Доусону, поэма Ленгленда есть отражение "острого осознания социальных перемен, сопровождающих установление нового экономического порядка" при "трансформирующем воздействии власти денег". Но дело в том, что автор поэмы, строя образ Девы Мид, как образ-загадку, предоставил читателю довольно обильный разнородный материал. Его можно сравнить с составляющими игрушки-"головоломки", каждая из которых должна занять свое место, чтобы задача была решена, и чтобы каждой из этих составляющих разгадка-решение давала объяснение, а этому требованию трактовка Доусона удовлетворяет не совсем.

Решая более общие задачи из истории Англии XIV в., мне, как представляется, удалось выйти на разгадку образа Девы Мид, которая действительно соотносится со всеми составляющими упомянутой "говоломки". Эта разгадка может быть выражена одним понятием, состоящим из четырех слов. Другое дело, что для того, чтобы понять, что оно отражает в проблемности английской жизни XIV в., нужно сказать довольно многое. Но — все по порядку.⁷

"...Ум поражен удивлением..."

Загадка встречается уже с первых страниц поэмы: кто эта повстречавшаяся Уильяму прекрасная Леди в полотняном одеянии? Она объясняет Уильяму то, что он видит перед собой: что это за высокая гора вдали, темная долина, поле, полное людей. Она учит Уильяма рассказом о добрых Любви, Милосердии, Совести, Здравом Смысле, об обя-

"Видение Уильяма о Петре Пахаре" Уильяма Ленгленда / Автореф дисс М МГПИ им В И Ленина, 1980.

⁶ Dawson Chr. William Langland. The Vision of Piers Plowman // The English Way. Studies in English Sanctity from St. Bede to Newman. N.Y., 1968. P.159-194.

Ленгленд написал три варианта поэмы: версия "А" (ок 1362 г), версия "В" (ок 1376-1377 гг), версия "С" (между 1380 и 1390 гг). Эти датировки можно найти в большинстве научных работ о Ленгленде, но М Шлауч (Schlauch M. English Medieval Literature and its Social Foundations. Warszawa. 1956. P.213-214) упоминает и другую точку зрения относительно датировок: все три версии поэмы относятся к 70-м годам XIV в. За основу в моей работе была взята версия "В", по публикации Д М Петрушевского — Langland W. The Vision of William concerning Piers Plowman // Ленгленд У. Видение Уильяма о Петре Пахаре / Публикация Д М Петрушевского М., Л., 1941. С 42-268 (четн. стр.); Ленгленд Уильям Видение Уильяма о Петре Пахаре // Там же С 43-269 (нечетн. стр.)

зательности сотворения добрых дел, угодных Правде, об умеренности — и предупреждает Уильяма о Зле — разрушителе Любви, о приспешниках Зла — Обмане, Корысти и многих других. Она раскрывает перед Уильямом превосходство истинного сокровища Неба над всеми другими сокровищами; чтобы получить это сокровище — надо поступать по Правде; а поступающий по Злу останется в конечном итоге с Дьяволом: Уильям заинтригован, его "ум поражен удивлением, что же это за женщина, которая приводит такие умные речи?" И получает ответ: Святая Церковь, которую ты должен любить.

Вторая загадка встречает Уильяма тоже в самом начале поэмы. Он просит Святую Церковь научить его распознавать, где правда, а где — зло, чтобы поступать только по Правде. В ответ Святая Церковь указывает на стоящую в компании Обмана и Лести юную прекрасную Деву в красочном наряде, усыпанном драгоценностями, с ласковым и приветливым взглядом: на Деву Мид. Уильям узнает впоследствии, что Обман и Зло не исчезнут из мира, пока в нем будет Дева Мид. Тот, кто желает Деву Мид, теряет Любовь (*Caritas*) и уходит от Правды.

Итак, Дева Мид занимает ключевое место в уходе от Правды ко Злу. Но кто есть она сама? Ее имя, Мид (*Mede*) — не давало современнику достаточный для ответа материал. В XIV в. это слово имело много значений⁸: и таких, какие можно определить как в целом отрицательные, и таких, которые несли в себе достаточно нейтральный знак: взятка, награда, вознаграждение, расплата, возмещение за службу и работу, добытый приз. Практически сразу Уильям узнает, что отцом Девы Мид был Обман, и с ним же она собирается сочетаться браком. Дева Мид рождена также от Богатства и *Amendes* (что, судя по фиксированным примерам применения этого слова в XIV в.⁹, означало собирательно "устранение причиненного ущерба путем возмещения). К Деве Мид льнет множество людей, которые не хотят жить по Правде. Она раздает ухаживающим за ней богатые подарки, помогает людям некомпетентным и невежественным занимать должности в обход людей достойных. Более всех ей близки Симония, Лесть, Знаток Права (*Suivile*) и судебные заседатели. Ей сопутствуют также Коварство и Лжец. К брачному союзу Девы Мид с Обманом им дарована хартия на права презирать бедность, клеветать, лжесвидетельствовать, злословить, нарушать Десять Заповедей; она должна получить герцогство Зависти и Гнева, замок Раздора, графство Алчности, вместе с окружающими эти владения землями Лихоимства и Скупости; ей жалуются (в торговле и мажорстве, за полным ручательством Воровства) поместья Разврат, Обжорство, Лень и Сон; а в будущем — жилище вместе с Дьяволом. Брак Девы Мид с Обманом осуществить не удастся (вмешивается Теология). Дева Мид даже вынуждена бежать.

⁸ The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933. V.VI. P.302-303.

⁹ The Oxford English Dictionary. V.I. P.276-278.

В итоге она попадает ко двору Короля, который обманывается ее видимой кротостью и ласковостью, принимает на себя покровительство над ней и желает выдать замуж за рыцаря Совесь. Но тот категорически против. Он заявляет, что Дева Мид вероломна; что она заставляет людей творить неправду; что она — общедоступная сводница для всякого: слуги, менестреля, заседателей, судебных приставов и шерифов графств. Она выпускает преступников на волю за золото. Чтобы снять оковы со Лжи, она хватается за волосы правого и вешает его, чтобы он ей не вредил. Она не боится, что ее проклянут в консистории, потому что подкупает клириков, дружна с Симонией и Папой, наделяет доходами настоятелей приходов. Горе тому королевству, где король дружен с Девой Мид, ибо она потворствует обману и часто марает правду: тогда не исполняются справедливые законы, созданные для общего блага и по Правде. Дева Мид мешает Закону идти своим путем, и ведет Закон туда, куда угодно ей; она ставит препятствия на пути Верности, кладет на Верность тяжкий груз флоринов, и ему трудно идти. Дева Мид, заявляет рыцарь Совесь, не дает людям получить причитающееся им по закону. Она — помеха простому человеку, пусть он судится хоть вечно. Она огорчает баронов и горожан, она обращает в недовольство общины, которые хотят жить по Правде. Она — властительница для богатых, бедным же она силы не дает.

Дальнейшее развитие событий усиливает загадку, но затем дает достаточно оснований, чтобы разобраться в том, кто такая Дева Мид. Дева Мид обвиняет рыцаря Совесь в лицемерии и лжи: ведь сам он "одинадцать раз" переходил на ее сторону и "хватал золото, чтобы раздавать, кому хотел". Король подарками дает Мид тем, кто ему верно служит. Слуги за службу получают Мид согласно уговору. Менестрели просят Мид за хорошую шутку. Король получает Мид от людей, чтобы охранять мир в стране. Ремесленники получают Мид от учеников. Без Мид не может быть купцов. Ни один человек не может жить без Мид! Король убежден Девой Мид. Он решает, что она доказала свою невиновность. Но рыцарь Совесь наносит своими словами Деве Мид сокрушительный удар: есть две разновидности "мид" (*mede*). Одна соответствует Правде, другая — нет. Первую "мид" жалует Бог по своей милости тем, кто хорошо работает в этом мире, кто творит дела по Правде и Разуму, кто не ведет жизнь лихоимца, кто помогает невинному и пребывает с праведными, помогая Правде¹⁰. И есть несправедная "мид", та, которую и изобличает Рыцарь.

Учитывая все изложенное, можно сделать вывод, что понятие, скрытое у Ленгленда за именем Девы Мид, представляет собой: во-первых, часть более емкого понятия, объединяющего в себе некое обретение, вознаграждение, причем именно в соответствии с некими договорно-расчетными отношениями. Это может быть выгода, обретаемая в результате расчетно-договорных отношений; или некая цен-

¹⁰ The Vision of William. P.118; Видение Уильяма о Петре Пахаре. С 119.

ность, перемещающаяся от лица к лицу в договорно-расчетных связях. Когда нет конкретного земного партнера договорно-расчетных связей в обретении *mede*, таковым лицом является Правда (Бог), возмещающий благом за удобное Ему деяние. Во-вторых, собственно Дева Мид персонифицирует именно несправедливые договорно-расчетные отношения. Дева Мид — опора существования в мире Зла. Существование этой опоры составляет нарушение истинных договорно-расчетных отношений. Истинные договорно-расчетные отношения описываются Ленглендом на двух уровнях. Во-первых, это — вступление в договорно-расчетные отношения с Правдой, как избрание по Здравому смыслу и Разуму Его Закона в устремлении к истинному сокровищу, которое дается Правдой за исполнение Его Закона. По этому пути ведет человека и Любовь (*Caritas*), и Совесть. Второй уровень — обязательное вступление в договорно-расчетные отношения с людьми по Закону Правды: обязательный обмен благами во взаимном возмещении (*restitucioun*).

Здесь опять же выделяются несколько принципов: каждый обязан постоянно вступать в договорно-расчетные отношения возмещения, обмена благом (обмен благами необходим, — говорит рыцарь Совесть, о персонаже, который не в состоянии достойно ответить на предлагаемую услугу, Ленгленд отзывается с осуждением¹¹); никакое благо в услуге не должно оставаться невозмещенным, вознагражденным, неоплаченным¹². Принцип обязательности взаимного возмещения блага у Ленгленда практически распространяется и на Бога: творение в этой жизни добра, как исполнение Закона Правды, — надежный залог возмещения от Правды в будущей жизни. (Петр Пахарь побывал у Правды и представил Ему "надежное ручательство, что будет служить Ему вечно" — взамен Правда должен дать ему вознаграждение (*mede*).¹³ Исполнение принципа обмена благом в земной жизни — залог заслуги пред Небом: "...Делайте благо, чтобы после смерти Делай Благо мог объявить в День Суда, что мы делали так, как Он велел; Делай Благо в День Суда будет принят с почетом..."¹⁴

Один из принципов сотворения блага в договорно-расчетных отношениях с Богом — соблюдение умеренности в земной жизни: "...[Правда] повелел снабжать вас всем необходимым для жизни в количестве только умеренном, чтобы все испытывали довольство... есть только три вещи, в которых нуждается всякий: одежда от холода, питье лишь тогда, когда испытываешь жажду, умеренность в пище..."¹⁵ За-

¹¹ "...nullum bonum irremuneratum..." — Ibid. P 86, Там же. С.87.

¹² Ibid P 138, Там же С 139

¹³ Слова Петра Пахаря: "... Хотя я называю себя Его "thoughte" ("служгой, рабом"), но я служу Ему за плату ("I serve Him to pay"). Я получаю от Него хорошую плату, а иной раз — и больше ее Он — быстрее платательщик ("He is the presteft pauer") из всех Он ни задерживает, ни удерживает оплаты, и не ссылается на то, что вечером у Него нечем заплатить ["He ne with-halt non hewe His hure that he ne hath it at even"] — Ibid. P 206; Там же С 207.

¹⁴ Ibid P 264, Там же С 265.

¹⁵ Ibid P 64, Там же С 65

служиванию вознаграждения от Правды не соответствуют дорогие уборы¹⁶, праздная болтовня за элем, развлечение непристойными рассказами, воскресными представлениями кузнецов¹⁷. Другой элемент — обязательный труд, который понимается Ленглендом в тесном совмещении с постоянным участием в актах обмена благом (*restitucioun*) с другими людьми. Делай благо в трудах твоих другим людям — и твое *restitucioun* не должно остаться без ответа от того, кому оказана услуга; те немощные, которые в этой жизни лишь принимают вспомоществование, возместят добро в День Суда, говоря Богу о том благе, которое им сделал другой человек¹⁸.

Третий принцип правильных договорно-расчетных отношений в поэме — присутствие во всех элементах этих отношений обмена только благом, добром. Так, например, Ленгленд устами рыцаря Совесть клеймит как недопустимые следующие отношения возмещения. Неправедный (*Wronge*) притесняет Писа (*Pees* — мир), бесчинствует, насилует его девушку и, будучи призван к ответу, по наущению Девы Мид предлагает возмещение деньгами, золотом — за причиненный ущерб¹⁹. Неправедно обеспечение несправедливых решений в судах подношениями. Неправедно то, что суконщики при продаже растягивают кайму в длину. То, что ткачиха недоплачивает наемным прядильщицам, используя для их обмана весы, на которых фунт веса на четверть больше, чем на правильных весах. То, что наниматель поит рабочих жидким пивом, а пиво хорошее приберегает для продажи, и задерживает жалованье. То, что продают гнилой товар. То, что ростовщик забирает земли за просроченные платежи, не имея к людям жалости и милосердия. То, что рабочие пользуются нехваткой рабочей силы и вымогают с работодателя непомерную оплату, привередничают, не желая есть на обед вчерашние фрукты и ветчину, предпочитая им фрукты свежие и свежеприготовленное мясо. Неправедно то, что священники не исполняют своей обязанности воздавать мирянам в духовном благе, превратившись в торговцев. Характерно, что Ленгленд не осуждает занятие торговлей (*merchandise*). В торговле, по его мнению, как в простом обмене — нет Девы Мид. Можно смело покупать и продавать, и удерживать у себя прибыль, если тратить ее потом на богоугодные дела: милосердие, помощь нуждающимся²⁰. Так же естественны для Ленгленда и отношения наемного труда со справедливым, адекватным обменом труда и оплаты.

Точка зрения Уильяма Ленгленда на межсословные отношения носит явственный отпечаток крестьянского взгляда на общество. Это — взгляд франклина на все крестьянство; крестьянина — на все "общин-

¹⁶ Ibid P 154; Там же С.155.

¹⁷ Ibid, P.186; Там же С 187.

¹⁸ Ibid P 180, Там же С 181

¹⁹ Ibid P 148, Там же С.149

²⁰ Ibid P 122; Там же С.123

ны"; представителя "общин" — на рыцарство, знать и духовенство, на смысл сосуществования сословий и их взаимоотношений. Петр Пахарь — единственный, кто знает путь к Правде, следовательно, его взгляд на вещи — единственно верный. В общественном организме Петр Пахарь занимает центральное место, потому что он кормит всех остальных. Он согласен кормить Рыцаря и подчиняться ему, если тот будет помогать в его труде (Петр Пахарь и Рыцарь дают обязательства обмена взаимными услугами, благами в совместном служении Правде): "...я буду трудиться, пахать и сеять для нас обоих, и другие работы выполнять из любви к тебе всю мою жизнь, с условием, что ты будешь охранять святую церковь и меня от расточителей и злых людей, разоряющих все вокруг, будешь охотиться на зверей, ломающих мои изгороди — и не будешь обижать крестьян..." Петр Пахарь будет кормить и судейских, но они должны правильно толковать закон и выносить решения, без ущемления законных прав крестьян. Тогда их труд будет трудом, нужным всему обществу, ибо закон в обществе должен торжествовать. С этой точки зрения Петр Пахарь видит и взаимоотношения со священством: он будет аккуратно платить священникам, а за это они обязаны не забывать о нем во время обедни²¹. Священники должны хорошо исполнять свои обязанности, ведя "Жизнь Созерцательную", оставив дела "Жизни Деятельной". Править страной должен король, сообразуясь с общей пользой; по общим для всех законам, блюдя благо общин, и согласовывая свои решения с их мнением. В общественном идеале правильного поведения у Ленгланда находится место и для ремесленников, и для торговцев, и для наемных рабочих, — и все они должны воздавать другим благо своим трудом и делами милосердия, получая взамен благо в возмещение (*restitucioun*).

К тем же, кто не хочет усердно трудиться, воздавая благо другим людям, Петр Пахарь суров. Бездельники не имеют права на "возмещение" от Правды и от других людей. Пахарь не будет их кормить: "...ни единое зерно, которое произрастает [на моем поле], не порадует вас в нужде, пусть вы бы и умирали от горя, дьяволу мало до этого дела..."²². В труде как обязательном принесении пользы другим в "возмещение" разница в положении, определяемая социальным статусом, значит мало. Петр Пахарь говорит Рыцарю: не обижай крестьянина; он — подданный здесь, но на Небе он может сидеть выше тебя, если ты не будешь поступать лучше и жить, как должен; в усыпальнице в церкви трудно распознать, кто рыцарь, а кто слуга²³. С горечью признает Ленгланд, что этого не понимают: Петра Пахаря Расточитель того, что добывает Пахарь, почитает "меньше горошины с его плугом", и угрожает ему, и расточает плоды его труда, не помогая ему²⁴.

²¹ Ibid. P 222, Там же С 223

²² Ibid P 226, Там же С 227

²³ Ibid P 222, Там же С 223

²⁴ Ibid P 226, Там же С 227.

“Правильное”, “неправильное”.

Итак, уже названо то понятие из четырех слов, о котором говорилось в начале статьи: “неправильные” договорно-расчетные отношения. Дева Мид — персонификация “неправильного” в категории договорно-расчетных отношений, с помощью которой Ленгленд раскрывает широкомасштабную панораму “правильного” и “неправильного” в жизни современного ему общества. Здесь личная позиция Ленгленда сливается с позицией тех социальных слоев, которым он симпатизирует. Через категорию договорно-расчетных отношений в поэме, с одной стороны, художественно отражается сгусток проблем английской жизни XIV в., а с другой — выражается мнение о путях их решения.

Обратим на эту тему пристальное внимание. Здесь Ленгленд далеко не одинок. То же самое сочетание (проблемность “правильного” — в сочетании с ключевыми категориями, ее отражающими) можно обнаружить в творчестве виднейшего английского литератора XIV в. Джеффри Чосера, в поэме Анонимного Автора “Добытчик и Расточитель” (ок.1352 г.), в дидактике известного религиозного реформатора XIV в. Джона Уиклифа. Собственно тему “поиска правильного в жизни” следует обозначить как одну из важнейших тем английской литературы XIV в. Тема эта отражала острейшую проблемность мироотношения, порождаемую той мощной полосой широкомасштабных трансформаций, в которую вошло английское общество с конца XIII в.²⁵

Поэма “Добытчик и Расточитель”²⁶ Анонимного Автора представляет спор двух персонажей, Добытчика и Расточителя, о том, как правильно вести себя в отношении “богатства”. Отношение к богатству в поэме — ключ к сложному художественному анализу двух оригинально интерпретированных, обобщающих, ярко проявивших себя в Англии XIV в. стереотипов мироотношения, характерных (и противоположных) подходов к вещам (столкновение старого и нового), ключ к “поиску компромисса” между этими подходами: в стремлении их понять, выделить положительное в каждом — и соединить это положительное.

Тема поиска “правильного” мощнейшим и сложным образом реализована в творчестве “звезды” английской литературы XIV в. — Джеффри Чосера (1340-1400), и в частности — в его “Кентерберийских рассказах”²⁷. Поиск “правильного” оформлен у Чосера как поиск истинной

²⁵ Настоящая статья, в сущности — часть завершенной в 1996 г. диссертации, которой вполне может быть атрибутировано второе заглавие: “Проблема “правильного” в Англии XIV века”. — Козик О.М. Концепция святой бедности Джона Уиклифа. Дисс. к.и.н. М.: ИВИ РАН, 1988. Главная плоскость диссертации — процессы глобальных перемен в области массовых стереотипов мировоззрения и поведения в Англии XIV в.

²⁶ Anonimus. Wynnere and Wasture // The Age of Chaucer / Ed. B.Ford. London, 1961. Vol.I. P.307-324; Anonimus. Wynnere and Wastoure // Wynnere and Wastoure and The Parliament of the Tre Ages / Ed. W.Ginsberg. Kalamazoo, Michigan, 1962. P.13-29.

²⁷ Chaucer, Geoffrey. The Canterbury Tales / Ed. W.W.Skeat. Oxford, 1904; Чосер Дж. Кентерберийские Рассказы / Перевод И.Кашкина и О.Румера. М., 1980.

"любви" (чего искать, чего добиваться, что "любить" — и как). Любовь в "Кентерберийских рассказах" раскрывается Чосером как культ всепоглощающего влечения, определяющего целевые установки деятельности человека. Людей влекут разные виды "любви", и поиск "правильного" в жизни раскрывается Чосером как поиск "правильного" влечения, ведущего к "правильному" деянию и к "правильному" результату. "Влечение — определяемое влечением деяние — результат" — эта философская триада многократно, в различных вариантах, отражена на страницах "Кентерберийских рассказов".

Если говорить о соответствии этой темы "Кентерберийских рассказов" проблемности мироотношения современного Чосеру общества, то это, в частности, — проблема резко проявивших себя изменений в общественных аксиологических представлениях, поворота к ценности мирского, к апологии активности в достижении мирских благ; это — проблема мощно продвинувшихся в английском обществе XIV в. процессов индивидуализации мироотношения, утверждения представлений о свободе личности самой решать, что ценно и "правильно" в жизни. Притягательность красоты мирских благ, тема свободы личности самой определять ценное и "правильное" в жизни (культ безудержного, определяющего поведение личного желания-"любви"), несоответствие реальной жизни идеально-нормативных этик поведения, — все это ярко отражено на страницах "Кентерберийских рассказов". С другой же стороны, не менее ярко, порой мучительно остро, в них отражены проблемы, порождаемые "этикой личного желания"): как в сфере религиозного взгляда на вещи, так и в сфере социальности.

Итак, и у Анонимного Автора, и у Чосера, и у Ленгленда — поиск "правильного" оформлен как осмысление основ отношения к жизни — на базе одной критериальной категории (у Ленгленда — понятие договорно-расчетных отношений, у Анонимного Автора — понятие "богатства", у Чосера — категория "любви"). Этот прием (прием ключевой категории) здесь применен далеко не случайно.

Элементность целостности процессов²⁸

Жизнь общества в целом (куда входят и элементы социальной жизни, и те или иные элементы, аспекты, варианты индивидуальной жизни, куда входят такие элементы, как экономика, политика, социальные и социально-классовые взаимоотношения, этика, философия, литература, искусство) можно представить себе как очень сложную, но (чаще всего опосредованно) связанную внутри систему. При всех элементах того, что можно отнести к сфере вневременного, или индивидуального, неповторимого или даже случайного, в жизни общества и человека многое взаимосвязано, и те или иные существенные обстоятельства

²⁸ Здесь, в рассуждениях об элементности целостности исторических процессов, в чем-то развивается, в чем-то дополняется, в большей степени используется теория М А Барга — Барг М А Эпохи и идеи становление историзма М 1987

или изменения в этих обстоятельствах — в одной из сфер жизни — так или иначе отражаются на иных ее сферах.

С конца XIII — начала XIV в. Англия входила в эпоху, когда — во многом на почве приспособления к расцвету простого товарного производства — происходили хотя и не качественные, но весьма существенные изменения во всей системе отношений феодального мира, когда целостно реструктурировался весь миропорядок феодального общества²⁹, во всех его составляющих — от экономики до философии, от политики до искусства. Влияние толчка в развитии товарно-денежных отношений в Англии XIV в. делало здесь процессы перемен, процессы "реструктурирования миропорядка" быстрыми, а следовательно, особенно болезненными и острыми.

Речь не шла просто о смене старого новым. "Старое" в различных областях общественной и индивидуальной жизни (будь то сфера социальности, социальных отношений, отношения к мирскому), так или иначе, оставалось еще очень весомым. Речь шла о нахождении компромиссов между "новым" и еще очень сильным "старым". Речь шла о болезненной притирке "нового" и "старого" в различных сферах жизни общества, будь то социальные отношения, этика индивидуального социального поведения или отношение к мирскому. Это и порождало ту остроту, с какой стоял в общественном мироотношении Англии XIV в. вопрос о "правильном" в жизни человека и общества. Как "правильно" должны строиться классовые взаимоотношения, в чем заключается "правильное" в поведении и претензиях представителей тех или иных сословий, в чем — "правильное" в индивидуальном поведении, в целевых установках деятельности личности, что "правильно" оценивать как ценное в жизни человека, и т.д.: в таких вопросах оформлялось отражение процессов глобальных перемен в общественной жизни — на общественном мироотношении; в плоскости таких вопросов оформлялось острое столкновение мировоззренческих позиций.

Взаимосвязанный характер перемен

Именно взаимосвязанный характер перемен в процессе глобального реструктурирования миропорядка общества (когда перемены в одной сфере так или иначе влияли на перемены в другой) и в творческом отражении проблем общественного и индивидуального мироотношения приводил к идее необходимости целостности обзора различных проблем, так как в реальной жизни решая одну проблему, неизбежно приходишь к необходимости решать другую. В таком едином, целостном творческом обзоре весьма удобен прием, когда совокупность проблем охватывается в едином взгляде на базе одной критериальной категории, что и имеет место в произведениях У.Ленгленда, Дж.Чосера и Анонимного Автора "Добытчика и Расточителя". При этом каждый из упомянутых английских поэтов находит свою критериальную катего-

²⁹ Барг М.А. Эпохи и идеи. С.207-213.

рию, и рассматривает проблемы в целостном охвате — со своей точки зрения, с точки зрения разных приоритетов внимания. Так, у Чосера преобладает тема индивидуального выбора, его свободы и последствий. У Ленгленда — тема общественного согласия, выраженная прежде всего с позиции крестьянского взгляда на вещи, в век, когда реструктурирование миропорядка феодального общества сопровождалось ростом социальной напряженности. При этом тематика поиска "правильного" в произведениях Анонимного Автора, Чосера, Ленгленда нередко пересекается. Так, например, как и Ленгленд, Анонимный Автор и Чосер в поиске "правильного" затрагивают тему социальности. Ленгленд же, например, как и Анонимный Автор, затрагивает проблему меры использования мирских благ.

Категория договорно-расчетных связей

Теперь о той категории, которую избирает Ленгленд как критериальную в своем "поиске правильного": о категории договорно-расчетных отношений. Выбор ее опять же был далеко не случаен и — в соответствии с тем контекстом, для которого она была предназначена, — весьма удачен. Для человека XIV в. эта категория соотносилась с категорией договорно-расчетных связей. Это последнее понятие не имело в обыденном языке четко, обобщающе выраженного в слове определения: оно проявляло себя как важное понятийное поле, выраженное через реалии социальных взаимоотношений и социальной самореализации. И если говорить о XIV в., как о времени глобальных перемен в системе миропорядка феодального общества, то понятие договорно-расчетных связей соотносилось со значительной частью связанных с этими переменами проблем мироотношения: преимущественно в сфере социальности.

"Связи" феодального мира

Понятие "связей" феодального мира чаще всего приложимо к их ярко выраженному комплексу, к которому подходит следующее определение: вступление в преимущественно долгосрочные отношения взаимобмена, обеспечивающие (или определяющие) для личности важные возможности самореализации. В целом для Новой и Новейшей истории это понятие мало что говорит, потому что в аспекте возможностей самореализации личности на весьма весомое место вышли связи "личность — государство", и "личность — тяготеющий к обезличенности рынок (товаров, труда и т.п.)". Но таковое возможно только при весьма высоком уровне экономической, политической, силовой, правовой централизации, что и характерно для Нового и Новейшего времени. Слабость же перечисленных элементов централизации в государстве определяет значение локальных экономических, правовых, силовых, политических механизмов, с которыми соотносится самореализация личности; и определяет разветвленную и дробную систему различного рода связей — как способов самореализации личностей в

важнейших жизненных вопросах. Именно это и наблюдается в структуре общественных отношений развитого феодализма.

Связи этого периода можно разделить на краткосрочные и долгосрочные и выделить два вида связей: связи межличностные и связи корпоративные (связи общинности). Межличностные связи занимают весьма существенное место в общей системе связей феодального мира. Это — например, обменные долговременные отношения сюзерена и вассала, когда вассал под свое личное служение сеньору получает (или надеется получить) земли с зависимыми крестьянами (или же получает просто денежный доход с феода), сюзерен же получает подкрепление воинской силой вассала своих властных полномочий. Собственно функции власти и принуждения при феодализме во многом основываются на личном лояльном служении. Корпоративные связи (связи общинности) характеризуются вхождением личности в общину (корпорацию), где реализация личности в важных жизненных вопросах осуществляется на уровне обменности между личностью и общиной в целом, как организацией, защищающей интересы личности, и дающей личности те или иные важные возможности самореализации³⁰. Видов же общин (корпораций) было много.

Все это представляет собой понятийный комплекс, близкий и понятный человеку XIV в.: он отражает важную систему самореализации личности в достижении тех или иных насущных интересов, которая — повторим — определяется относительно слабым уровнем экономической, политической, силовой, правовой централизации. Этому комплексу связей можно дать определение связей "взаимозависимости во благе", или просто "взаимозависимости". Принцип их построения — обменное "возмещение" тем или иным благом, с тенденцией к долговременности, к взаимовыгодному единению обеих сторон (личность — личность, личность — община) в достижении насущных благ. Это — обмен "служения" на "покровительство" с целью взаимного блага в отношениях сюзерена и вассала. Это — "служение" корпорации, общине в обмен на даваемые корпорацией, общиной средства самореализации и защиту. Это — различного рода "услуги", предполагающие вознаграждение. Это — сохраняющиеся реалии традиций перераспределительности (восходящие еще к доклассовым традициям нивелирования благосостояния в социуме, когда взаимная поддержка его членов была условием элементарного выживания и социума, и его членов): например — колоссально развитая уже в XIV в. благотворительность в пользу немощных. Даже взаимоотношения сеньора и зависимого человека идеологически оформляются как взаимный обмен "служения" на защиту³¹. В свою очередь, служение дворян интересам дворянской "корпо-

³⁰ Барз МА Эпохи и идеи. С 136, Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры М., 1984. С.199-200.

³¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры С 200.

рации" было одним из залогов сохранения — в интересах класса феодалов — социально-классовой структуры общества.

Помимо связей "взаимозависимости", можно назвать еще два типа связей феодального мира. Это, во-первых, связи феодального принуждения: отражение и следствие собственно силового элемента в организации социально-классовых взаимоотношений. Можно в принципе представить эти связи (а они именно "связывают" между собой феодала и зависимого человека в рамках определенных отношений) как договорно-расчетные: ибо они отражают собой простое договорное соглашение по типу: "Тебе не будет *очень* плохо, если ты будешь подчиняться". И во-вторых, "товарно-денежные" договорно-расчетные связи. Они присутствуют в феодальном мире достаточно ощутимо по меньшей мере с XI в., и представляют собой и неотъемлемый элемент самого феодального мира, и потенциальную ему угрозу, реальность которой увеличивается по мере нарастания их веса.

В совокупности связи феодального мира не представляли собой нечто застывшее: система находилась в постоянном развитии. Следует отметить и то, что эти связи во многом определяли стереотипы мироотношения. Так, если речь идет о такой существенной характерной черте мировидения доренессансного феодализма³², как осознание смысла жизни личности — как постоянного исполнения различного рода социальных обязанностей, как вхождения в различного рода отношения корпоративности, — то во многом это строится на влиянии связей "взаимозависимости" (как важного пути самореализации личности в ее интересах), вкупе с влиянием связей феодального принуждения.

Почему понятие договорно-расчетных связей отражает проблемность английского мироотношения XIV в.? Потому что во многом реструктурирование феодального миропорядка в это время раскрывается через существенные трансформации в системе связей. Во-первых, резко возрастает значение связи "личность — государство": именно с этого времени обменная связь "личность — целое" начинает достаточно мощно звучать в приложении к государству, заметно соперничая с исполнением этого принципа в связях корпоративности³³. Но это обстоятельство, в свою очередь, весьма существенно зависело от резкого возрастания в системе общественных связей — связей товарно-денежных. Вся система связей феодального мира вынужденно приспособлялась к их новому весу в ней, что определяло конфликтность стереотипов английского мироотношения XIV в.

Например, резкое возрастание веса товарно-денежных связей в общей системе связей английского общества остро ставило проблему оппозиционности товарно-денежных связей и привносимых ими стереотипов мироотношения — связям и стереотипам мироотношения на базе "взаимозависимости" и "феодального принуждения". Если связи

³² Барг М.А. Эпохи и идеи. С.149-150.

³³ Барг М.А. Эпохи и идеи. С.137,153.

"взаимозависимости" генерируют ту черту мироотношения, которая заключается в осознании личностью своей жизни как жизни лишь частичной индивидуальной, по большей же части — именно общественной, раскрывающейся через служение интересам целого, или, в случае личной связи — единения во взаимной "заботе" (с тяготением к долговременности такой взаимозависимости во благе), то связи товарно-денежные генерируют стереотип мироотношения именно индивидуалистический, когда обмен благами не связан вовсе — или связан лишь в минимальной степени — с чем-то иным, кроме цели исключительно личного "выигрыша" в благе, что в целом способствует созданию системы мировидения, основанной на исключительно личных интересах, с ярко выраженной социальной холодностью и жесткостью.

Если связи "феодалного принуждения" жестко определяют обязанность подчиненного (зависимого) подчиняться, и тем самым резко ограничивают его свободу в деятельности, то связи товарно-денежные оппозиционны этому именно генерированием "свободы выбора" в деятельности личности. Собственно на английское "Рабочее законодательство" XIV в. можно взглянуть с точки зрения второго противопоставления: в стране развиваются отношения наемного труда, наемные работники проходят "школу" рынка труда, и хотят работать на того работодателя, кто заплатит им адекватную рыночной конъюнктуре заработную плату. По этой тенденции в интересах господствующего класса правительством наносятся удары статутами и ордонансами "Рабочего законодательства": статуты 1351 и 1388 гг. говорят о "злобе слуг, которые бездельничают и не желают служить после Чумы без чрезмерной оплаты". Статуты определяют максимумы заработных плат, и обязывают работников не покидать рабочие места; простолюдинам "праздношатающимся" (чаще всего ищущим выгодную работу) без соответствующих отпускных бумаг, а также нищим и побирающимся, и даже идущим на поклонение святыням (за исключением лиц, приобщенных к священству) — сулятся тюремное заключение и штрафы³⁴.

Обобщающий смысл образа Девы Мид

В начале статьи я писал, что загадка обобщающего смысла образа Девы Мид в поэме Ленгленда может быть определена одним понятием из четырех слов. Понятие это уже раскрыто, это — "неправильные" договорно-расчетные отношения, и, как я надеюсь, многое теперь становится понятным.

В многочисленной литературе о поэме У.Ленгленда выделяется тема острого выражения в поэме социального неблагополучия. Эта тема действительно доминирует в "Петре Пахаре". Можно, конечно, называть Ленгленда "пессимистом" или "идеалистом", как это нередко делается, но можно взглянуть на поэму иначе. Ленгленд не просто жа-

³⁴ The Statute of Labourers 1351 // English Historical Documents 1327-1485 / Ed. A.R.Myers. L., 1969. P.562; The Statute of Labourers 1388 // Ibid. P.1003.

луется "на несправедливости и неправедное", не просто с сочувствием описывает положение многих крестьян в современной ему стране. Он пытается, видя "зло", понять — в чем его "корни".

Понятие договорно-расчетных отношений, как уже отмечалось, во времена Ленгленда относилось к числу понятий не столько четко артикулированных, сколько проявлявших себя как важное понятийное поле, выраженное через реалии социальных взаимоотношений и социальной самореализации. Как было отмечено, оно соотносилось с реалиями совокупных связей феодального мира, изменения в которых во многом соответствовали процессам, порождавшим острую конфликтность мироотношения в английском обществе XIV в. Поэтому выход на эту "полускрытую" категориальность содержал в себе богатые потенциальные возможности в области художественной аллегории, в области художественных обобщений. Здесь крылись возможности выхода на многое существенное из того, что составляло почву реальной конфликтности стереотипов мироотношения в Англии XIV в.

Ленгленд не просто "жалуется" на "зло" в общественной жизни. Он видит "зло" и пытается найти его "корни", чтобы выйти на путь устранения этого "зла". "Полуопределенная" категория договорно-расчетных связей становится в его поиске неким первоэлементом, "правильное" в котором способно снять противоречия социальной жизни Англии XIV в., преобразить всю совокупность социального поведения и социальных взаимоотношений — в "правильное", "должное" воплощение.

Важный корень "зла" для Ленгленда — в искажении "правильного" поведения в договорно-расчетных отношениях, основанных на принципе обязательного взаимного обмена "только благом"; на принципе, ведущем к господству в обществе истинной Любви. Дева Мид, яркий и живописный образ поэмы, ключевая фигура, препятствующая устранению из мира Зла, препятствующая жизни по Правде, олицетворяет собой у Ленгленда искажение *формы* и *сути* истинных договорно-расчетных связей, искажение, уводящее людей от истинной Любви.

Тема социальности доминирует в поэме Ленгленда, но не исчерпывает его размышлений о жизни "по Правде" и поиска "правильного" в жизни. Важная категория договорно-расчетных отношений, используемая Ленглендом в размышлениях о проблеме социальности, используется им и в размышлениях о других сферах жизни человека. Собственно, вся жизнь в ее наиболее важных аспектах (с точки зрения "правильного") включается Ленглендом в единый угол зрения на базе этой ключевой категории. Так, вспомним договор с Правдой о служении Ему: служение, как исполнение Его Законов в стремлении к истинному сокровищу, которое дается за исполнение этих Законов; служение Ему, как активное творение в этой жизни блага, что есть залог возмещения в будущей жизни. В этом явственно и недвусмысленно вырисовывается обращение к теме взаимоотношений человека и Бога, осмысленных в "обменном" ключе. "Обменные" же взаимоотношения с Богом пред-

полагают исполнение Его Законов — в различных аспектах поведения человека, в частности — в строгом соблюдении умеренности.

Об апологии труда

Апология труда, связанная с ростом увлеченности активностью в достижении мирских благ, — характерная черта, своеобразная "идея-фикс" английской жизни XIV в. в целом. Масса документов этого времени, которые можно соотнести с различными социальными слоями английского общества, демонстрируют это³⁵. В общей схеме "правильного", основанного на социальной обменности, раскрываемой в поэме Ленгленда, апология труда занимает очень важное место. Утверждение благодати всякого истинного труда и определение труда истинного как труда общественно полезного, труда, приносящего "взаимную пользу", — все это характерные атрибуты именно XIV в.³⁶ в эволюции отношения к труду в западной средневековой дидактике, и они ярко и образно выражаются в поэме Ленгленда.

В поэме "оправдывается" труд торговца — и это есть отражение того, что товарно-денежные связи стали восприниматься английским обществом XIV в. уже как нечто естественное. В то же время это "оправдание" сопровождается в поэме отражением некоторых проблем. С одной стороны, Ленгленд в поэме проявляет себя как истинный сын XIV в. в том, что для него и торговля, и определенные элементы "товарно-денежного" взгляда на мир [Петр Пахарь — нанимающийся работник, Правда (Бог) — исправный наниматель и платательщик], — естественны. Как естественно для Ленгленда и такое отражение процессов продвинувшейся в Англии XIV в. индивидуализации, как определенное отрицание традиционных норм перераспределительности (ярко выраженных в апологии благодати "вспомоществования" нищим). Так, взгляд Ленгленда на "бездельников", способных трудиться, но вместо этого просящих милостыню ("профессиональные" нищие) — именно что очень жесток и суров³⁷. Но при этом отражающиеся в реалиях общественного поведения определенные черты мироотношения, привносимые "товарно-денежным" взглядом на мир, пугают Ленгленда.

Многочисленные жалобы Ленгленда на различного рода "обманы" и проявления социальной жестокости следует по крайней мере частично соотнести с "издержками" довольно резкого повышения в общественных системах мироотношения веса стереотипов на базе "товарно-денежного" взгляда на вещи. Сурово порицая "профессиональных" нищих, Ленгленд, тем не менее, вовсе не отрицает собственно благодати благотворительности в оказании "вспомоществования" нуждающимся: тем, кто действительно не может трудом заработать на жизнь:

³⁵ См.: Козик О.М. Концепция святой бедности Джона Уиклифа. С.103-117.

³⁶ См., напр.: Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей 1991. М., 1991. С.25-47; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С.255-267.

³⁷ Shepherd G. Poverty in Piers Plowman // Social Relations and Ideas. Cambridge, 1983.

старым и слабым, беременным женщинам, неизлечимо больным, жертвам грабежа или несправедливого суда, а также бедным крестьянам, жизнь которых ужасающа в их бедности, но которые бодры и стыдятся просить³⁸. Помогать надо им, а не поддельным калекам. "Именно они — божьи люди, божьи менестрели: бедные-больные, бедные-терпеливые, любезные Христу"³⁹. Воздаваемое им через *restitucioun* вспомоществование обернется ответным *restitucioun*, если не в этой жизни, то в свидетельстве перед Богом после этой жизни со стороны принявших "вспомоществование".

В этом Ленгленд тоже проявляет себя как истинный сын XIV века. Поскольку в это столетие, при том, что процессы индивидуализации весьма продвинулись, все же вряд ли было возможно общественное оправдание крайностей в проявлениях индивидуализма. Процессы индивидуализации сталкивались с той мощной и характерной чертой средневекового доренессансного мировидения⁴⁰, что собственно сама жизнь человека и ее смысл рассматривались в свете прежде всего исполнения человеком различного рода социальных, социально-корпоративных, социально-классовых обязанностей и норм поведения. Влияние такого взгляда на вещи было еще более чем сильным. Весьма и весьма мощным оставалось влияние на общественное мироотношение (во взгляде на существо социального поведения) связей "взаимозависимости" и связей феодального принуждения.

Собственно индивидуализация в это столетие была возможна только на уровне "автономизации" в рамках стереотипов мироотношения социальной обязанности, на уровне компромисса с ними. Поиск такого компромисса и демонстрируют размышления Ленгленда о природе и существовании договорно-расчетных отношений. В этом смысле, например, показательно, что понятие "*restitucioun*" ("возмещение"), которое занимает такое важное место в поэме, характерно именно для связей "взаимозависимости". Раскрываемые в поэме принцип обязательности вхождения в связи обмена благом и принцип обмена только благом — это принципы, развиваемые как интерпретация взгляда на те же связи "взаимозависимости". И под эту критериальную базу Ленгленд, в сущности, хочет подвести связи товарно-денежные.

Характерные стереотипы мироотношения

Еще одна плоскость, в которой раскрывается проблемность "правильного" в поэме Ленгленда, связана с отражением одного из характерных стереотипов мироотношения, формирующихся в Англии XIV в.⁴¹

³⁸ Цит. текст третьей версии поэмы Ленгленда (версия "С") по: Sheperd G. Poverty in Piers Plowman. P. 172.

³⁹ Sheperd G. Poverty in Piers Plowmen. P. 172.

⁴⁰ Барз М.А. Эпохи и идеи. С. 149-150.

⁴¹ Здесь упоминается один из характерных стереотипов "нового человека", формирующегося в английском обществе XIV в. Этот стереотип находит свое наиболее полное "мировоззренческое подкрепление" в творчестве Джона Уиклифа. Но в это же время в Англии формируется и еще один характерный сте-

в процессе реструктурирования миропорядка феодального общества, на почве резко возросшего влияния товарно-денежных отношений. Черты этого стереотипа мироотношения присутствовали практически во всех социальных слоях английского общества, но более всего это относилось к немногочисленному, но активно формирующемуся слою зажиточного, крепкого, энергичного крестьянства⁴² (клирик Ленгленд происходил из этого социального слоя⁴³); к городскому бюргерству; к тому слою дворян, которые в меняющейся экономической конъюнктуре перестраивали свои хозяйства с ориентацией на рынок; к части крестьян, втягивающихся в отношения наемного труда (обучающие их понятиям счета, расчета, меры труда и оплаты в соответствии с экономической конъюнктурой).

Речь идет о стереотипе мироотношения, для которого характерны: апология предприятия, дела, активного труда, определяющая, в свою очередь, апологию сильной, волевой, жесткой и к себе, и к другим личности, апологию строгой умеренности (интересы "дела" отсекают все излишнее в жизни человека) — умеренности в потреблении ("дорогие уборы" в поэме Ленгленда), в отвлечениях на иные занятия и развлечения ("воскресные представления кузнецов" в поэме Ленгленда). Все соотносится в жизни человека с понятием успеха "дела", "предприятия", все подчиняется этой цели.

О двух "темах" социальности

Наконец, обращение к категории договорно-расчетных отношений помогает Ленгленду отразить две темы социально-классовой проблемности мироотношения в английском обществе XIV в.

1. В Англии в XIV в. существенно повышается роль сословия "общин" в политической системе государства, что порождает претензии представителей этого сословия на "достойное" к себе отношение. Эти претензии выражаются в поэме Ленгленда через принцип обязательности обменных отношений в благе между сословиями во взаимно полезных трудах, которые (труды), собственно, и определяют истинную высоту положения человека в обществе.

2. Проблемность "правильного" во взаимоотношениях сеньоров и зависимых крестьян. Фазовые переходные процессы в экономике Англии отразились на крестьянских хозяйствах тяжелейшим образом.

реотип "нового человека": во многом на сходных основаниях, и тем не менее весьма отличающийся. Этот второй стереотип "нового человека" находит ярчайшее отражение на страницах произведений Дж.Чосера. — См.: Козик О.М. Концепция святой бедности Джона Уиклифа. С.122-156,185-187.

⁴² Барз М.А. Английское крестьянство в XIV-XV веках // История крестьянства в Европе. М., 1986. Т.2. С.319-336; Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе. М., 1984. С.36; Myers A. Economic and Social Developments in England 1327-1485 // English Historical Documents 1327-1485. L., 1969. P.925-970.

⁴³ Петрушевский Д.М. Видения Ленгленда и современная ему действительность // Ленгленд Уильям. Видение Ленгленда о Петре Пахаре. М.:Л., 1941. С.5.

Уровень благосостояния подавляющего большинства крестьян с начала столетия резко упал, совокупность же церковных поборов, растущих государственных налогов и сеньориальных поборов держала большинство крестьянских хозяйств у грани нищеты. Весьма болезненной для крестьян на этом фоне оказалась проявившая себя, как вариант ответа сеньоров на экономическую конъюнктуру, тенденция со стороны части сеньоров переводить на барщину освобожденных или свободных от нее крестьян. Барщина в условиях Англии XIV в. означала достаточно верный путь к разорению крестьянина. В связи с этим, в частности, острейшим образом встал вопрос о сеньориальных правах: проблема усиления правовой защищенности крестьян по отношению к сеньорам, устранения сервильной зависимости⁴⁴.

Строки поэмы Ленгланда полны искренней симпатии к тяжелому положению современного ему крестьянства⁴⁵. Понятие договорно-расчетных отношений позволяет Ленгланду выразить принцип (идею), во многом отражающий сокровенное и выстраданное во взгляде крестьян его времени на проблемы взаимоотношений с сеньорами. Речь идет о принципе "обмена только благом" и основанном на нем — договоре Рыцаря и Пахаря. Как отмечала Е.В.Гутнова, хотя в грозовой атмосфере Англии XIV в. в среде крестьянства и проявляли себя ярко идеи несправедливости сословного неравенства, однако все же не идея устранения сословно-классового деления общества доминировала в требованиях крестьян. Основная масса крестьянства склонна была требовать только устранения наиболее болезненных элементов их взаимоотношений с сеньорами: тех элементов, которые *существенно подрывали* личные хозяйственные возможности крестьянина⁴⁶.

Именно это отражает символический договор Рыцаря и Пахаря в поэме Ленгланда: осмысленная посредством категории договорно-расчетных отношений идея сохранения сословно-классовых взаимоотношений, но — с устранением их наиболее болезненных для английского крестьянина XIV в. аспектов.

⁴⁴ Гутнова Е.В. Классовая борьба... С.36; Она же. Основные направления эволюции форм феодальной ренты и классовой борьбы крестьянства в Западной Европе в период развитого феодализма // Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII — XIV веков. М., 1985. С.17; Барг М.А. Английское крестьянство... С.328; Myers A. Economic and Social Developments... P.926.

⁴⁵ Sheperd G. Poverty in Piers Plowmen.

⁴⁶ Гутнова Е.В. Классовая борьба...; Она же. Основные направления... С.29.

Ю.В.Чайковский

Основатели Милетской школы (к истории рождения европейской науки)

Читая студентам и аспирантам курс "Введение в историю науки", я всякий раз чувствовал себя неуютно, когда начинал речь о рождении греческой науки.¹ Если наука Востока развивалась медленно, тысячелетиями накапливая основные понятия и приемы, то в Греции непонятным образом появилось чуть ли не все сразу. До -600 года (мы будем пользоваться принятым у историков астрономии обозначением лет до нашей эры как *отрицательных*) неизвестно ничего, что можно назвать хотя бы зачатком науки, а в -VI в. налицо сразу довольно развитая наука: в ионийской школе, точнее в Милете, созданы натурфилософия, астрономия, геометрия, география и история.

Все попытки историков науки вывести воззрения милетцев из восточных успехов не дали. Хотя влияние египетской науки несомненно, но оно объясняет немного. Заметно финикийское, фригийское и персидское культурное влияние, однако о науке у этих народов в то время ничего не слышно. Наоборот, влияния вавилонской науки не видно вплоть до эпохи греко-персидских войн, в начале которой Милет был уже уничтожен. В качестве вавилонского влияния на греческую науку часто ссылаются на соответствие созвездий, а иногда и их названий, но это — свидетельство контактов бытовых и притом очень древних (задолго до Троянской войны), а никак не интеллектуальных контактов времен рождения греческой науки. Подробно обсуждая проблему восточных контактов, блестящий знаток античного естествознания И.Д.Рожанский писал: "Вообще, воздействие иранских религиозно-мифологических представлений на греческих мыслителей VI в. до н.э. было, по-видимому, значительно более сильным, нежели влияние аналогичных представлений Месопотамии или Египта"². Но может быть, мы чего-то не знаем? Не упущен ли нами какой-то пласт культуры, в котором и родилась европейская наука?

¹ Мне приятно выразить благодарность коллегам — историкам науки: Г.Е.Куртику — за полезную информацию по истории астрономии, О.Б.Федоровой — за помощь при анализе греческих текстов, Е.А.Ароновой — за возможность ознакомиться со статьей Мосхаммера, важнейшей работой по теме данной статьи; наконец, В.С.Кирсанову — за внимательное обсуждение моей статьи, что значительно повысило ее качество. Я признателен также рецензенту — М.С.Петровой, указавшей мне ряд неясностей и прямых просчетов.

² Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979. С.53.

В 1960-х гг. ростовский культуролог М.К.Петров поразил своих друзей ошеломляющей концепцией: своеобразие греческой цивилизации вызвано, оказывается, ее разбойничьим характером. Пусть аргументация была более эмоциональна, чем логична, однако отметить ее нельзя — уникальность "греческого чуда" всерьез сопоставлена Петровым с уникальностью хозяйственно-географической и психо-социальной ситуации. В своей последней статье он прямо поставил вопрос: можно ли деятельность шкипера-пирата "рассматривать и как начало и как естественный тренажер навыков теоретического мышления?" И столь же прямо ответил: "На наш взгляд, можно"³. Однако в разбойничьем периоде не видно никаких теоретиков. Анализ пиратского общества почти нацело велся им по поэмам Гомера, а первых ученых историки видят через 150-200 лет после Гомера, среди добропорядочных граждан Милета. Тот же упрек можно предъявить тем историкам, которые связывают появление ученых с рождением полисной демократии: первые ученые появились в тираниях, да и потом вполне сносно в них жили⁴. Тирания, кстати, была тогда и в Милете.

Видимо, упущенный пласт лежит глубже. Часто пишут, что наука родилась из мифа, так что первых ученых имеет смысл поискать среди мифотворцев. Выражая общее мнение, Рожанский писал, что "ранние построения "физиков" также находились под большим влиянием как греческих, так и восточных мифов о происхождении мира"⁵. Первым "физиком" он, как и все, считал Фалеса, но вполне ли это верно?

1. Различные Фалесы

Еще *доксографы* (античные авторы, собиравшие "мнения философов") отмечали, что нельзя считать Фалеса первым философом. Например: "по мнению Теофраста, у него [Фалеса] было много предшественников, но он намного превзошел их, так что затмил всех", — писал аккуратный позднеантичный комментатор Симпликий⁶. Анализ источников дает о них довольно много сведений⁷, и это позволило понемногу перестроить курс так, что Фалес теперь не появляется из ничего: у него было, как минимум, три предшественника — "географ", "астроном-математик" и "врач-натурфилософ". Однако бреши в наших знаниях они заполнить не могут. Во-первых, о первых двух мы знаем очень мало и только третьего (*гептадора*, т.е. семёрочника) знаем по его тексту, а потому можем предполагать, когда и где он жил. Во-вторых, кроме этих трех "натуралистов", должны были существовать и какие-то "гуманитарии" (возможно, те же самые люди). Словом, хотелось бы

³ Петров М.К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. №3. С.107.

⁴ Жмудь Л.Я. Наука и государство в античном мире // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. №2.

⁵ Рожанский И.Д. Указ соч. С.9.

⁶ Фрагменты ранних греческих философов / А.В. Лебедев. М., 1989. С.115.

⁷ Чайковский Ю.В. Фалесова наука в историческом контексте // Вопросы философии. 1997. №8.

проследить рождение научной традиции и зачатков научного сообщества, которое в наше время символизирует Фалес.

Многие авторы, как древние, так и новые, рисуют облик Фалеса как интеллектуального лидера, каждое слово которого подхватывается и тиражируется: его изречениями исписаны стены, его "теоремы" известны, хотя автор их не записывал, его совета ищут сограждане — в том числе знаменитый милетский правитель Фрасибул. Наконец, даже Афины провозглашают в -581 г. великого милетца первым из "семи мудрецов". Но есть в традиции и другой облик Фалеса — одиночки, затворника, чудака, над которым насмеются практичные соседи: "он, как рассказывает Гераклид [Понтийский], говорит, что жил в одиночестве и сторонился государственных дел"⁸. (Как видим, затворник оставил какие-то автобиографические заметки.)

Этим двум несовместимым обликам вполне соответствуют свидетельства о двух противоположных отношениях Фалеса к религии: с одной стороны, ранние христианские апологеты апеллировали к нему как к первому богослову, а с другой — Августин отрицал у Фалеса божественную тему вообще. Этот вопрос мы ниже рассмотрим подробнее, а сейчас пора отметить, что знаменитых Фалесов было в Милете как минимум два. Один всем известен — общественный деятель, геометр и астроном, умерший около -546 г. в Милете 80- или 90-летним старцем.

"Были и другие мужи по имени Фалес", — писал греческий доксграф Диоген Лаэртций (III в.), причем первый из них был "из древнего времени, живший при Гомере, Гесиоде и Ликурге". До Диогена римский историк Флегонт (II в.) писал, что Фалес "был известен" (т.е. был в расцвете) в 7-ю олимпиаду (-752/-749 гг.); по-видимому, именно этот ранний Фалес "написал: о небесных явлениях гексаметрами, "О равноденствии" и многое другое"⁹. Оказывается, он тоже жил в Милете: сборник "Фрагменты" содержит два свидетельства доксграфов, которые ясно говорят о родине, профессии, месте и времени смерти этого Фалеса (ок. -738 г.)¹⁰ Есть и еще одно свидетельство времен Римской империи о том, что Фалес жил "во времена правления Ромула"¹¹.

Данные свидетельства поздние, поэтому их не принято анализировать, но ведь таковы биографические (да и многие остальные) сведения почти обо всех мыслителях ранней Греции. Если их отбросить, то досократова философия распадется, поэтому давно признано, что в отношении досократиков надо принимать к рассмотрению все, что удастся уложить в непротиворечивую схему. А "фалесовы" свидетельства как раз таковы: не создают хронологической мешанины, но четко распадаются на две группы — традиционная и "древнего времени". Внутри

⁸ Фрагменты..., с.101.

⁹ Там же, с.104.

¹⁰ Сказано: "В эти времена Фалес Милетский умер на Тенедосе"; "В этом году Фалес Милетский, философ, умер на Тенедосе". — Там же, с.106.

¹¹ Paulys Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue bearb. Stuttgart, 1903-1980. (Т.Х доп., стлб. 931).

каждой группы свидетельства явно восходят к различным источникам, и тем не менее дают единый период жизни для каждого Фалеса. Тем самым *Фалес старший* засвидетельствован вполне надежно — надежнее большинства ранних персонажей. Он родился в Милете в начале -VIII в., рассуждал о небе в стихах и умер около 50 лет от роду на острове Тенедос, что недалеко от Трои.

Остается удивляться, сколь мало внимания он привлек. Лишь исчерпывающе подробная энциклопедия Паули отвела крохотную статью Фалесу старшему, "древнему поэту" (*ein alter Dichter*)¹². В добавочном томе к Паули есть обширная статья о новых работах по Фалесу, и тут тоже виден намек на нескольких Фалесов: "Под именем Ф. скрывается целая группа"¹³. Правда, речь тут идет об изречениях, а не о сочинениях Фалеса, но и это нелишний вопрос — кому их приписать?

Из недавних работ только статья английского филолога Майкла Кларка проливает некоторый свет на Фалеса старшего. М.Кларк, не подозревая о разных Фалесах, заметил, тем не менее, что у Фалеса была "теория всепроникающей души", проявление которой тот видел, в частности, в магните (ибо душой, вероятно, он объяснял всякую способность к движению). Сравнив данную "теорию" с текстами Гомера и Гесиода, Кларк отнес ее "скорее в класс традиционного, чем философского"¹⁴. Если она действительно хорошо вписывается в языковые реалии -VIII/-VII вв. и выглядит пред-философской по содержанию, это дает нам некоторое основание счесть ее позицией Фалеса старшего. К сожалению, сам Кларк ограничился, как это принято, обсуждением лишь двух утверждений Фалеса ("Всё из воды" и "Всё полно богов").

Есть очень ранние свидетельства того, что идея мировой души стара: в дни юности Фалеса младшего поэт Алкман уже излагал космогонию, где природу творит демиург¹⁵; а еще раньше, примерно в гомерову эпоху, идею мирового разума высказал Гермотим (Аристотель, *Метафизика*, 984 b), тот, кого Пифагор называл своей пред-предыдущей инкарнацией¹⁶. Поэтому идею мировой души должен был знать и Фалес старший. Наличие в истории пары Фалесов Милетских многое проясняет: оказывается, прямые противоречия в свидетельствах о Фалесе удаётся снять или хотя бы сгладить, если отнести несомнимые свидетельства к разным Фалесам. Таких мест я обнаружил три.

Первое. Фалес "был записан в число граждан Милета, когда прибыл туда вместе с Нелеем, изгнанным из Финикии" (Д.Л., I, 22):

*ἐπολιτογραφῆθη δὲ ἐν Μιλήτῳ,
ὅτε ἦλθε σὺν Νείλεω ἐκπεσόντι Φοινίκης.*

¹² Там же, ряд 2, полутом IX, стлб. 1212.

¹³ Там же, т.Х доп., стлб. 936.

¹⁴ Clarke M. The wisdom of Thales and the problem of the word IEROS // *Classical Quarterly*. 1995. V.45. №2. P.299.

¹⁵ Лебедев А.В. Демиург у Фалеса? (К реконструкции космогонии Фалеса Милетского) // *Текст: семантика и структура*. М., 1983.

¹⁶ *Фрагменты ранних греческих философов...* с.142.

Верный перевод дан у М.Л.Гаспарова¹⁷. Наоборот, перевод А.В.Лебедева ("Милетское гражданство они [Фелиды] получили, когда — изгнанные из Финикии — прибыли [в Милет] вместе с Нелеем")¹⁸ подправлен "по смыслу", т.е. чтобы снять противоречие, неизбежное, если относить свидетельство к привычному Фалесу. Пусть мифический Нелей, основатель ионийского Милета, жил где-то в -XI в., т.е. задолго до Гомера, но это не должно обескураживать: фрагмент вполне можно отнести к Фалесу старшему, поскольку такие сдвиги времени в легендах обычны. Так что нет оснований удивляться, если Фалес старший тут "постарел". Наоборот, Фалеса младшего, жившего в эпоху "семи мудрецов", тирана Фрасибула и царя Креза, сдвинуть ко времени основания ионийского Милета невозможно.

Второе. По одним свидетельствам, Фалес сочинил только поэму "Морская астрономия", а по другим — именно ее он не сочинял¹⁹. И в самом деле, ее мог написать только один из Фалесов. "Морская астрономия" была поэмой небольшой — по всей видимости, именно она состояла примерно из 200 строк²⁰ и содержала автобиографические заметки (одна из них упомянута выше). Наоборот, приписываемые Фалесу труды "О равенстве" и "О солнцестоянии" в число этих строк явно входить не могли, и их естественно приписать другому автору — Фалесу младшему. Это согласуется с упомянутым сообщением Флегонта, что труд "О равенстве" не входил в состав гексаметров. Естественно допустить, что прозой изъяснялся (как и было уже принято у мыслителей -VI в.) именно Фалес младший, натурфилософ и геометр.

Третье. Есть несколько раннехристианских свидетельств, в которых Фалес выступает как богослов, рассуждающий о мировом уме. Вот два наиболее важных (их нет во "Фрагментах"): "Фалес, как говорят тщательно изучавшие его учение, различает бога, демонов и героев. Бога он почитает умом мира, под демонами понимает духовные существа, а под героями — души людей, отделившиеся от тел" (Афинагор); "Начну с Фалеса Милетского, который первый из всех начал рассуждать о вещах небесных. Он считал воду началом вещей, а Бога тем разумом, который образовал из воды все существующее" (Марк Минуций)²¹. Тем не менее, традиция дружно приписывает (следуя Аристотелю) понятие мирового ума более позднему мыслителю — Анаксагору (-V в.), а блаженный Августин прямо написал, что Анаксимандр, как и Фалес, "не уделил никакой роли божественному уму"²². Это мнение хорошо согласуется с характером фалесова учения о природе, чуть ли не

¹⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М.Л.Гаспарова. М., 1979.

¹⁸ Фрагменты ранних греческих философов..., с.100.

¹⁹ Там же, с.100, 104, 115.

²⁰ Там же, с.103.

²¹ Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. С.78, 245.

²² Фрагменты ранних греческих философов..., с. 123.

механистического, но и богословские фалесовы мысли должен же был кто-то высказать. Это как раз и мог быть Фалес старший. Другой вопрос — мог ли богослов, рассуждавший о мировом уме и бессмертии души, жить в гомеровские времена. Это — вопрос не к историку науки, а к культурологу, и я ограничусь лишь одним замечанием (заранее прошу прощения за вторжение в малоизвестную мне область).

Гомеровские боги — боги разбойников и боги-разбойники. Однако их безнравственность неоригинальна — она тянется от богов из мифов, а те просто гадки. Главный их бог Зевс гадок шокирующе: насилует свою мать Рею, а затем — и родившуюся от этого насилия дочь Персефону. И это притом, что соитие с матерью или с дочерью во все времена греками горячо отвергалось. То есть мифотворец прямо утверждал в виде этой религиозной нормы тот тезис, что для абсолютно сильного нет ни права, ни морали; и это понятно, исходя из идеи Петрова. По мере установления государственного порядка такие боги перестали отвечать нравственным запросам греков и понемногу отошли в тень, уступив место единому новому богу (близкому по сути к Богу иудеев и христиан). Он тоже носил имя Зевса, но служил идеалом справедливости. Когда же произошла эта смена?

2. То, что можно приписать Фалесу старшему

Греки различали людей по именам, отчествам и городам рождения (в Афинах иногда — по демам). Но отчество при изложении взглядов часто опускалось, так что земляки-соименники оказывались неразличимы. Для помощи в различении Деметрий Магнесийский, грамматик I в., составил справочник "Соименники", откуда Диоген Лаэртский и почерпнул сведения о Фалесе старшем. Из какого источника Деметрий узнал о нем, неизвестно (вернее всего, из Меандрия, известного историка Милета, современника Аристотеля), но, по всей видимости, к тому времени творчество обоих Фалесов было уже перепутано. Как я уже отмечал²³, ранняя (до -300 г.) традиция вообще плохо знала милетцев. Когда Аристотель писал, в связи с милетцами, о "первых богословах", которые говорили, что "боги клянутся водой" как самым святым (Метафизика, 983, b18), он мог, сам того не зная, иметь в виду именно Фалеса старшего. И когда он привел слова Фалеса "Всё полно богов", он тоже, вернее всего, процитировал старшего. Конечно, Бог как мировой ум плохо совместим с тезисом "всё полно богов", но заметим, что позиция "бог (Зевс) и демоны (духи)" легко могла за 400 лет передачи (от Гомера до Аристотеля) обратиться в позицию "боги". То есть Фалес старший мог на самом деле учить, что "всё полно духов".

А.Ф.Лосев удивлялся: "Знаменитый Фалес Милетский у Диогена Лаэртского почему-то вдруг учит о бессмертии души"²⁴. Сам факт признания бессмертия души для того времени неувидителен — его утвер-

²³ Чайковский Ю.В. Фалесова наука...

²⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях..., с.35.

ждал и Ферекид, современник Фалеса²⁵, чего Лосев вряд ли мог не знать. Но Ферекид был мистиком и мифотворцем. Думаю, Лосев удивлялся несоответствию двух обликов Фалеса — мистика-богослова и рационалиста-натурфилософа.

Какие вопросы веры обсуждались во времена Гомера? Одиссей, скрываясь в облике нищего, говорит:

Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
 Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных и смертных.
 Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
 Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
 Я, на отца и возлюбленных братьев моих полагаясь.
 Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
 Должно в смиренность, напротив, дары от богов принимать нам.

(Од. 136-142, пер. В.А.Жуковского)

Это один из "лживых рассказов" Одиссея, где тот, чтобы его не узнали, произносит заведомо чуждые ему (и Гомеру) мысли. Изложен чей-то взгляд на мир и религию, призывающий к "смирению" и осуждающий то "беззаконство", которое воспевал сам Гомер. Уже это очень любопытно, если же перевести начало приведенного "лживого рассказа" точно ("У земных людей на уме то, что ежедневно дает им отец богов и людей" — Од. XVIII, 136-137), то перед нами окажется бог, подобный Богу христиан. Мы не знаем, кого пересказывал тут Гомер, но очевидно, что кто-то из его современников говорил то самое, что через тысячу лет христианские апологеты приписывали Фалесу. Это мог быть как раз Фалес старший. Через сто лет поэт Архилох проповедовал этого нового Зевса (фр. 60, 65, 67, 68), и любопытно, что одну из своих тез он почти дословно заимствовал из приведенного стиха Гомера: "Настроения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын, Таковы, какие в душу в этот день им вселит Зевс"²⁶.

В дни Фалеса младшего (через два поколения после Архилоха) изречения о справедливости и всеведении богов звучали уже банально, и, видимо, права энциклопедия Паули, подозревая "целую группу" авторов этих изречений: они не могли быть высказаны все в одно время. Можно принять, что такие сюжеты, как: "Кто-то его спросил, можно ли скрыть от богов дурное дело. Ни даже дурное помышление — сказал Фалес" (Д.Л. I, 36), явно относятся к Фалесу старшему; а такие изречения, как "Где порука, там беда" [14, с. 93] — к Фалесу младшему. Поясню: это изречение, приписываемое также и Хилону, было реакцией общества на развитие кредитных отношений, когда неимущий мог получить займы под поручительство имущего, с которого и взыскивался долг в случае, если взявшему было нечем отдавать. В дни Гомера такой практики как и самого денежного обращения еще не было.

²⁵ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 85.

²⁶ Фр. 60. — Цит. по неоднократно изданной книге "Эллинские поэты в переводах В. Вересаева".

Теперь о поэме "Морская астрономия". Уже доксографам она была известна лишь по заглавию, зато они знали, что Фалес обнаружил звезды, более удобные для навигации, чем "ковш" (или "колесница") Медведицы (Д.Л., I, 23), т.е. созвездия, которое мы называем Большой Медведицей: "В небесной колеснице он открыл звезды, по коим финикийцы правят путь в море" (перевод М.Л.Гаспарова); "Вымерил звездочки Воза, по которому плавают финикийцы" (перевод А.В.Лебедева). Какой Фалес это был?

Герои Гомера используют как северный ориентир только "ковш", и это приемлемо в Эгейском море, с любой точки которого видна какая-нибудь суша, но явно недостаточно в иных морях. Новый ориентир был весьма кстати в -VIII в., когда греки начали осваивать Понт (Черное море), где по сути нет островов и легко потерять берег из виду. Из-за отсутствия заливов и островов греки долго не умели плавать вдоль этого берега, боясь бурь и туземцев (которых считали сплошь свирепыми и кровожадными, а то и людоедами), и самый Понт нарекли Аксинским (негостеприимным). Однако позже поняли его огромное преимущество — при отсутствии островов и заливов негде укрываться пиратам. Возможно, что поэтому Понт и стал называться Эвксинским (подлинно гостеприимным). Для освоения его не хватало одного — умения плавать в открытом море, сутками не видя берега. Тут-то и было выяснено (возможно — у финикийцев), что малый "ковш" точнее указывает постоянное направление (мы именуем это направление севером, но греки еще до этого не додумались и называли его Бореом, по холодному ветру), чем привычный большой "ковш"²⁷. Открытие могло доставить славу Фалесу старшему, но никак не младшему.

Если "Морская астрономия" существовала, то цитированное место заимствовано оттуда: ведь другие астрономические труды Фалеса посвящены, судя по заглавиям, Солнцу. Их мог написать Фалес младший, которого мы далее будем, как и все, называть просто Фалесом.

3. Различные Анаксимандры и Ферекиды

В зависимости от интересов и вкусов, основателем Милетской школы считают либо Фалеса, либо Анаксимандра. Начало этому положил еще Диоген Лазрций (III в.). Для него Фалес был всего лишь первым из "семи мудрецов", и он написал: "Философия же имела два начала: одно — от Анаксимандра, а другое — от Пифагора" (Д.Л., I, 13). А английский философ Джордж Генри Луэс, или Льюис (*Lewes*) 150 лет назад называл Фалеса основателем школы "физиков". В то же время Анаксимандру он приписывал основание независимой от Фалеса школы "математиков", известной нам под именем пифагорейской, — на том

²⁷ Напомню: Полюс мира, лежащий сейчас у конца "ручки ковша" Малой Медведицы, тогда находился между обеими Медведицами, ближе к Малой, так что заметить разницу было не так просто, как в наше время.

основании, что у Анаксимандра впервые говорится о численных соотношениях небесных тел и их орбит²⁸.

Анаксимандр столь же интересен, как и Фалес, и образ его так же двойся. Известно, что Анаксимандров в Милете было два, только в данном случае общеизвестный философ является старшим, а малоизвестный историк-пифагореец — младшим, жившим лет через 150. Этим тоже разрешается одно важное противоречие: основной корпус свидетельств рисует нам анаксимандров космос с неподвижной Землей в центре, однако один пассаж этому противоречит: "Анаксимандр полагает, что Земля — парящее тело и движется вокруг центра космоса"²⁹. Но движение Земли вокруг центрального огня признавали пифагорейцы (Филолай), и пассаж естественно отнести к Анаксимандру младшему. Менее известно, что у Анаксимандра старшего тоже были предшественники. Главное его космологическое достижение — что Землю можно представить себе висящей в центре мироздания — вероятно, существовало в зачаточной форме до него³⁰. Далее, традиция рисует Анаксимандра первым картографом ("первым дерзнул начертить ойкумену на карте" — писал доксграф³¹), однако в действительности карта существовала задолго до него: еще от гомеровских времен известно словесное описание Греции в форме человеческого тела, что невозможно представить себе, не имея перед глазами карты³².

Анаксимандр младший известен тем, что сохранил драгоценные сведения о пифагорейской школе³³, но для нас важно его указание на роль финикийских знаний в рождении греческой науки: "Эфор во второй (книге) и другие говорят, что стихии (элементы) открыл Кадм, иные же (говорят), что он не открыл их, но перенес к нам открытия финикийян... Сообщения их подтверждаются свидетельствами милетских прозаиков Анаксимандра, Дионисия и Гекатея..."³⁴ По мнению Г. Дильса, речь здесь идет об Анаксимандре младшем³⁵. Добавлю, что Кадм имеется в виду мифический — тот финикийский царевич Кадм, что безуспешно искал свою сестру Европу, похищенную Зевсом-быком, и основал Фивы (главный город Беотии, к северу от Афин). Он предстает культурным героем, одарившим греков алфавитом, арифметикой и учением о четырех стихиях. Очевидно, что все такие культурные герои на самом деле обозначали забытых греками ученых.

²⁸ Льюис Дж. Г. Античная философия. От Фалеса до Сократа. Минск, 1997.

²⁹ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 126.

³⁰ Чайковский Ю. В. Фалесова наука..., с. 161-162.

³¹ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 117.

³² Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 51. "Человек-карта" (map-man) описана и в моей статье "Фалесова наука..."

³³ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 490

³⁴ Маковельский А. О. Досократики. Казань, 1914. Вып. 1. С. 47. Этот пассаж отсутствует во "Фрагментах".

³⁵ Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Bd. 1. (Любое издание, начиная с 1906 г.) Фр. А 31. Г. Дильс — знаменитый издатель фрагментов, с чьих изданий сделаны переводы: Маковельский А. О. Досократики... и "Фрагменты".

Роль финикийцев пояснил Страбон (XVI, II, 757с): мудрецы финикийского города Сидон "занимались научными исследованиями в области астрономии и арифметики, начав со счетного искусства и ночных плаваний... Если верить Посидонию, то и древнее учение об атомах происходит от сидонянина Моха, жившего еще до Троянской войны". Вряд ли стоит принимать это (и Кадма, и Моха) буквально, но несомненно, что сами милетцы полагали учение о веществе, равно как и арифметику, и мореходную астрономию, древним даром финикийцев.

По-видимому, Луэс был прав, относя Анаксимандра (старшего) к основателям "математической школы", если понимать под ней адептов числовой символики. К ней же надо отнести его современника Ферекида. Богослов Ферекид из Сироса, младший современник "семи мудрецов", как автор достаточно понятен: последний мифотворец, один из первых прозаиков и наполовину уже натурфилософ. По словам доксграфов, "он был учителем Пифагора, а у самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев. Некоторые сообщают, что он первым опубликовал сочинение в прозе (в то время как другие относят это к Кадму Милетскому [историку -VI в., не путать с мифическим Кадмом — Ю.Ч.] и первым ввел учение о метемпсихозе. Ревновал славе Фалеса"³⁶. Интересы Ферекида чисто гуманитарны, если не считать странного свидетельства Диогена Лаэртца: "Сохранилась книга Сиросца... Сохранился и гелиотропий на острове Сиросе"³⁷.

Что такое гелиотропий? В позднегреческом это слово означало солнечные часы, которые изобрел, согласно традиции, Анаксимандр, современник Ферекида. Однако солнечные часы Анаксимандра тот же Диоген называет другим словом (гномон). Да и вряд ли гномон (вертикальный стержень на круглой подставке) мог сохраниться в течение 800 лет, отделявших Диогена от Ферекида. Вернее, что речь шла о каком-то долговечном каменном сооружении, каких немало оставили нам прошлые культуры. Эти сооружения позволяли, в частности, фиксировать момент солнцестояния, т.е. наивысшего (летом) и наимизшего (зимой) положения Солнца в полдень. А солнцестояние по-гречески — *тропай гелиойо* (буквально — поворот солнца), поэтому естественно считать, что гелиотропием здесь названо именно такое сооружение. Принадлежность его богослову столь сомнительна, что свидетельство Диогена не замечают или прямо отрицают его подлинность³⁸. Но у того же Диогена читаем, что "было два Ферекида Сиросца: один — астроном, другой — богослов, сын Бабия, у которого учился Пифагор". Можно, конечно, отрицать и существование самого этого астронома (так делал еще в -III в. Эратосфен³⁹), но как тогда быть с его гелиотропием?

³⁶ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 85.

³⁷ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 84.

³⁸ Kirk G.S., Raven J.E. The Presocratic philosophers. Cambridge, 1960. С.53.

³⁹ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 84.

Ведь он был известен Гомеру, так охарактеризовавшему остров Сирос (Од. XV, 404):

Ὀρτυγίης καθ' ἑρθευ, ὅθι τροπαὶ ἠελίοιο —

"раньше Ортигии, там где поворот солнца";

зелиойо — это *гелиойо* на ионийском диалекте. Ортигия — это древнее название священного острова Делос, расположенного за Сиросом, если плыть от Итаки, где ведет рассказ Одиссей. Как видим, остров (то ли Сирос, то ли соседний Делос) наделен ориентиром: "там, где поворот солнца". Гуманитарии переводят это место самым невообразимым образом. Так, поэт В.А. Жуковский, знаменитый переводчик "Одиссеи", перевел: "где поворот свершает свой солнце", а замечательный филолог И.Х. Дворецкий пошел еще дальше: перевел гомерово *тропай зелиойо* как "поворотный пункт солнца, т.е. крайний запад"⁴⁰. Но солнцестояние — не принадлежность какого-то места, а момент времени (тот, с которого греки вели начало каждого года), равно как Сирос и Делос — не край ойкумены, а самая середка греческого мира. Выражение "там, где поворот солнца" можно читать только как указание на известную достопримечательность острова, т.е. на его гелиотропий. Гомер применил тут эллипсис (поэтический оборот, состоящий в пропуске значащего слова) — очевидно, что должно быть что-то вроде "там, где виден (можно наблюдать) поворот солнца". Древний поэт не мог подозревать, что астрономический кругозор дальних потомков сузится настолько, что эллипсис перестанет читаться.

Вернее всего, Ферекид старший жил именно тогда. Но если признать, что в дни Гомера уже фиксировалось солнцестояние, причем — специальным сооружением, то *рождение греческой науки твердо падает в гомеровские времена*. Если же отнести Ферекида старшего к более поздним временам, то как тогда гелиотропий попал в текст "Одиссеи"? Ответ существует: астрономический сюжет мог как исходить от Гомера, так и быть вписан в текст позже. Многократно, начиная с античности, отмечалось⁴¹, что в сцене появления Одиссея среди женихов (Од., XX, 356) мимоходом упоминается возможность солнечного затмения в момент новолуния. Но этот факт открыт, как дружно считает традиция, гораздо позже — Фалесом (младшим!). В самом деле, для такого открытия надо вести длительные ежедневные записи фаз Луны, что заведомо недоступно бесписьменной культуре Гомера.

Естественное объяснение состоит в том, что пассаж с затмением вписан афинским поэтом-мистиком Ономакритом при составлении первого письменного свода поэм Гомера. Эту точку зрения я прежде подробно аргументировал⁴², а сейчас добавлю, что гелиотропий тоже

⁴⁰ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. С.1649.

⁴¹ Подробнее см. Чайковский Ю.В. Что же умел Фалес как астроном? // Древняя астрономия: небо и человек. Труды конференции. М., 1998. С.262; Kirk G.S., Raven J.E. Op.cit.; p.223.

⁴² Чайковский Ю.В. Что же умел Фалес как астроном?..

мог быть упомянут Ономакритом. Но делать такие вставки в почти священный текст было весьма опасно (за это Ономакрита однажды изгоняли из Афин⁴³), да и бессмысленно, если бы они относились к сооружению недавнему; поэтому можно уверенно сказать, что гелиотропий был тогда уже очень стар. Кроме того, солнцестояние упомянуто у Гесиода (Труды и дни, 479). Так или иначе, астроном, научившийся фиксировать солнцестояние (условно — Ферекид старший) работал задолго до рождения Фалеса.

Известную нам часть того научного сообщества, которому Фалес мог адресовать свое учение, являли собой его младшие современники — милетцы Анаксимандр старший и их общий ученик Анаксимен, сиронец Ферекид младший, афинянин (родом из Фракии) Ономакрит и, вероятно, молодые ионийцы — Ксенофан из Колофона и Пифагор из Самоса, а также, возможно, совсем юный Клеострат с острова Тенедос (после -550 г. предложивший реформу календаря и первый набросок Зодиака). Но в каком кругу Фалес вырос сам?⁴⁴

4. У кого учился Фалес?

Древние предпочитали говорить, что у египтян, иногда с намеками на какие-то финикийские знания Фалеса. Новое время добавило еще уверенность в знании Фалесом вавилонской науки, о чем античные свидетельства молчат и чему скудость реальных знаний Фалеса прямо противоречит. На лекциях я всегда говорил, что вавилонские связи Фалеса надуманы, а вот его путешествие в Египет ничему не противоречит, и лишь недавно узнал, что даже это путешествие некоторые на чисто отрицают. Так, полтора столетия назад Лузс писал:

"И рождение, и воспитание, несомненно удерживали Фалеса на родине, и не было никакой необходимости ему отправляться для своих занятий в Египет... О том, как мало правдоподобия в рассказах о путешествиях Фалеса, можно судить хотя бы по тому, что он якобы привел в изумление египтян, показав им, как можно измерить высоту пирамид по величине отбрасываемых ими теней. Немногому, конечно, может научить нация, которую так легко поразить решением простейшей математической задачи".⁴⁵

Аргумент слаб: на самом деле измерение расстояния до недоступной точки требует достаточно развитой геометрии, над реконструкцией которой ломали голову лучшие историки науки⁴⁶, причем вопрос еще далеко не разрешен. Лучших доводов Лузс не привел, но ведь он был весьма проникательным философом (ему принадлежит как первая философская критика дарвинизма, где многие доводы поныне радуют

⁴³ Фрагменты ранних греческих философов..., с.98.

⁴⁴ Даже в самом обширном руководстве — пятитомнике Вильяма Гатри, посвященном ранней (до Платона включительно) философии, — сказано лишь, что Фалес черпал из мифов. — *Guthrie W.R.C. A history of Greek philosophy. V.1. The earlier presocratics and pithagoreans. Cambridge, 1962. С.58.*

⁴⁵ Льюис Дж.Г. Указ соч. С.8-9.

⁴⁶ Панченко Д.В. Фалес: рождение философии и науки. // Некоторые проблемы истории античной науки. Л., 1989. С.28.

глубиной мысли, так и основание новой концепции — эмерджентного эволюционизма⁴⁷), и мне пришлось задуматься. Лузс оказался в основном прав: если Фалес и был в Египте, то привез мало — идею солнечного года (365 дней), дату осеннего захода Плеяд и, возможно, представление Земли как плавающей в безбрежном океане. Всё это можно было узнать в Милете от заезжих моряков. Зато не узнал ничего из более серьезной египетской астрономии: все данные ясно говорят, что он не имел никакого представления о Зодиаке — а ведь у египтян Зодиак был весьма детально разработан. Так что либо Фалес там не был, либо не был к тайнам допущен.

Более реальны соображения о финикийских корнях фалесовых знаний⁴⁸, но за ними никуда ездить было не надо — Фалес сам был из рода финикийцев, и финикийских купцов в Милете хватало. Более того, Милет был городом с сильным элементом финикийской культуры. На этом фоне отнюдь не выглядит странным, что в Милете гомеровской поры мог творить не только эпический поэт-аристократ Арктин, но и поэт иного жанра, звездочет Фалес старший. В следующие века, когда поэты перешли к лирике и романтике, Милет не дал ни одного поэта (исключение: скучный дидактик Фокилид⁴⁹, живший в дни Анаксимена и продолжавший традицию поучающей поэзии), зато прославился прозаиками — натурфилософами и историками.

Когда милетские прозаики начали писать, мы не знаем, но вероятно до Фалеса. В самом начале XX в. немецкий филолог Вильгельм Рошер указал на один странный текст из Гиппократова корпуса — первые 11 глав трактата "О седмицах", поражающие своим архаизмом, и приписал их неведомому милетцу третьей четверти -VI в. Я уже обсуждал некоторые из архаизмов трактата и привел соображения в пользу того, что этот *гептадор*, упорядочивавший мир с помощью семерок, писал раньше, около -600 г., т.е. до Фалеса⁵⁰, и здесь ограничусь лишь более новыми данными и соображениями.

Трехлетнее обсуждение со слушателями убедило меня, что я был излишне категоричен, утверждая⁵¹, что "гептадор не демонстрирует прямого знания ни одного факта, ни одной идеи, открытых греками после -600 г." Правильнее будет сказать мягче: всё зависит от того, какое знание считать прямым. Мне слова гептадора "для тех, кто внизу, этот верх — низ"⁵² не кажутся прямым знанием идеи существования антиподов, но другим кажутся, а я, в свою очередь, указываю на контекст и укоряю их в модернизации древнего текста. Здесь окончательное мнение вряд ли возможно. Смею, однако, утверждать, что в столь рас-

⁴⁷ Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. М., 1990. С.227.

⁴⁸ Чайковский Ю.В. Фалесова наука в историческом контексте..., с.163.

⁴⁹ История греческой литературы. Под ред. С.И. Соболевского и др. Т. 1-3. М.-Л., 1946-1960.

⁵⁰ Чайковский Ю.В. Фалесова наука в историческом контексте...

⁵¹ Там же, с.161.

⁵² Фрагменты ранних греческих философов..., с.553.

пльвчатой и даже зачаточной форме идею вряд ли стоит рассматривать как довод (увы, до сих пор повторяемый) в пользу того, что гептадор жил после Аристотеля⁵³. В те дни никто уже не писал загадочным языком гептадора (похожим на язык Анаксимандра и Гераклита) и никто не стал бы включать в Гиппократов корпус текст, повторяющий зады старомодной ионийской натурфилософии.

К тому же многие места у гептадора выглядят поздними в переводе, но не в оригинале. Если не связывать себя априорным убеждением, что текст — поздний, а пытаться уложить каждое слово в контекст, то оказывается, что как раз самые старые значения слов придают темным местам трактата ясный смысл. Ограничусь двумя примерами.

Так, Лебедев повсюду перевел слово *космос* как "мир", хотя такое значение этого слова вторично и известно, начиная с Пифагора. В частности, фраза из лебедевского перевода: "Земля, находясь в середине, и Олимпийский мир, будучи самым верхним, неподвижны"⁵⁴ — бессмысленна, поскольку перед этим утверждается, что всё крутится вокруг Земли. Однако первичное значение слова *космос* — порядок⁵⁵, от *космео* — выстраивать (отсюда — косметика), и если прочесть *Олимпиос космос* как "Олимпийский порядок", то все встает по местам: Земля не вертится, а в божественном порядке ничто не меняется.

Другой пример. Выделяя в теле человека семь частей, гептадор записал (в лебедевском переводе): "Внутренности и грудобрюшная преграда — третья". В этом Лебедев последовал Маковельскому (хотя и упрекнул его в конце книги в "филологической беспомощности"⁵⁶), но от этого не легче: почему из всех внутренностей отдельного внимания заслужила лишь диафрагма (грудобрюшная преграда)? Неясность переходит в полную бессмыслицу, когда гептадор выявляет те же семь частей в географии Греции и диафрагму отождествляет с Ионией: "Третья — внутренности и грудобрюшная преграда, Иония". Однако у гептадора стоит слово *praecordia* (это место сохранилось только в позднелатинском переводе⁵⁷), которое классической латыни означало и диафрагму, и грудь, и (в переносном смысле) душу. Для понимания тут надо, как это часто делал Вест⁵⁸, предположительно восстановить греческий оригинал. В нем, вернее всего, здесь стояло *φρэн* — слово, означавшее и диафрагму, и ум, и душу. Во времена Гомера оно означало "ум, сердце, воля", а значение "диафрагма" впервые встречается лишь у Эсхила⁵⁹, т.е. после гептадора. И здесь тоже все становится на места: иониец считал Ионию душой мира.

⁵³ West M.L. The cosmology of 'Hippocrates' De Hebdomadibus // The Classical Quarterly. 1971. V.21. №2. P.376.

⁵⁴ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 553.

⁵⁵ Деорецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. С.974.

⁵⁶ Фрагменты ранних греческих философов..., с.574.

⁵⁷ West M.L. The cosmology..., с. 370.

⁵⁸ Ibid., с.367.

⁵⁹ Liddell H.G., Scott R. A Greek-English lexicon. Oxford, 1940.

Скорее встает вопрос иной — тот же, что в отношении Фалеса: откуда гептадор так много знал, откуда у него возникла целая маленькая энциклопедия натурфилософских идей? Пусть мысли смутны и даже зачаточны, но не много ли для первого писателя? Нет, не много — если только принять всё вышесказанное о двухсотлетней дофалесовой истории милетской натурфилософии с ее финикийскими корнями. Кроме того, первые 11 глав "Седмиц" — целостный, законченный текст (остальная часть трактата посвящена иным темам и явно написана другими авторами). Дойди до нас текст Фалеса или Анаксимандра, мы бы, я уверен, поразились больше.

Теперь еще об одном корне Милетской школы — фригийском. О фригийской науке неизвестно ничего — даже была ли она вообще. Косвенное соображение в пользу ее бытия то, что культурное влияние Фригии на Ионию несомненно и что как раз в момент наплыва фригийских беженцев в Милет (около -600 г.) в нем родилась известная нам наука. Поэтому крайне важно свидетельство Каллимаха о том, что существовал дофалесов математик Эвфорб и что он был фригийцем. Сохранивший свидетельство полуистлевший клочок папируса плохо читается в самом важном месте — там, где Каллимах перечисляет достижения Эвфорба, и это позволило переводчику приписать Эвфорбу нелепый факт — изобретение глобуса.⁶⁰ Бессмысленный перевод породил недоверие ко всему свидетельству Каллимаха, а это мешает пониманию естественнонаучной ситуации вокруг Фалеса.

С древности фрагмент Каллимаха известен в следующем изложении Диодора Сицилийского (X, 6, 4): как сказал Каллимах о Пифагоре, тот утверждал, что первые решения геометрических задач

*ἔξευρε Φρὺς Εὐφορβος, ὅστις ἀνθρώποις
τρίγωνά τε σκαληνά καὶ κύκλων ἑπτὰ
μήκη, ... διδάξε νηστεύειν
τῶν ἐμπνεόντων —*

"нашел фригиец Эвфорб, тот самый,
кто людям треугольники, в том числе разносторонние,
и круги семи длин ... научил не вкушать живого".

Фрагмент не вполне ясен, содержит лакуну и послужил основой для ряда произвольных толкований. В частности, слово *Фрикс* ("фригиец") имеет у Гомера и поэтическое значение — "троянец", а Пифагор считал троянца Эвфорба своей прежней инкарнацией; это породило курьезную версию, по которой троянский герой Эвфорб и математик Эвфорб — одно лицо. Для нашей же темы важно, что упомянуты какие-то "круги семи длин".

Сто лет назад началась публикация первых оксиринхских папирусов, среди которых оказался и упомянутый фрагмент Каллимаха (Ямбы, 191, 61). Увы, он содержал лакуну на том же месте:

⁶⁰ Об этом фрагменте подробно см.: Чайковский Ю.В. Фалесова наука...

καὶ κύκλον ἐπ[...]*κῆδίδαξε νηστεύειν*).

и, насколько можно судить по реконструированному тексту, диакритические ошибки — над первой буквой третьего слова должен быть знак придыханья, а над второй буквой четвертого слова, наоборот, его быть не должно. К тому же вторая буква третьего слова читалась ненадежно: ее можно было прочесть и как "пи", и как "лямбда". Это давало пищу толкованиям, Дильс (главный тогдашний авторитет) выбрал лямбду и, пользуясь тем, что "круг" стоит здесь в единственном числе, предложил чтение *кюклон гэлика* (круг вертящийся)⁶¹, которое Лебедев и перевел как "глобус". Такое чтение, нелепое исторически, весьма сомнительно и текстологически (в слове *гэлика*: над начальным "эпсилон" должно быть два диакритических знака; а в конце должна бы стоять "альфа", но в папирусе стоит "эта"). Поэтому я был рад узнать, что П.Фрззер, маститый английский исследователь Каллимаха, от дильсовской лямбды отказался.⁶² Тем самым, о "глобусе" говорить нет смысла.

Кюкλος означало и круг, и свод (небесный), и окружение (например, городские стены), и орбиту, и цикл⁶³, поэтому "круги семи длин" могли означать какую-то семиуровневую (или семичастную) схему устройства мира. Ее нельзя понять без сопоставления с традицией, и тут естественно рассмотреть семичастную схему мира из "Трактата о седмицах"⁶⁴, однако для этого сперва надо признать трактат ранним. Дильс этого не сделал, зато сделали другие. Не берусь сказать, что именно значили "круги семи длин" у Эвфорба, но становится очевидно, что строить концепцию на семерках было в предфалесовы времена вполне научно, и естественно допустить, что гептадор не сам придумал свою основанную на семерках вселенную, а заимствовал для нее что-то из фригийской науки. Во всяком случае, мирострой гептадора вполне мог быть охарактеризован именно термином Эвфорба.

Сказанное делает позицию Петрова по вопросу о первых ученых пусть и спорной, но вполне научной: в период между Гомером и Фалесом теоретики в Греции по всей видимости были.

5. А что сделал сам Фалес?

Итак, Фалесу было у кого учиться, и можно, наконец, без особых натяжек перечислить его реальные (то есть вероятные) достижения в науке и натурфилософии, оставив рассуждения о всепроникающих богах "древнему поэту". Достижения внушительны, они много раз описаны⁶⁵, и здесь я сделаю лишь необходимые пояснения и добавления, связанные с появлением новых лиц в поле анализа.

⁶¹ Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Bd. 1. Гл. "Фалес", фр. А3а.

⁶² Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxford. 1972. Vol.2. P.1034.

⁶³ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. С.994.

⁶⁴ Фрагменты ранних греческих философов..., с.552.

⁶⁵ См. например: Панченко Д.В. Указ.соч.; Чайковский Ю.В. Фалесова наука в историческом контексте...; Он же. Что же умел Фалес...

Можно согласиться со старым мнением, что Фалес не придумывал ведущей роли воды в мироздании, а лишь "разъяснил то, что прежде было загадочным"⁶⁶, т.е. дал рациональное (в основном механическое) толкование мифу. В связи с упомянутыми мнениями христианских апологетов можно допустить, что само описание воды как первоначала содержалось уже в учении Фалеса старшего, а младший его толковал по-новому. Принято считать, что назвав воду первоначалом, Фалес породил долгую традицию поиска первоначал. Но если эту традицию начал Фалес старший, то что принадлежит здесь привычному Фалесу?

По Кларку, первоначалом у Фалеса была не вода, а мировая душа.⁶⁷ Такое допущение действительно многое проясняет в Милетской натурфилософии, поскольку намеченный Кларком ряд выглядит более осмысленным, чем бытующий в учебниках философии милетский ряд первоначал "вода (Фалес) — беспредельное (Анаксимандр) — воздух (Анаксимен)", в котором первоначало Анаксимандра явно чужеродно (не связано с идеологией ни предшественника, ни последователя). Однако в этом ряду первым может хорошо смотреться только Фалес старший — богослов, ничего еще не знавший о механической картине мира. Если же видеть родоначальника таковой картины мира в Фалесе младшем, то ему естественнее приписать началом не мировую душу, а привычную нам воду, и тогда лучше всего рассматривать два ряда первопричин: (1) абстрактный: Мировая душа (Фалес старший) — Беспредельное (Анаксимандр) — Число (пифагорейцы) и (2) конкретный: вода (Фалес) — воздух (Анаксимен) — огонь (Гераклит). К первому ряду мог примыкать и Анаксимен, если понимать его Воздух как начало духовное (такое толкование тоже неоднократно предлагалось).⁶⁸

Вернемся к Фалесу. Смее утверждать, что основателем Милетской школы античная молва утвердила Фалеса не потому, что он положил первоначалом мировую душу или воду (т.е. предложил абстрактную натурфилософию, мало кому интересную), а потому, что та же молва прочно приписала ему два наглядных открытия — измерение расстояния до недоступной точки и предсказание солнечного затмения.

Суть обоих открытий служит объектом споров, которые вряд ли когда-нибудь стихнут. Измерение расстояния вполне правдоподобно, если только не придавать ему слишком абстрактного смысла, а именно: Фалес должен был на самом деле что-то измерять и сообщать толпе понятный ей результат, а не предлагать чертеж с доказательством (немногие, способные его понять, все равно не могли бы объяснить это

⁶⁶ Льюис Дж. Г. Указ. соч. С. 12.

⁶⁷ "Если Фалес думал не о богах как таковых, а о чем-то более абстрактном и теоретическом... то он больше годится для аккуратной (neat) предсократической прогрессии. Теория всепроникающей души может быть сопоставлена с такими, как теория Анаксимандра, который противопоставляет осязаемые явления Бесконечному, как Анаксимена, который противопоставляет их Воздуху, Анаксагора — Разуму и т.д." — Clarke M. Op. cit. P.299.

⁶⁸ Фрагменты ранних греческих философов..., с. 134.

остальным). Сделаю только два замечания. Во-первых, молва сохранила два таких измерения — это высота пирамиды и расстояние до корабля в море; естественно допустить, что оба измерения были идейно связаны. Во-вторых, они, вероятно, являли собой конкретный прием измерения, а не одну из тех абстрактных интеллектуальных задач, какие вошли в моду много позже, когда геометрия стала объектом преподавания. Эти допущения резко сужают перечень возможных вариантов и облегчают реконструкцию возможного фалесова метода.

6. Фалесово затмение

Столь же очевидно, что Фалес не мог предсказать солнечное затмение в привычном нам смысле этих слов, зато вполне был способен объяснить причину происшедшего затмения. Это объяснение толпа восприняла, насколько позволяют судить фрагменты, как предсказание. Обычно историки принимают, что это было затмение 28 мая -585 г.⁶⁹ Иногда обсуждаются и другие даты: от 30 сентября -610 г. до 19 мая -557 г., признаваемые менее вероятными⁷⁰.

Почти все историки философии верят в факт предсказания Фалесом солнечного затмения.⁷¹ Далее других пошел Д.В.Панченко, уверенный не только в факте предсказания, но и в том, что "метод Фалеса отличался от вавилонского"⁷². Разумеется, в таких случаях полностью обходится вопрос о том, мог ли человек той поры хотя бы поставить (а тем более решить) такую задачу. Подобные мнения вряд ли стоит принимать в расчет, поскольку вопросы естествознания этим авторам, как правило, безразличны и они проявляют в них досадную наивность⁷³. Историки науки, наоборот, почти единодушно отвергают возможность предсказания Фалесом затмения, а те немногие, кто признает, вынуждены прибегать к радикальной модернизации всего облика фалесовой науки — например, постулировать наличие в тогдашней Греции вековых статистических традиций и, более того, — статистического мировоззрения. На самом деле там не было даже сносного календаря, до-

⁶⁹ Точнее говоря, 585 г. до н.э. в традиционной записи идентичен -584 году в астрономической; сдвиг на один год вызван тем, что астрономы вводят нулевой год, чтобы иметь возможность складывать и вычитать годы как обычные числа.

⁷⁰ *Mosshammer A.A. Thales' eclipse // Transactions Amer. Philol. Assoc. 1981. V.111. P.155.*

⁷¹ Редкое исключение являл хорошо образованный Гатри, признавший, что Фалес не имел средств для предсказания. — *Guthrie W.R.C. Op. cit.*

⁷² *Панченко Д.В. Указ. соч. С.26.*

⁷³ Некоторые авторы, например, упорно переписывают в качестве факта античную басню, гласящую, что высота музыкального тона определяется весом молотка (ударяющего по диску) или толщиной диска. (Надеюсь, авторы не будут в обиде за то, что здесь я обхожусь без ссылок.) Каждый мог бы легко проверить у себя на кухне, ударяя разными предметами по кастрюльным крышкам, что высота тона зависит только от диаметра диска. Бурные протесты некоторых философов против этой басни (см., напр.: *Льюис Дж.Г. Указ.соч. С.36*) ничего изменить не могут. Тем меньше оснований призывать историков философии понять суть предсказания затмений — неважно, арифметического (как в Вавилоне) или геометрического (как в Александрии).

пускающего сквозные записи в течение хотя бы нескольких лет, без чего говорить о предсказании нет смысла.

Прежде веру в фалесово предсказание можно было подкреплять ссылкой на какие-то воображаемые восточные знания Фалеса, но теперь и она утратила смысл — с тех пор, как показано, что на Востоке солнечные затмения (в отличие от лунных) начали предсказывать лишь после смерти Фалеса⁷⁴. Что же касается задачи предсказаний видимости солнечного затмения в данной местности, то она вообще не решалась восточным (арифметическим) методом.

Очевидно, что надо проверить надежность свидетельств о предсказании Фалесом затмения. Единственное из них, содержащее более, чем просто упоминание предсказания, принадлежит Геродоту (I, 74): в ходе битвы лидийцев с мидянами день обратился в ночь, и "это пресечение дня предсказал ионийцам на будущее Фалес Милетский, назначив в качестве срока тот самый год (*эниаутос*), в который оно как раз и произошло". Почему так подчеркнут год, если затмение произошло в день и час сражения?⁷⁵ Может быть, Геродот имел в виду вовсе не год? Перевод слова "эниаутос" как "год" подвергался сомнению: когда-то его предлагали читать как "место отдыха", поскольку глагол *эниауо* означает "спать (в каком-то месте)"⁷⁶; а место отдыха толковалось как солнцестояние: получалось, что Фалес указал пределы времени затмения — не позже ближайшего солнцестояния.

Дильс в 1914 г. резонно отверг это странное чтение, вернувшись, однако, к загадочному "году"⁷⁷. Но год по-гречески — *энос*, а первым словарным значением слова *эниаутос* в больших словарях значится вовсе не "год", а "цикл времени"⁷⁸ или "течение времени"⁷⁹. Переводится оно филологами и как "череда времен"⁸⁰. Если же у Геродота прочесть: "...точно определил ту череду времен, в которой оно [затмение] и наступило", то речь пойдет про ту закономерность, которую Фалес действительно, согласно свидетельствам, открыл — что затмение возможно лишь по новолуниям. Для такого открытия достаточно было несколько лет наблюдать за фазами Луны, что Фалес, по всей видимости, делал. Даже это открытие было слишком трудно для понимания современникам Фалеса, и они забыли его, а потомки приписали это открытие Анаксагору, повторившему ту же мысль через 150 лет. Видеть у Фалеса предсказание (в нашем смысле слова) нельзя.

⁷⁴ Britton J.P. Scientific astronomy in pre-Seleucid Babilon // Die Rolle der Astronomie in der Kulturen Mesopotamiens. Graz, 1993.

⁷⁵ Американский исследователь "фалесова затмения" Элден Мосхаммер верно отметил, что если бы Фалес в самом деле имел аппарат для предсказания, то предсказал бы и месяц, и, вероятно, день. — Mosshammer A.A. Op.cit. P.146.

⁷⁶ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.

⁷⁷ Guthrie W.R.C. Op. cit. P.47.

⁷⁸ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.

⁷⁹ Liddell H.G., Scott R. A Greek-English lexicon. Oxford, 1940.

⁸⁰ Чайковский Ю.В. Что же умел Фалес... С.260.

Мосхаммер пошел даже дальше: сопоставив рассказ Геродота о затмении с хронологией восточных царствований, он заключил: "Фалесово предсказание вымышлено. Нет реального затмения, согласного с геродотовым описанием"⁸¹. Вывод ошарашивает, поскольку на "фалесовом затмении" держится чуть ли не вся нынешняя хронология событий начала -VI века. Не вступая в обсуждение данного вопроса (для этого надо бы профессионально знать историю соответствующих царств), добавлю лишь, что Фалес действительно мог быть вписан в посторонний исторический сюжет в качестве знаменитого провидца — потому лишь, что слыл провидцем.⁸²

Откуда взялась сама традиция считать Фалеса провидцем? Причин я вижу две: первая — действительные достижения Фалеса в других вопросах (наглядные открытия, обнаружение совпадения затмения с новолунием, верные политические советы и т.п.) и вторая — приписывание Фалесу мыслей его предшественника, Фалеса старшего, который, по всей видимости, рассуждал о божественном, а это должно было подводить к мысли о его близости к богам.

Кстати, именно поэт-богослов Фалес старший мог высказать тезисы "Всё из воды" и "Всё полно богов", вполне "богословские" для Аристотеля, и эта традиция прочно утвердилась. Как пишет историк религий Амос Функенштейн: "Идя своим путем, стоики систематизировали один из старейших импульсов греческой философии, начавшийся с ионийских "физиологов" — показать, что мир "полон богов (Фалес...)", обоже- ствить природу путем обезличения богов"⁸³. Мне остается добавить, что в этом импульсе нет ничего "физиологического", а есть "богословское" и он вполне мог исходить от Фалеса старшего.

Здесь замечательно то, как сложно взаимосвязаны оказались в столь раннее время *когнитивная* и *социальная* истории. Вопросы о доказательстве теорем и предсказании затмения обычно кажутся нам чисто когнитивными (мог или не мог Фалес осуществить соответствующие теоретические процедуры), а место Фалеса в социальной истории науки обычно выглядит прямым следствием этих его достижений; но оказалось наоборот: когнитивные достижения то ли прямо вы-

⁸¹ Mosshammer A.A. Op.cit. P.148, 151.

⁸² Кроме избитого примера: Фалес, "смекнув по наблюдению звезд о будущем урожае маслин, еще зимой — благо у него было немного денег — раздал их в задаток за все маслодавили в Милете..." и тем обогатился (Аристотель. Политика, 1259 а3); приведу другой. Когда Кир якобы пытался съезд пленного Креза и тот обратился с мольбой к Аполлону, внезапно хлынул страшный ливень, погасивший костер. Сюжет тоже известный, но мало известно его продолжение у Николая Дамаскина, историка -I в., писавшего по источнику -VI в.: "Говорят некоторые, что Фалес, предвидя по некоторым знакам дождь, ждал такой погоды". (Шеффер В.А. Очерки греческой историографии. Киев, 1884. С.2; Kirk G.S., Raven J.E. Op. cit.) Разумеется, историк, веривший в эту легенду, имел в виду не знание Фалесом примет погоды (они тут помочь не могли), а дар провидца, способного предсказать по небесным знакам исход казни.

⁸³ Funkenstein A. Theology and the scientific imagination from the Middle Age to the seventeen century. Princeton, New Jersey, 1986. P.43.

думаны потомками, то ли радикально переосмыслены ими, исходя из высокого социального статуса Фалеса. А сам статус явился, по всей видимости, итогом отождествления Фалеса со всей Милетской школой.

7. Заключение

Итак, Фалес был великим ученым, но далеко не первым в Греции, и основателем Милетской школы безусловно быть не мог. Надо предполагать в Греции -VIII/-VII веков наличие непрерывной преднаучной традиции. В самом деле, разве не удивительно, что и в Милете, и на Сиресе, и на Тенедосе мы видим задолго до первого общеизвестного ученого (Фалеса, Ферекида, Клеострата) другого, почти неизвестного, предтечу? Примеры можно продолжить: Солон в Афинах пытался реформировать календарь (Д.Л., I, 58, 60), сам не будучи астрономом; столь же далек от науки был беотиец Гесиод. Кто поставлял им астрономические данные? Неподалеку, в Мегарах, около -630 г. был построен первый водопровод. Чисто техническое достижение? Вряд ли — без зачатков геодезии такие вещи не получаются. Что касается Мегар, то там можно предполагать наличие геодезистов очень для той поры высокого класса, ибо через сто лет мегарский инженер Эвпалин был приглашен на Самос строить водопровод и показал результат, до сих пор вызывающий недоуменное восхищение — километровый тоннель был пробит в горе с двух сторон и наклонные штольни почти сошлись. Вполне справедливо Бартел ван дер Варден описал этот результат в ряду математических достижений⁸⁴, но пора поставить и вопрос: откуда столь рано взялись в Мегарах математики? Какая школа могла их сюда поставлять? Ответа пока нет.

В наше время признано, что никакой ученый не может работать в идейном вакууме, и научные школы привлекают внимание историков как самодовлеющие ценности, а потому неясность с первой европейской школой выглядела до сих пор как изъян в понимании генезиса науки вообще. В то же время сам материал вполне позволяет, на мой взгляд, добиться здесь значительной ясности: первая греческая натурфилософская школа росла веками, опираясь не только на восточные знания, но и на греческое преднаучное сообщество.

Теперь видно, что нет смысла оценивать общее число античных ученых по тем трем сотням, "от которых сохранилось хотя бы имя"⁸⁵. Гораздо более продуктивным видится тот тезис, что "гениальное начинание Фалеса имело поколения безымянных соавторов"⁸⁶. Впрочем, имена двоих "соавторов" довольно надежно известны — Фалес старший и Ферекид старший. Первый из них и был, по всей видимости, фактическим основателем незримой Милетской школы.

⁸⁴ Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. Пер. с голл. М., 1959. С.141-143.

⁸⁵ Жмудь Л.Я. Указ. соч. С.7.

⁸⁶ Панченко Д.В. Указ. соч. С.35.

Л.А.Бурганова (Казань)

Уроки Уильяма Самнера

Среди социологов, открывших первую страницу в истории американской социологии, Уильям Г.Самнер (1840-1910) занимает особое место. Он известен как самый авторитетный представитель социал-дарвинистской традиции на американской почве. Среди его заслуг обычно отмечается то, что в 1876 г. он прочитал первый в Америке курс по социологии, хотя — как и многие ранние социологи — начинал свою профессиональную карьеру в другой области знания.

Самнер получил приличное теологическое образование в старейшем американском Йельском университете, который окончил в 1863 г. После этого он продолжил богословское обучение в Европе, проведя три года в Женеве, Геттингене и Оксфорде. Из своей учебы в европейских университетах, особенно в германском, молодой богослов вынес глубокое уважение к научным методам исследования, в частности эмпирическим. Он также овладел критическими приемами анализа исторических источников¹. Большое значение для становления его научных интересов имело то обстоятельство, что под воздействием немецкой и английской гуманитаристики он стал активно интересоваться социальной и экономической проблематикой. Однако несколько лет ему пришлось посвятить деятельности священника. В 1866-1869 гг. Самнер служил в качестве тьютора в своем родном Йельском университете, а в 1869 г. был приглашен на пост ассистента ректора церкви в Морристануне штата Нью-Джерси. Этот опыт отнюдь не укрепил его в сделанном профессиональном выборе. В начале 70-х гг. он знакомится с идеями Г.Спенсера², которые перевернули его мировоззренческую ориентацию: теолог стал эволюционистом.

В 1872 г. началась педагогическая деятельность Самнера на посту профессора политических наук в Йельском университете, где он проработал до ухода на пенсию в 1909 г. В 1876 г. он приступил к чтению лекций по социологии, получивших известность в сообществе социологов. Собственно говоря, этот лекционный курс еще не содержал оригинальной концепции или системы знания, будучи основан на иде-

¹ Keller A.G. and Davie M.R. Essays of William Graham Sumner. 2 vols. New Haven, 1934. V.II. P.6.

² Работа Г.Спенсера "The Study of Sociology" была впервые издана в США в 1873 г., его "Principles of Sociology" — в 1874 г. По подсчетам Р.Хофстедтера, за период 1860–1903 гг. в США было продано около 368755 томов сочинений английского социолога (см.: Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. 1860–1915. Philadelphia, 1944. P.21). После посещения Спенсером США в 1882 г. в американских университетах создаются кафедры социал-дарвинизма, а само это учение приобретает статус официальной социологической теории.

ях, позаимствованных автором из спенсеровской работы "The Study of Sociology". Но это было вызовом сложившейся системе преподавания, построенной на богословских авторитетах. Опыт чтения социологического курса едва не окончился увольнением из университета начинающего популяризатора социологического знания³, однако ему все же удалось отстоять свои позиции и вернуться на кафедру университета.

Несмотря на то, что Самнер в начале своей университетской карьеры зарекомендовал себя как социолог, главным предметом его преподавания на протяжении первых двадцати лет работы была экономика. Лишь с 90-х годов йельский профессор смог полностью посвятить себя социологии. Этот поворот был предопределен, очевидно, тем, что Самнер тогда работал над фундаментальным социологическим исследованием "Наука об обществе" ("Science of Society"), в котором задумал изложить свою концепцию общества. Труд целиком поглотил все его помыслы и время, но ученый так и не успел его завершить⁴.

Историки американской социологии единодушны в утверждении, что Самнер сделал больше, чем кто-либо другой, для популяризации формирующейся науки в университетах⁵. Ученый вел интенсивную работу со студентами и аспирантами, снискав себе славу самого популярного преподавателя в Йельском университете⁶. Самнеровский оригинальный лекционный курс по социологии, шире — преподаваемую им науку (сам ученый определял ее как "социетология") — студенты назвали "самнерологией"⁷.

Список трудов Самнера насчитывает около трехсот наименований, среди которых книги — их более 20 — и статьи в области экономики, политической науки и социологии. Самое известное исследование ученого — увидевшая свет в 1906 г. монография "Народные обычаи"⁸, которая явилась результатом — как завершенная часть — работы ученого над "Наукой об обществе". Когда Самнер осознал, что изложить "науку об обществе" в одной книге не удастся, он решился представить на суд научной общественности хотя бы часть того огромного исторического, этнографического и социологического материала, который он накопил и систематизировал к тому времени, в виде отдельного издания. Книга стала шедевром не только в силу своего всеобъемлющего характера (ученый собрал материал, иллюстрирующий обы-

³ Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. New York, 1945. P. 20.

⁴ Четырехтомный труд был издан после смерти Самнера его учеником и последователем А.Келлером, ставшим его соавтором. См.: Sumner W.G. and Keller A.G. The Science of Society. 4 vols. New Haven, 1927.

⁵ An Introduction to the History of Sociology / Ed. by Barnes H.E. Chicago, 1948. P. 155; Odum H.W. American Sociology. The Story of Sociology in the United States Through 1950. N.Y., 1951. P. 83.

⁶ Odum H.W. Op. cit. P. 84.

⁷ Keller A.G. William Graham Sumner // American Journal of Sociology. 1910. Vol. XV, №6. P. 835.

⁸ Sumner W.G. Folkways. A Study of Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores and Morals. Boston, 1906.

чаи всех известных ему народов⁹), но и благодаря предложенной Самнером методологии. Следуя позитивистской этической традиции — подходить к материалу без каких-либо предварительных концепций, сохраняя научную беспристрастность, Самнер стремился не демонстрировать свое субъективное отношение к предлагаемым фактам, предоставляя им возможность "говорить самим о себе". Он одним из первых в социологии применил сравнительный или кросскультурный метод исследования, хотя у него и встречаются непоследовательные рассуждения о неприемлемости использования данного метода. Это даже дало повод некоторым исследователям записать его в ряды противников эволюционистской парадигмы вообще¹⁰. Опасения Самнера, в частности, связывались с тем, что использование единиц и показателей сравнения различных обществ вне их специфического культурного контекста могло вызвать искажения фактов.

То, что эта книга привлекла внимание современников, не удивительно. Но чем может быть интересно спустя столетие наследие ученого, которого уже давно на его родине посчитали не принадлежащим "к числу хорошо читаемых и почитаемых классиков"¹¹? Попытаемся проанализировать эту коллизию. Разумеется, влияние мыслителя на современную жизнь, на ту отрасль знания, которую он развивает, определяется далеко не внушительностью списка его трудов. Особую значимость здесь приобретает созвучие его идей и предлагаемых теорий запросам тех или иных социальных сил. Судьба наследия У.Г.Самнера служит подтверждением этому.

Влияние, которое оказал Самнер на американскую социальную мысль конца XIX в. признано. Оно в немалой степени было связано с тем, что ученый энергично поддержал новое поколение американских консерваторов, выступивших в конце XIX в. с программой утверждения абсолютной экономической свободы и отказа от государственного протекционизма. Самнер разработал доктрину "чистого" индивидуализма, для обоснования которой "перехватывались" традиционно либеральные идеи *laissez-faire*¹². Аргументы Самнера в пользу *laissez-faire* основывались на следующих положениях. Прежде всего, он доказывал, что общество представляет собой невероятно сложный механизм, состоящий из взаимосвязанных частей, и что любая попытка оказать воздействие даже на одну из них неминуемо вызовет цепь реакций и

⁹ Интересно отметить, что и обычаи народов России не ускользнули от его научного анализа. Для их изучения американский социолог специально выучил русский язык. См.: Vincent G.E. Review on Sumner W.G. *Folkways. A Study on Sociological Importance of Usages, Manners, Mores and Morals* // *American Journal of Sociology*. 1907. Vol.XIII. №3. P.415.

¹⁰ См.: Hinkle R.C. *Founding Theory of American Sociology, 1881-1915*. Boston, London, 1980. P.214.

¹¹ Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С.90.

¹² См.: Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995. С.110—113.

нарушит хрупкое равновесие, установленное эволюционным путем. Потому любое вмешательство в этот процесс социальных субъектов нежелательно. Особую опасность для общества, считал ученый, представляет государственное вмешательство: "Государство по самой природе своей конституции подвержено ошибкам и выступает как худшее создание"¹³. От него потому вовсе нельзя ожидать, что оно является более компетентным, чем любая частная инициатива.

В процессе развития современного государства Самнер усматривал две одинаково опасные тенденции: "превращения в условиях демократии в систему, благоприятствующую новому привилегированному классу бедного большинства или же в плутократию, в которой власть безраздельно перейдет в руки капиталистического класса"¹⁴. Логика рассуждений приводила его к выводу о бессмысленности всяких реформ и форм государственного контроля. Ученый не уставал повторять, что социальный прогресс не достигается прямым усилием, которое опасно своим деспотическим характером, а является следствием спонтанного экономического развития.

У.Самнер решительно выступил против социального конструктивизма накануне опытов социального переустройства, которые произвел XX век. Его работы предвосхитили идеи и концепции, которые в конце века удостоились высших оценок и наград: сегодня видно, как они перекликаются с исследованиями Ф.А.Хайека, доставившими австро-американскому экономисту Нобелевское лауреатство. То, что Хайек назвал "пагубной самонадеянностью" — "способность человека "лепить" окружающий мир в соответствии со своими желаниями"¹⁵, — Самнер характеризовал как "величайшее заблуждение человека", называл "абсурдной попыткой"¹⁶. Ф. Хайек не числит Самнера в ряду "духовных отцов" развиваемой им концепции социальной эволюции, покоящейся, по его мнению, на идее движения общества к цивилизации через приобщение к определенным обычаям и традициям. "Самое раннее из известных мне прямых высказываний об этом, — подчеркивал Хайек, — принадлежит А.М.Карр-Сондерсу, который писал, что "люди и группы проходят естественный отбор в зависимости от принятых ими обычаев..."¹⁷. Но если упомянутый А.М.Карр-Сондерс высказал свои идеи в 1922 г., то Самнер задолго до этого в своей работе "Народные обычаи" развил оригинальную концепцию, которая оказывается востребованной на рубеже нового столетия.

¹³ Sumner W.G. What Social Classes Owe to Each Other. New York, 1920. P.9.

¹⁴ Idem. Earth-Hunger and Other Essays. New Haven, 1913. P.283-284.

¹⁵ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

C.51.

¹⁶ "Величайшим заблуждением человека является мысль о том, что можно сесть с грифельной доской и карандашом за планирование нашего нового социального мира" — Sumner W.G. The Absurd Attempt to Make the World Over // Sumner W.G. War and Other Essays. New Haven, 1911. P.208-209.

¹⁷ Хайек Ф.А. Указ. соч. С. 33.

Ставя в числе первых в социологической литературе вопрос о происхождении и роли обычаев, У. Самнер, во-первых, обосновал идею о том, что народные обычаи являются существенным фактором общественного развития, и предпринял попытку дать социологическую интерпретацию истоков, сущности народных обычаев. Во-вторых, он выявил и исследовал их функции и функциональные связи обычаев друг с другом и с социальной структурой.

Фактически он представил особый вариант социал-дарвинизма, который имел социокультурную основу в синтезе идей протестантской этики и дарвиновского учения. Под нравами и обычаями Самнер понимал всякий способ мышления, поведения и достижения цели, который разделяется всеми членами определенной социальной группы. Иначе говоря, это стандартизированные нормативы поведения. Проследившая эволюцию таких социальных институтов, как индустриальная организация, брак и семья, религия, правительство, он пришел к выводу, что все эти формы социальной жизни восходят к привычкам и обычаям людей; что весь порядок и все условности сложились из представления общества о том, как выжить и преуспеть. Народные обычаи вырабатываются из фундаментальных биологических потребностей людей, но они имеют, по мнению Самнера, социальный характер, поскольку принадлежат к системе договорных отношений и институтов¹⁸.

Социология для Самнера — это наука, имеющая своей целью установление законов и тенденций общественного развития. Индивиды должны поступать с социальными законами так же, как и с физическими законами: их необходимо познавать, чтобы следовать им. Ученый разделял взгляды Г. Спенсера о том, что основной социальный закон — закон эволюции, который действует независимо от воли и желаний людей. Но в отличие от Г. Спенсера и других теоретиков идеи биологической эволюции, Самнер разводит понятия "борьба за существование" и "естественный отбор". Он полагает, что борьба за существование, выживание сильнейших — это процесс, где противниками являются индивид и природа. Естественный отбор — это процесс, в ходе которого люди борются друг с другом. "Агентами" этого отбора выступают не только конкуренция, но и нравы общества, народные обычаи. Естественный отбор является социальным по своей природе, именно он порождает социальную организацию. В этом процессе естественного отбора каждый класс улучшает свои возможности. В своей работе "Чем общественные классы обязаны друг другу" (1883) Самнер обосновывал идею о том, что в мировой истории не было ни одного периода, когда бы отсутствовали классы и классовая борьба, и что рецептов устранения или смягчения классовых конфликтов в природе не существует. Самнеровский ответ на вопрос, поставленный в названии книги, состоял в том, что необходимо стремиться к консенсусу, а именно "достижению отношений доброй воли и взаимного уважения, а также к

¹⁸ Sumner W.G. Folkways. Preface.

тому, чтобы принести свободу и безопасность, с тем, чтобы каждый класс смог улучшить свои возможности"¹⁹.

У.Самнер рассматривал собственность в качестве определяющего фактора человеческой жизни и условия развития. Именно благодаря собственности примитивное существо превращается в человека, обладающего разумом²⁰. Самнер связывает цивилизационный процесс с накоплением собственности. Социальная конкуренция неизбежно приводит к монополизации собственности, порождающей, в свою очередь, социально-экономическое расслоение общества. Он полагал, что любое общество имеет различия, поскольку оно заинтересовано в развитии. "Если мы хотим быть реалистами, — писал он, — то надо признать необходимость в социальном неравенстве, в социальных классах"²¹. Миллионеры, капиталисты, для Самнера, — продукт естественного отбора и, более того, — главное средство прогрессивной эволюции общества. Богатство, указывает ученый, не просто является результатом труда: "фактически обладание капиталом указывает на наличие таланта у тех, кто им обладает". Самнер убежден, что препятствовать естественному процессу концентрации капитала было бы наивно и глупо, ибо "капиталу во имя его эффективности необходимо объединение в одних руках, так как горстка людей способна управлять огромной собственностью". Ученый предупреждает, что необходимо выявлять индивидов, компетентных в деле управления крупной собственностью, в ходе естественного, а не политического отбора"²².

В "Народных обычаях" ученый обратился к истории взаимоотношений различных этнических групп, к изучению такого социального явления, как этноцентризм. Для осмысления этноцентризма как социального феномена, являющегося, по его мнению, продуктом предшествующего социально-культурного развития, ученый ввел понятия "мы-группа" (*in-group*, внутренняя группа) и "они-группа" (*out-group*, внешняя группа). Он предложил социокультурный подход, исходя из которого дал обстоятельный анализ причин появления этнических стереотипов и показал их функциональное назначение. Это дало ему, в свою очередь, возможность объяснить нормативное социальное действие.

Обратившись к изучению ранних обществ, Самнер показал, что отношения людей внутри группы всегда резко отличались от отношений между группами. Нарисованная им картина существования примитивного общества выглядела следующим образом. Люди жили малыми группами, они делились на небольшие племена и объединения, и каждая группа была обособлена от других. Люди, которые находятся внутри группы, составляют "мы-группу", а все остальные — "они-группу". В процессе социализации люди обретали представления о своей группе

¹⁹ Sumner W.G. What Social Classes Owe..., p.168–169.

²⁰ Ibid., p.86.

²¹ Sumner W.G. and Keller A.G. Science of Society. V.1. P.725.

²² Sumner W.G. Earth-Hunger..., p.351–352.

и чужих группах, формировали оценки и отношения друг к другу. При этом Самнер подчеркивал, что отношения людей внутри группы характеризовались сотрудничеством, солидарностью, совместным отправлением культа и ритуалов. Они основаны на взаимной симпатии, мире, порядке и законе. Отношения же между группами, напротив, были натянутыми, в них преобладали враждебность, страх и недоверие к чужому. Основой этих отношений, в отличие от первых, являются "отношения подчинения", вплоть до применения войны, по крайней мере до тех пор, пока не будут выработаны определенные соглашения между "мы-группой" и "они-группой". Самнер вскрывает корреляцию между дружескими отношениями, существующими внутри группы, и враждебными действиями по отношению к другим группам. Как подчеркивает Самнер, успешное ведение войны с чужаками требует "мира внутри группы, малейшее внутреннее разногласие может ослабить "мы-группу" для ведения войны"²³. Проявления крайностей и войны "вынуждают создавать правительство и право в "мы-группе" с тем, чтобы "предотвратить споры и усилить внутреннюю дисциплину". Так, соответственно, война и мир реагируют друг на друга и влияют друг на друга; мир — на состояние внутри группы, а война — на отношения между ней и другой группой.

Рассматривая "мы-группу" и "они-группу" как взаимосвязанные и взаимозависимые сообщества, вовлеченные в борьбу за существование в условиях ограниченных ресурсов окружающей среды, Самнер констатирует, что чем в более непосредственной близости друг от друга находятся соседи, тем интенсивнее ведется борьба. В свою очередь, чем острее вражда между ними, тем крепче внутренняя организация и дисциплина в самих группах. Лояльность по отношению к группе, готовность идти на жертвы во имя нее возникает параллельно с чувством ненависти, подозрительности и вражды по отношению к чужакам. Взятые вместе, эти "отношения и чувства составляют социальную философию", которая "санкционируется связью с религией"²⁴. Как пишет ученый, духи предков "мы-группы", которые также находились в состоянии войны с предками "они-группы", были довольны своими потомками, продолжавшими борьбу, и помогали им в этом деле. Убийство и порабощение чужаков почиталось за доблесть.

Таким образом, история человеческих групп предстает у Самнера как история борьбы между ними, в основе которой лежали выработка и упрочение чувства этноцентризма. Он предложил следующее определение этноцентризма, ставшее классическим, — это "взгляд, согласно которому ценности и традиции собственной этнической группы выступают в качестве некоего всеобщего эталона для оценки жизненных явлений"²⁵. Так, Самнер замечает, что каждая группа "взрачивает

²³ Sumner W. Folkways, p.12.

²⁴ Ibid., p.13.

²⁵ Ibidem.

свою собственную гордость и тщеславие, гордится собой как высшей, она преувеличивает свои собственные достоинства и смотрит с подозрением на чужаков". Соответственно "она думает, что ее собственные народные обычаи являются единственно правильными, и если она видит, что другие группы следуют своим обычаям, то это вызывает у нее презрение". Этноцентризм, являясь сам по себе следствием конфликта, еще более подталкивает людей к конфликту, вынуждая их преувеличивать и усиливать все особенное в своих обычаях, и таким образом этноцентризм способствует более сильному закреплению народных обычаев. Основная заслуга Самнера состояла в том, что он сосредоточил внимание на функциональном смысле этноцентризма.

Предложенный У.Самнером функциональный подход позволял преодолеть узость психологического подхода, учитывающего только содержательную сторону данного этнического стереотипа. Еще большее значение концепция Самнера имела для доказательства несостоятельности биологического редуccionизма, присущего социалдарвинистской трактовке этноцентризма в концепции австрийского социолога Л.Гумпловича, изложенной им в начале 80-х годов XIX в. в работе "Борьба рас"²⁶. Гумплович сформулировал "социологический закон" беспощадной борьбы социальных групп за выживание, фатальная предопределенная такими человеческими качествами, как взаимная вражда и ненависть. Определяя этноцентризм как "мотивы, исходя из которых каждый народ верит, что занимает самое высокое положение не только среди современных народов и наций, но и в сравнении со всеми народами исторического прошлого"²⁷, ученый рассматривает этот феномен как врожденное свойство сознания. Именно оно, по мнению Гумпловича, является причиной всех социальных конфликтов.

Не приемля подобную натуралистическую и фаталистскую интерпретацию социальной закономерности, Самнер стремится проследить эволюцию взаимоотношений между социальными группами. Поставив в центр своего анализа прежде всего социальные отношения примитивного общества, он, к примеру, представил рациональное объяснение причин того, почему люди постепенно приходят к отказу от принципа кровной мести. Как замечает ученый, кровная месть означает курс на самоуничтожение группы, она "способствует интересам врагов во внешней группе". Следовательно, существует двойная выгода в отказе от нее: "с одной стороны, усиливается гармония и сотрудничество во внутренней группе, с другой — внутренняя группа становится более сильной и сплоченной в борьбе против внешней группы". Вожди и жрецы, осуществлявшие управление группой, налагали различные ограничения на функционирование кровной мести, вводя определенные компенсации, чтобы предотвратить внутренние раздоры. Разнообразный этнографический материал, собранный Самнером, привел

²⁶ Gumplowicz L. La lutte des races. P., 1893.

²⁷ Ibid., p.349.

его к выводу, что внутри “мы-группы” справедливость достигалась с помощью прецедентов и обычаев. Правонарушения улаживались с помощью уплаты штрафов, постепенно вместо репрессий власти стали применять ссылку. Самнер считает, что обычной кровной мести был социализирующий обычаем и институтом. Он служил защитой для всех, кто входил в группу родственников, ибо он “связывал их всех воедино и служил общему групповому интересу против чужаков”²⁸.

У.Самнер предполагал, что вследствие изменяющихся социальных и исторических обстоятельств могут меняться и обычаи, регулирующие отношения между группами. Более того, анализ Самнером “мы-группы” и “они-группы” содержал определенное диалектическое основание, подразумевавшее возможность преобразования одной в другую. Возникновение некоторой угрозы, внешней для обеих групп и одинаково им опасной, могло породить определенный компромисс и примирение. Возникновение общества как раз и означает создание определенных отношений между двумя и более группами, объединенными на некоторых началах (например, родственных, соседских, брачных и пр.), и в то же время отличных друг от друга. По мере того, как развивается совместная деятельность по защите от внешней опасности, эти две группы могут постепенно стать “мы-группой”. Самнер подчеркивает, что с появлением современных государств составные группы превращаются в единое мирное целое. Принятие закона (Самнер приводит пример с введением римского права на территории Римской империи) становится основой мирного договора. Самнер подчеркивает особую роль государства, наделенного принудительной силой, в консолидации общества. Если же государство неспособно подавить локальные войны и внутренние конфликты, то оно подвержено распаду и дезинтеграции. В свою очередь, союз двух или более государств “даже в целях собирания больших сил для войны... будет неизбежно мирным союзом, рассматриваемым изнутри”. Мирный союз, по Самнеру, функционально представляет собой “мы-группу”²⁹.

Таким образом, Самнер, в рамках эволюционной теории поставил и рассмотрел вопрос о реальной, а не сфантазированной роли этноцентризма в становлении этнических сообществ, особых типов культур, свойственных тем или иным народам. Как же выглядят позиции У.Самнера с точки зрения современных представлений? Они могут быть отнесены к тем идеям, авторы которых представляют национализм как “пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы”³⁰ и соответственно преувеличивают роль этноцентристского начала в традиционных обществах. Как результат такой позиции — рассмотрение этноцентризма на уровне обыденного сознания как внятной этнонациональной самоидентификации, а на срезе так называемой “высокой

²⁸ *Ibid.*, p.499.

²⁹ *Ibid.*, p.503.

³⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С.112.

культуры” — в качестве теоретического и идейного обоснования претензий нации-государства (или нации без государства, к которому она стремится) на “достойное место под солнцем” в сообществе других государств. Происходит фактическая экстраполяция первобытного трибоцентризма, племенной идеологии на этнонациональные взаимодействия нового времени.

Однако исследованные Самнером народные обычаи являются духовно-социальными образованиями традиционного общества, а не общества индустриального, которое базируется на моральных и хозяйственных практиках рыночной координации, попирающих эти народные традиции (хотя и не вытесняющих их совсем). В этом новом индустриальном мире рождается идеология национализма, которая может развиваться по двум направлениям. Одно апеллирует к народным обычаям и, вызывая “духов прошлого” из рунических времен, приспособливает этноцентризм для решения новых, актуальных задач. Другое же, отрицая за этничностью свойства врожденности, начинает движение к новым сообществам, хотя и использующим культурное, историческое наследие донационалистического мира, но строящим национальное государство на основе согражданского, а не кровного свойства. Реалии конца XX века свидетельствуют: первый путь ведет к “этническим чисткам”, к бесконечно воспроизводимым конфликтам и войнам; второй путь открывает возможности для формирования гражданского общества и правового государства.

Урок У.Самнера состоит, на наш взгляд, в том, что выявленная им дуальная оппозиция (“мы — они”) может быть полезной лишь в гносеологическом плане, как дающая методологическую основу анализа современных этнических процессов и конфликтов, но она таит в себе опасность как путь поиска практических решений межнациональных конфликтов, как практика этноцентристской социализации.

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

М.С.Бобкова

Жан Боден о предмете истории

Французский мыслитель, политический деятель, правовед Жан Боден (1530-1596) оставил богатое творческое наследие. "*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*" был впервые издан в Париже в 1566 г. на латыни, с выдержкой из "Королевской привилегии", в которой фиксировалось единоличное право печатника и книготорговца Парижского университета Мартина Лё Жёна на издание и продажу трактата в течение десяти лет. Второе издание вышло в той же типографии в 1572 г. Менее чем за сто лет трактат переиздавался десять раз¹. Лучшим, на наш взгляд, является прижизненное издание 1572 г.², а также критическое издание 1951 г. Именно на этих текстах и основана наша работа по переводу "Метода". В издании 1572 г. насчитывается 462 страницы, включая посвящение, в котором Боден выражает благодарность президенту Палаты следствий Парижского парламента Жану Тесьё; введение о легкости, приятности и преимуществе исторического чтения; десять глав – что такое история и каковы ее виды; о правильном устройстве исторического материала; о расположении отдельных частей истории; отбор историков; формы управления государством; опровержение тех, кто отстаивает теории золотого века и четырех монархий; система универсального времени; критерии, по которым определяются источники происхождения народов; отбор и расположение исторических сочинений. В качестве приложения Боден включил в свой труд сочинение Лукиана из Самосаты "Как следует писать историю" и историческое эссе Дионисия Галикарнасского "Фукидид".

¹ Paris, 1566; Paris, 1572; Basel, 1576; Basel, 1579; Heidelberg, 1583; Strasbourg, 1599; Strasbourg, 1607; Geneve, 1610; Amsterdam, 1650. Критическое издание "Метода" на латинском языке было осуществлено в 1951 г., когда Менар издал сборник "Философские труды Бодена", в который вошло три трактата. Он же в 1941 г. опубликовал французский перевод "Метода". В 1945 г. Беатрис Рейнольдс перевела этот трактат на английский язык. В немецком переводе сочинение Бодена было издано Дроузом в конце XIX в.

² *Bodin J. Methodus da facilem historiarum cognitione. P., 1572.* Это издание было тщательно выверено самим автором, ряд опечаток издания 1566 г. исправлены, некоторые места уточнены, а в изданиях 1583 и 1595 гг. появляются новые ошибки, в том числе грамматические. Критическое издание 1951 г. приводит текст в соответствии с правилами грамматики латинского языка. Единственным его недостатком является отсутствие комментариев, частично восполняемое статьей Пьера Менара о работах Бодена.

Перевод названия трактата имеет несколько вариантов “Метод, облегчающий познание истории”, “Метод доступного изучения истории”, “Метод легкого познания истории”. Наиболее точен, с точки зрения правил русского и латинского языков, последний вариант, хотя совершенно адекватно смыслу, но с отступлением от латинского оригинала, звучало бы название “Метод познания истории, доступный каждому”. Вообще же язык Бодена не является образцом ни классической, ни средневековой латыни. В тексте встречается много французских оборотов и сокращений. И хотя Боден писал, что продолжительность жизни любой книги определяется ее содержанием и увлекательной формой повествования, сам он не был талантливым писателем. Форма, в которую он облачал интереснейшие идеи, очень сложная и значительно затрудняет понимание. В “Метод” много повторов, автор неоднократно возвращается к одной и той же мысли в разных местах (иногда с точностью до запятой цитируя самого себя). Это определяет непоследовательность в изложении материала. Вот почему произведения Бодена не были популярны в XVII в., а в XVIII – фактически никто не знал их. Следуя латинскому оригиналу, а также используя известные переводы на европейские языки, мы постарались максимально точно воспроизвести смысл текста, адаптировав его к русскому литературному языку и восприятию современного человека. Здесь представлены лишь “Введение” и первая глава “Что такое история и какова она”³. В этом фрагменте рассматриваются принципиально важные для обоснования истории как самостоятельной науки проблемы — соотношение истории и других областей знания, предмет исторического познания.

Признано, что Боден обратился к изучению истории, к размышлениям о теории предмета не ради самой этой науки, но с целью обнаружения объективной основы юриспруденции. Цель трактата Бодена, по Бодриару, философская интерпретация истории в процессе изучения права⁴. По мнению Флинта⁵, с помощью истории Боден показал прогресс в развитии законодательства, а идея универсального законодательства, понимание которого может обогатиться через постоянное систематизированное изучение истории, высказана у него в самых общих чертах. Его целью был метод изучения истории, который предполагал использование *научного опыта* в практической деятельности. Браун считает, что Боден не ставил перед собой задачу создания исторического метода, а будучи прежде всего юристом, видел в истории ключ к универсальному праву, которое может быть открыто только через сравнительно-историческое изучение законов различных народов. Итак, каким же образом соотносятся юриспруденция и история в трактате Бодена? Наделяет ли он историю лишь вспомогательными функциями в процессе изучения права, риторики, философии или ставит

³ На русском языке публикуются впервые.

⁴ Baudrillard H. Jean Bodin et son temps. P., 1853.

⁵ Flint R. The Philosophy of the History in France and Germany. L., 1874.

перед ней другие цели и задачи и, если это так, то какие? Определяет ли этот подход к истории ее статус как самостоятельной науки?

Первоначальный интерес Бодена к истории вырос из глубоко отрицательного отношения, сложившегося в период обучения и преподавания в Тулузском университете, к существовавшей тогда системе римского права. Одной из аксиом боденовского метода является то, что универсум не мог быть адекватно представлен в отдельном⁶. Этим и объяснялась его критика римского права, которое несло в себе историко-временную несостоятельность. Боден не просто сравнивал французские и римские государственные институты, законы, но и предпринял исследование всего множества сообществ и попытался сконструировать законодательную систему, которая заключала бы в себя их всех⁷. Трактат Бодена затмил концепцию Бодуэна, хотя эти работы имеют несколько точек соприкосновения. Во-первых, осознание и выделение политической значимости истории и ее связь с юриспруденцией. Во-вторых, оба утверждали, что закон находит свое основание в истории. В-третьих, по нашему мнению, Боден, также как и Бодуэн, видел в основательной юридической подготовке историков условие приближения истории к науке. Юриспруденция являлась в то время одной из немногих гуманитарных дисциплин, базирующихся на конкретных источниках права и обладающих приемами их критики. Хотя в то время Валлой, Эразмом, Рейхлином и другими гуманистами были уже разработаны принципы историко-филологической критики, но широкого практического применения они не имели, в то время как критическое отношение, например, к Кодексу Юстиниана, в повседневной юридической практике было чуть ли не нормой.

Историко-сравнительный анализ правовых систем различных государств с целью создания национальной школы юриспруденции Франции в рамках системы универсального права – вот первоначальный мотив, который заставляет Бодена погрузиться в чтение и анализ многочисленных исторических фактов, хроник, трактатов. Но впоследствии у него появляется и другая, более широкая задача – выработать общий метод познания для всех, обращающихся к прошлому, независимо от цели. Главный предмет изучения в "Метод", на наш взгляд, – все-таки история. В структуре трактата ни одна глава не посвящена специально юриспруденции. Четкая связь между историей и юриспруденцией прослеживается лишь во "Введении". Более того, правовые системы и институты рассматриваются Боденом в рамках политической истории, которая является лишь одним из видов человеческой истории. Таким образом, в отличие от Бруни, Бьондо, Валлы, Макиавелли, Гвиччардини и некоторых других гуманистов, не наделивших историю правами

⁶ Kelley D. Development and Context of the Bodin's "Methodus" // Verhandlungen der internationalen Bodin-Tagung in Muenchen. Muenchen 1973. S.123-125. Келли также соотносит взгляды Бодена и историческую концепцию Бодуэна.

⁷ Boudoin F. De institutione historiae et coniunctione eius cum jurisprudentia. P., 1561.

самостоятельной дисциплины и рассматривающих ее лишь как часть литературы, риторики или юриспруденции, Боден отстаивал полную независимость истории. Для него история – это не разновидность литературного жанра, как воспринимали ее многие гуманисты, он проводит резкую разграничительную черту между историей и литературой.

Боден указал на исключительное место истории среди других отраслей знания и наделил ее полной самостоятельностью в изучении опыта прошлого, поставив на службу истории географию, астрономию, математику и другие дисциплины⁸. Боден обращается к теории и философии истории, ибо он решает вопрос о природе предмета – источника и основы его собственных представлений о мире. К середине XVI в. “практическая” история, имеющая дело с описанием конкретных событий, накопила солидный опыт. Боден же обратился к внутренней критике процесса получения исторического знания, что было закономерно для развития истории в тот период, поднявшейся до ступени рефлексии, дающей науке возможность самообоснования, возможность “посмотреть на себя со стороны”. Любая наука определяется ее предметом и методами, при помощи которых осуществляется познавательный процесс. В “Метод” дается узкое и широкое определение термину “история”. История в широком смысле, т.е. по форме выражения, это “правдивое изложение”. Боден выделяет три вида истории по объектному признаку: человеческая, естественная и божественная.

Тройное деление истории можно проследить и в работах Франческо Патрици⁹ и Луи Леруа¹⁰. Патрици выделяет три вида истории: историю мысли, историю слова и историю действий. Его трихотомия касается только человеческой истории, при этом не учитывается ее детерминированность природным и божественным влиянием. Боден указывает, что тройное деление истории уже отмечено многими учеными мужами. Поэтому для себя он отводит, на первый взгляд, скромную роль — внести порядок и соразмерность в отношении истории дел человеческих, которая отличается от естественной и божественной не только причинами, но и целями. Естественная история имеет необходимую и постоянную последовательность причин и следствий, человеческая же намного сложнее. Вообще же, считает Боден, человек обречен совершать ошибки, если не будет руководствоваться природой, т.е. естественным порядком. Но при этом и отклонение от божественной истины также ввергает людей во всевозможные грехи и несчастья.

Дж.Хупперт¹¹ подчеркивает отказ Бодена от теологической интерпретации истории. При этом его главным аргументом является то, что

⁸ Подобный подход был разработан падуанскими натурфилософами еще в XIV в. в отношении медицины, за которой было закреплено ведущее место среди всех естественных наук. В ней использовались знания из биологии, ботаники, анатомии, фармакологии, астрономии и других дисциплин.

⁹ *Patrizi F. Della historia diece dialoghi. Venetia, MDLX.*

¹⁰ *Leroie L. de. Considerations sur l'histoire universelle. P., 1562.*

¹¹ *Huppert J. The Idea of Perfect History (Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France). L., 1969.*

Боден, выделив божественную историю, как бы "освободил" от нее человеческую и естественную. Хупперт утверждает, что закономерности каждой из них рассматриваются Боденом совершенно независимо друг от друга: человеческая история объясняет поступки человека, живущего в обществе, естественная история изучает скрытые причины тайн природы, а священная постигает совершенство. Истины, которые могут быть открыты в естественной истории, приводят к логически верным и практически необходимым результатам, тогда как события священной истории относятся к сфере духовного, веры и полностью зависят от божественного произвола. По мнению Хупперта, основную причину событий человеческой истории Боден находит в человеческих желаниях, которые очень изменчивы. Поэтому, делается вывод о том, что Боден затруднялся в выведении собственно исторических закономерностей в этой области и ставил вопрос о проверке информации, которая используется историками, более надежными источниками, например, данными этнологии, географии, астрономии, а это уменьшало вероятность хаотических изменений и давало Бодену возможность установить некоторые правила в человеческой истории.

На наш взгляд, трихотомия Бодена создавалась не с целью изучения каждого вида отдельно, без какой-либо взаимосвязи с другими, что действительно облегчило бы познание, но одновременно упростило и исказило бы представления о человеческой истории, потому что был бы утрачен ее детерминистский характер. Главным при делении истории для Бодена было показать через синтез ее универсализм, ее всеобъемлющую связь с природой и Богом. Специфика в определении объекта и субъекта в каждом виде истории бесспорно есть: в человеческой — это человек и общество, детерминанты — природа и Бог, в естественной — природа, детерминанты — человек и Бог, в священной — Бог, Творец мира. Но естественная и священная истории, их законы и смысл существуют, воплощаются и постигаются только в рамках истории человеческой. Люди, наделенные душой и разумом, изучая естественную и человеческую истории, могут лишь приблизиться к пониманию божественного замысла и преклониться перед его величием. На наш взгляд, совершенно очевидно, что одной из черт историографической модели Бодена является теологический монизм.

Боден отдает дань дидактическим задачам исторических сочинений — обучению читателей на примерах порока и добродетели. Но оценивая роль истории как *magistra vitae*, он задается вопросом о праве историка выносить какую-либо оценку описываемым событиям и людям, поскольку это может поставить под вопрос объективность самого повествования. Несколько позднее эту мысль подтвердил и Мишель Монтень "Пусть они (историки) передают нам историю в таком виде, в каком ее получают, а не такой, как они ее оценивают"¹². Право же самостоятельной оценки принадлежит только читателю. Складывается

¹² Монтень М. Опыты. М.-Л., 1958. Кн.2. С.465.

впечатление, что как только исторический материал приобретает оценочный характер, так он сразу же теряет для Бодена-историка какую-либо познавательную значимость. Подобный подход станет довольно распространенным в позитивизме 60-80-х гг. XIX в.

По сути позиция Бодена является объективистской. Исторический факт, т.е. так или иначе засвидетельствованное событие, он рассматривает как объективный и единственный источник исторических знаний. Этот факт элементарен, неделим, неизменен по своему содержанию. Важнейшая задача историка — установить его подлинность. Факты — это как бы заготовленные самой историей “кирпичики”, на которых возводится здание истины в исторической науке. Единственная угроза исходит от историка, который может вольно или невольно исказить или “замутить” ясную истину факта. Отсюда требование: насколько это возможно, “исключить личность писателя из его произведения”, т.е. исключить его убеждения и иллюзии, симпатии и антипатии, воображение и страсти из содержания исследования. Лучшим является тот историк, который оставляет читателя “наедине с фактами”. Позитивисты считали, что факты говорят сами за себя. Бодена с ними объединяет отношение к истории как к дисциплине факта, поскольку факт (в отличие от теории) ничего не предполагает и не обобщает. Из этой трактовки Бодена, которая была дополнена и взята на вооружение Бэконом, Вико, Тюрго, Монтескье и др., выводилась возможность отождествления природы исторического и естественнонаучного знания. Факт истории и природы однородны, их характеристикой является то, что они в равной степени объективны и достоверны. На основе этого Боден широко использует примеры математических и физических закономерностей для объяснения прошлого гражданского общества.

Характеризуя термин “история” в узком смысле слова, Боден раскрывает многообразное содержание *предмета* исторических занятий. Он пишет: “Человеческая история — это деятельность (*actio*) людей, ясно и правдиво описанная в повествованиях о событиях давно минувших”. *Actio*, по Бодену, есть нечто, являющееся целью само по себе: “Оно может не оставлять никакого действительного результата труда, подобно речи.” Используется и термин “*effectio*”, т.е. “делание, непосредственное производство, совершение, то, что получается в итоге работы, подобно письму”. Боден первым среди мыслителей своего времени в отдельный вид истории выделил математику. Причиной такого отношения к этой науке является то, что по мнению Бодена, человеческая история развивается на основе гармонической пропорции, а ее изучением занимается именно математика. Таким образом, ставится вопрос о “просчитываемости” ритмов исторического развития.

Сочинение Жана Бодена “Метод легкого познания истории”, фрагмент из которого предлагается вниманию читателя, на наш взгляд, положило начало оценки истории, как самостоятельной дисциплины, имеющей свой метод, способы и пути познания.

Жан Боден, адвокат из Анжера

Метод легкого познания истории

Введение о легкости, приятности и пользе исторического чтения

Несмотря на то что история имеет много восхвалителей, которые украсили ее истинными и вполне заслуженными похвалами, среди них так и не появилось ни одного, способного трактовать ее более правдиво и верно, чем тот, кто назвал ее "учительницей жизни". Это определение подразумевает господство добродетели и порядка. Оно означает, что вся жизнь человека должна быть оформлена по священным законам истории, сравнимым с нормами Поликлета. Несомненно, философию справедливо называют самой жизнью, но, даже установив пределы добра и зла, она оставалась бы безмолвной среди бранных вещей и молчала бы до тех пор, пока все речи, дела и планы настоящего не станут рассматриваться в сравнении с давно минувшими днями. И тогда – не только настоящее легко объяснимо, но даже будущие события предсказуемы, и мы обретаем способность получить все знания о том, что нам нужно и чего не хватает. Мне кажется примечательным, что среди многих писателей, изучающих различные эпохи, нет ни одного, кто сопоставил бы с нашим временем известное о прошлом наших предшественников и сравнил бы его с рядом поступков, совершенных древними; но это легко разрешимо, если все виды человеческой деятельности объясняются вместе и если с достаточной тщательностью подбирается ряд примеров и при этом каждый обретаем свое место. Тогда тот, кто прославил себя лишь преступлениями, может быть поделом награжден заслуженными ругательствами; но тот, кто известен добродетелью, может быть превознесен соответственно его заслугам.

В том и заключается величайшее достоинство исторических книг, что некоторых людей, по крайней мере, они могут побудить к добродетели, а других – напугать дурной славой. Хотя добро похвально само по себе и ему каждый рад, все же верно и то, что люди, равные в рождении и смерти вознаграждаются возможностью превосходства над другими, которое достигается заслуженной славой; многие люди считают ее настоящей наградой. Добро, сотворенное во имя людей, отмечается и возвеличивается до небес. Зло тоже может быть замечено, однако с досадой. Даже если зло удастся скрыть, то все равно человек, совершивший его, не сможет жить без злобы и будет приносить горе.

То, что Помпей рассказывает о Герострате¹, – ложь, как и рассказ Тита Ливия о Катилине², но события эти все-таки поучительны. Я думаю, что и Герострат, и Катилина стремились более к славе великой,

нежели к славе доброй; я верю, что духовная деградация и сумасшествие направляли первого, а второй руководствовался надеждой поднять свой авторитет в глазах сограждан. С другой стороны, должно быть признано, что люди, стремящиеся к славе, терпят все оскорбления с равнодушием, которое противно им самим. Если обнаруживались злые замыслы, как мы читаем у Платона, то дело могло обернуться и бичеванием, и кровавыми отметинами на избитом теле или даже клеймением каленым железом. Невероятный страх вызывало четвертование и сожжение даже среди тех, кто больше всего на свете стремился к славе. Не снискав искренних похвал, они все равно боролись даже за пустую славу. Некоторые из них были настолько наивны, что до конца дней своих верили в деятельное участие в жизни душ умерших. Они думали, что самое важное – это авторитет рода и что позор передается по наследству; и часто молились, чтобы мировой пожар принес бы им смерть. Нерон, как и Тиберий Августⁱⁱⁱ, в своей жизни привык уповать на это. Хотя у Нерона было много отвратительных черт, но его жестокость и похотливость объяснялись слабостью характера. Он мог бы быть еще хуже, если бы не стремился к славе. Поэтому зло он предпочитал творить в укромном месте, на отдаленном острове. Там он судил недостойных, по его мнению, власти, твердой рукой удаляя их от управления, хотя, как отметил Светоний^{iv}, это были “отцы страны”. Но в последние дни своей жизни он показал пример высокой честности, который, по сути, может быть оценен как величайший позор. В своей речи, произнесенной в Сенате, он сказал: “Единственная вещь, которая может победить принцип, – это хорошая репутация”. Во всех своих отношениях, поступках он никогда от начала до конца не пренебрегал славой. Известны письма, написанные им в весьма подавленном настроении, где он с горечью описывает свою жизнь и сетует на то, что уже чувствует приближение конца, но привычкам своим изменить не может. Этот царственный страх позора, этот урок истории казался Корнелию Тациту^v столь же важным, сколь и неповторимым, и должен был, по его мнению, заставить людей задуматься над ним.

Но что может быть ценнее, чем такая сфера познания, как история, которая является и вдохновителем, и хранителем всех искусств и от которой главным образом зависит действие. Когда все достижения человеческой мысли, все открытия и приобретения, являющиеся результатом длительного опыта, будут подобно сокровищам собраны в хранилищах истории, когда люди смогут познакомиться с наследием прошлых веков, переработать этот материал для будущего и определить, почему те или иные вещи представляются неясными, тогда им откроются подлинные причины появления и гибели каждой из них, и тогда они проникнут в суть событий. Более того, что можно сделать для великой славы всемогущего Бога и для приумножения других, более реальных добродетелей, чем доказать, что священная история является средством внушения благочестия и любви к Богу, почтения к родите-

лям, милосердия к человеку и средством, позволяющим быть понятым всеми? Действительно, кто дарует нам слова пророков и прорицателей, где безвластны оскорбления и авторитеты, если не брать во внимание книг Святого Писания?

Кроме того, две вещи, высоко ценимые в любой дисциплине, – легкость и приятность – столь естественны при усвоении исторических знаний; более того, труды по истории легки и приятны в такой степени, в какой это не присуще никакой другой дисциплине. Эти качества делают предмет понятным для всех даже без какой-либо дополнительной подготовки. В других искусствах одно не может быть понято без знания предыдущего, потому что все взаимосвязано и соединяется одной цепочкой. Но история во многом превосходит другие отрасли знания и стоит в высшем ряду необходимости и потребностей; и даже не подкрепленная материальными свидетельствами, какими-либо документами, она может дойти до потомков, передаваясь изустно – от одного к другому. Моисей, один из основоположников законодательства, наставляя своих сыновей, говорил, что “вы будете рассказывать сыновьям вашим об этом”, как бы предрекая гибель и государств, и законов. И пусть короток век императоров, государственных деятелей и просто граждан, истории суждено сохраниться вечно, так говорил Моисей. Более точен Цицерон, заметивший, что Соломон ушел в небытие раньше, нежели память о делах, им совершенных. Память эту пощадил даже стремительный поток вод, скрывший Эги, Буру, Гелику^{vi}, большую часть Крита, который в свое время называли “стоград”, а теперь – “триград” – Триполь, а также значительную часть современной Голландии. История прошлого, если не будет всеобщей гибели рода человеческого, никогда не умрет и будет жить вечно не только в книгах, но и в памяти людской.

Помимо легкости истории присуща приятность, ибо в исторических повествованиях рассказывается и о триумфах добродетели. Хотя и есть более сильные люди, чем те, кто, побежденные и плененные восторженными рассказами историков, не могут уже вырваться из сладких объятий удовольствия, но даже ученые мужи зачастую проявляют такую тягу к приятному, что довольствуются ничем не подтвержденными выдумками. Однако куда больше пользы в правдиво изложенных событиях! И что может быть восхитительнее, чем взгляд на картину былого; взгляд через призму истории на дела предков, живших очень давно? Что может быть более приятным, чем способность смотреть в лицо прошлого, любоваться войсками и сплоченными рядами сражающихся в битвах давно минувших дней? Действительно, сила истории настолько велика, что одним лишь примером и положительными чувствами она может исцелять больных. Оставим в стороне другие доказательства и остановимся пока на примерах Альфонса и Фердинанда^{vii}, королей Сицилии и Испании. Первый решил вернуть свое утраченное здоровье с помощью чтения трудов Ливия, а другой – через чтение Квинта Курция^{viii}, и это в то время, когда искусство врачей было

бессильно им помочь. Другой пример: Лоренцо Медичи^{ix} (прозванный “покровителем учености”) говорил, что каждый должен вытаскивать себя из болезней без всякой медицины, и история это подтверждает. Весьма полезно чтение таких исторических сюжетов, как, например, повествование об осаде войск императора Конрада III^x, окруженных герцогом Баварским. Переговоры о сроках сдачи в плен или о разрушении города до основания закончились самым неожиданным образом, когда богатым дамам разрешили покинуть осажденный город нетронутыми, при условии, что те возьмут с собой только то, что они смогут унести на себе. Женщины, строго следуя договоренности, на собственных плечах вынесли своих родителей и детей. Этот поступок так восхитил герцога, что он прослезился, позабыв о жестокости и гневе, пощадил город и заключил мир со злейшим врагом. Кто после этого усомнится, что история способна наполнить восхищением умы даже самых невоспитанных и грубых людей?

Но при всем этом есть опасность, состоящая в том, что, давая столь высокую оценку истории, мы можем позабыть о ее пользе, хотя даже в восхищении есть польза. Увлечись деталями пустяковых вопросов, можно уподобиться людям, которые питаются приправами и специями, так и не попробовав самую пищу. Итак, минуя удовольствия этого вида чтения, я перехожу к его пользе. Немало ее можно извлечь не только из надежных и точных повествований, но даже из тех, которые лишь внешне похожи на истинные факты и в которых есть только проблески правды. Я постараюсь подтвердить это не чередой бесконечных доказательств и использованием подлинных источников, но приведу лишь один пример, касающийся Сципиона Африканского^{xi}. Хорошо разобравшись в мыслях “Киропедии” Ксенофонта^{xii}, он вынес из них несметные сокровища – разгадку тайн власти и славы, вследствие чего стал таким великим человеком, что не только выиграл страшную войну в Испании, но и смог остаться уважаемым и невредимым даже среди самых настоящих варваров. Об этом пишет Ливий. Варвары, обитавшие неподалеку, однажды приблизились к его дому, солдаты Сципиона решительно преградили этим людям путь. И тогда самый худший из варваров стал умолять охрану дать им возможность увидеть этого святого человека и познакомиться с его трудами; и Сципион понял, что нужен даже таким людям. Он согласился жить с варварами, чтобы превратить их невежество в доброту. Действительно, рассказы о Кире Старшем наполнены стремлением показать истинную славу, и хоть в них много фактически неверного, однако глубоко и проникновенно показаны справедливость и храбрость царя.

Но если отрешиться от древнего времени, то нет примера более современного и более известного, чем история Селима – принца Турции^{xiii}. Хотя его предки и пренебрегали историей по причине ее частой лживости, он сам, первым получивший доступ к документам Цезаря, перевел их на родной язык и, приведя исторические доказательства, за короткое время присоединил к землям своих предков большую

часть Малой Азии и Африки. Кроме того, что вело Цезаря^{xiv} к его великой доблести, если не соревнование с Александром^{xv}? Подводя итоги своих побед, Цезарь плакал потому, что его герой уже молодым завоевал почти весь мир, а он сам к этому возрасту не имел почти ничего. Но что было ахиллесовой пятой Александра, если воспользоваться гомеровским образом, как не то, что, не почитав перед сном исторических сочинений, Александр даже не мог заснуть? В дополнение можно привести пример императора Карла V^{xvi}, а отложив зарубежную историю, Людовика XI^{xvii}, короля Франции; разве не его правление увековечено в сочинении Коммина^{xviii}?

Итак, говоря по правде, история имеет безграничную пользу, книги по истории можно читать с большой легкостью и изучать события с большим наслаждением. Хотя это не всегда так: многое в истории, как и в других искусствах, искажается, многое – опасно и бесполезно, потому что ни один ученый еще не смог подойти к оценке прошлого без каких-либо пятен пристрастия. Так будет до тех пор, пока не найдется человек, который уличит других в исправлениях и неточностях и не заявит, что такой подход к действительности и порядку приличествует басням, но не истории. Если это принимать в расчет, то многое, как считал Платон, даже не могло бы и называться историей. Как пример он приводит сравнение поздней поэзии и реальных фактов, которые легли в основу ее. Но почему бы и не поспорить с Платоном? Ведь как много полезного можно получить из обильного наследия Гомера, который использовал только проверенную информацию и правдивые сведения. Наши же болячки никого не интересуют, так почему мы должны делать их достоянием истории? Мы подчеркиваем точность искусств, повседневно применяемых не только в жизни, но и в той области знания, которая, используя все средства, должна установить, каких вещей избегать, на каких основываться, какие законы более желательны, какая форма государства наилучшая и какая жизнь наиболее счастливая. В заключение мы добавим, что если рассмотреть историю еще и со стороны культа Бога и становления религии, то с удалением в века древность истории значительно увеличится; увеличится и необъятная польза от ее знания.

Приступая к написанию этой книги, я предупреждаю, что всего здесь будет величайшее множество, величайшее изобилие, почерпнутое из неисчерпаемых запасов истории, но подчеркиваю, что это не всегда объясняет преимущества и метод предмета. Многие выглядят неясно и бессвязно из-за путаницы в источниках и упорного нежелания извлечь хоть какие-либо уроки из истории. Я не спорю, и прежде люди писали книги, собственно, как принято, об устройстве исторических форм государственности, например диктатур, но они имели возможность извиниться за домысливание. Может быть, я выскажу мнение, не вполне характерное для историка и более подходящее для некоторых ученых-врачей, отрицающих все виды медицины, но решительно и упорно занимающихся профессиональным самосовершенствованием;

и не стремясь к познанию свойств и действия лекарств, они тем не менее предлагают их в чрезмерном изобилии, как бы пытаясь задобрить болезнь. Это можно в сравнении перенести на тех, кто пишет многочисленные трактаты о структуре исторических трудов и о форме слов и предложений. Итак, за всеми этими рассуждениями следует то, что мы будем исследовать исторический материал на основе всех книг, содержащих достоверную информацию о прошлом. Обратимся к библиотекам, имеющим работы многих историков, которые могли бы более верно изучаться и трактоваться, тем самым возрождаясь из небытия; нам надлежит обсудить и риторические упражнения, а также обратиться к повествованиям и текстам по грамматике, определяющим правильность употребления слов и оформления предложений; затем упорядочим то, что именуем историческим методом. Эта работа тоже имеет несколько направлений: вначале мы разделим предмет и определим его, затем укажем последовательность чтения; после этого приведем в порядок и найдем соответствия, исходя из истории человеческих поступков, ибо это поможет запоминанию; после чего мы рассмотрим формы управления государством, в которых главным образом воплощен и так привлекает порядок истории; затем мы опровергнем тех, кто поддерживает идею четырех монархий и золотого века. Приступая к объяснению этих вещей, мы будем стараться пролить свет на церковный мрак и запутанную логику теологии, дабы уяснить, где искать начало истории, в какой точке оно проступает. Наконец, мы разоблачим ошибки тех, кто поддерживает идею независимого или мифологического происхождения рас. В заключение мы постараемся собрать вместе и упорядочить известных историков таким образом, чтобы любому, куда бы ни уводило его обилие знаний, было ясно, о чем каждый из них писал и в какой период жил.

Глава I. Что такое история и какова она

Существует три вида правдивого описания истории, а значит, и сама история как бы подразделяется на три вида: человеческую, естественную и Божественную. Первый вид относится к человеку, второй – к природе, третий – к Создателю (Творцу природы). Первый изображает поступки человека, его жизнь в обществе; второй обнаруживает действительные возможности, скрытые в природе, и объясняет их движение от самых истоков; третий рассматривает силу и власть Бога и бессмертных душ. Отсюда возникает тройное деление – на вероятное, неизбежное и священное, предначертанное свыше. Столько же существует и добродетелей, а именно – рассудительность, знание и вера. Первая отделяет низкое от достойного, вторая – истинное от ложного, третья – благочестие от нечестивости. В первом случае господствуют доводы, рожденные силой разума, и стремление двигаться к намеченной цели. Первую добродетель называют «руководительницей челове-

ческой жизни". Вторую, исходя из свойственного ей поиска скрытых причин всего, называют „изобретательницей". Последнюю, основанную на любви к одному Богу, называют „разрушительницей пороков". Три добродетели, взятые вместе, создают истинную мудрость, высшее и совершенное человеческое благо. И тот, кто следует в жизни этому благу, зовется блаженным. И поскольку мы вступаем в сей мир, чтобы обладать этим благом, то было бы верхом неблагодарности не принять от Бога дарованное нам благо. Несчастны отвергнувшие его. С другой стороны, в достижении его несомненную помощь окажут все три вида истории, но особенно велика помощь от Божественной, которая сама по себе может сделать человека счастливым, без знания скрытых причин и практического опыта. Однако я твердо верю, что, если они соединятся, это приведет к резкому умножению человеческого благополучия. Отсюда логически вытекает, что мы будем искать начало в истории Божественных вещей. Сама творящая природа заложила в человеке наипервейшее чувство самосохранения, и лишь затем удивление перед природными явлениями толкнуло его к исследованию причин этих явлений. Замечено, что, начав с размышлений о себе, затем – о своей семье, затем – вообще об обществе, люди в конце концов обращаются к исследованию природы и, наконец, к истории бессмертного Бога, то есть к созерцательности. Затем, отрешившись от низменных соблазнов, приходят к пониманию руководителя всего сущего. Именно поэтому кажется, что мы должны начать с истории дел человеческих, ибо сначала от высшего Божества в душах детей зарождаются понятия не только достаточные, но и необходимые, чтобы стать корнями для веры и согласия, но насколько трудно вера и согласие приходят в души тех, кто еще не знает секретов истинной философии. Подняться к истокам можно лишь постепенно, много и серьезно размышляя о вещах. Эти размышления действительно постепенно возвышают разум над чувствами, которые, как волны, захлестывают большинство людей. Однако люди, наверное, никогда не смогут освободиться от чувств, и их взгляды будут застилать эмоции, которые подобно туману скрывают свет истины. Из чего следует, что те, кто начинает с Божественной истории, опуская размышления об историях человеческой и естественной, уподобляются детям или несведущим людям, рассуждающим о Божественных делах. Они не только себя тешат ложной надеждой, но и губят многих мнимым величием. И поэтому тем, кто выходит из мрака и плотной мглы на свет, мы советуем, чтобы поначалу они приучили глаза к дневному свету и сиянию Земли, после чего посмотрели на облака, потом – на Луну, чтобы со временем иметь возможность взглянуть на само Солнце, но только после того, как хорошо укрепится их зрение. То же самое нужно делать в отношении несведущих, чтобы они научились вначале усматривать Божественную благодать и величие в делах человеческих, далее – в ясных началах природы, после этого – в стройности небесных тел, затем – в замечательном устройстве всего мира: в движении, в гармонии, в форме; и

так постепенно, шаг за шагом, приближаться к той благодати, которая существует для нас лишь в единении с Богом, связывая также и с корнями рода. И только тогда мы внутренне вновь соединимся с Ним. Мне кажется, что те, кто представляет историю иначе, нарушают природные законы.

Поскольку история всех трех видов старательно изменена серьезными учеными мужами и дошла до нас в записях переписчиков, то для себя я отвожу роль восстановить порядок и соразмерность в этих записях, читая их и тщательно обдумывая, особенно в той части, которая касается истории дел человеческих, учитывая, что божественная, так же как и природная, история очень отличается от человеческой – и не только в причинных связях, но и целью. Естественная история имеет заданную и постоянную последовательность причин, если божественная власть не оставляет ее хотя бы на миг без внимания. Но если это происходит, то все вверяется творцу текущей материи и отцу всего злого. С одной стороны, мы наблюдаем проявления искаженной природы и монстров, с другой – из ряда вон выходящие явления, чудеса. Это приводит к тому, что в нас одновременно возникают и суеверия, и религиозные чувства. Но Божественное воссияет, оно светло и ясно является и освящается, чтобы быть очевидным для рода человеческого.

Однако, поскольку человеческая история большей частью проистекает из человеческой воли, которая весьма противоречива и зачастую не находит выхода, постольку постоянно возникают новые законы, формируются новые нравы, новые институты, новые религиозные обряды. Вообще человеку в деяниях его присуще впасть во все новые ошибки, если только он не руководствуется природой, то есть естественным порядком. Природа может исказиться изначальным отсутствием Божественной мудрости, но если мы отклонимся от вершины Божественной мудрости, то впадем во всевозможные грехи. Хотя, истинно, разум человека, ощутивший прикосновение вечного Божественного разума, отделяет себя от всей земной бездны настолько, насколько это вообще возможно. Но разум столь глубоко увяз в порочной материи, так изменяется под ее влиянием и впадает в разлад с самим собой, что без помощи Бога он уже не способен ни подняться, ни достичь хотя бы крупицы справедливости, ни действовать в соответствии с природой. Из этого следует, что до тех пор, пока мы будем впасть в заблуждение благодаря несовершенству наших чувств и обманываться ложными представлениями о вещах, мы не сможем отделять пользу от бесполезности, честность от бесчестия, правду от лжи. И хоть мы уменьшаем мудрость, облекая ее в слова, это тем не менее составляет меньший грех, чем забвение мудрости прошлого. Ибо ничто не является большим или более необходимым, чем история, особенно когда это касается поступков, событий, которые бегут по кругу, повторяя сами себя. Мы полагаем, что для понимания этого необходимо прикладывать значительные усилия, особенно людям, неспособным к у-

диненному образу жизни, тем, кто связывает свою жизнь с объединениями и сообществами людей.

Итак, из трех видов истории мы оставляем Божественную – теологам, естественную – философам, в то время как сами будем заниматься, усердно и неспешно, человеческими действиями, поступками и их правилами.

Что касается человеческой истории, то она бывает общей и частной. Последняя охватывает сказанное и сделанное одним человеком или одним народом, однако достойное упоминания. Действительно, хотя академики мудро полагают, что ничто сотворенное не может считаться никчемным, все-таки история не должна останавливаться на бесполезных и незначительных поступках. Общая история описывает деяния сообществ многих людей, или народов, или целых государств. Таким образом, история имеет две стороны: ведь описываются или поступки многих народов, например персов, греков, египтян, или всех, о деяниях которых до нас дошли сведения, или самых знаменитых. Это обычно делается разными способами. Иногда описываются события одного времени, то есть определенного периода (срока): либо месяца, либо года, – отсюда берут свое начало дневники, то есть повседневные записи, или анналы. Иногда история берет свое начало от возникновения какого-либо государства или от истоков памяти – тогда описываются возникновение, рост, перемены и гибель. Это также имеет два подхода: сжатое изложение и пространное, – из чего берут свое название хроника и хронология.

Примечания

ⁱ Герострат – жаждавший славы житель Эфеса, по преданию в 356 г. до н.э. поджег храм Артемиды в Эфесе в ночь рождения Александра Македонского. По решению жителей ионийских городов его имя было предано вечному забвению, но о нем упоминает греческий историк Феопомп (Теопомп) из Хиоса (377–после 320 г. до н.э.).

ⁱⁱ Катилина Луций Сергий (108–62 г. до н.э.) – обедневший римский патриций, сделавший состояние в период сулланских проскрипций. Потерпев несколько раз неудачу на консульских выборах, он организовал заговор с целью ликвидировать республиканские устои и овладеть единоличной властью. Цицерон, будучи консулом, получил сведения о намерениях Катилины, приказал его арестовать и казнить. После неудавшегося покушения на жизнь Цицерона Катилина бежал из Рима и собрал войско в Этрурии. В сражении при Пистории был побежден и пал в бою. Тит Ливий (59–17 г. до н.э.) повествует о заговоре Катилины в сочинении “История Рима от основания города”.

ⁱⁱⁱ Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (37–68 гг.) – римский император с 54 г. До 62 г. юный император находился под влиянием начальника преторианцев Бурра и своего бывшего наставника Сенеки, ориентировавшего его на сближение с сенатом. В этот период были преобразованы финансовая система и судопроизводство. После смерти Бурра Нерон фактически отстранился от управления государством. С назначением нового начальника гвардии Софония Тигеллина в 62 г. начинается период деспотического произвола. Летом 64 г. разразился пожар Рима. Чтобы отвести от себя подозрения Нерон обвинил в поджоге христиан. С 64 г. Нерон публично выступает как певец, актер и возница на арене цирка. Измена преторианской гвардии и осуждение сената вынудили Не-

рона покончить с собой в загородной вилле вблизи Рима. По его приказу были убиты его сводный брат Британик, его мать Агриппина и жена Октавия (сестра Британика). Тиберий Клавдий Нерон (42-37 н.э.) – Боден называет его Августом, потому что он был усыновлен Августом. В 13 г. стал соправителем, а после смерти Августа – императором. Тацит изображает его тираном, подозрительным и лицемерным. Биография Тиберия была написана Светонием.

^{IV} Гай Светоний Транквилл (ок. 70-ок.140 г.) – римский писатель, из сословия всадников, при Адриане руководел императорской канцелярией, но впал в немилость. Оставил обширное наследие, но из его многочисленных трудов полностью до наших дней дошли только жизнеописания 12 первых императоров – от Цезаря до Домициана (“О жизни цезарей”), в них использованы архивы и сообщения современников, биографии расположены согласно четкой схеме и призваны развлекать читателя. От второго его крупного произведения, содержащего биографии известных поэтов, риторов, грамматиков и историков (“О блистательных мужах”), сохранились лишь фрагменты.

^V Публий Корнелий Тацит (ок.55-ок.20 г. н.э.) – последний великий римский историк, родился в аристократической семье, в молодости был известен как оратор, в 112 г. стал проконсулом римской провинции Азия. Как писатель Тацит стал известен после смерти императора Домициана (98 г.). Основные произведения: “Жизнь и характер Юлия Агриколы”, “Германия”, “Диалог об ораторах”, “История” в 14-и книгах, “Анналы” (“История от смерти божественного Августа”) в 16 книгах.

^{VI} Эги, Бура, Гелика – греческие города, разрушенные в результате природных катаклизмов.

^{VII} Альфонс – вероятно, имеется в виду Альфонс XI (1311-1350), король Кастилии и Леона, вел централизаторскую политику, успешно воевал с арабами. Фердинанд II Арагонский (1452-1516) – король Арагона с 1479 г., Сицилии с 1468 г., фактически первый король объединенной Испании.

^{VIII} Квинт Курций Руф – римский историк около 50 г. н.э. (или в сер. 2 в.) написал обширный исторический трактат в 10 книгах, посвященный эпохе и правлению Александра Македонского.

^{IX} Лоренцо Великолепный Медичи (1449-1492) – правитель Флоренции с 1469 г. Меценат, способствовал развитию культуры Возрождения, поэт.

^X Конрад III Штауфен (1093?-1152), германский император.

^{XI} Публий Корнелий Сципион Африканский (ок.185-125 г. до н.э.) – полководец и политический деятель. Приемный внук Сципиона Старшего, имел прозвище “Младший”. Воевал в Испании и Африке, в 146 г. до н.э., будучи консулом, захватил и разрушил Карфаген. Как прекрасный знаток и распространитель греческого языка и культуры, он стремился к тому, чтобы усилить в Риме греческое культурное влияние. В кругу его друзей (“кружок Сципиона”) были философ Паннций, историк Полибий и поэт Теренций.

^{XII} Ксенофонт Афинский (ок.430 — после 355 г. до н.э.) – историк и писатель, ученик Сократа. Принял участие в походе Кира Младшего против Артаксеркса. Автор исторических трудов “Анабасис”, “Греческая история”, а также тенденциозного педагогического романа “Киропедия” или “Воспитание Кира”, где Ксенофонт, с поэтической вольностью описывая жизнь Кира Старшего, излагает собственные мысли об образовании и воспитании идеального правителя.

^{XIII} Селим I Грозный (Явуз) (1467/68 или 1470-1520 г.) – турецкий султан с 1512 г. В ходе завоевательных войн подчинил Восточную Анатолию, Армению, Курдистан, Северный Ирак, Сирию, Палестину, Египет, Хиджас.

^{XIV} Гай Юлий Цезарь (100-44 гг. до н.э.) – римский политический деятель и полководец. Из литературного наследия до нас дошли “Записки о галльской войне” в 7-и книгах, “Записки о гражданской войне” в 3-х книгах.

^{XV} Александр III Великий Македонский (356-323 гг. до н.э.) – воспитанник Аристотеля, один из великих античных полководцев и завоевателей, военные компании которого отличались дерзостью и полководческим искусством, создатель огромной империи.

^{xvi} Карл V Габсбург (1500-1558 гг.) – император “Священной римской империи” в 1519-1556 гг. Пытался под знаменем католицизма осуществить план создания “мировой христианской державы”. Вел войны с Францией (Итальянские войны), с Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с германскими князьями-протестантами и после заключения с ними Аугсбургского мира в 1555 г. отрекся от престола.

^{xvii} Людовик XI Валуа (1423-1483) – король Франции с 1461 г. Проводил политику централизации, подавлял проявления сепаратизма, Присоединил к королевскому домену ряд территорий, в том числе Анжу, Пикардию. Покровительствовал городам и развитию торговли. В его правление были составлены “Большие французские хроники”.

^{xviii} Филипп де Коммин (ок. 1447-1511) – французский политический деятель и историк. Написал сочинение “Хроника и история, содержащая события, происшедшие во время царствования короля Людовика XI и Карла VIII, за период от 1464 до 1498 гг.” и “Мемуары”.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

А.И.Борозняк (Липецк)

Реалии "обыкновенного фашизма" в зеркале локальных историко-антропологических исследований¹

В 70-е годы перед исторической наукой ФРГ открылись новые горизонты, существенно обогатилась источниковая база, инструментарий, технология исследований. Крупные достижения были сделаны прежде всего в исследовании "микрокосмоса" общественных отношений в нацистской Германии, были начаты (преимущественно на локальном уровне) изыскания в области "истории повседневности" — массового поведения и массового сознания, ментальности немцев в условиях "третьего рейха"². Историческая наука вступила в прямое соприкосновение с "обыкновенным фашизмом", с жизнью простых людей, которые не столько творят историю, сколько страдают от истории. Начала осуществляться мечта Вальтера Беньямина — немецкого мыслителя-антифашиста, трагически погибшего в начале второй мировой войны: "Необходимо реконструировать историю, рассматриваемую с точки зрения жертв, приговоренных к молчанию"³.

"Речь шла не о новой исторической дисциплине, — подчеркивал Петер Штайнбах, — но о новой перспективе исторического видения. Эти перемены нельзя описать в терминах типа "другая история" или "история снизу". История повседневности, социальная и региональная история способствуют смене перспективы"⁴. Одновременно ученые предостерегали от односторонности в оценках новых научных направлений, развитие которых не должно было "привести к отказу от изы-

¹ Автор признателен сотрудникам Фонда Кёрбера (Гамбург) д-ру Лотару Диттмеру и д-ру Рольфу Кёрберу, без помощи которых подготовка этой статьи оказалась бы невозможной.

² Наибольший отклик в ФРГ получили Баварский проект ("Бавария во время национал-социализма"), осуществленный под руководством директора Института современной истории (Мюнхен) Мартина Брошата, и Рурский проект ("История повседневной жизни и социальной структуры в Рурской области"), выполненный группой Лутца Нитхаммера. См.: Bayern in der NS-Zeit. Bd. 1-6. München, 1977-1983; Broszat M., Fröhlich E. Alltag und Widerstand — Bayern im Nationalsozialismus. München, 1987; Lebensgeschichte und Sozialstruktur im Ruhrgebiet. Bd.1-3. Bonn, 1983-1985.

³ Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd.2. Frankfurt a.M., 1980. S.693.

⁴ Steinbach P. Kleine Stadt und große Geschichte // Lernort Dachau. München, 1988. S.22.

сканий, базирующихся на традиционно-научной теории"⁵ По мнению Генриха Августа Винклера, усилиями нового поколения историков был проложен путь к "скрытому для нас измерению исторической реальности", потому что "только из альтернативных источников мы можем узнать, каким был образ мысли немецкого народа в 1933-1945 гг.", его политическое поведение в широком диапазоне от полного одобрения режима до оппозиции⁶. Детлеф Пойкерт отмечал, что исследование "обыкновенного фашизма" раскрывает "поражающую картину "нормальной жизни", оборачивающейся террором"⁷. Режим не только подавлял разум и волю масс, но и не без успеха соблазнял эти массы. Ученые исследовали, как действовали механизмы, превращающие нормального человека в "попутчика", затем и в соучастника преступлений, и нередко в палача.

Воздействие качественных сдвигов в исторической науке ощущалось за пределами научного сообщества. Параллельно с исследованиями профессионалов развернулось движение историков-любителей, было создано объединение локальных "исторических мастерских". "Во многих городах любители истории начали самостоятельно открывать прошлое... — отмечали активные участники движения Ханнес Геер и Фолькер Ульрих. — Они хотят изучать "историю снизу", с точки зрения тех, кто ее пережил и выстрадал". Их деятельность приобрела "особую взрывчатую силу": речь шла о "запретных темах локальной истории времен третьего рейха": "Прошлое, которое казалось мертвым, живо — под его кожей пульсируют прежние раны. Шла ли речь о забытом концлагере или о роли местной элиты в период коричневой диктатуры, или о страданиях женщины, тайно полюбившей польского "иностранного рабочего" — последствиями всюду были волнения и столкновения... Новое историческое движение не только дало ход механизмам, находящимся внутри научного цеха и вне его, оно изменило самих участников этого движения"⁸.

Мало-помалу менялась ситуация в школьном преподавании истории. Хотя и медленно, но уходили в прошлое времена, о которых писал

⁵ *Herbert U. Vor der eigenen Tür // Nazis und Nachbarn. Schüler erforschen den Alltag im Nationalsozialismus.* Reinbek, 1982. S.26.

⁶ *Alltagsgeschichte der NS-Zeit.* S.29-30.

⁷ *Peukert D. Alltag und Barbarei // Ist der Nationalsozialismus Geschichte?* Frankfurt a.M., 1987. S.61. Об изучении повседневной жизни в "третьем рейхе" см.: *Focke H., Reimer U. Alltag unterm Hakenkreuz.* Bd.1. Reinbek, 1979; *Die Reien fast geschlossen. Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus.* Wuppertal, 1981; *Peukert D. Alltag unterm Nationalsozialismus.* B., 1981; *Idem. Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde.* Köln, 1982; *Alltagsgeschichte der NS-Zeit. Neue Perspektive oder Trivialisierung?* München, 1984; *Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus. Probleme der Sozialgeschichte des deutschen Faschismus.* Münster, 1995; *Людтке А. "История повседневности" в Германии после 1989 года // Казус 1999. Индивидуальное и уникальное в истории.* М., 1999.

⁸ *Geschichte entdecken. Erfahrungen und Projekte der neuen Geschichtsschreibung.* Reinbek, 1985. S.9, 29-30.

Ульрих Герберт: "После того, как улеглись страсти первых послевоенных лет, в гимназии — вместе с прошедшими сквозь денацификацию учителями — вернулась нечистая совесть. Вплоть до конца 60-х темы о национал-социализме либо не проходились вовсе ("дошли до Бисмарка, а там и выпускной экзамен"), либо трактовались так, что не обнаруживалось никаких эмоций ни у учителей, ни у учеников"⁹. В школу пришло новое поколение учителей. Важную роль в постижении горькой правды о национал-социализме сыграли пробуждавшие у западногерманских юношей и девушек чувства вины и ответственности произведения талантливых писателей Генриха Бёлля, Рольфа Хоххута, Вольфганга Кёппена, Альфреда Андерша, Зигфрида Ленца, Гюнтера Грасса, Петера Вайса, Мартина Вальзера.

Немалую роль сыграл и шоковый резонанс американского художественного телесериала "Холокост", прошедшего в начале 1979 г. по западногерманскому телевидению и рассказавшего потрясенным немцам о трагедии "окончательного решения еврейского вопроса" в нацистской Германии и в оккупированных странах Европы. Издательница газеты "Цайт" графиня Марион Дёнхофф назвала телефильм "уроком истории для всех немцев"¹⁰. Генрих Бёлль надеялся, что для будущего историка германского общественного сознания время станет делиться на периоды до фильма "Холокост" и после него¹¹. "Зюддойче цайтунг" выражала надежду на то, что "во многих школах только теперь преподавание истории начнется по-настоящему"¹².

Для выбора темы о повседневной жизни немцев в период "третьего рейха" созрели определенные предпосылки. Мыслящих людей ФРГ беспокоила нарастающая активность неонацистов — людей, выступавших против самой идеи преодоления коричневого прошлого. Как отмечал Норберт Фрай, в конце 70-х и в начале 80-х гг. в ФРГ вопреки всем препятствиям шло "формирование специфической политической культуры, в рамках которой центральное значение получило активное историко-моральное противостояние нацистскому прошлому"¹³. Происходили трудные сдвиги в массовом историческом сознании. Вопреки противодействию консервативных сил, вопреки инерции забвения были открыты мемориалы на месте бывших фашистских лагерей смерти в Нойенгамме (близ Гамбурга), в Флоссенбурге (близ Регенсбурга), Вевельсбурге (близ Падерборна).

Следует иметь в виду и немаловажный фактор смены поколений. Бернд Ладвиг на основе проведенных им и его коллегами социологи-

⁹ Herbert U. Op. cit., S.10.

¹⁰ Die Zeit, 2.II.1979.

¹¹ Bergmann W. Antisemitismus in öffentlichen Konflikten. Frankfurt a.M., 1997. S.360.

¹² Süddeutsche Zeitung, 20.II.1979.

¹³ Frei N. NS-Vergangenheit unter Ulbricht und Adenauer // Die geteilte Vergangenheit. Berlin, 1995. S.127.

ческих исследований приходит к выводу, что у каждого из сменяющих друг друга послевоенных поколений немцев существуют свои "стандарты публичного извлечения уроков из политической вины нацистской диктатуры"¹⁴. Продолжая эту мысль, Хайнц Буде пишет о характерных для различных поколений "определенных препятствиях, маршрутах и поворотах в обращении с исторической памятью". "Поколение 68-го", указывает он, было последним, которое располагало фрагментарными воспоминаниями о крахе "третьего рейха", а для молодых людей "тема нацистского прошлого приобрела рефлексивный характер", "это уже не воспоминания, это уже история"¹⁵. С уходом из жизни немцев, для которых нацистская диктатура является фактом собственной биографии, субстанция коллективной памяти исчезает и замещается довольно приблизительными коллективными представлениями. По подсчетам Михаэля Кольштрука, в 1984 г. удельный вес "первого поколения", т.е. переживших нацистский режим в сознательном возрасте, составлял среди населения ФРГ примерно 12%, а их детей ("второго поколения") — около 20%. Для остальной части немецких граждан образы фашизма и войны были достаточно абстрактны. "С позиции третьего поколения, — отмечает Кольштрук, — национал-социализм является частью истории, с позиции первого и второго поколений — частью собственной биографии"¹⁶.

С 1973 г. в ФРГ по инициативе федерального президента Густава Хайнемана (1899-1976) проводятся ежегодные конкурсы индивидуальных и коллективных работ школьников по германской истории. Социал-демократ, человек прогрессивных убеждений, Хайнеман предложил сделать основой конкурсов идею демократических традиций в Германии. Уже первая тема конкурсных сочинений ("Революция 1848 г.") была достаточно рискованной для тогдашней ФРГ. Вторая тема вызвала еще больше сомнений и пересудов: "Ноябрьская революция". Выбор Хайнемана, обусловленный заботой о духовной ориентации западногерманской молодежи, являлся одновременно своеобразным вызовом официальной исторической концепции ГДР. В пропагандистских материалах СЕПГ были четко отделены друг от друга две непересекающиеся, изолированные линии преемственности: негативная, империалистическая линия, которая напрямую ведет от кайзеровской Германии через "третий рейх" к ФРГ, и позитивная, антифашистская линия — от революционного рабочего движения через КПГ к ГДР.

Для проведения конкурса необходима была финансовая и организационная поддержка, министры и парламентарии западногерманских

¹⁴ *Ladwig B. Politische Selbstverständigung im Schatten der nationalsozialistischen Vergangenheit // Vergangenheitsbewältigung. Baden-Baden, 1997, S.61.*

¹⁵ *Bude H. Die Erinnerung der Generationen // Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts. Opladen, 1998. S.72, 82-83.*

¹⁶ *Kohlstruck M. Zwischen Erinnerung und Geschichte. Berlin, 1997. S.79, 289-291.*

земель (в их преимущественном ведении находятся вопросы культуры и образования) не торопились ее оказывать, но Хайнеман нашел верного союзника в лице своего старого друга — гамбургского промышленника, изобретателя, владельца машиностроительного концерна Курта Кёрбера (1909-1992). Кёрбер основал благотворительный фонд, выделяющий для проведения конкурса ежегодно около 500 тыс. марок. Один из сотрудников мецената вспоминал о нем: "В Кёрбере постоянно присутствовало что-то от юноши. Он предпочитал (и это льстило его честолюбию) щедро финансировать хорошие идеи, нежели осуществлять покупку имущества или яхты". "Я считаю, — говорил Кёрбер, — что извлечение уроков из прошлого непременно принесет значительную прибыль в будущем. Нужно очистить от пыли зеркало прошлого и не мешать тому, чтобы молодое поколение могло мыслить самостоятельно", а также "рационально, бескомпромиссно и результативно извлекать уроки из исторического опыта"¹⁷.

Усилиями Кёрбера и его помощников были оперативно сформированы кураторий конкурса, научный совет и жюри, к работе были привлечены не только известные историки и педагоги, но и представители "мятежного поколения 68-го", которые являлись в резиденцию президента на заседания куратория в свитерах и джинсах. И что же респектабельный Кёрбер? "Он никогда не высказывался по этому поводу" — говорит один из основателей конкурса. Результаты первого конкурса — вопреки скептицизму многих учителей и журналистов — превзошли ожидания организаторов. На суд компетентного жюри было представлено более семи тысяч сочинений. Член куратория профессор Клаус фон Бисмарк, бывший офицер вермахта, после войны — руководитель телерадиокомпании ВДР, президент Института имени Гете, вспоминал: "Школьники меняли сложившиеся, в том числе и мои, мнения. Авторы работ были более самостоятельными и более оптимистичными, чем мне представлялось. У них были собственные идеи! Они совсем не думали о том, чтобы тащиться вслед за учителем"¹⁸.

В сентябре 1980 г. была объявлена очередная тема конкурса школьных сочинений: "Повседневная жизнь во время нацистской диктатуры: от краха Веймарской республики до второй мировой войны". Через два года задание было продолжено: "Повседневная жизнь во время нацистской диктатуры: годы войны". Обращение к этой нелегкой проблематике было прямо связано и с изменениями морального климата общества, и с результатами научных исследований табуированной прежде тематики "третьего рейха", и с поисками альтернативы изживавшим себя подходам в школьном преподавании.

Научный совет Фонда Кёрбера провел тщательную подготовку к конкурсу о повседневной жизни немцев в период "третьего рейха".

¹⁷ Spuren suchen spezial. Hamburg, 1998. S.27, 34; Die Körber-Stiftung. Ein Porträt. Hamburg, 1994. S.24.

¹⁸ Spuren suchen spezial. S.29.

Обращаясь к учителям — потенциальным руководителям проектов, члены научного совета предупреждали их об опасности "упрощений, связанных со сведением нацистской диктатуры к личности Гитлера или представлениями о режиме как монолитной, свободной от противоречий системе". Главное состояло в том, чтобы побудить школьников "за признаками повседневной "нормальной жизни" разглядеть сущность системы", "перебросить мостки между историей и современной жизнью школьников". Организаторы конкурса ориентировали его юных участников не на пересказ событий 1933-1945 гг. на общегерманском уровне, но — на рассмотрение "образа действий жителей родного города, людей, которые были сторонниками, противниками, попутчиками режима". Вопросы, обращенные к конкурсантам, были сформулированы следующим образом: "Как выражал себя в сфере повседневности преступный характер режима?"; "Какие правовые нормы были грубо нарушены и почему же столь многие люди активно поддерживали режим или приспособлялись к нему?". И, наконец: "Каким должно быть ваше мировоззрение, какими должны быть ваши действия, направленные на мирное сосуществование людей и народов?"¹⁹.

Едва правление Фонда успело объявить условия конкурса, как консервативная "Франкфуртер альгемайне" поспешила приписать учителям попытку "тенденциозного обучения" школьников и подрыва "цельного представления об истории". Поводом для обвинения было наличие в списке рекомендованной литературы трудов историков левой ориентации, которые именовались "материалами агитпропа", "инструментом советской пропаганды"²⁰. С протестами против попыток дискредитации конкурса выступили школьные учителя, известные исследователи Лутц Нитхаммер, Кристоф Клессман, Рейнгард Рюруп, Юрген Ройлеке. Социал-демократический "Форвертс" выразил уверенность, что консервативным силам не удастся "помешать развитию демократического исторического сознания молодежи, необходимому извлечению уроков из прошлого"²¹. Одна из провинциальных газет констатировала: процесс "опоздал на целое поколение, но еще не поздно помочь именно этому поколению понять, как фашизм пришел к власти"²². Еженедельник евангелической церкви писал: "Будем рады тому, что есть этот конкурс и дадим ему идти своим естественным путем. Его результаты опровергнут аргументы недобросовестной критики"²³. Активными поборниками конкурса стали учителя нового поколения, прошедшие через горнило студенческих выступлений 1968 г.

¹⁹ Alltag im Nationalsozialismus 1933 bis 1939. Jahrbuch zum Schülerwettbewerb Deutsche Geschichte um den Preis des Bundespräsidenten. Braunschweig, 1982. S.7, 299-300, 303-304, 312.

²⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.X.1980.

²¹ Vorwärts, 4.XII.1980.

²² Heilbronner Stimme, 9.VIII.1980.

²³ Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt, 2.XI.1980.

Сначала некоторые педагоги и известные историки, входившие в кураторий и в научный совет Фонда, сомневались в успехе проекта, предполагая, что учащиеся не сумеют справиться с "деликатной" и "рискованной" тематикой. Участники совещания научного совета фонда, которое состоялось в ноябре 1979 г., задавали резонные вопросы: не сведутся ли конкурсные работы к простому пересказу документов, не окажутся ли школьники жертвами политических манипуляций. Но результаты конкурса оказались, как отмечали позднее его организаторы, "столь же значительными, сколь и неожиданными". В двух этапах соревнования участвовало около 19 тыс. школьников, которые — коллективно или индивидуально — представили 3340 работ²⁴. Тематика сочинений была чрезвычайно разнообразной: судьбы отдельных людей (нередко родственников авторов проектов), концлагеря, преследование еврейских граждан, локальные организации Сопротивления, церковь и школа, молодежные организации в условиях "третьего рейха" и др. Школьники работали в местных архивах, изучали локальную прессу, опрашивали очевидцев и участников событий. "Когда работы начали поступать в жюри, — вспоминал гамбургский педагог Бодо фон Боррис, — их количество и качество превзошли все наши ожидания... Поражала способность детей проявить симпатию к жертвам нацизма, понять ситуацию, в которой оказались попутчики режима"²⁵. Ученики гимназий, реальных школ, профессиональных училищ узнали то, о чем не было ни слова в их учебниках: "о том, что рассказанный анекдот стал роковым в судьбе тогдашнего учителя, о том, что соседний дом прежде принадлежал семье евреев, о том, что в их родном городе были уничтожены дети-инвалиды, о том, что в предместье находился концлагерь, о котором никто не хочет вспоминать..."²⁶

Передо мной фрагменты двух конкурсных сочинений: "Я спрашивал своих родителей и не встретил понимания. Они не хотели со мной говорить... Они испытывали чувство неловкости, они как-то стыдились вмешательства в их жизнь. Они виноваты в том, что не помешали преступлениям нацистов"; "Мы узнали о том, как граждане ФРГ извлекают (или не извлекают) уроки из прошлого. Это не пыль веков, это живое прошлое, в пределах которого мы еще живем и будем жить"²⁷. Беседуя о "том времени" с родителями или соседями, работая в городских архивах и библиотеках, встречаясь с бывшими узниками концлагерей, школьники ясно ощутили, сколь неполными и фальшивыми были их знания о нацистском режиме. Получалось так, писал о своих

²⁴ Die Körber-Stiftung. Ein Porträt. S.28.

²⁵ Borries B. von. Ein Übungsfeld für Selbstprobung und Geschichts-erkundung // Geschichte, wie sie nicht im Schulbuch steht. Rehburg-Loccum, 1991. S.63.

²⁶ Galinski D., Lachauer U. Vorwort // Alltag im Nationalsozialismus 1933 bis 1939. S.7-8.

²⁷ Lehrke G. Gedenkstätten für Opfer des Nationalsozialismus. Frankfurt a.M., 1988. S.220-221, 262.

прежних представлениях один из участников конкурса, что "в 1933 г. некие коричневые люди появились из космоса, приземлились в Германии и непонятным образом исчезли в 1945 г."²⁸.

"Почему ты решил участвовать в конкурсе?" — такой вопрос задали его лауреатам сотрудники Фонда Кёрбера. Ответы оказались несхожими. Показательно мнение Дирка Румберга, школьника из баварского городка Дахау, расположенного рядом с широко известным бывшим концлагерем. После показа телефильма "Холокост" в Дахау стали раздаваться голоса о том, что достаточно "вспоминать о том времени", что "этот мемориал пора закрыть" и "соорудить на его месте что-нибудь полезное — футбольное поле или фабрику". Директор школы, сославшись на мнение министерства, отказался использовать материалы телефильма в учебном процессе. Стихийно возникло независимое общество "За изучение истории Дахау в новейшее время", сторонником которого стал Дирк. Иной была мотивация Моника Мёллер, выпускницы гимназии из Харбурга (Северная Германия). Она приняла решение об участии в конкурсе после проведенной в школе "антифашистской недели", во время которой проводились экскурсии и кинопросмотры. Но для Моника это мероприятие показалось "чересчур официальным", и она "захотела узнать, что же происходило на самом деле". Как отмечал Дирк Хасс, выпускник профессионального училища из Дормунда, инициатором его участия в конкурсе был учитель, который обратился к классу со словами: "Как вы отнесетесь к тому, что мы вместе будем писать книгу о временах нацизма?" Проект Дирка Хасса и его товарищей был удостоен первой премии, значительные фрагменты работы были опубликованы сразу после ее завершения.

Вот к каким "взрослым" выводам Дирк Румберг пришел во время работы над проектом: "Исследование национал-социализма — это нечто принципиально иное, чем исследование Тридцатилетней войны. Я должен постоянно придерживаться определенной политической позиции. Политику и историю просто-напросто невозможно отделить друг от друга... Главный вопрос для меня состоит в следующем: что нужно делать, дабы помешать возрождению нацистской системы"²⁹.

В рамках тура 1982-1983 гг. "Повседневная жизнь при национал-социализме" около четверти представленных сочинений было посвящено трагической участи советских военнопленных и насильственно угнанных для рабского труда в Германии советских граждан. И это в условиях, когда в "большой исторической науке" замалчивалась позорная страница германского прошлого и даже предпринимались попытки выдать бесчеловечную систему рабского труда чуть ли не за прообраз интегрированной Европы.

²⁸ Erziehung nach Auschwitz. Pfaffenweiler, 1989. S.103.

²⁹ Wir haben haarsträubende Sachen erfahren // Nazis und Nachbarn. S.285-287, 302-304.

В августе 1944 г. в промышленности на территории рейха было занято более 8 млн. иностранных рабов. Из оккупированных территорий Советского Союза в Германию было депортировано 2,5 млн. гражданских лиц (большой частью молодых женщин). Было создано более 20 тыс. лагерей для "остарбайтеров", только в Берлине — около трехсот. Формировались лагеря, где содержались русские, белорусские и украинские дети в возрасте от 4 до 15 лет. Официально установленный рацион — полтора литра брюквенной баланды и 300 граммов хлеба в день. Гибель людей была повсеместной. Для лечения "остарбайтеров" было запрещено применять какие-либо медикаменты. "Незнание этих фактов, — отмечали организаторы конкурса, — присуще как школьникам, так и их учителям, равно как и педагогам, излагающим в университетах современную историю. Речь шла о десяти миллионов иностранцев, которых немцы лишили свободы, угнетали и избивали, а в сотнях тысяч случаев убивали. Вплоть до конкурса школьных сочинений об этом знала только небольшая горстка специалистов"³⁰.

Почему юношам и девушкам, родившимся через два десятилетия после окончания войны и выросшим в обстановке сытости и стабильности, запала в душу эта большая тема? Берт Хоппе, школьник из шахтерского городка Гевельсберг (Рурская область), удостоенный первой премии за свое сочинение, рассказывал как, проходя через кладбище, он натолкнулся на заброшенные могилы (27, а рядом еще 80) с русскими именами. "Я был в полном недоумении, я никогда не слышал о русских пленных в Гевельсберге, не говоря уже о том, что они здесь погибли... Для меня это был настоящий удар — узнать о преступлениях, совершенных здесь, в нашем городе... Я был потрясен тем, что здесь погибло больше ста советских граждан, и, завершая свой проект, я был травмирован тем, сколь много людей не извлекли никаких уроков из истории". Уровень первоначальных знаний Берта был нулевым.

Очевидно, немалое число участников конкурса избрали рискованные сюжеты о пленных и "восточных рабочих", руководствуясь морально окрашенным чувством протеста против устойчивого табу на эту тему и в школьном преподавании, и среди окружающих. Вот типичные высказывания авторов сочинений: "Мы были крайне удивлены, узнав что наш городок Твист со всех сторон был окружен лагерями военнопленных. Мы стали исследователями почти что забытых событий второй мировой войны" (совместная работа учеников 9 класса); "Эта тема не освещалась вовсе, как будто ее просто хотели замолчать" (коллективный проект 12-классников из Саарбурга).

Но "собрать отдельные камушки и сложить из них мозаичную картину событий" (как выразился Карстен Ортман из Бохума) оказалось достаточно трудно. Дело было не только в катастрофической нехватке

³⁰ Ausländische Kriegsgefangene und Zwangsarbeiter in Deutschland // Die Kriegsjahre in Deutschland 1939 bis 1945. Hamburg, 1985. S.71.

письменных источников ("только могилы" как "следы событий") или в заведомой тенденциозности гестаповских документов, но прежде всего в том, что свидетели не хотели вспоминать о годах войны. "Их "преодоление прошлого",- сокрушались авторы сочинений, — состоит в том, что они вычеркивают эти события из своей жизни" (Хельга Хеккер из Бибераха). Рядом с констатацией — этическая оценка: "Такое поведение понятно, но эти люди не заслуживают того, чтобы их одобрили их дети и внуки" (Ансгар Герих из Ванне-Эйкеля). Один из конкурсантов дал весьма четкое представление о мучительных вопросах, которые встали перед ним и которые требовали ясных ответов: "Почему сожжены столь многие документы? Почему боятся вспоминать очевидцы? Против кого была направлена ненависть "остарбайтеров", если хозяева непременно утверждают, что "их людям" жилось не так плохо? Кто лежит в братской могиле, о которой никто уже не знает?"

12-классники из Люнена (Северный Рейн-Вестфалия) обнаружили в архивных списках похороненных на русском кладбище немало своих ровесников. Представители молодого поколения с удивлением и ужасом узнавали о нечеловеческих условиях, в которых жили и погибали на территории рейха советские люди: "Слова "русский" или "пленный" можно было заменить словами "собака" или "скотина". И этот цинизм вовсе не ограничивался лексикой: отношение к русским пленным было именно таким" (Берт Хоппе). Или: "В Аахене пленные должны были строить бункеры-бомбоубежища, но во время воздушной тревоги им было запрещено там находиться. На Западном кладбище находятся могилы 60 пленных, погибших при авианалетах" (Георг Аммон). Победительницы конкурса Анне Мирсва и Биргит Кюль из Марля (Рурская область) привели выдержку из письма бывшего советского пленного: "Было очень тяжело: голод, болезни, ужасные условия труда, побои. Дважды в неделю — во вторник и в четверг — мы провожали из нашего лагеря колонны больных, уже неспособных к труду людей. Они направлялись в лагерь уничтожения. За два года состав нашего лагеря, насчитывавшего около двух тысяч человек, сменился трижды".

В юношах и девушках "третьего поколения" проснулось чувство вины, присутствие которого далеко не всегда замечалось у их отцов и дедов. В коллективной работе гамбургских гимназистов 11-го класса говорилось: "Мы уверены, что не только поняли существо событий, мы переживали их вместе с жертвами. И, как бы патетично это ни звучало, мы не только о многом узнали, мы научились сострадать". "Мы хотели, чтобы судьбы военнопленных и иностранных рабочих сохранились в памяти людей, потому что слишком многое уже было предано забвению" — к такому выводу пришли школьники Виллинген-Швеннингена (Баден-Вюртемберг). Еще два высказывания взяты из работ старшеклассников Дуйсбурга и Гамбурга: "Мы хотели вывести из тени прошлого один из периодов нашей локальной истории, чтобы понять, к каким ужасным эксцессам приводит ненависть к иностранцам. Наша

цель состоит в том, чтобы это никогда не повторилось ни в нашем городе, ни где-либо еще"; "Наша работа помогла нам гораздо больше узнать об ужасах второй мировой войны. Мы никогда не думали, что человек может так обращаться с другими людьми. Об этом нельзя прочитать в книгах". Бетина Фогт из Мюнстера с возмущением писала о том, что бывшие пленные и "остарбайтеры" не получают никакой компенсации от властей ФРГ. И совсем не по-детски рассуждала Габриэле Райциг — десятиклассница из Хамма: "Существует прямая взаимосвязь между историческим и политическим сознанием. Современное общество не может, по нашему мнению, пренебречь опытом прошлого. Напротив, этот опыт необходимо использовать, сделать достоянием сегодняшнего дня"³¹.

Большая группа лауреатов конкурса 1982-1983 г. посетила Ленинград, встретилась с бывшими "остарбайтерами" и с участниками блокады. Упомянутая выше Моника Мёллер из Харбурга делилась своими впечатлениями и раздумьями: "Мы хотели узнать, как советские граждане относятся к своей истории, мы хотели помочь тому, чтобы было преодолено отягощающее нас прошлое. При подготовке к поездке выяснилось, что мы не очень-то много знаем об этой стране, которая на карикатурах всегда изображается в виде хищного медведя. На этого медведя в 1941 г. напал германский вермахт, и СССР заплатил за это более чем 20 миллионами жизней. Но в Ленинграде люди, с которыми мы встречались, не упрекали и не обвиняли нас. Они делают различие между немцами и немецкими фашистами. Но как я смогу объяснить гостям из Ленинграда, что в нашем городе воздвигнут памятник тем солдатам, которые маршировали на Восток?"³²

Школьниками были собраны столь многочисленные документы, что на их основе Фондом Кёрбера и Немецкой евангелической церковью была организована передвижная выставка о судьбах советских военнопленных и "остарбайтеров", вызвавшая значительный отклик в различных районах ФРГ³³. На ее открытии в Бонне в апреле 1985 г. присутствовали сотрудники двух десятков дипломатических миссий. Инициатор создания экспозиции Дитер Галински писал: "Спустя несколько лет после открытия выставки забытая, отторгаемая памятью тема страданий и смерти военнопленных и насильственно угнанных рабочих постепенно обрела свое место в общественном сознании Федеративной Республики. Выставка сама уже стала историей". Член жюри конкурса брауншвейгский историк Вольфганг Якобмайер отмечал: "Если

³¹ Конкурсные работы цитируются по тексту магистерской работы Ангелы Хоффман, выполненной в 1998 г. на философском факультете Мюнстерского университета: *Hoffmann A. Schülerforschung zum "Arbeits-einsatz" sowjetischer Kriegsgefangener im Dritten Reich. Münster, 1998.*

³² *Harburger Anzeigen und Nachrichten*, 11.II.1984.

³³ *Das Geheimnis der Versöhnung heißt Erinnerung. Zwangsarbeiter und Kriegsgefangene im "Dritten Reich". Eine Ausstellung der Körber-Stiftung. Hamburg, 1989.*

мы рассмотрим все это в комплексе: увлеченность школьников проблематикой "восточных рабочих", качество представленных сочинений, с одной стороны, и отсутствие интереса к этой теме у историков-профессионалов, то поймем, что мы имеем дело с историографическим событием, значение которого далеко выходит за пределы конкурса³⁴. Сочинения, представленные на конкурс и находившиеся, казалось бы, в зоне любительского историописания, далеко от генерального направления исторических изысканий, стали существенным дополнением к корпусу профессиональных исследований, в известной мере — вызовом, обращенным к научному сообществу.

Клаус фон Бисмарк назвал участие школьников в конкурсе "удивительным достижением", для которого "потребовалось немалое мужество". Конкурс, отметил Бисмарк, оправдал его надежды на рождение "бодрствующего, критического поколения". Результаты конкурса, считал Вольфганг Цинк, учитель из Верхнего Пфальца, прямо связаны с "эволюцией официальной историографии", "снятием прежних табу". По мнению берлинского профессора Рейнгарда Рюрупа, школьные исторические конкурсы стали "частью культурного и научного ландшафта ФРГ", их с полным основанием можно причислить к "традиции демократических движений в Германии". Он подчеркнул, что существует неразрывная взаимосвязь между характерной для конкурсов методикой изучения истории повседневности и "извлечением уроков из забытой, вытесненной из памяти истории"³⁵.

В середине 80-х годов историки ФРГ обратились к судьбам граждан европейских стран, насильственно угнанных в Германию. Этому комплексу нацистских преступлений против человечности посвящена (оставшаяся единственной и сегодня) монография Ульриха Герберта, ныне профессора Фрайбургского университета³⁶. Система нацистского рабского труда, "непрерывная цепь нарушений прав человека, жестокостей и подлостей" была осуждена Нюрнбергским международным трибуналом, "но эта тема, — подчеркивал автор, — никогда не была в ФРГ предметом открытых дискуссий". В работах по истории "третьего рейха" она "не рассматривалась вовсе или же находилась на далекой периферии исследований". Герберт указывал на то, что за преступное использование рабского труда несут ответственность не только представители коричневой элиты (что само собой разумеется), но и простые немцы. "Убийство миллионов евреев тщательно скрывалось, преступления против жителей оккупированных регионов происходили далеко, "где-то там, на Востоке". Но иностранных рабочих нельзя было

³⁴ Jacobmeyer W. Ausländische Kriegsgefangene und Fremdarbeiter // Geschichte, wie sie nicht im Schulbuch steht, S.75.

³⁵ Feuer gefangen... // Spuren suchen, Jg. 1993. S.57, 59.

³⁶ В начале своей деятельности учитель истории Герберт был членом жюри Фонда Кёрбера, ему принадлежит заслуга издания сборника лучших работ конкурсного тура 1981-1982 гг.

полностью изолировать, они находились среди немцев, в жилых кварталах, на рабочих местах". Верх в отношении к "остарбайтерам", констатирует ученый, взяли "расовая ненависть к русским и страх перед большевизмом", "дискриминация русских и поляков считалась столь же обычной, как картины колонн полуголодных людей, двигавшихся ежедневно на работу по городским улицам"³⁷.

Конкурс школьных сочинений внес существенный вклад в то, что западногерманская общественность начала открывать для себя и приводить в порядок заброшенные "русские кладбища" — места последнего успокоения советских пленных и "остарбайтеров".

Земля Северный Рейн-Вестфалия, федеральный автобан номер 68, на полпути между Билефельдом и Падерборном справа по ходу движения не очень заметный указатель "Военное захоронение". Здесь, в малонаселенной местности среди лесной пустоши, рядом с полигоном вермахта, с июля 1941 и до 2 апреля 1945 г. находился лагерь советских военнопленных — шталаг-326. Близ небольшого селения Штукенброк действовал один из его филиалов, а теперь находится "русское кладбище". Таких скорбных мест в Германии сотни, но слово "Штукенброк" стало не просто известным, а знаменитым, притом в необычном сочетании: "Цветы для Штукенброка". Именно такое название носит общественное движение памяти и примирения.

Но вернемся к истокам этой истории. Шталаг-326 был одним из самых страшных лагерей для пленных солдат и офицеров Красной Армии. На территории лагеря, окруженной пулеметными вышками, пленных регистрировали, отбирали для немедленного уничтожения евреев и политруков, одних оставляли в лагере, а других направляли на каторжную работу в шахты и на военные предприятия близлежащей Рурской области. Через лагерь прошло, согласно эсэсовской статистике, почти два миллиона пленных. В наскоро вырытых траншеях покоилось к моменту освобождения лагеря американцами 65 тысяч советских граждан. Военнопленные, измученные голодом и болезнями, совершили настоящий подвиг во имя будущего — они навек сохранили память о погибших соотечественниках. В апреле-мае 1945 г., кладбище было приведено в идеальный порядок, обнесено каменной оградой, обсажено березами, кленами и соснами. По проекту, разработанному квалифицированными инженерами, техниками и художниками из числа заключенных, был сооружен увенчанный пятиконечной звездой 10-метровый гранитный обелиск, с надписями на русском, английском и немецком языках: "Здесь покоятся русские солдаты, замученные в фашистском плену. Вечная память товарищам! 1941-1945".

О "русском кладбище" знали только местные жители, знали и не хотели вспоминать. Но через два десятилетия после окончания войны в городах Восточной Вестфалии сформировалась группа стремившихся

³⁷ Herbert U. Fremdarbeiter. Bonn, 1985. S.11, 356-358.

к познанию прошлого сочувливых людей, которые представляли разные поколения и разные политические партии. Во главе этого кружка встал Генрих Дистельмайер, бывший солдат вермахта, после возвращения из американского плена ставший протестантским пастором. В группе Дистельмайера активно сотрудничали социал-демократы и коммунисты, католики и протестанты, либералы и профсоюзные активисты. Рядом с участниками войны — представители молодого поколения. На территории "русского кладбища" были проведены реставрационные работы, установлены и зафиксированы (по-русски и по-немецки) на надгробьях имена пленных, погибших в Штукенброке.

История шталага-326 стала темой научных разысканий Михаэля Зиденханса — выпускника гимназии, работавшего в архивах нескольких вестфальских городов, опрашивавшего очевидцев. Зиденханс стал лауреатом конкурса сочинений по германской истории на приз федерального президента, а затем, после окончания университета, одним из авторов изданного в Билефельде в 1988 г. солидного исследования "Забытые узники Штукенброка"³⁸.

Участие в конкурсе определило жизненный вектор школьницы (позднее студентки) Ани Розмус из небольшого баварского города Пассау. Круглая отличница, дочь усердных прихожан католической церкви, 20-летняя выпускница монастырской гимназии, по совету учителя истории начала изучать следы, оставленные нацистским режимом в городе с традиционно клерикальным, консервативным образом жизни. И тут произошло нечто неожиданное: епископ, бывший обербургомистр, судья — все они отказались говорить с гимназисткой, когда она начала спрашивать их о том, что же происходило "тогда" в Пассау. В адрес Ани прозвучали прямые угрозы. Ей запретили работать в городском архиве. И все же сочинение было подготовлено, Аня Розмус получила федеральную награду, а через два года она, уже студентка университета, выпустила научный труд "Сопrotивление и террор — пример Пассау"³⁹. Книга была удостоена литературной премии имени мюнхенских студентов-антифашистов Софи и Ганса Шолль. Были выпущены вызвавшие немалый резонанс публикации о трагических судьбах евреев, живших в Пассау, о расправах с находившимися в городе советскими военнопленными и "остарбайтерами"⁴⁰.

Но нет пророка в своем отечестве. Клерикальная баварская публика начала мстить "разгребательнице грязи", ей и ее родственникам угрожали расправой ("Катись в ГДР!", "Мы свернем тебе голову!"), инсценировали судебные процессы по обвинению в клевете. "Память — это всегда риск. Никто не хочет избытка правды, — говорит Аня Роз-

³⁸ Pieper V., Siedenhans M. Die Vergessenen von Stukenbrock. Bielefeld, 1988.

³⁹ Rosmus A. Widerstand und Verfolgung — am Beispiel Passaus 1939 bis 1939. Passau, 1983.

⁴⁰ Rosmus A. Exodus — im Schatten der Gnade. Tittling, 1988; idem. Wintergrün. Verdrängte Morde. Konstanz, 1993.

мус.- Но нельзя долго фальсифицировать историю, нельзя ждать, пока фальсификаторы исчезнут сами по себе"⁴¹. Она стала общегерманской знаменитостью, приобрела навыки профессионального исследователя, выпустила несколько книг, не раз была жертвой судебных разбирательств, по мотивам ее истории снят кинофильм. И только в родном городе ее по-прежнему называют "ведьмой из Пассау"...

Участникам конкурсных туров 1980-1983 гг. сегодня уже за тридцать. Только некоторые из них стали профессиональными историками, но все они получили урок гражданского воспитания и, как пишет одна из лауреатов Катя Фауссер (Мюнстер), "сохранили в своей жизни заряд конкурса, сберегли незаурядный интерес к социальным проблемам, к способам их решения"⁴². Конкурсные работы (как опубликованные, так и неопубликованные, но бережно хранящиеся в архиве Фонда Кёрбера) содержат ценные документы по истории "третьего рейха". Этот корпус источников еще ждет своих исследователей.

Конкурс на приз президента ФРГ вносит свой вклад в дело "преодоления прошлого", в длительный, многоплановый, внутренне противоречивый процесс общенационального извлечения уроков из истории "третьего рейха". Формула "преодоление прошлого" является призывом к осмыслению правды о фашизме и войне, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма. Томас Манн еще в 1933 г. прозорливо назвал нацистский режим "оползнем века", неотъемлемыми признаками которого являются "ненависть, месть, подлая страсть к убийству и мещанское убожество души"⁴³. Но сколько десятилетий понадобилось немцам, чтобы постичь эту истину?

Андреас Вёлль определяет "преодоление прошлого" как цепь "незавершенных попыток политического и морального самопознания", которые оказывали и продолжают оказывать "значительное воздействие на социально-политическую структуру страны"⁴⁴. Дискуссии о нацистском режиме, которые идут в ФРГ уже более полувека, не завершены, они продолжаются — в иной форме — сегодня и (я уверен в этом) будут идти завтра и послезавтра, его будут вести ученые следующего века. Особенность проблематики "третьего рейха" — проблематики, связанной с незаживающими ранами, с самыми трагическими страницами современной истории, — состоит в том, что она не может оставить "сдержанным" или "отстраненным" ни ученого, ни читателя его работ. Здесь, говоря словами Бориса Пастернака, "дышат почва и судьба". Это полностью относится к содержанию представленных немецкими учащимися конкурсных работ о микроисторических аспектах нацистской диктатуры. И постановка в рамках конкурса этой проблема-

⁴¹ Schütt H.-D. Anna Rosmus — die "Hexe" von Passau. Berlin, 1994. S.14, 46.

⁴² Spuren suchen spezial. S.34.

⁴³ Манн Т. Письма. М., 1975. С.53, 59.

⁴⁴ Wöll A. Op. cit., S.33.

тики, и ее реализация прямо связаны с моральным климатом социума ФРГ, с его этическими ориентирами. Мораль и научный анализ оказываются неотчуждаемыми друг от друга.

Организация и проведение конкурса по проблематике "третьего рейха", осуществленные немецкими учащимися локальные историко-антропологические изыскания представляют один из оригинальных эпизодов интеллектуальной истории ФРГ. Здесь в миниатюре отражена "история историографии в человеческом измерении"⁴⁵. Тематика и содержание конкурсных проектов помогает понять направление и факторы эволюции исторического сознания в Федеративной Республике, зафиксировать меняющиеся формы, в которых западногерманское общество воспроизводило и оценивало образ гитлеровского тоталитарного режима. Историческая память как постоянно обновляемая структура, т.е. идеальная реальность, является столь же подлинной и имеет столь же существенное значение, как и реальность событийная.

Конкурс недавно отметил четвертьвековой юбилей. Новые проекты, новые участники... Но большая тема "третьего рейха" и сегодня саднит и не отпускает ни участников, ни организаторов конкурса. "Иностранцы в Германии", "Памятники — напоминание, предостережение, неприятие", "Протест в германской истории" — выполняя задания по этим темам, юноши и девушки вновь и вновь обращаются к архивам, к свидетельствам о нацистском режиме немногих уже очевидцев и участников событий, отстоящих от нас на несколько десятилетий.

Вот уже несколько лет я с увлечением и интересом читаю материалы о немецких конкурсах школьных сочинений по истории, несколько лет переписываюсь со знакомыми мне только по именам самоотверженными — это понятно сразу — сотрудниками фонда Кёрбера. И вот весной 1998 г. я оказываюсь в Гамбурге и еду, предварительно созволившись, в рабочий штаб конкурса. Раньше я полагал, что "руководитель проекта доктор Лотар Диттмер" — это солидный ученый старше среднего возраста. Но ничего подобного! И он, и его сотрудницы и сотрудники, оказавшие мне удивительно теплый прием, это — совсем молодые люди. Эллика Вундер, Ульрике Зонненшайн, Рольф Кёрбер, Ханнелоре Рукс, Свен Тецлафф, Карин Хайст, Сабине Менхардт-Шверин выглядят едва ли старше, чем некоторые из авторов сочинений. Они удивительно похожи на моих студентов.

Беседуя с сотрудниками Фонда Кёрбера, я спрашиваю себя: способны ли мы востребовать и перенять немецкий опыт формирования антитоталитарного консенсуса, сумеем ли мы вовлечь молодежь в процесс "преодоления прошлого" и, может быть, проводить столь же популярные и результативные общегосударственные конкурсы школьных исторических сочинений?

⁴⁵ Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории 1/99. М., 1999. С.12.

И.О.Ермаченко (Петрозаводск)

Дальневосточная культурная традиция и поэзия русского постмодернизма

*...Все эдакое-такое у нас представляется
ежели не китайским, так японским.*

Д.А.Пригов

1. Россия в зеркале Китая

*Россия в зеркале Китая
Вращается вокруг оси,
Не испаряясь и не тая,
А как бы говоря "мерси"*

С акцентом чуть нижегородским.

*Китай же в зеркале ея
Глядится все ж каким-то плоским
Со всем миллиардом бытия...*

И.Чинко

Конец XX века грозит войти в историю отечественной публицистики и литературной критики как эпоха необоснованных инвектив, в том числе – рожденных дискуссиями о постмодернизме. Вот лишь один свежий пример: "Самопупные наши писатели придумали свой куцый постмодернизм, по наслышке [так в тексте. – И.Е.] воображая себе постмодернизм западный и перенимая, как обезьяны, самые простые его модели. Не впрок пошел нам Запад. А до Юга или Востока нам вообще дела нет, поскольку поживиться там вроде вообще практически нечем. Нашим писателям-гуманистам... нет дела ни до резни в Индонезии, ни до гражданской войны в Руанде, ни до голодающих в Эфиопии"¹. Вполне постмодернистски, хотя, видимо, и не отдавая себе в том отчета, автор вменяет в обязанность литераторам нелюбимой им новой генерации чуть ли не функции "политически реагентных" классиков соцреализма, обнаруживая при этом (что существеннее) неосведомленность в самом обсуждаемом предмете.

В действительности, как справедливо заметил теоретик и практик концептуальной поэзии М.Сухотин, приведя только начало длинного ряда примеров, адаптация восточных идей в современном русском искусстве – тема для особого разговора². Разговор этот по сути своей

¹ *Иванова Н.* Хроника остановленного времени: Алфавит на борту ноева ковчега современной словесности // Дружба народов. 1998. №12. С.184.

² *Сухотин М.* О двух склонностях написанных слов (о конкретной поэзии) // Новое литературное обозрение. 1995. №16. С.245.

междисциплинарен, он имеет смысл не только для филологов и искусствоведов, но и для историков. С другой стороны, уже неоригинальные тезисы об исчерпанности, “закате” и даже “смерти” постмодернизма как творческого метода и культурной доминанты дают повод для острого восприятия самих постмодернистских текстов как объекта культурно-исторического анализа.

Дискуссии вокруг “постмодернистской парадигмы”, более научные по существу и форме, но, пожалуй, не менее ожесточенные, затронули и отечественную историческую науку³. Хотелось бы солидаризироваться с такой точкой зрения: “Одной из самых интересных областей применения постмодернистских теорий является история исторического сознания, в предметном поле которой открываются многообещающие перспективы плодотворного синтеза новой культурной и интеллектуальной истории”⁴. Поддерживая мысль о желательности “воссоединения” истории с литературой, я ставлю перед собой несколько иную задачу: используя достаточно традиционные методики, комплексно рассмотреть поэтические памятники, вступающие в прямое взаимодействие с современным массовым историческим сознанием⁵. Читателю, ориентирующемуся в культурной ситуации недавнего “перестроечного” прошлого, вряд ли следует доказывать несомненный приоритет в этом иронической постмодернистской поэзии, в первую очередь московского концептуализма⁶ с его признанным даже скептиками почти эстрадным успехом у публики⁷. Именно активная и успешная игра авторов с “горизонтом ожидания” читателя, равно как и материал, на котором она строится, не позволяют абсолютизировать упомянутый выше момент “неповторимости”. “Концепт как басня или как анекдот создает некие социальные идиомы. Производит компактное

³ См., напр., статьи из раздела “Перспективы постмодернизма” в альманахе “Одиссей: Человек в истории” (1996, с.11-109), отчасти материалы полемики в альманахе “Казус: Индивидуальное и уникальное в истории” (М., 1999. С.17-75) и в сборнике “Историк в поиске” (М., 1998. С.231-289).

⁴ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. С.35.

⁵ Ср. относительно недавно прозвучавший оправданный вопрос: “Почему академические круги не изучают современное искусство в социально-политическом контексте, не рассматривают культурологическую проблематику нового искусства?” (Постмодернисты о посткультуре: Интервью с современными писателями и критиками. 2-е изд. М., 1998. С.68).

⁶ Не затрагивая проблему точного соотношения понятий “концептуализм” и “постмодернизм”, удовлетворимся фактом (само)отнесения рассматриваемых далее авторов к культуре постмодерна, а также авторитетным свидетельством о “примыкании” русских концептуалистов к европейскому постмодернизму. — Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 1997. С.137.

⁷ “...Иронико-демистификаторский пафос московского соц-арта обрел благодаря привходящим политическим обстоятельствам сравнительно широкую аудиторию, а танец на костях стремительно разлагающейся советской мифологии сделался непрременным хитом для дискотек и новогодних телепрограмм.” — Кривулин В. Сергей Стратановский: К вопросу о петербургской версии постмодерна // Новое литературное обозрение. 1996. №19. С.261.

выявление неотчетливых и трудно объяснимых ситуаций”⁸. Такой своеобразный диалог с прошлым представляет собой художественную трансформацию стереотипов политизированного сознания и укорененных в истории идеологем. Соответственно, нам потребуется пролог, переводящий проблему в плоскость диахронии.

Впервые явно и общественно значимо “дальневосточная тема” зазвучала в эпоху либеральных реформ 1860-х годов, создавших новые условия для полемики по поводу исторического пути России⁹. Участники ее обращались за художественно-публицистическими образами и аргументами также и к ближним соседям, оценивая, в частности, политические и культурные традиции Китайской империи. Открытая статья Н.В.Шелгунова “Цивилизация Китая” (1865) дискуссия о конфуцианстве затянулась до начала XX в., заставив высказаться против “прокитайских” взглядов, сформулированных С.Георгиевским, целый ряд видных авторов – И.Сугорского, И.Толстого, В.С.Соловьева, Ф.Белявского¹⁰. Сам Шелгунов видел “все зло конфуцианской системы” в характерных для китайской традиции консерватизме, патернализме, подавлении авторитетом “самостоятельности лица”, что, по его мнению, делало невозможным общественный прогресс¹¹.

Эти мысли перекликаются с содержащимися в известном стихотворении А.К.Толстого “Сидит под балдахином...” (1869), которое было специально рассмотрено в классической работе Ю.М.Лотмана¹². Сосредоточившись, в соответствии со своими предпочтениями, на внутреннем “анализе лексико-стилистического механизма сатиры”, Лотман одновременно наметил путь комплексного контекстного анализа, выявив содержание этого стихотворения как “художественной модели бюрократической бессмыслицы” и того “китаизма”, черты которого А.К.Толстой видел в русском самодержавии¹³. Причудливым столкновением китаизмов и русизмов, построением текста по законам абсурда при внешней квазилогичности формы, смешением грамматиче-

⁸ Айзенберг М. Вместо предисловия // Понедельник: Семь поэтов самиздата: Сборник стихотворений. М., 1990. С.20.

⁹ Изначально проблема русско-китайского культурного соотношения присутствовала в европейской общественной мысли с XVII столетия. Г.В.Лейбниц, например, еще в 1697 г. отводил России место потенциального связующего звена между Европой и Китаем как главными носителями культуры (см.: Groh D. Rußland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961. S.32-38).

¹⁰ Подробнее см.: Кузнецов В. Общественная мысль России XIX в. о конфуцианстве // Проблемы Дальнего Востока. 1994. №4. С.135-139.

¹¹ Там же. С.135.

¹² Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С.203-210.

¹³ Там же. С.210. В этом смысле “китайское” стихотворение Толстого – непосредственное продолжение его написанной годом ранее “Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева”, и оно не случайно обыгрывает рефренные для нее знаменитые слова из “Повести временных лет” (“Зачем у нас в Китае / Досель порядка нет?”).

ских времен автор создает образ страны застывшей истории, всеобъемлющего деспотизма, бюрократизма и чиновничества, пресловутых "китайских церемоний" – образ, в целом очень характерный для либеральной прогрессистско-западнической сатиры¹⁴.

"Традиция русской сатиры, восходящая, в свою очередь, к творчеству Гейне, – критиковать темные стороны современной действительности, описывая "китайскую" жизнь"¹⁵, сохранилась до начала XX в. и актуализировалась в годы первой русской революции (1905-1907). Внимание цензоров даже к "излишне вольным" переводам¹⁶ провоцировало анонимность авторов. Такова "Китайская сказка" (1906), которая выводила героев нашумевшей продовольственно-финансовой аферы (товарища министра внутренних дел В.И.Гурко и предпринимателя Э.-Л.Лидваля) под видом мандарина, сетующего на неожиданные трудности с "поучением бамбуком" "китайского мужика", и льстивого просителя, почитателя Конфуция. Желание "некоего китайца Лидваля" прозрачно: "О, как бы стяжать тебе, Солнце восхода, / Хотел я любовь дорогого народа / И вместе, достойный Конфуция внук, / С тобою очистить казенный сундук!.." ¹⁷ Другой анонимный автор тогда же подвел характерный итог общественно-политической борьбе:

О восторг! Свобода слова
 Нам теперь дана,
 Засияет жизнью новой
 Наша сторона!
 Без сомнений, без оглядки
 Будем мы писать
 И... китайские порядки
 Смело обличать.¹⁸

"Китаизация", таким образом, являлась для поэтов-сатириков средством критического острашения, сопоставления с однозначно негативным социальным образцом ради выявления и обличения в собственном отечестве "восточных начал", возводимых порой (в том числе и А.К.Толстым) ко временам монгольского ига. При этом общий пафос сатиры, сочетаясь с текущей политической конъюнктурой, вполне позволял "подменять" Китай, например, Турцией или другими мусульманскими странами¹⁹. Синтетический образ "отсталого Востока" мог олице-

¹⁴ Мы не углубляемся здесь в проблемы сложного отношения А.К.Толстого к западническому и славянофильскому течениям русской общественной мысли, своеобразия его собственной исторической концепции.

¹⁵ Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л., 1969. С.677.

¹⁶ Например, перевод К.Чуковским "восточных" "Басен для Священного Союза" Т.Мура. — Там же. С. 462-464, 468-469; прим. С.662.

¹⁷ Там же. С.576 (С.575-577); прим. С.684, 688.

¹⁸ Там же. С.537.

¹⁹ А.И.Гидони "Так болтали в кофейнях Багдада" (Там же. С.206), анонимные "Знаки препинания" ("Волей аллаха, главой хулиганов..." — Там же. С.585-586), "Из Корана" (Там же. С.591), "Вопрос на лету" ("Мы где? Не в Турции ли мы?..." — Там же. С.596) И.М.Левинский "Невольное признание бюрократии" (Там же.

творяться и библейским "Халдейским царством"²⁰, и "Сиамом просвещенным" "в лето тысяча шестое / до рождения Христова", которому ставился в пример Петербург 1906 г., где "все счастливы, ...все свободны, все красивы"²¹. Мог и не конкретизироваться: "Мы, говорит, не понимаем этой okazji, / С которых пор мы снова в Азии? / Это, говорит, провокация, — мы теперь развитая нация".²² Преемственность с сатирой XIX в., особенно стихотворениями Д.Д.Минаева²³, здесь налицо. Лишь буржуазная революция 1911-1913 гг., свергнувшая маньчжурскую Цинскую династию, заставила пересмотреть символическое место Китая в русском общественном мнении:

...Забыты прежние сказания
Про те счастливые края,
Где богдыхан в часы страдания
Лежал и слушал соловья.
Старо, старо для нашей публики!
И ей бы надо поновей:
«Китайский президент республики
И скальд свободы — соловей!!»

(С.Я.Маршак, "Праздничное", 1911)²⁴

...Играли небрежно, все спорили больше:
О турках и сербах, о Вене и Польше,
О русской публике,
О Китайской республике
И о том, что пора бы и нам по примеру
Китая...

(Г.А.Вяткин, "Пятый", 1913)²⁵

Впрочем, скептическая двусмысленность здесь очевидна. В итоге еще в октябре 1917 г. Е.Кондаков обличал кадетов, "умывших руки" "с видом Конфуция"²⁶. Примечательным исключением (очевидно, вследствие выпадения из актуального политического и культурного контекста) оставалась Япония, образ которой до 1904-5 гг. не имел знакового характера. Лишь неожиданное поражение в русско-японской войне породило новую волну сатирической поэзии, использовавшей максимально конкретные и реальные символы недееспособности и аморальности отечественной политической элиты: Порт-Артур, Мукден, Цусима; генералы Куропаткин и Стессель, адмиралы Алексеев и Небогатов, "граф Портсмутский" Витте, с одной стороны, император Муцу-

С.280), Н.Я. Агнивцев "Сказка о трех набобах" (Русская стихотворная сатира 1908–1917 годов. Л., 1974. С.335), А. д'Актиль "Не тот коленикор" (Там же. С.392-393), Скандербег (Н.А.Фольбаум) "Газават" (Там же. С.570-571), и др.

²⁰ Сологуб Ф. Халдейская песня // Стихотворная сатира первой русской революции... С.384-385.

²¹ Потемкин П.П. Обезьянка // Там же. С.341-342.

²² Соколов А.А. Раешник [1906 г.] // Там же. С.379.

²³ "Сказка о восточных послых" (1862), "На Восток (В.А.М-ву)" (1873) и др.; ср. его же "Последние славянофилы". — См.: Минаев Д.Д. Собрание стихотворений. Л., 1947. С.11-12, 41-45, 104, 133-134, 152.

²⁴ Русская стихотворная сатира 1908–1917 годов. С.217.

²⁵ Там же. С.132-133.

²⁶ Там же. С.521. Прежде их политические амбиции приводили к сопоставлению с одиозными для европейского общественного мнения фигурами сановника Ли Хунчжана (1823-1901) и султана Абдул-Гамида II (1876-1909). — См.: Амфи-театров А.В. Русские в 1906 г., или прекрасный Кадет, закалающий себя на алтаре своего отечества // Стихотворная сатира первой русской революции... С.107; Князев В.В. Взятие Константинополя // Русская стихотворная сатира 1908–1917 годов. С.515.

хито, японские военачальники Того, Ноги, Камимура, Ояма, с другой; ярчайший пример – “Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима...” К.Д.Бальмонта²⁷. После подписания русско-японского соглашения 20 июня 1916 г. интерес к Японии широко распространяется среди русских деятелей культуры, повлияв на творчество художников (Л.Бруни, Д.Бурлюк, В.Гончарова, М.Ларионов, П.Митурич) и поэтов (прежде всего – символиста К.Бальмонта и футуриста В.Хлебникова, потрясенного в молодости Цусимской катастрофой)²⁸.

Несмотря на сохранение и в последующие годы этого интереса (вспомним такие имена, как С.М.Эйзенштейн²⁹ или В.Д.Бубнова³⁰), говорить о прямом продолжении “хождения на Восток”³¹ 1910–20-х гг. не приходится. И только последняя четверть XX в. характеризуется новым, принципиально иным по интенсивности и качеству уровнем взаимодействия отечественной культуры с наследием дальневосточных цивилизаций. Причем взаимодействие это оказалось в значительной степени опосредовано “восточным бумом” на Западе, который начался с 1960-х гг., равно затронув и элитарную, и массовую культуру. Едва ли не главной его движущей силой, при всем разнообразии проявлений, стал интерес к “учению чань, впитавшему в себя традиции даосизма,” как “духовному началу, объединяющему культуру Дальнего Востока”³².

В наших условиях подобные тенденции были существенно деформированы идеологическим прессом, сначала придавшим увлечению йогой, восточными единоборствами и эзотерикой манящий привкус запретного плода, а затем, с переходом к плюрализму, обернувшимся натиском кичевой моды, тиражируемой масс-медиа³³. Начиная с “Пиратов XX века” (побивших, несмотря на неблагоприятные условия проката и скептическое отношение кинокритиков, все рекорды кассовых сборов) и “Непобедимого” в советский еще кинематограф проникает тема восточных единоборств, за рубежом воплощенная многочисленными боевиками-“остернами”. Эпопея с официальными разреше-

²⁷ Стихотворная сатира первой русской революции... С.120. См. также стихотворения А.В.Амфитеатрова, В.В.Воинова, В.А.Дмитриева, В.А.Зоргенфрея, А.А.Измайлова, П.А.Казанского, Б.А.Катловкера, О.Н.Чюминой, Н.Г.Шебуева, анонимов. — Там же. С. 97, 176, 227, 233-239, 250, 258, 479-480, 496, 499, 502, 514-516, 522-523, 536; Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов. С.64-65, 115-117, 124, 160-162.

²⁸ См.: Парнис А. “Туда, туда, где Изанаги...”: Некоторые заметки к теме “Хлебников и Япония” // Искусство авангарда: язык мирового общения: Материалы международной конференции 10-11 декабря 1992 г. Уфа, 1993. С.90-102.

²⁹ См.: Иванов В.В. Эйзенштейн и культуры Японии и Китая // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С.279-290.

³⁰ Кожевникова И.П. Варвара Бубнова – русский художник в Японии. М., 1984; Варвара Бубнова: Русская художница в Японии: Каталог выставки. М., 1989.

³¹ Парнис А. Указ. соч. С.92.

³² Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. М., 1977. С.153.

³³ Ср., напр., видеоклип песни на стихи А.Барто, исполняемой группой “Маша и медведи” в буддистско-кришнаитских одеяниях на фоне индуистского храма.

ниями и запретами карате существенно подогрела массовый интерес к предмету уже с начала 1980-х годов.

Неоднозначна и издательская деятельность (в том числе специфически-миссионерская), всегда отличавшаяся обоснованно повышенным вниманием к восточной классике³⁴, но с середины 1980-х годов буквально наводняющая рынок самыми разноплановыми сочинениями ориентальной тематики – от высококачественных переводов и научных трудов до графоманских писаний³⁵. В 1990 г. в серии “Физкультура для здоровья” полумиллионным тиражом публиковались “Уроки китайской гимнастики”³⁶. Редакция академических “Проблем Дальнего Востока” открыла на страницах журнала популярный раздел “Клуб Конфуция”³⁷ и начала в 1991 г. совместно с Китаем издание приложения “Цигун и спорт”, в котором описание комплексов упражнений и специальный комментарий к ним сочетались с рассказами бывших больных о чудесных исцелениях и комиксами об истории ушу. Необходимо подчеркнуть, что все это было не просто восполнением дефицита информации, но и ответом на запросы, давно уже формировавшиеся исподволь, не без участия СМИ и “самиздата”.

Популяризацией традиционных восточных учений занялись и некоторые представители эклектически и сумбурно формировавшейся на нашей почве культурологии. Приведем образец рассуждений, отраживший социально-психологическую тенденцию общей “усталости от истории” на фоне потрясений и перемен 1990-х годов: “Проживя и один день следует думать о нем, как о ступеньке “лестницы, ведущей в небо”. Воистину: и дольше века длится день! Однако вечность не терпит суеты. Как учили дзэн-буддисты: “Если судьбой тебе уготовано счастье, то есть ли смысл торопиться?” (Появление телеканала “для тех, кто спешит жить” провоцировало закономерный вопрос: куда и зачем нужно спешить? Как пел В.Высоцкий: “Мы успеем. В гости к богу не бы-

³⁴ См.: *Сорокин В.Ф.* Китайская классика в нашей стране // *Китайская классическая литература: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке.* М., 1986. С.7-14.

³⁵ Реагируя на читательские запросы эпохи книжного бума и “макулатурной серии”, партийное издательство “Правда” выпустило тиражом 200 тыс. экз. том дальневосточной классической поэзии. — Светлый источник: Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М., 1989. В 1992 г. аннотация неkomментированного сборника даосских притч с показательным объемом (65 стр.) и тиражом (50 тыс. экз.) адресовала его “всем, кто уже прикоснулся к эзотерике Дальнего Востока – будь то поклонники ушу, традиционной медицины, живописи или музыки”. — Даосские притчи. Б. м., [1992]. С. [2]. Годом раньше вторым изданием (100 тыс. экз.) вышли “Афоризмы старого Китая” (М.: Наука, 1991).

³⁶ Авторы М.М. Богачихин (вып.1), К.М. Барский (вып.2), А.А. Маслов и А.М. Подошекин (вып.3). (М.: Советский спорт, 1990).

³⁷ См., например, “Книгу женских прелестей” Вэй Юна с предисловием В.Малявина “Китайский эрос: уроки и откровение женской красоты” (*Проблемы Дальнего Востока.* 1994. №4. С.119-134). Ср.: *Дао любви: Восточная культура секса.* Л., 1991; *Китайский эрос: Научно-художественный сборник.* М., 1993.

вает опозданий!)”³⁸. Пафос “преодоления истории” как “осознания ценности обыденности, повседневности, жизни настоящей, а отнюдь не прошлой или будущей” подкреплялся примером даосов: “Их мудрость обращена к сердцу каждого человека, постигающего внутреннюю правду в себе и в мире, в мире непреходящем, где человек способен обрести цельность существования”³⁹.

Специалисты предпринимали более серьезные и удачные попытки соотнесения древних и современных культурных доминант. Суть вопроса прояснил синолог В.В.Малявин, превративший его в заглавие содержательной статьи: “Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиции?”⁴⁰ Восточный, прежде всего китайский, тип жизнепонимания и стиль мышления рассматривался автором как эталонное выражение мудрости в немодернистском ее толковании (“необъяснимый союз разумной практичности, или здравомыслия, и эстетической игры ума, т.е. остроумия”)⁴¹. Это – параллель искомой постмодернистами мета-философии, не-философствующей философии, когда “философской рефлексии дозволено существовать лишь в виде чисто внутренней обращенности мысли к своему отсутствию; в виде, стало быть, неизъяснимого и неформулируемого недоумения.”⁴² С такой точки зрения закономерны и оценка В.В.Малявиным Нового Времени как “забвения символической глубины культурной практики, в которой скрывается традиция”, и констатация им современного “отрицания отрицания” – саморазоблачения рационалистической философии и поворота “лицом к традиции”⁴³.

Однако при непосредственном обращении к целому ряду художественных постмодернистских текстов обнаруживается новое измерение проблемы – комическое, открывающее возможность сопоставления со стихотворной сатирой XIX – начала XX в. И в том, и в другом случае автор “сознательно ориентирован на “Китай” не как на некоторую географическую и историческую реальность”, а подразумевая “комплекс определенных, подчеркнута тривиальных представлений, являющихся сигналами средних литературных представлений о Китае”⁴⁴. Характерная новация современных текстов заключается в том, что объектом остранения, иронической рефлексии оказываются и сама

³⁸ *Гашкова Е.М.* Ценность обыденности или человек вне истории // *Смыслы культуры: Материалы Международной научной конференции.* СПб., 1996. С.114-115. Ср.: *Гефтер М.Я.* История – позади? Историк – человек лишний? // *Вопросы философии.* 1993. №9.

³⁹ Там же. С.118.

⁴⁰ *Проблемы Дальнего Востока.* 1995. № 5. С.106-116.

⁴¹ Там же. С.107.

⁴² Там же. С.106-107.

⁴³ Там же. С.115.

⁴⁴ *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. С.205-207. Соответственно, я не рассматриваю здесь исключительно интересные примеры иного, “серьезного”, более субъективированного переосмысления китайской культурной традиции в новейшей русской поэзии (см., напр.: *Седакова О.* Китайское путешествие. Стилы и надписи. Старые песни. М., 1990).

восточная традиция, и факт ее "принятия" отечественной культурой. Так, у Д.А.Пригова читаем:

Какой же русский не индус
 Не Иероним, не вепрь, не заяц!
 Какой же русский не китаец!
 Какой же русский не тунгус!
 Но всяк второй из них – не русский
 Поскольку знает смерть как узкий
 Термин
 Впрямую взаимосотносящийся с неким
 единовременным актом
 А не как вечно присутствующее и никак
 не наступающее
 Омни⁴⁵

Превращение здесь приверженности восточному миропониманию в определяющий признак "русскости / нерусскости" перекликается и с приговским "Предуведомлением к сборнику "Двадцать стихотворений японских в стиле Некрасова Всеволода Николаевича", которое процитировано мной в эпиграфе⁴⁶. Полный его текст – проникнутое иронией и самоиронией рассуждение на тему пресловутой "смерти автора", отсылающее к проблеме полиморфизма, если не сомнительности, самой дефиниции "явления культуры". Определение "ежели не китайское, – так японское" выступает, таким образом, в качестве иронически-снижающей маркировки одновременно и уровня культурного освоения нами "Востока", и "всего эдакого-такого", т.е. любого культурного явления в традиционном пафосном восприятии. Сравним стихотворение, упоминающее еще одного лидера московского концептуализма:

Два японца – Рубинштейн и Пригов
 Вместе вышли к краешку земли
 Видят: в поле загорелись риги
 Видят: тени мечутся вдаль

И пошли, пошли огнем палимы
 Тот на Север, этот – на Восток
 Всякий малой смертью одолимый
 Во вселенский шумный ододосток
 Через то
 Навсегда опускаемые⁴⁷

Соответственно, "смерть автора" в глобальном значении осмысливается как подчинение традиции не конкретной, цивилизационно маркированной (это – индивидуальная "малая смерть"), а "вселенской", где под космологическим знаком переплетаются Север и Восток, японский (китайский) "путь" в дзэнском (чаньском) смысле с российским, некра-

⁴⁵ Пригов Д.А. Написанное с 1990 по 1994. М., 1998. С.193.

⁴⁶ Пригов Д.А. Сборник предуведомлений к разнообразным вещам. М., 1996. С.140.

⁴⁷ Пригов Д.А. Написанное с 1990 по 1994. С.139.

совским “и пошли они, солнцем палимы...” Несерьезность, поверхностность публичного “обрусения” древневосточной традиции фиксирует тот же Л.С.Рубинштейн в одностииши из разряда “фрагментов уличного разговора” – разговора, обесмысливающего саму суть этой традиции переносом ее в контекст формализованного начетнического знания либо демонстрации дилетантского “интеллектуализма” (“Конфуций – это пятый век?”)⁴⁸.

Это, однако, лишь первый уровень остранения; второй касается сущностной формы бытования китайской мудрости – “школы-традиции”, включая “живую личность учителя как духовного существа”. В.С.Семенцов, по выражению цитирующего его В.В.Малявина, “в сердце традиции – сердце Мастера”⁴⁹. В “предуведомлении” к “Чумакову-мастеру” Д.А.Пригов перечисляет советско-постсоветские ипостаси понятия (мастер-умелец, мастер производственного обучения, мастер на заводе, мастер спорта), сопровождая каждую набором стереотипных толкований, и завершает следующим образом:

“Или мастер уж в совсем, совсем ином смысле, в загадочном, зачастую интригующе-восточном уподоблении некоему званию учителя, проводника, мистагога и пр. – мастер дзен, мастер какой-либо школы и практики. Но последнее, хотя и возможное, но несколько натянутое толкование названия. Хотя, кто его знает, какие мастера каких школ нынче бродят, торжествуя между нами – сатанинских, кровавых, дьявольских, откровенческих, конца света, начала новой зры, прихода откровения, прихода конца, прихода иного, преобразования, изменения, усечения, отсечения, пресечения, измельчения, экстерминирования, иллюминирования, элиминирования.”⁵⁰

Затем следует история Чумакова – как выясняется, киллера, бывшего “афганца”, который совершает кровавое преступление с пародийной рефлексией, закономерно вбирающей в себя и такое воспоминание: “Ну что ж, не повезло, как в детстве / Бывает / Когда не выучишь бывает / Урок / А тебя учитель вызывает / Не в срок / И никада тебе не деться / И как в пламени адовом гореть”⁵¹. Финал вскрывает всю условность постмодернистского “восточно-западного” хронотопа: “Тучи неслись нетерпеливо / Их кто-то гнал, и гнал, и гнал / От стран Балтийского залива / В страну широких покрывал / Китайских / На Западе – там расстилали / Постели, засыпали, суживали / Глаза / Во сне / А на Востоке уж вставали / Поутру и вдруг обнаруживали / Смерть / Широкошироко, как только могли, раскрывая / в ужасе глаза”⁵². “Совершенно иной” смысл оказывается в итоге “тем же самым”.

Аналогичное стяжение кажущихся несопоставимыми ассоциативных полей присутствует и в поэзии Л.С.Рубинштейна, создавшего в се-

⁴⁸ Рубинштейн Л. Регулярное письмо. СПб., 1996. С.52.

⁴⁹ Малявин В. Китайская мудрость в постмодернистский век... С.108, 112.

⁵⁰ Пригов Д.А. Написанное с 1990 по 1994. С.262.

⁵¹ Там же. С.264.

⁵² Там же. С.273.

редине 1970-х гг. “неконвенциональный жанр картотеки”⁵³. В цикле “Появление героя” “уравниваются” китайская школа-традиция и традиции советской школы, что выглядит парадоксально, если абстрагироваться от стереотипно-официозного расширительного значения, придававшегося как понятию, так и функциям школы в советском обществе (ср. тяготеющие к идиоматике названия кинофильма “Школа жизни”, журнала “Семья и школа” и т.п.⁵⁴):

95. Ученик пошел в школу. После того как он пришел в школу, он вошел в класс и сел за свою парту. Был урок рисования. Ученик стал рисовать в своем альбоме чашку. Учитель сказал, что рисунок неплохой, и он похвалил ученика за его рисунок. Потом прозвенел звонок, и ученики пошли на перемену. Ученик остался в классе один и стал думать.

99. Ученик спросил учителя: “Можно я уйду? У меня голова очень болит”. Учитель сказал: “Иди. Что-то часто у тебя голова болит”. Ученик ушел и стал думать.

101. Учитель спросил: “Вы читали “Песни царства Чжоу” и “Песни царства Шао”? Ученик ответил: “Нет”. Учитель сказал: “Кто не читал их, подобен тому, кто стоит молча, повернувшись лицом к стене”. Ученик ничего не ответил. Он пошел своей дорогой и стал думать.

102. Учитель сказал: “Я не хочу больше говорить”. Ученик сказал: “Если учитель не будет больше говорить, то что мы будем передавать?” Учитель сказал: “Разве небо говорит? А четыре времени года идут, и вещи рождаются”.

Ученик ушел и стал думать⁵⁵.

Налицо стирание границы между двумя “школами” и соответствующими им типами взаимоотношений, обеспечиваемое рефреном последней фразы (“...и стал думать”). Примечателен и немислимый для древнекитайской, но характерный для советской “школьной традиции” своего рода обмен позициями Ученика и Учителя в таком “пограничном” стихотворении:

100. Ученик спросил: “Раствориться в бытии или раствориться в небытии – не все ли равно?” Учитель сказал: “Я не знаю”. А ученик ушел и стал думать.

Сравним начало типичной даосской притчи:

Жань Цю спросил Конфуция:

– Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

– Можно, – ответил Конфуций. – В древности [было] то же, что и ныне.

Потеряв [нить] разговора, Жань Цю ушел...⁵⁶

По существу, генезис импульса, подвигающего Ученика к рефлексии, безразличен, как безразличен импульс, заставляющий замолчать Учителя – незнание или нежелание. Фигура Учителя оказывается фа-

⁵³ Рубинштейн Л. Регулярное письмо. С.[6].

⁵⁴ Ср. у М.Сухотина: «там душит рвотой / мальчиш-Плохиша / семья и школа». (Сухотин М. Желтая птичка // Понедельник. С.84).

⁵⁵ Рубинштейн Л. Указ. соч. С.53-55.

⁵⁶ Даосские притчи. С.29.

культативной, место его в лучшем случае формально (что скрыто под тонкой стилизацией уже в “карточке” 102): оно заполняется практически любой жизненной ситуацией, с которой “Я” героя экзистенциально остается один на один, вне традиции определенной, “векторной”, но – в “ветреном” пространстве пересечения всех без изъятия традиций. Об этом – финальные мысли Ученика (уже в отсутствие Учителя) (“карточки” 103-109), после которых он “надолго задумался”⁵⁷:

103. “...Куда смотреть? Ведь во все стороны: вперед и назад, направо и налево, вверх и вниз, вширь и вглубь разворачивается бестолковое пространство наших ритмических усилий и притязаний. Куда же смотреть?”⁵⁸

В анализируемом цикле Л.Рубинштейна “зеркало” восточной школы-традиции наиболее ярко отражает специфику постмодернистского дискурса, хотя подобное “разрушительное” наложение культурных пластов достаточно распространено в современной литературе⁵⁹.

Еще одна особенность постмодернистского художественного дискурса на “китайскую” тему – сочетание расхожих представлений о традиции эзотерического учения “восточной мудрости” с таким моментом исторического контекста второй половины XX в., как “дружба-вражда” СССР и КНР. Приведем фрагмент пространного рубинштейновского цикла о детстве “Мама мыла раму”:

55. Брат сказал, что сегодня умер Сталин.

56. Брат меня ударил, потому что я смеялся и кривлялся.

57. Папа бросил курить.

58. Мы мечтали, чтобы скорее была война.

59. Мы любили китайцев. [Здесь и далее курсив везде мой. – И.Е.]

60. Мне не разрешали переходить дорогу.⁶⁰

Знаковость “любви к китайцам” 50-х годов подтверждается и другими текстами. В первой части стихотворного триптиха ленинградского, ныне проживающего в США поэта Л.Лосева “Сонатина безумия” (“Allegro: Ленинград, 1952”) сочетание двух песенных цитат – “Русский с китайцем братья навек” и “Много в ней лесов полей и рек” – олицетворяет иллюзорность мнимо незыблемого общественного порядка⁶¹. Предельно типизированный, “купающийся” в стабильности “совково”-зашоренный герой (Иван Петрович), подпевая таким образом радиоохору, демонстрирует потенциальную невосприимчивость к грядущим пе-

⁵⁷ Рубинштейн Л.С. Указ. соч. С.55-56.

⁵⁸ Там же. С.55.

⁵⁹ Апомним хотя бы название песен (во втором случае – и стихотворного сборника) Б.Гребенщикова “Иван Бодхидхарма” и “Дело мастера Бо” (очевидно, “-итса”. – И.Е.) или “Советский коан” И.Чинко (“Ученик: “Где мне взять гаечный ключ на двенадцать?” Мастер: “Постоянная интенсификация и неуклонное повышение производительности труда – неотъемлемые составляющие социалистического способа производства”).

⁶⁰ Рубинштейн Л. Указ. соч. С.71-72.

⁶¹ Лосев Л. Новые сведения о Карле и Кларе: Третья книга стихов. Спб., 1996. С.60.

ременам: смерти Сталина и следующим вскоре за ней внешнеполитическим и пропагандистским кульбитам советско-китайских отношений. Историческая роль Случая, по Лосеву, непостижима для матричного сознания, неразрывно сплетающего естественный быт и привнесенные штампы:

И пошел станок длинный день длить, / резец вгрызаться в металл. / Иван только раз выбегал отлить / и в небе буквы читал. / Из-за разросшегося куста / не все было видно ему: / ПОД ЗНАМЕНОМ ЛЕ / ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ СТА / ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ КОММУ⁶².

Да и способен ли Случай действительно изменить Историю? В триптихе безумие неосмысления, безумие внешней эмиграции и, наконец, эмиграции внутренней, в творчество, взаимно отталкиваются, но и парадоксально совпадают.

Типичный герой Д.А.Пригова кажется на первый взгляд побратимом нетипичного для Л.Лосева "Ивана Петровича". Однако называть его вслед за В.П.Рудневым "тупым и самодовольным советским обывателем"⁶³ я бы не стал, опустив первые два прилагательных и учитывая лукаво-демонстративное "стирание грани" между автором и героем. Эта конструктивная автопародия – "условное авторство", по определению М.Айзенберга, и "новая искренность", в терминологии самого Пригова⁶⁴, создает эффект своеобразной лиричности, во многом образующийся из совпадения их, автора и героя, "условий существования":

Китайцы, скажем, нападут
На нас войной –
Что будет-то?
Кто в этом деле победит? –
Китайцы верно победят
А может, наши победят
А в общем – дружба победит
Ведь братские народы-то⁶⁵

Псевдоуспокоение, испытываемое приговским автором-героем от соприкосновения с хаотично активизирующимися элементами официальной картины мира, естественно, для этой картины разрушительно: разновременные по происхождению, но объединенные непрерывностью идеологизированного сознания стереотипы, сталкиваясь, производят комический эффект. Происходит "десемантизация банального", "десемантизация традиционности"⁶⁶.

К тому же сквозь идеологемно-штамповое мышление постоянно пробивается подозрительный наивно-шизофренический пантеизм. Пе-

⁶² Лосев Л. Указ. соч. С.60.

⁶³ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. С.139.

⁶⁴ Айзенберг М. Вместо предисловия. С.14-15.

⁶⁵ Пригов Д.А. Советские тексты. СПб., 1997. С.255.

⁶⁶ Ср. (применительно к другим авторам и сюжетам русской постмодернистской литературы): Маркасова Е.В. Дискретность текста и "разрушение" смысла // Ситуации культурного перелома. Петрозаводск, 1998. С.95-100.

ремешивая "общественное" с "личным", естественно-природное с политическим, герой раз за разом становится на "конфуцианские котурны". То перед "страной большой", то перед требующим отечески-упорядочивающего вмешательства собственным микромиром из "всяких там микробов / Атомов и электронов / Независимых себе", желающих "простого счастья / Со своим нехитрым Я", так что становится уже "Господи! – не до китайцев!"⁶⁷. Очевидна пародийная параллель с идеологической ситуацией в постмаоистской КНР: "Размышления о "большом Я" – нации и ее лице – сопровождаются дискуссиями о свойствах и качествах "малого Я" – китайца как индивида, личности"⁶⁸. Совесть приговского героя гнетут обязательства патриарха, почти демиурга, из-за которых явственно проглядывает пресловутое "за все в ответе", вступающее в конфликт с реальной практикой политического управления обоими "братскими народами". В менторском тоне Пригов упрямляющая буквализирует доктрину "государства-семьи", не забывая и о вполне конкретной с исторической точки зрения семантике:

Трудно быть руководителем
 Да такой страны большой
 Все равно что быть родителем
 Непослушливых детей
 Все им кажется, *вредителям*
 Что они тебя умней
 Что на стороне родители
 И приятней и добрей
 Это и неудивительно
 Но со временем поймут
 Понемножку, что родителя
 Не выбирают – с ним живут⁶⁹

Количество подобных бесчисленно варьирующихся сентенций переходит в качество – гипертекстуальность. На этом фоне специфически воспринимаются стихи как-бы-антимаоистские (вспомним длинную череду пропагандистской литературы 1960-70-х годов), в том числе и постфактум:

Вот и забыли председателя
 По имени Мао Дзе-дун
 А был уж как властитель дум
 И в качестве даров подателя

А щас с протянутой рукой
 Летит к нам сам: О, помяните!
 Ведь был я многих знаменитей!
 А мы в ответ его – ногой!⁷⁰

Таково развитие темы лосевского "Ивана Петровича": выработанная пропагандой привычка становится частью менталитета, автома-

⁶⁷ Подобранный Пригов. М., 1997. С.175.

⁶⁸ Предисловие // *Личность в традиционном Китае*. М., 1992. С.3-4.

⁶⁹ Пригов Д.А. Написанное с 1975 по 1989. М., 1997. С.153.

⁷⁰ Там же. С.169.

тизмом сознания, инфантильно-безжалостно “отфутболивающим” и явную утрату объектом политической актуальности, и иронически наметившийся был мотив “*temento mori*”. “Антимаоистская” идеологема является всеобъемлющей, распространяясь в сознании героя даже на климатические явления:

Когда б стояла над Китаем
 Погода гнусная такая
 То за их гнусные дела
 Все было бы по справедливости
 То есть стояла б где должна
 А может быть она сама
 Уже стоит по справедливости?
 Что-то не верится⁷¹

Герой Пригова – идеальный объект утопического государственного манипулирования в реальных условиях, и верить ему должно в метафизически должное природно-общественно-личное, перед которым абсолютно стирается разница между коренящимся в подсознании и привычке менталитетом и идеологией как жестко и искусственно рационализированной системой взглядов⁷². Полученное не осознающее правил игры существо – постмодернизированный, лишенный “фиги в кармане” Швейк, “наивный” и “невольный” разоблачитель социальной системы (как идеальный работник – “забастовщик наоборот” – системы экономической). Его “антимаоистские” выпады и воспринимаются с точностью до наоборот, подобно известной переделке песни А.Городницкого: “Над Китаем небо сине, / У трибун вожди косые, / Хоть похоже на Россию, / Только все же не Россия...”

Мнимый антагонизм подчеркивает общность исторической судьбы (“ведь братские народы же”) – тему также и концептуальной живописи. Изображение на картине В.Пивоварова “Советско-китайский натюр-морт” грубо сколоченного из досок самодельного стола с пустой эмалированной кастрюлей, жестяной кружки и торчащей из нее свечи, кухонного ножа и единственной картофелины, обрамленных по краям иероглифической стилизацией и выполненных в изысканной цветовой гамме, навеивает мысли об удивительности социального эксперимента, приведшего к единому знаменателю столь разные цивилизации⁷³.

Исследуя место традиции в истории китайского общества, в частности, роль конфуцианского наследия в его модернизации, современные синологи хорошо осознают актуальность этой проблематики, связывая ее с вопросом о социальной и интеллектуальной самостоятельности личности в ее взаимоотношениях с государственной машиной⁷⁴.

⁷¹ Там же. С.168.

⁷² Ср.: Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып.1. С.75-77.

⁷³ Репродукцию см.: Личное дело №: Литературно-художественный альманах. М., 1991. С.115.

⁷⁴ Мартынов А.С. Проблема личности в императорском Китае // Личность в традиционном Китае. С.67-68.

Пригов, казалось бы, калькирует в “жизненное” и “ментальное” пространство своего героя принципы, определявшие эти взаимоотношения в традиционном Китае. Однако калька оборачивается фарсом: в художественном мире Пригова отказывают все социокультурные механизмы, некогда создававшие “известные условия для того, чтобы непосредственно включенная в государственный аппарат конфуцианская личность могла сохраняться там как личность”⁷⁵. В первую очередь, в соответствии с общей постмодернистской установкой, терпит крах “неразрывная связь между этикой и властью”⁷⁶, служившая краеугольным камнем конфуцианской доктрины. Пригов последовательно сдвигает центр тяжести в сторону власти – знаменитого “Милицанера”⁷⁷, “делегирова” ей решение моральных проблем до такой степени, что *summa summarum* остается этический релятивизм. Древнекитайская синонимия государственно-административной службы и “упорядочения мира”⁷⁸ обесмысливается отсутствием у героя, с одной стороны, постоянного критерия упорядоченности, с другой – действительных рычагов социального воздействия. Он оказывается выключенным из реальной сферы управления, воспринимаемой им ирреально, чисто метафизически. “Путь” как процесс самоутверждения философствующего чиновника, необходимыми и определяющими признаками которого оказывались “воля” и “талант”⁷⁹, превращается у приговского героя в набор фантомных интенций.

В традиционном Китае возможный конфликт между личностью и государством выражался дилеммой “служить или не служить” и мог достаточно свободно разрешаться “внутренней переориентацией в рамках антитезы “государство – природа”, переходом из социума в “космос”, превращением “из конфуцианца в конфуциано-даоса”, поставившего “свои связи с мирозданием гораздо выше своих социальных обязанностей”, но оставшегося в рамках традиционной культуры и официальной идеологической легитимности⁸⁰. Для такой переориентации существовали уникальные возможности: с одной стороны, элитарное светское общение, “уровень мастерства в котором становился мерилom и личности в целом”⁸¹, с другой – своеобразный идеологический плюрализм, обеспечивающий “возможность спокойного перемещения индивида из одной системы в другую или совмещения их согласно своим духовным потребностям”⁸².

“Мудрствующий лукаво” приговский герой лишен подобной возможности вследствие иного понимания “нерасчлененности” социального и

⁷⁵ Там же. С.65.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См.: Пригов Д.А. Написанное с 1975 по 1989. С.185-200.

⁷⁸ Мартынов А.С. Указ. соч. С.70.

⁷⁹ Там же. С.69, 72.

⁸⁰ Там же. С.90-91, 98, 102.

⁸¹ Там же. С.100, 102-103.

⁸² Там же. С.65-66.

космического, под которой скрывается принципиальная деструктуризация. "...Мудрец, по китайским понятиям, "воплощает" (ти) первооснову мира. Гармонически соединяя в себе начала Неба и Земли, человек был средоточием всеобщего порядка и движения мира, всепроницающего и предвечного Пути-дао"⁸³. "Мудрец" Пригова дисгармоничен, поскольку его саморазрушительный дискурс выражает идею отсутствия первоосновы, идею всеобщего беспорядка и движения мира. Псевдоконфуцианец Пригова может превратиться в лучшем случае в псевдодаоса. Таков некий "мудрец" Бао Дай (напрашивается перестановка заглавных букв) из большого стихотворного цикла⁸⁴.

Вот Бао Даю сон приснился
 Что некой деве молодой
 Приснился некий Бао Дай
 И к ней немедленно явился
 И молвит ей: О, молодая!
 Я первый ведь тебя приснил
 Потом уж ты по мере сил
 Себе приснила Бао Дая
 Во сне моем⁸⁵

Пародия на знаменитую даосскую притчу о Чжуан Чжоу, которому приснилась бабочка⁸⁶ (использованную также в бестселлере В.Пелевина "Чапаев и Пустота"), не только доводит многослойность метаморфозы до абсурда, но и сталкивает уже стереотипные представления о даосизме и конфуцианстве. Настаивая на патриархально-иерархической ("конфуцианской") трактовке ситуации, Бао Дай тем самым обесмысливает ее "даосскую" основу. Столь фантастичная интерпретация конфликта двух традиционных учений легко переводится, между тем, в совершенно иной исторический контекст. Вспомним здесь и армейское значение слова "молодой", и сопоставимое по тональности стихотворение Пригова "из советского быта":

Женщина в метро меня лягнула
 Ну, пихаться – там куда ни шло
 Здесь же она явно перегнула
 Палку и все дело перешло
 В ранг ненужно-личных отношений
 Я, естественно, в ответ лягнул
 Но и тут же попросил прощенья –
 Просто я как личность выше был⁸⁷

Всеобъемлющий восточно-советский "синтез" представлен в одном из стихотворений "милицейского" цикла:

⁸³ *Малявин В.В.* Человек в культуре раннеимператорского Китая // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983. С.163-164.

⁸⁴ *Пригов Д.А.* В краю жемчужном Бао Дая // Понедельник. С.45-55.

⁸⁵ Там же. С.46.

⁸⁶ *Антология даосской философии.* М., 1994. С.77.

⁸⁷ *Пригов Д.А.* Написанное с 1975 по 1989. С. 26.

И был ему какой-то знак
Среди полей укрытых снегом
Куда почти походным бегом
Он прибежал оставив пост

Мундир он сбросил и рубашку
И бесполезный револьвер:
Вот, я уж не Милицанер! –
Я – Будда Майтрайя!⁸⁸

В свою очередь, взятый в совокупности цикл о Бао Дае, максимально насыщенный литературными и историческими реминисценциями, демонстрирует своего рода комплексную пародию на даосское представление о мире. Констатируем неуловимость сути и непредсказуемость проявлений “Бао Дая” – одновременно и объекта, и субъекта нескончаемого ряда метаморфоз. С одной стороны, это сверхъестественная, грозная, но преимущественно благая сущность – огненный восходящий знак (с.46); “сила тайная”, летящая на Запад (с.47); всемирный заступник, который “блюдет закон и меру” (с.48); чудесный рыцарь, настигающий чудище (с.45); существо, светящееся Любовью в жизненной грязи (с.48); светлый младенец, убиенный “драконом Чан Кай Шеном” (с.49); голубь, спустившийся “с дивной высоты” (с.52); “насилыйный Вергилий” поэта, носимого по аду “мрачной силой” (с.54) и т.д. С другой стороны – опасный и неуловимый пакостик, вроде злого домового, “ловитель людских детей” (с.54-55); воришка, стягивающий мясо из кастрюли и скрывающийся под землей, и одновременно ночной вампир (с.51); злодей, способный и дразнить конфеткой малышей, и магически спровоцировать на убийство “полюбовницу”, блестя “глазками хитрющими” (с.50). «Перетекание» одного образа в другой обеспечивается и гипер-, и интертекстуально. Комическое снижение эзотерических деяний Бао Дая достигается все тем же взаимоналожением противоположностей, подменой Дао, несводимого к конкретике, совершенно иной “сутью вещей”:

Вот он сидит себе в Париже
И что-то подлое творит
А Бао Дай и говорит:
Уройся, гад! я сверху вижу!

Вот, где всего тебя держу!
Я знал тебя среди текущих
Твоих рождений предыдущих
Таким же точно был, скажу
Гадом!⁸⁹

Помимо соответствующего лексического оформления, этому снижению служит предельно эклектическая модернизация хронотопа. Свидетелями проявлений “Бао Дая” становятся поименно перечислен-

⁸⁸ Там же. С.199.

⁸⁹ Пригов Д.А. В краю жемчужном Бао Дая. С.47.

ные руководители «красных кхмеров» и другие современные камбоджийские политики (с.46), лидер социалистического Вьетнама Ле Зуан (с.52), президент США Р.Рейган (с.51). “Голубь с дивной высоты” (христианская реминисценция) спускается на плац во время принятия присяги (с.52); “последний” Бао Дай погибает “с французами под Дьен Бьен Фу” “словно в снегах Бородино”, провидя “Сайгон / Преображенный в Хо Ши Мин” (с.52); рыцарская погоня за “чудищем” разворачивается на кухне, под крики беспокоящейся за посуду хозяйки (с.45); имя покусившегося на Бао Дая дракона производно от имени Чан Кайши (с.49). Бао Дай, наконец, возглавляет первомайскую демонстрацию трудящихся: “С алым знаменем прекрасным / Впереди их Бао Дай / Небесный” (с.52). Отсылка к “Двенадцати” А.Блока – не единственная отечественная нить в клубке культурных реминисценций: Бао Дай выступает и как “бабка жаркий”, ожидающий в “отчизне древней” “курлыкающий клин” “баодайцев” (с.49), и как голос живой, принесенный “ветром холодным” “в страшный мороз” (там же):

Он пел, что не надо томиться
О прелести жизни страдать
И был он, едри его мать
Родной, словно в воздухе птица
Замерзающая

В этом смысле Бао Дай интертекстуально родственен амбивалентно сочетаемому с (пост)советскими реалиями постмодернистскому Будде. Находим его опять же у Д.А.Пригова (“...И разбуженная будто / Волга / Вдруг вскипает половодьем / Неземным, но сходит Будда / Российский / И так ласково отводит / Двумя пальцами / Ствол / От виска”)⁹⁰ и у В.Степанцова, “злбный Будда Гаутама” которого – кукловод-вдохновитель Лаврентия с Сосо, Гитлера с Риббентропом, жены-изменницы и грозного начальника смены Елкина, “бессонный шкипер”, ведущий к новому Армагеддону⁹¹. Подобно тому как степанцовский Будда воспринимается в качестве диффузного *alter ego* лирического героя, приговский Бао Дай оказывается в итоге неким созданием-создателем автора:

У окошка сижу, вижу дальний Валдай
Вижу синий Тибет, вижу белый Лахор
Искупаемый звероподобный простор
Говорит: Я узнал тебя! ты – Бао Дай!
Ты, старик, угадал! Так еще угадай
Я уже не младенец святой Бао Дай

⁹⁰ Пригов Д.А. Написанное с 1990 по 1994. С.225.

⁹¹ “...Где какая ни случится / историческая драма – / всюду Будда Гаутама, / страшный Будда Гаутама... Но берется Гаутама / и за мелкие делишки: / из моей библиотеки / он украл почти все книжки... На меня и на планету / беды сыплются, как грузи, / видно Будда Гаутама / не умеет бить баклуши...” — Степанцов В. Будда Гаутама // Орден куртуазных маньеристов. Триумф непостоянства. М., 1997. С.65-66.

Но мертвец Бао Дай, не в пример остальным
Бао Даям – советским и мировым
Опытом
Обогащенный⁹²

“Обогащение” восточной традиции советским опытом, результатом чего становится обоюдная аннигиляция канона, – такова в конечном итоге квинтэссенция ориенталистских поисков отечественных поэтов-постмодернистов. Она непосредственно совпадает с одной из составляющих, выделяемых для характеристики западного постмодернизма И.Хассаном: “деконструкция и социализация традиционного искусства посредством ставки на антиэлитизм и антиавторитаризм и, как следствие, его деканонизация”⁹³. Односторонность сатирической “китаизации” в поэзии XIX – начала XX в. преодолевается тем, что “китайское” отражение России заменяется взаимоотражением, “китайское зеркало” – системой из двух и более (учитывая еще и “мировой опыт”) зеркал. И не только преодолевается, но и включается в художественный арсенал: “...Работал исправно и ел / И пил и все-таки счастья / Он в жизни своей не имел / Судьба к нему что ли жестока / Иль счастья нет вообще / А может быть близость Востока / А может быть что-то еще”⁹⁴. Уровень абсурда при этом становится совершенно иным, соответствующим сугубо советскому концепту⁹⁵. В результате мотив “союзничества” с “древним китайцем” приобретает немислимый для старой сатиры оттенок:

Китаец древний видел цепи гор
Как тает снег, лавины вниз съезжают
Я ж захожу в соседний магазин
И тоже вижу как все дорожает

Мы с тем китайцем древним заодно
Не горы нас, не цены угнетают
Но этот мир, что с виду тверд и прост
А как меняется! Как жизнь летит и тает⁹⁶

В иронически осмысленном взаимосоответствии двух мироощущений – до определенной степени действительно родственных – ключ к “китайскому” циклу еще одного популярного автора, В.Строчкова, двусмысленно названному “Ориентации (из неизданного То Ся)”⁹⁷. В дей-

⁹² Пригов Д.А. В краю жемчужном Бао Дая. С.53-54. Ср.: Там же. С.55.

⁹³ Рыбников В.Н., Чукин С.Г. Постмодернизм в культуре и культура постмодерна // Символы в культуре. СПб., 1992. С.90.

⁹⁴ Пригов Д.А. Написанное с 1975 по 1989. С.32.

⁹⁵ “Авангардистская воля к системе, абсолютизация абсолюта и выстраивание тоталитарных таблиц, иерархий, распорядков могла в соцреализме превращаться в волю к абсурду: полная абсурдность, нерациональность и неразумность многих сторон советской жизни известна очень хорошо”. — Курицын В. О некоторых попытках противостояния “авангардной парадигме” // Новое литературное обозрение. 1996. №20. С.356.

⁹⁶ Подобранный Пригов. С.34.

⁹⁷ Дружба народов. 1998. №12. С.3-7.

ствительности это, конечно, изящная дезориентация читателя: лирический герой-наблюдатель – маленький человек Поднебесной имеет дело с китайской философией взятки, с приниженностью и нищетой “того, кто кормится словами”, с золоченой и соломенной клеткой, со столичной опалой и “тихой обителью” в провинциальной ссылке только потому, что они настолько же “древнекитайские”, насколько “новорусские”.

Высокий чиновник Небесной управы
базар не фильтрует.
Зачем бы он станет следить за базаром,
ведь он за базар не ответит.⁹⁸

Соответственно, и претензии к “изъяну в устройстве Поднебесной” в фигурном стихотворении того же автора, выполненном вокруг традиционного изображения “Инь-Ян”, лишь закамуфлированы формой, как и начальным упоминанием эпохи Тан: “...и в каждой вещи – дырочка для пары. / Все пористо, все каверзно, дыряво, / структура бытия – сплошные карсты: / тысячелетья тока Хуанхэ / и умствований, / и худых желаний / прорыли здесь ходы / и как бы гроты, / заполненные / только Инь и Ян.”⁹⁹ Подобный “всеобъемлющий пессимизм” не свойственен классической китайской поэзии: даже в самых минорных своих проявлениях она сохраняет в качестве противовеса ретроспективное обращение к традиции, к мифологеме “золотого века” (свойственной и европейской античной и средневековой культуре)¹⁰⁰. Для постмодернистского творчества такой противовес иллюзорен и замещается опять же иронией. Китайский “золотой век” используется Д.А.Приговым, чтобы проложить “кольцевой путь” из России в Россию через Древний Китай:

Вот я кушаю мандарин
А ведь мог бы я быть мандарин

Во далекой китайской столице
С длинным ногтем на каждом мизинце

Где безумно весной хорошо
Говорить: А подайте-ка шелк

Тушь густую в муаровый отлив
Напишу-ка я длинный йероглиф

Но чуток кривоватый, кажись
Про российскую нашу жизнь
Потому что¹⁰¹

⁹⁸ Там же. С.6.

⁹⁹ Строчков В.Я. Глаголы несовершенного времени: Избранные стихотворения 1981-1992 годов. М., 1994. С.162.

¹⁰⁰ Ср.: Эйдлин Л.З. “Подражание древнему” – обличение современного в старой китайской поэзии // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969.

¹⁰¹ Подобранный Пригов. С.70.

Вариант – путь из Древнего Китая в Древний Китай через Россию в “Диаграмме жизни” Г.Сапгира (“Улыбчивые старцы-мудрецы / Разглядывают диаграмму жизни / – Поэтом будет... при социализме... / – Судьба печальная – заметил Лао-цзы...”)¹⁰² Между тем, историческое измерение “судьбы печальной” несколько теснит “внеисторическое”, когда “китайское зеркало” оказывается “искривлено” самим ходом истории. Кажется, и китайский технологический прорыв – результат прагматического курса Дэн Сяопина – находит специфическое латентное отражение в постмодернистской поэзии, например, в приговских пародино-этнохарактерологических рассуждениях:

Когда бы был бы я китайцем
То я хотел бы немцем стать
Но русским – вряд ли, чехом – вряд ли
Американцем – тоже вряд ли
Китайцу лучше немцем быть¹⁰³

Но уж поскольку есть я русский
То немцем мне уже не стать
И русским тоже мне не стать
По той же самой по причине¹⁰⁴

Уточнение причины абсурдного лишь на первый взгляд положения в другом стихотворении, несмотря на фантастически-анекдотический антураж (собрание в небесах на совет “душ основных народов” – немецкой, американской, китайской и русской), впечатляюще отсылает к самой сути трудноразрешимой проблемы нашей национальной самооценки:

...Китайская что-то сказала
И что-то русская сказала
И порешили; а напротив
Вторая русская стояла
Душа и ровно все напротив
Говорила¹⁰⁵

И вот уже:

Еврей тем и интересен, что не совсем русский
А *китаец тем неинтересен, что совсем не русский*
А *русский* не то чтобы неинтересен
А просто – *некая точка отсчета тех кто*
*интересен и неинтересен*¹⁰⁶

“Неинтересность” китайца определяется, в конечном счете, расхождением исторических путей “братских народов” – не прежним, идеологизированно-мнимым, а нынешним, коренящимся в различном отношении к собственной традиции и различных результатах ее прагма-

¹⁰² Сапгир Г. Сонеты на рубашках // Огонек. 1990. №29. С.27.

¹⁰³ Вспомним народное, славянофильски растиражированное: “Что немцу хорошо, русскому – смерть”.

¹⁰⁴ Пригов Д.А. Написанное с 1975 по 1989. С.164.

¹⁰⁵ Там же. С.214.

¹⁰⁶ Там же. С.166.

тического (в постмаоистской КНР) и фантомного (в “перестроечной” России) использования. Причем абсолютность этого расхождения фиксируется не столько реальностью¹⁰⁷, сколько нашим стереотипным общественным восприятием, получившим столь завершённое оформление в далеком от постмодернизма фильме Н.Михалкова “Урга”.

Укоренение дальневосточных реминисценций в массовом сознании и поп-культуре, естественно, не могло пройти мимо внимания отечественных постмодернистов (вдобавок и прежних “соседей по андеграунду” с приверженцами восточной эзотерики). Однако результат получается принципиально иным, чем в стихотворной сатире XIX – начала XX в. Это определяется как различными мировоззренческими основами творчества, так и собственно концептом, претерпевшим за столетие творительные перемены. В концептуалистской поэзии Россия не остраивается посредством “китаизации”, но по-новому вводится в единый с Китаем контекст. Как автор “китайского” стихотворения А.К.Толстой, по существу, – “снаружи” застывшего “восточного” времени, Д.А.Пригов – “внутри” него, но вне связываемой с этим временем культурной традиции (вернее, вне усредненного современного представления о ней). Внешние сдвиги, нарушающие *традицию восприятия* амбивалентной связки “Россия – Китай”, деактуализируют саму эту связку. Не случайно число китайских реминисценций в приговском сборнике “Написанное с 1990 по 1994” существенно идет на убыль по сравнению с “Написанным с 1975 по 1989”, а популярное после давней журнальной публикации выразительное стихотворение “Китайцы, скажем, нападут...” ныне воспроизводится уже специально в “Советских текстах”. Налицо своеобразный, “от противного”, но историзм.

Для ответа на вопрос, насколько далеко этот историзм заходит, необходимо рассмотреть другую линию постмодернистской художественной рецепции – “японскую”, и не только из соображений простой репрезентативности. Культурные заимствования с материка, во многом определившие облик современной Японии, играли на протяжении ее исторического пути существенно иную по сравнению с Китаем социокультурную роль, претерпев трансформации, очевидные и для самих японцев, и для зарубежных японоведов¹⁰⁸. Однако такое соотнесение “китайского” отражения России с “японским” будет результатом следующего, подводящего окончательный итог, исследования¹⁰⁹.

¹⁰⁷ О сложных трансформациях современного китайского общества, возможной активизации неомоистских социальных моделей см.: Martin H. *Origins and consequences of China's democracy movement*. Köln, 1990; Goldstein S.M. *Rural politics in socialist China: clientelism and reform* // *Studies in comparative communism*. 1992. Vol.25, N 4. P.419-438; Heilman S. *China, der West und die Menschenrechte* // *China aktuell*. 1994. N 2. S.145-151 и др.

¹⁰⁸ См.: *История культуры Японии: Обзор* / Ютака Тадзава и др. Б.м.: Министерство иностранных дел Японии, 1992; Торчинов Е.А. “Три учения” и их роль в формировании дальневосточного историко-культурного ареала // *Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе*. СПб., 1991. С.70-77; и т.д.

¹⁰⁹ Статья вторая: “Русь японская” (готовится к печати).

Маркасова Е.В. (Санкт-Петербург)

Историко-культурный контекст постмодернистской цитаты (времена года в поэме Т.Кибирова "Буран")*

Исследование реминисценций, цитат, аллюзий занимает исключительно важное место в литературоведении, текстологии, источниковедении. Нахождение связей между разными текстами – занятие часто неблагодарное, поскольку результат нередко представляется гипотетическим, особенно применительно к современным художественным текстам авторов-постмодернистов с их тотальной цитатностью. Между тем, мы хотим показать на одном из наиболее ярких поэтических образцов такого рода, поэме Т.Кибирова "Буран" (1986 г.)¹, что все еще распространенные представления о постмодернистском творчестве как о художественно несостоятельном цитатническом произволе, бессистемном и бесцельном, либо как о примитивном жонглировании небольшим числом актуальных идеологем, не выдерживают критики. Подробный анализ текста позволяет выявить авторские интенции, весьма интересные с точки зрения историка, обращенного к теме общественного сознания и культуры советской эпохи, их взаимодействия с более ранними культурными пластами².

Выберем в качестве точки отсчета наиболее "универсальные" и, как кажется, наименее идеологически маркированные представления – о времени года, тем более, что "сезонная" отнесенность³ каждого анализируемого фрагмента играет не последнюю роль для понимания всего текста⁴. "Сезонные" парадоксы начинаются с первых строк поэмы:

Выхожу я, выхожу я,
песню завожу я!
Выхожу я в степь белую,
тундру снеговую! (С.107)

*Автор благодарит И.О.Ермаченко, Л.В.Зубову, А.Я.Лapidус, П.А.Клубкова за помощь в работе над статьей.

¹ Кибиров Т. Сантименты: Восемь книг. Белгород, 1994. С.107-123.

² Отметим, что и сам автор рассматриваемого произведения настаивает на важности историко-литературных знаний, позволяющих включить текст в контекст, при том что "текста вне контекста не существует". (Литературное обозрение. 1998. №1 [посвященный творчеству Т.Кибирова]. С.15).

³ Отождествление определенного времени года с определенным возрастом человека распространено в разных культурах. (См. об этом, напр.: Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976; Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст 1978. М., 1978. и др.). Текст поэмы мы читаем как "автобиографию" лирического героя.

⁴ Мы сознательно не останавливаемся на общей характеристике понятий "реминисценция", "цитата", "аллюзия", как и на проблеме концепта "время", так как литература, посвященная этим вопросам, в основном доступна.

Понятно, что это отсылка к известной песне “Катюша” на слова М.Исаковского: “Расцветали яблони и груши, / поплыли туманы над рекой. / Выходила на берег Катюша...<...> Выходила, песню заводила...”⁵ (Курсив здесь и далее мой — Е.М.) Катюша “выходит” весной, лирический герой попадает “в тундру снеговую”. “Зимняя” тематика углубляется отсылкой к песне на слова И.Сурикова: “*Степь да степь лежигом, путь далекий лежит...*” (Цитата осложнена трудной уловимым на первый взгляд стяжением: “Степь да степь лежигом...”). Однако, в отличие от умирающего (в тексте Сурикова) ямщика, который обращается к товарищу, наш герой, словно герой эпоса, обращается к земле. Следующий фрагмент текста заставляет читателя вспомнить “Думу про Опанаса” Э.Багрицкого, где неоднократно встречается обращение к родной земле: “Украина, мать родная, / молодое жито! <...> Украина, мать родная, Песня-Украина”. Вместо родной земли герою отвечает Лихо, представляющее собой стяжение фольклорных и литературных образов: *Лихо одноглазое, Мать-сыра земля, Буря.*

Ты за что меня пугаешь,
мать-земля сырая?.. (С.107)

Лихо, Лихо голосило:
Что же ты, дурила?
Я ж тебя, сынок, вскормило
из последней силы!

Я ль тебе не мать родная,
нежная, белая... (С.108)

Для последующего комментария важно отметить, что Э.Багрицкий создал либретто к опере “Дума про Опанаса”, которое начинается так: “В край, морозом обожженный, / В дебри мерзнувшей страны / Мчатся наши эшелоны / Как предвестники весны.”⁶ Культ непогоды был хорошо знаком читателю потому, что советская поэзия подвергала идеологизации идею хаоса: “Бури, непогоды – молодость моя...”⁷, “В воздухе пахнет грозой... <...> Черные силы метутся, ветер нам дует в лицо...”⁸ Образ непогоды был связан в сознании советского человека с темой борьбы с прошлым, с капиталистическим миром.⁹

Заканчивается “Дума про Опанаса” описанием летней Балты: “Нет нигде румяней вишни, / слаще винограда.” Отметим, что противопос-

⁵ Старые песни о главном: Песенник с нотным приложением. М., 1996. С.185.

⁶ Багрицкий Э. Стихи. М. 1977. С.163.

⁷ Долматовский Е. Мы жили по соседству (к/ф “Они были первыми”) // Старые песни о главном. С.12.

⁸ Арманд П. Тучи над городом встали (к/ф “Человек с ружьем”) // Там же. С.13. Примеры можно приводить бесконечно, однако все они хорошо знакомы и достаточно однотипны: “ветры яростных атак”, “и снег, и ветер, и звезд ночной полет”, “на границе тучи ходят хмуро” и пр.

⁹ Особенно ярко этот стереотип выражен в поэме А.Коваленко “Два лагеря”: “Как ясный день и солнечный закат, / Два лагеря – два флага на планете, / В одном – сады весенние шумят, / В другом – сшибает с ног осенний ветер.” — Великий сталинский закон. М., 1950. С.84.

тавление зимы и лета было одним из любимых приемов классиков советской поэзии, давшей такие образцы “сезонного” мышления: “Ленин встал, как *солнышко* восходит...”¹⁰; “В давний час в *суровой* мгле, на заре Советской власти / Он сказал, что на земле мы построим людям счастье.<...> Ленин в твоей *весне*...”¹¹; “*Заветной* весны высота не взята...”¹² Однако все эти “климатические беспорядки” должны были трансформироваться в *весеннюю* упорядоченность под руководством *демиурга-садовника*. Как известно, непоследовательное, беспорядочное движение времени — верный знак приближения конца света¹³.

И взметнулось мое Лихо
по-над степью тихой,
мглою небо мое кроет,
сатаню воеет! (С.108)

Так в тексте впервые появляется цитата из стихотворения А.С.Пушкина “Зимний вечер”¹⁴: “Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя...”, с той лишь разницей, что место *бури* занимает *Лихо*.

Бесконечны, безобразны
вьются бесы разны!
Кто они — еще неясно,
Только страшно, страшно!.. (С.109)

Автор снова использует стяженную цитату: в “Бесах” А.С.Пушкина читаем: “*Бесконечны, безобразны, / В мутной* месяца игре / *Закружились бесы разны, будто* листья в ноябре...”¹⁵ Страшно, страшно поневоле среди неведомых равнин...”

Лихо, лихо! Чивилихин,
Стонет Чивилихин!
Ой, простите, Талалихин,
а не Чивилихин! (С.109)

...
Выходил профессор Зорин,
мрачен и упорен...
Страшных призраков привел он,
неподкупный Зорин.
Лихо, Лихо, горе, горе
там, за синим морем! (С.110)

¹⁰ *Адалис* А. Весенняя трава // Ленин в поэзии: стихотворения, поэмы, песни, народные сказы. М., 1941.

¹¹ *Ошанин* Л. Ленин всегда с тобой // Песенник. М., 1984. С.4-5.

¹² *Добронравов* Н. Не расстанусь с комсомолом // Там же. С.113.

¹³ Вспомним пословицу: *Две зимы, два лета, потом и конец света*; с этой точки зрения легко объяснить бурную реакцию на предложение героя телефильма “Тот самый Мюнхгаузен” считать, что после 31 мая должно быть 32 мая и т.д. — оно воспринималось как покушение на мировой порядок. — *Рабинович* Е.Г. Тип календаря и типология культуры // Историко-астрономические исследования. М., 1978. Вып.14. С.141-143.

¹⁴ *Пушкин* А.С. Полн. собр. соч. Т.2, полутом 1. М., 1947. С.439.

¹⁵ *Пушкин* А.С. Полн. собр. соч. Т.3, полутом 1. М., 1948. С.226-227.

За картиной бурана следует череда идеологически значимых персонажей (В.Чивилихин и В.Талалихин, олицетворяющие несоизмеримые, но иронически соединяемые автором ипостаси героя, страдающего за отечество; "неподкупный" политический обозреватель В.Зорин с телевизионными призраками "капитализма") и реалии (СОИ, душманы, наркоманы, хулиганы, бундесвер поганый, Ардис, Имка-Пресс (С.110). Она напоминает карнавальное шествие (реакция на приближение конца света), которое, в угоду читателю, описано "серьезно" (как и положено). Предположительной является связь этого фрагмента с "Левым маршем" В.Маяковского.¹⁶

Где ж буранный полустанок?
Наколел Айтматов!
Вокруг духи из землянок,
Кроют небо матом. (С.111)

Здесь происходит смешение двух источников: "Бесы" ("Видю: духи собрались / Среди неведомых равнин...") и "Зимний вечер" ("Буря мглою небо кроет"), причем стяжение на уровне цитат сопровождается семантическим стяжением ("духи" у Пушкина – совсем не "духи" как чин армейской негласной иерархии (рядовые первых 6 месяцев службы)). Почему Ч.Айтматов "наколел", становится ясно, если рассмотреть весь приведенный ряд деятелей культуры: Ч.Айтматов - В.Чивилихин - Н.Эйдельман. В восприятии советского читателя каждый из них – воплощение противопоставленных друг другу вариантов осмысления прошлого. У Айтматова – через обращение к естественному патриархально-родовому началу народной жизни, у Чивилихина – через национализм русско-почвеннического толка, у Эйдельмана – в западнической тональности.

Тут Астафьев выбегает
и в него стреляет.
Эйдельман и сам стреляет,
метко попадает!
И Астафьев попадает,
метко поражает. (С.111)

Это отсылка к известному детскому стихотворению Ф.Б.Миллера (1851 г.)¹⁷: "Раз-два-три-четыре-пять, / Вышел зайчик погулять..." Со-скальзывающее в стилистику эпоса описание "стрельбы" друг по другу – намек на получившую резонанс переписку двух литераторов¹⁸ и, возможно, на дискуссию о русских и русскоязычных писателях, развер-

¹⁶ Ср.: "За голод, за мора море шаг миллионный печатай... <...> Пусть бандой окружат нанятой, стальной изливаются леевой..." — *Маяковский В.В.* Полн.собр. соч. в 8 т. М., 1968. Т.1. С. 255-256.

¹⁷ Русская поэзия детям. СПб., 1997. С.161.

¹⁸ *Эйдельман Н. Астафьев В.* Переписка из двух углов // Синтаксис. 1987. №17. С.80-89.

нующуюся на Пленуме Союза писателей РСФСР в 1989 г. (Ср. также песню Ю.Кима "Письмо пленуму Союза писателей" (1989 г.).

Вьюга, вьюга, вот так вьюга!
Не видать друг друга!¹⁹
И идут, идут Двенадцать
с Катькой разбираться! (С.115)

Источник этих строк – поэма А.Блока "Двенадцать" – очевиден, как и сходство "карнавальных" мотивов у Кибирова и Блока.²⁰

Но откуда ни возьмися-
зайка объявится!
Бедный маленький пушочек,
глупости комочек! (С.115)

"Маленький комарик" – спаситель Мухи-Цокотухи у К.Чуковского ("Вдруг откуда ни возьмись – маленький комарик..."²¹) – в поэме замещается зайкой, а зайка у Кибирова явно не из сферы народной мифологии²². Это, конечно, "олитературенный" заяц, которому угрожает Лихо. Сюжет с зайцами, нуждающимися в помощи и спасенными дедом Мазаем, известен по школьной программе: "Зайцы вот тоже – их жалко до слез! Только весенние воды нахлынут, / И без того они сотнями гинут, – / Нет! Еще мало! Бегут мужики, / Ловят, и топят, и бьют их баграми. Где у них совесть?"²³ Дед Мазай накрывает зайчиху зипуном, а герой "Бурана" предлагает зайчику спрятаться под тулупчик:

Глупый маленький зайчонок
плачет как ребенок.
Забирайся под тулупчик,
дурачок-голубчик. (С.115)

Вся последующая структура "зимнего" отрывка опирается на два основных источника: повесть А.С.Пушкина "Капитанская дочка" (глава "Вожатый") и (в меньшей степени) "Метель". Вряд ли найдется школьник, для которого это сочетание образов (*буран - заячий тулупчик*) не было бы связано с проблемами "личность и власть", "милосердие и

¹⁹ Просматривается связь со стихотворением С.Наровчатова: "Никого. Только ты да вьюга. / Ты один. Никого вокруг. / Вот когда тяжело без друга, / вот когда тебе нужен друг...", в котором идет речь о том, что "звать подмогу" в такой ситуации имеет право лишь тот, "кто честен".

²⁰ См.: *Гаспаров Б.М.* Тема святочного карнавала в поэме А.Блока "Двенадцать" // *Литературные лейтмотивы.* М., 1994. С.5-23.

²¹ *Чуковский К.* Муха-цокотуха // *Русская поэзия детям.* СПб., 1997. Т.2. С.92-7.

²² В соответствии с мифологией встреча с зайцем приводит к несчастью, поскольку сам заяц связан с нечистой силой (напр., всегда сопровождает лешачих). "Леший может иметь зооморфный вид – облик птицы, ... зайца. <...> бережет, сторожит лес, распоряжается лесными зверями, перегоняет их стадами, пасет зайцев, волков, лисиц." — Мифологические рассказы и легенды русского Севера / Сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996. С.141).

²³ *Некрасов Н.А.* Дедушка Мазай и зайцы // *Полн. собр.соч. и писем.* В 15 т.: Л., 1982. Т.3. С.107-108.

чувство долга”, “честь и совесть” и пр. “Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран. <...> Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. “Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран! Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным...”²⁴

В “Буране” происходят чудеса: образ *бури* трансформируется в образ *Лиха*, а “тулупчик” существует отдельно от “зайчика”, который явно сближается с “глупым маленьким мышонком” (С.Я.Маршак). Напомню, что “шуба” как награда за верную службу – общее место – есть и в “Думе про Опанаса”: “Дайте *шубу* Опанасу / Сукна городского! / ...<...> Опанас глядит картиной / В папахе косматой, / *Шуба* с мертвого раввина / под Гомелем снята...”

Тут как гаркнет вражья Сила!...

...
Била-била, колотила,
воем оглушила,
в чистом поле положила
в снежную могилу...

(С.116)

Происходит отказ от пафоса актуализацией поэтики частушки (низкого жанра): “Меня *били-колотили* / При дороге во кустах, / Мене голову пробили / В восемнадцати местах.” Здесь уместно привести пример замены *зайца Лениным* в фольклоре эпохи революции и гражданской войны: “На березе сидит Ленин, / Держит серп и молоток, / А товарищ его Троцкий / Бежит с фронта без порток”²⁵ (в оригинальном тексте: “Сидит заяц на березе, / Курит валяный сапог...”). Известен также анекдот о дедушке Ленине и зайцах: “Дедушка Ленин раз был в Разливе. А там половодье. Зайчики тонут. Дедушка Ленин – на лодку, и давай зайчиков спасать. Они ему говорят: “Спасибо, дедушка Мазай, спасибо”. Вот так и насобирал себе зайцев на ужин”. В анекдоте (как и в “Капитанской дочке”, и в “Буране”) присутствует известный в мифах разных народов архаичный мотив неузнанного вождя, который периодически возникал в литературе (например, в поэме А.Т.Твардовского “Ленин и печник” или в новине “Сталин и тракторист”²⁶).

Ты скачи, скачи, зайчишка,
жми без передышки,
передай-рыдай поклоны
женке незаконной!
Обручальное колечко
брось ей на крылечко,

²⁴ Пушкин А.С. Капитанская дочка // Полн. собр. соч. Т. 8. полутом 1. М., 1938. С. 287.

²⁵ Пользуясь случаем, благодарим А.В.Егорова, предоставившего нам тексты частушек революционного времени из личного архива.

²⁶ Карельские эпические песни / Пред., подготовка текстов и коммент. В.Я.Евсеева. М.; Л., 1950. С.402-403.

Ну, прощай, мое сердечко,
Гибель недалече... (С.117)

Мы словно возвращаемся к началу текста, где уже была цитата из песни на слова И.Сурикова "Степь да степь кругом", однако не без самоиронии, которая проявляется в использовании цитатного силлепсиса: "А жене скажи слово прощальное, передай кольцо обручальное..." (И.Суриков) соединяется с эстрадной советской песней "Выйди на крылечко, ты мое сердечко, без тебя тоскую я давно..."²⁷ Мотив гибели героя закономерно связан с мотивом его возрождения:

Вот лежу я, замерзаю.
Ничего не чаю.
Я не вою, не рыдаю,
свой капец встречаю.
Я встречаю-чаю-аю,
а кого не знаю.
Никого уже не знаю-
аю-засыпаю.
Головою-вою-ою
во сугробы-гробы
с непорочною женою,
смертью молодою.
Замерзаю-заю-аю,
замер-замерзаю,
веки белые смыкаю, аю-засыпаю,
засыпаю-паю-аю
баю-баю-баю
белым паром вею-аю
в небо улетаю
в небо улетаю...²⁸ (С.117-118)

Это развернутое описание замерзания-засыпания имеет несколько источников. Очевидна связь с поэмой Н.А.Некрасова "Мороз, Красный Нос": "В сверкающий иней одета, / Стоит, холодеет она. / И снится ей жаркое лето. / Не вся еще рожь свезена..."²⁹ Кажущаяся нелогичность ("замерзаю" или "белым паром улетаю"?) снимается мотивом инобытия и, с другой стороны, связью с описанием "таяния" в сказке о Снегурочке, которая "растаяла облачком"³⁰, перепрыгнув через ритуальный

²⁷ Отметим, что ассоциативный ряд "колечко - сердечко - крылечко" мог вызывать иные воспоминания у читателя, знакомого с песней "Колечко" на слова Н.Незлобина: "Белоснежным полотенцем / Вытрет смуглое лицо / И пройдет по светлым сенцам / На высокое крыльцо. <...> Трубку крепкую раскурит, / Пепел в сторону смахнет, / И колечко золотое / За Москву-реку уйдет... <...> Ты лети, лети колечко, / Над родною стороной..." — Песни о Сталине. М., 1950. С.160.

²⁸ Анализ фигурации этого и подобных фрагментов см.: Маркасова Е.В. Дискретность текста и "разрушение" смысла // Ситуации культурного перелома. Петрозаводск, 1998. С.95-100.

²⁹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Л., 1982. Т.4., С. 105.

³⁰ Ср.: "Автор как бы говорит заключительными словами, резюмируя весь рассказ, что все то, что произошло, все то, что составляло жизнь, любовь, убийство, смерть Оли Мещерской, — все в сущности есть только одно событие, — это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре". — Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1997.

костер. Таким образом, “зимний” карнавал продолжается карнавалом “летним”. Возможно, повтор “В небо улетаю, в небо улетаю...” не случаен: именно этот глагол (но в повелительном наклонении) использован в песне на слова Е.Аграновича “Не улетай” (к/ф “Леон Гаррос ищет друга”), все три куплета которой имеют рефрен “Не улетай, родной, не улетай”. В первых двух куплетах эта мольба мотивирована непогодой (“суровый день грозит дождем и бурей”, “закрывает солнце белая метелица”), в финале – только чувством: “Но быстро тучи за море уносятся, / синее небо, зеленеет май. / Теперь сама в полет машина просится... / Не улетай, родной, не улетай.”³¹

Мотив сна (через сновидения, как известно, поддерживается связь с предками³²) находим в повести А.С.Пушкина: “Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам. Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония.”³³

Эпиграфом к “Метели” были строки из “Светланы” В.А. Жуковского:

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокий.

.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

Святочные гадания занимают особое место в народном календаре. Текст Жуковского оказывается значимым для прочтения “Бурана” уже потому, что здесь есть мотив воскрешения – “встречи” Светланы “в крещенский вечерок” с живым мертвецом:

Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...

С.195. По мнению исследователя научной фантастики д.фил.н. Е.М.Неелова, мотив “легкого дыхания” в одноименном рассказе И.А.Бунина берет начало именно в сказке “Снегурочка”.

³¹ Старые песни о главном. С.58.

³² Подробно о мифологических вертикальных связях см. : Бессмертная О.Ю., Рябинин А.Л. Предки // Мифы народов мира. М., 1997. Т.2. С.333-335.

³³ Пушкин А.С. Капитанская дочка. С.288.

Итак, герой “Бурана” встречается с хаосом-непогодой (как героиня “Метели”) и не может узнать “великого вожатого” (ср. песенно-хрестоматийное: Наш великий *Вожатый*, самый главный Учитель, / Эта песня простая посвящается Вам...), как Петруша Гринев своего спасителя в главе “Вожатый”. Однако по тем деталям, которые отмечает герой в поведении “симпатичного и фотогеничного”, можно предположить, что он, как Маша Миронова в “Капитанской дочке” (глава “Суд”), догадывается, с кем имеет дело (см. “Буран”, С.113-114).

“Зимняя” часть “Бурана”, в которой источниками цитат и реминисценций являются (в основном) произведения классической литературы, завершается. Вторая часть построена на других источниках.

Снится мне – вечерний звон,
Небеса родные.
Тоны-звоны, теплый сон,
избы расписные. (С.118)

Указание на текст “Вечернего звона” (Сл. И.Козлова, муз. Алябьева), ставшего в советскую эпоху частью репертуара детских хоров, — естественное развитие мотива сна (именно во сне возможна встреча с предками (этот сюжет занимает существенное место в сонниках), в “Буране” еще и не узнаанными наяву:

Уже не зреть мне светлых дней
весны обманчивой моей!
И скольких нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых.
И крепок их могильный сон -
Не слышен им вечерний звон...

Снова включается частушка:

Золотятся купола,
полны ямы силоса
тара-тара-трактора
с поля возвратилися. (С.118)

Своеобразная мода на “тракторную” тему в советский период дала самые разнообразные по духу образцы частушечной “тракторной” поэзии. Ср.: “Я иду, а прямо с поля / Трактора да трактора. / Почему любовь не лечат / Никакие доктора”; “Тракториста я любила, / С трактористом я спала <...>” или: “Я на тракторе работал, / На зеленом дизеле <...>” и др. Официальные источники предлагают следующее: “Стальные наши кони / Бегут, не устают. / Ребята-трактористы / О доблести поют”³⁴, “Верю я: пойдет работа споро!”- Думает болгарин-тракторист.”³⁵, “В эту весну, в это лето / Стал я первый тракторист, / Не

³⁴ Сурков А. Песня трактористов // Четыре времени года. Красноярск, 1954. С.18.

³⁵ Стоянов Л. На рассвете // Великий сталинский закон. М., 1950. С.50.

имею партбилета, / Но в душе я коммунист” (частушка).³⁶ Конечно, популярность этой темы³⁷ была обусловлена не столько достижениями технической революции, сколько представлениями о том, что трактор поможет быстрее достичь ожидаемого “рая”, который приобрел очертания сада (см.: “Тем, кто дал нам трактор, слава!”)³⁸.

Все это создает фон для псевдоромантической картины:

Ходит, ходит белый конь
Розовый от зорьки,
Ходит сон мой угомон
От Оки до Волги... (С.118)

Ср.: “На заре, ранним утром на заре / Ходит в поле красный конь... <...> Мое детство красный конь...”³⁹ Восприятие детства у лирического героя явно носит по-советски этикетный характер. Появление здесь же “девок” обусловлено самим поведением героя, поскольку берег реки – традиционное место встречи. (Ср.: “Вечерком на реке всякое бывает...” (С.Островой)⁴⁰; “У Оки всю ночь хожу я, / берегу любовь большую, / Там, где росная трава и сердечные слова...” (И.Лашков)⁴¹ или: “Хороши весной на Волге / Золотые вечера... <...> Загляну в глаза волжанке, / Нежным словом назову...” (Сл. А.Пришельца)⁴². Дальнейшее появление в тексте Кибирова “Глебушки” с “Борисочкой”, русских святых (дни памяти 15 мая; 6 июля; 6 августа — летом), снова создает эффект ложной антитезы “высокого-низкого”, как это уже наблюдалось: “вечерний звон” – частушка; святые – девки. Эта антитеза представляется нам ложной потому, что противопоставленными оказываются не

³⁶ Великие баторы Ленин и Сталин в творчестве народов Бурято-монгольской АССР. Улан-Удэ, 1948. С.34.

³⁷ Она особенно характерна для так называемых репертуарных сборников (как местного, так и общегосударственного значения). См.: Репертуарный сборник “Цвети, наш край”. М., 1954; Репертуарный сборник. Пенза, 1955; Репертуарный сборник. Архангельск, 1955; Песни и частушки. Саратов, 1956 и др.

³⁸ Именно здесь корни перепевов тракторной темы даже в постмодернистском кинематографе (“Трактора”, “Трактористы-2” реж. братьев Алейниковых). Сочетание мотива неузнанного вождя и новой сельскохозяйственной тематики зафиксировано в тексте новины “Сталин и тракторист” М.И.Михеевой. — Карельские эпические песни. С.402.

³⁹ Образ коня (конницы) также опозитирован советской литературной традицией: см., напр., пьесу М.Шатрова “Синие кони на красной траве” и многочисленные упоминания “красной конницы”, “конницы Буденного”. Отголоском этой традиции можно считать тост, распространенный до недавнего времени и использовавшийся во время дружеских встреч без повода: “За столетие со дня рождения первой лошади Ворошилова (Буденного, Чапаева)”.

⁴⁰ Старые песни о главном. С.23.

⁴¹ Товарищ песня. Б.м., 1970. Вып.3. С.71.

⁴² Старые песни о главном. С.22-23. Популярность “волжской” темы в лирике этого времени обусловлена не только исторически, но и идеологически: биографиями вождя. Приведем еще несколько примеров: “Ой ты, Волга-река — Голубое диво, / До чего широка, / До чего красива!” (С.Островой), “Если Волга разольется, / Трудно Волгу переплыть...” (В.Лебедев-Кумач), “Волга-реченька глубока, / Бьет волнами берега...” (автор неизвестен) и пр.

явления, а готовые стереотипы обывательского сознания. Антитеза стереотипизирована. В принципе особого смысла в смене ценностей нет: наш “спящий” герой может создать схему из любого материала.

И идет, идет весна
улицей Заречною!
На скамейке у окна
юность ваша вечная! (С.119)

Источники этих строк посвящены началу самостоятельной рабочей биографии: это песни “Когда весна придет, не знаю...” (А.Фатьянов) и “Вернулся я на Родину...” (М.Матусовский):

И вот *иду, как в юности, я улицей Заречною*
И нашей тихой улицы совсем не узнаю...⁴³

Строки “На скамейке у окна / *юность ваша вечная...*” хочется прочитать как описание дворового детства, однако не исключено, что это портрет наблюдающей за происходящим “первой учительницы”: “Простая и сердечная, ты *юность наша вечная...*” Возможна и соотношение с текстом “Нашей песни” (сл. М.Лисянского):

Хорошо свою весну нести
На распахнутых руках.
Солнце нашей вечной юности
Не померкнет в облаках!⁴⁴

Далее (С.119-120) очевидна связь с текстами “Сирень-черемуха” (А.Софронов, муз. Ю.Милютин), “Москва майская” (В.Лебедев-Кумач, муз. Покрассов), “Хороши весной в саду цветочки...” (С.Алымов, муз. Б.Мокроусова), “Если б гармошка умела...” (А.Фатьянов, муз. А.Лепина), “Хвастать, милая, не стану...” (А.Фатьянов), “Жизнь моя, любовь моя...” (А.Пришелец)⁴⁵, поэмой С.Есенина “Анна Снегина”, поэмой Е.Евтушенко “Братская ГЭС”, стихотворением Н.Рубцова “В горнице моей светло...”, романсом “Гори, гори, моя звезда...”, многочисленными вариантами частушки “С неба звездочка упала...” и т.д.

На смену летне-весенним ассоциациям, скрытым в цитатах и реминисценциях, приходит воспоминание о зиме: “На зиму стоят в сенях / саночки да *валенки*” (С.120). Герою снится дедушка Ленин. Так в “Капитанской дочке” Петруша Гринев видит во сне батюшку, который затем превращается в “мужика с черной бородой”.⁴⁶

⁴³ Песенник. М., 1984. С.73.

⁴⁴ Товарищ песня. Б.м., 1968. Вып.2. С.24

⁴⁵ Старые песни о главном. С.70, 139, 69, 40, 38, 31.

⁴⁶ Сон оказывается вещим: “Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным послушанием. ...Что ж? вместо отца моего лежит мужик с черною бородою, весело на меня поглядывая...” — Пушкин А.С. Капитанская дочка. С. 289.

Ходит Ленин во лузях
а печник не лается.
Пальцем ласково грозя,
Ленин приближается <...> (С.120)

Ленин, дедушка родной!
Ленинчик! Дедулечка!
Гладит ласковой рукой,
кормит чаем с булочкой. (С.121)

Кроме очевидной связи с поэмой А.Т.Твардовского “Ленин и печник” (кстати, поведение Ленина, как и печника, у Кибирова не соответствует их поведению у Твардовского), здесь можно увидеть и намек на “Елку в Сокольниках” А.Кононова, и знаменитую историю о валенках, описанную В.Д.Бонч-Бруевичем в книге для детей “Воспоминания о Ленине”.⁴⁷ Что же касается отношений между “внучатами” и “дедушкой”, то эта тема также была объектом внимания советских писателей в русле официального культурно-идеологического патернализма (“пятнадцать республик – пятнадцать сестер”, “и тогда наш экипаж – семья”, “вместе целая страна, / вместе дружная семья, / в слове “мы” – сто тысяч я!” и т.д.) Например: “Дети говорили с ним просто, не чувствовалось никакого стеснения. Он уже был для них своим человеком. Они отбили его у взрослых, потащили с собой пить чай и наперебой угощали...<...> а он ... ласково следил за всеми, точно все они были его семьей. Владимир Ильич очень любил детей, и детишки это чувствовали”.⁴⁸ Аналогичных описаний достаточно и в поэзии: “Раз у косматого костра / На берегу сидели дети. / Эйно чинил рыбацьи сети / И пели ветер и сестра... Они по-русски говорят / О доле дикого суоми, / Гость гладит головы ребят, / Садится в доме на соломе.”⁴⁹ В переиздававшемся сборнике для детей “Четыре времени года”, в стихотворении Н.Саконской “В гостях у Ленина”, с Лениным встречаются “другие малыши”, несмотря на то, что Ильич умер много лет назад: “Они как будто тоже у Ленина в гостях”. Такая частотность “детских” сюжетов в биографиях В.И.Ленина (включая литературные) вызвала всплеск народного творчества⁵⁰.

Итак, образ дедушки Ленина совмещается с образами других “вечно живых” покойников, а мимо нашего “спящего” героя проходят произведения из школьной программы, отсылки к которым также сопровождаются ложной антитезой: “сад, проданный кому-то” (“Бураи”, С.121) – “Вишневы сад” – сад как мечта о будущем рае⁵¹. Конечно, ис-

⁴⁷ Ленин весной посылает Книпович (подпольная кличка “Бабушка”) валенки, в которые вшиты экземпляры его статей. Отметим, что Ленин (одна из его кличек “Старик”) был обеспокоен тем, что валенки, высланные весной, могут вызвать подозрение у жандармов, поэтому он вкладывает в посылку письмо с объяснением: валенки, дескать, на случай холодов, ведь у Бабушки ревматизм.

⁴⁸ Бонч-Бруевич В.Д. Рассказы о Ленине. М., 1971. С.61.

⁴⁹ Белинович Н. Сампо // Ленин в поэзии... С.50.

⁵⁰ Мы не приводим здесь известные анекдоты о Ленине в доме для детей-инвалидов, Ленине и красной рыбе, Ленине-гимназисте, Ленине-Вовочке.

⁵¹ Ср.: Лихачев Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 2-е изд. СПб., 1991; Погосян Е.А. Сад как политический символ у

токи этого символа уходят в мифологию и христианские представления о рае (рай-город, сад, небо), но советская поэзия, не считающая себя связанной с "религиозным дурманом", создает свои "сады", выращенные "великим садоводом": "Вся страна весенним утром, / Как огромный сад, стоит / И глядит садовник мудрый / На работу рук своих. ... <...> Не напрасно люди наши / Проливали пот и кровь, — / Что ни день, светлей и краше / Входит радостная новь. / День и ночь с веселым шумом / Сад невиданный растет, / День и ночь трудам и думам / Отдается садовод. <...> Сорняки, где надо, скосит, ... <...> Всем родной и всем знакомый / Улыбается в усы."⁵²; "Ты, Сталин, создал дивный строй, / Хвала, великий садовод!"⁵³; "Это ты расцветающий сад / терпеливо выращивал, вождь..."⁵⁴; "Спасибо, великий садовник, / За счастье родимой земли!"⁵⁵; "Он выращивал в сердце своем, как в саду, / Цветы человеческих грез..."⁵⁶.

Кибировский "дедушка" оказывается "во саду весеннем" (С.122) не только в соответствии с традицией, зафиксированной в литературе, но и в соответствии с образцом фотоискусства: "Как всюду, и у нас в семье / есть фото над кроватью детской: / В саду весеннем, на скамье / сидят отцы страны советской. / Два имени. Великих два..." (Е.Долматовский)⁵⁷. Речь идет о фотографии "Сталин и Ленин в Горках", на которой вожди сидят рядом на скамье.⁵⁸

Также вероятны отсылки к "Крыжовнику" А.П.Чехова, "Антоновским яблокам" И.А.Бунина, "Воскресению" Л.Н.Толстого:

А потом пойдут — крыжовник,
яблоки зеленые,
и оскому я набью
черною смородиной.⁵⁹ (С.122)

Ломоносова // Культура. Текст. Нарратив. / Труды по знак. системам XXIV. Тарту, 1992. С.44-58; Цивьян Т.В. Verg Georg. IV. 116-145: к мифологеме сада // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 140-151.

⁵² Лебедев-Кумач В. Садовник // Песни о Сталине. М., 1950. С. 59-60.

⁵³ Сулейманов Д. Великий садовод // Там же. С.42.

⁵⁴ "Закон моей страны" (нар. татар. песня) // За Сталина! Стихи и песни. Куйбышев, 1938. С.16.

⁵⁵ Ошанин Л. Спасибо, великий учитель // Миру — мир: Стихи и рассказы. М.: Л., 1952. С.42.

⁵⁶ Андреев П. О народном законе и мудром творце... // За Сталина! С.18.

⁵⁷ Великий сталинский закон. С.100-101.

⁵⁸ Ср.: "Говорят, что знаменитая в свое время фотография ... — плод фото-монтажа. Отношение Ленина к Сталину в это время было так резко, что такая дружеская беседа была бы невозможна. Это фото защищало Сталина от завешания Ленина, показывая их близость друг к другу." — Боров Ю. Сталиниада // Подъем. 1990. № 1. С.35.

⁵⁹ Возможно, это последнее из трех упоминаний в поэме имени Катя, противопоставляемого трем "Любам" (опосредованное, через набивший оскому пример портретной характеристики: мокрая смородина — глаза Катюши Масловой).

Естественно, усилия садоводов не остаются без результата, поэтому в финале поэмы – пир. Приглашение вождя в гости – один из распространенных сюжетов советской поэзии – связывается с эпическим мотивом пира-совета. (Например: “Сталина родного в гости позови ты...”⁶⁰; “Мы думою поделемся / за праздничным столом, / Что скажем, если встретимся / с учителем, вождем?”⁶¹ и др.).

Культура Просвещения сделала категорию “естественности” доминантой в идейно-философской и эстетической концепции садово-паркового искусства того времени, соответственно “духу эпохи, для которой в первую очередь был важен сам принцип ландшафтности, “свободы природы от тирании человека”⁶². Прямая противоположность – сад у Кибирова, отталкивающегося от двойного образа сада-иллюзии (олицетворение несбыточных или ушедших надежд в русском реализме, способ маскировки тирании в советском пропагандистском искусстве). Одноухий и деревянный заяц, в свою очередь, оказывается в финале игрушкой, а не “глупым маленьким зайчонком” и не “тулупчиком”. Остается только пробуждение:

Зелень-зелень, зелень-синь,
воскрешенный дедушка.
Сон не сон и жизнь не жизнь,
просто пробуждение. (С.123)

Так в конце поэмы Кибирова снова обнаруживается неоднозначная связь с русской классикой:

В.А.Жуковский, “Светлана”:

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу,
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Вот баллады толк мой:
“Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробуждень”.

Ф.И.Тютчев, “Мотив Гейне”:

Если сон есть сон, если жизнь есть день –
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...
Обессиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую тьму –
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

Итак, “смешение” времен года позволяет герою чувствовать свою “невключенность” в настоящее. Обращенность к прошлому через культурный контекст делает и восприятие настоящего опосредованным; переход от зимы к весне (лету) – не реальная смена сезонов, а символическая смена стереотипов и преодоление романтического очарования прошлым. Лирический герой повторяет опыт состарившегося Петруши Гринева, который, описывая историю своей жизни, создает в жанре мемуара историю пугачевского бунта.

⁶⁰ “Ой, Днепро, ты слышишь” (укр. нар. песня) // Песни о Сталине. С.118.

⁶¹ Шеедов Я. Счастливый день пришел // Там же. С. 137.

⁶² Свирида И.И. Сады века философов в Польше. М., 1994. С.14.

Основной конфликт "Бурана" можно определить как конфликт между вечностью и временем. Как известно, в вечности понятие времени года неактуально. Игра в вечность так же невозможна, как и попытки вырваться в вечность с помощью обновления стереотипов, хотя именно такая идея и знакома нам по образцам поэтического творчества советского периода⁶³. В поэме чрезвычайно важно обращение к двум типам источников: классике и советской классике, однако А.С.Пушкин занимает здесь исключительную позицию "советского" Пушкина.

Соотношение разных текстов, соединенных в поэме Т.Кибирова, можно рассматривать как попытку совмещения разных культурных традиций. Поскольку "календарь является наиболее универсальной характеристикой и формой самооценки культуры, ...воспроизводит такие существенные элементы культуры, как представление о времени"⁶⁴, для советского читателя оказывается важной апология счета времени от 1917 г., как для постсоветского – возвращение к прежним культурным ориентирам.

⁶³ "Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым..." (Н.Добронравов; Песенник. М., 1984. С.113); "Ленин всегда живой, / Ленин всегда с тобой <...> Ленин в тебе и во мне!" (Л.Ошанин; Там же. С.5); "Густеет ночь, а мне не спится... / Давно умолкли гулы дня, / И вот бессмертные страницы / зовут, зовут к себе меня..." (В.Татаринов "Читаю Ленина"), " В тесном строю / храним мы землю свою, / чтоб солнце видели дети, сады расцвели весной..." (А.Досталь "Родина любимая моя"; Там же. С.7).

⁶⁴ Рабинович Е.Г. Тип календаря и типология культуры. С.147.

ПУБЛИКАЦИИ

В.С.Люблинский о Тюрго и Кондорсе

От публикаторов.

Владимир Сергеевич Люблинский (1903-1968) был одним из крупнейших советских специалистов по эпохе Французского Просвещения. Будучи учеником О.А.Добиаш-Рождественской, свой научный путь он начинал как медиевист и пришел к XVIII в. через библиотеку Вольтера, изучением и описанием которой занимался с начала 30-х гг. В.С.Люблинскому принадлежит ряд ценнейших публикаций литературного и эпистолярного наследия Вольтера, занявших почетное место в отечественной и мировой науке*. Постепенно круг его интересов расширился и к концу жизни В.С.Люблинский был глубоким исследователем и многих других проблем интеллектуальной и социальной истории XVIII в.** Людей, идеи и книги XVIII в. В.С.Люблинский знал и чувствовал, как мало кто другой, и вероятно можно говорить о его внутренней близости к этой эпохе.

Публикуемый текст — одна из последних работ В.С.Люблинского. Читатель сам оценит тонкость мысли и своеобразный изысканный стиль автора. В центре его внимания как идеология, так и социальная психология людей эпохи Просвещения. Последний аспект разработан им очень интересно и с большой проникновенностью. В целом В.С.Люблинский принимал марксистскую трактовку истории, но он отнюдь не являлся ординарным "марксистом-ленинцем" советского типа, и следует надеяться, что ссылка в общем виде на Ленина не введет в заблуждение в этом отношении современного читателя.

Текст печатается по авторизованному машинописному экземпляру, находящемуся в распоряжении публикаторов. Другой экземпляр машинописи хранится в фонде В.С.Люблинского в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Ф.1268. Д.228). Имеется также подготовленный автором вариант статьи на немецком языке. Библиографические ссылки отсутствуют. По мере возможности мы попытались восстановить их в примечаниях, помещенных за текстом.

Л.Б.Вольфцун, Б.С.Каганович.

* Люблинский В.С. Наследие Вольтера в СССР // Литературное наследство. М., 1937. Т.29-30. С.1-200; Он же. Вольтеровские фонды Ленинграда. Л., 1946 (Канд. дисс.); Он же. Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера. М.-Л., 1956; Письма к Вольтеру. Л., 1970.

** См., в частности, посмертно вышедшую во Франции монографию о "Мучной войне" 1775 г.: Lublinsky V. La guerre des Farines. Contribution a l'histoire de la lutte des classes en France a le veille de la Revolution. Grenoble, 1979.

В.С.Люблинский**Идея прогресса и восприятие действительности у Тюрго и Кондорсе**

(Сообщение на сессии по Просвещению XVIII века)

Если бы Тюрго не установил ничего кроме принципа совершенствуемости рода человеческого, то уже за одно это его надлежало бы причислить к наиболее глубокомысленным и прогрессивным мыслителям Века Просвещения. Ибо именно этот принцип придал завершение, а также диалектическую связь тем категориям Просвещения, которые столь остроумно были совсем недавно сведены в систему Люсьеном Гольдманом.¹ Но Тюрго имеет и большие заслуги в теоретической области: как известно, первостепенное значение принадлежит его объяснению общественных классов. Нет сомнения в том, что его административная практика в высочайшей степени соответствовала запросам буржуазного (стало быть, в то время исторически-прогрессивного) развития. Неудача же его вызвана была отнюдь не непоследовательностью его правительственных мер.

Не будь Кондорсе видным математиком, активнейшим участником деятельности Академии наук, а равно и литературной жизни своего времени и физиократического движения, одним из первых поборников женского равноправия, и если бы он даже не участвовал, ревностно и продуктивно, в политических бурях Революции, все же имя его осталось бы записанным золотыми буквами в Пантеоне человечества из-за его лебединой песни — хвалебного гимна Прогрессу человеческого Разума. Личность его импонирует и в нравственном плане: неделями скрываясь в подполье от неминуемой гильотины, он решает бросить полемическую записку, имевшую целью оправдать его проект конституции, и одним духом набрасывает свои ясные и горделивые мысли о конечном торжестве человеческого разума² — одно из наилучших завещаний своего века грядущим поколениям. Едва завершив исполнение этого нравственного долга, он покидает угрожаемый дом, чтобы избавиться от опасности укрывших его друзей и, будучи схваченным, ускользает от трибунала и палача приняв яд.

Не находятся ли однако блистательные умственные данные этих двух людей в прямом противоречии с той двусмысленной ролью, которая пришлось на их долю на политической (попытка спасти абсолютизм с помощью реформ, жирондизм) и на исторической арене (подавление голодного бунта 1775 года, полнейшее непонимание требований парижских санкюлотов в мае 1793 г.)? Хотя они и не нуждаются в тех оправданиях, в тех словесных хитросплетениях, которые щедро поставляются их апологетами (и способны скорее их замарать, нежели обелить), все же отрицать наличие такого противоречия невозможно.

Было ли падение жирондистов всего лишь примером недостаточности либерализма в трагические переломные моменты истории, когда уместны лишь радикальные решения? Было ли оно, с другой стороны, всего лишь подтверждением справедливости положения, согласно которому революция, чтобы достичь определенных целей, неизбежно и закономерно должна ставить себе цели более далекие. Нет, оно было в известном смысле также и следствием — социальным и политическим — неспособности реалистически воспринимать и правильно истолковать обстановку. А от такого рода неспособности не спасают ни дарования и эрудиция, ни личное мужество и благородство. Для этого потребно иное — понимание общественной нужды и бедственного положения масс. Последним нередко это понимание дается, хотя бы инстинктивно и лишь на непосредственно ближайšie действия, подчас — лишь разрушительные и даже направленные по ложному адресу, и несравненно реже оно является результатом теории, не порывающей с истиной и достаточно всеобъемлющей, мировоззрения реалистичного и бескорыстного, последовательной политической программы — особенно у ведущих деятелей прошлого.

Мы уже имели случай на примере Вольтера показать фатальную близорукость современников, даже наиболее остроумных; дело касалось Мучной войны и в другом месте нами была уже подчеркнута вся значительность этого предреволюционного движения плебейских кругов и крестьянства, а также были выявлены те причины, в силу которых в историографии сложилась и закрепилась до наших дней искаженная картина этого движения.³ Не распространяясь здесь далее по этому поводу и не возвращаясь к основному анализу социальных причин, мы позволим себе лишь кое-какие сопоставления, которые, возможно, добавят несколько штрихов для лучшего понимания специфики идеологических основ мировоззрения Тюрго и Кондорсе.

Ни в политическом, ни в моральном плане нельзя считать случайностью то, что при подавлении восстания 1775 г. представитель свободомыслящего, либерального, веротерпимого, народолюбивого и демократического Просвещения столь безжалостно, традиционно-консервативно ("охранительски"), нелиберально и прямо-таки диктаторски проявлял свою власть. Как нельзя приписать воле случая то, что весной 1793 г. ничего кроме солидарности с жирондистами, недоверия и презрения к народным массам (и соответственно — их недоверия и недооценки) не выпало на долю того самого Кондорсе, который некогда — всего за несколько дней до 10 августа 1792 г. — принимал марсельцев и вдохновлял их, а еще гораздо ранее, сразу после бегства короля в Варенн, был одним из самых первых, бросивших в умы и уста лозунг республики. Напротив! С предопределенностью, обреченностью героя античной трагедии его порыв влечет его к гибели. Десять майских дней 1775 г. следовали за длительным прологом, по крайней мере с марта, и за ними протянулся эпилог, завер-

шившийся только в декабре. Государственному деятелю полагается знать, что бывают бунты, что их надлежит не теряя времени пресекать и что на сей предмет существует объездная стража и превотальное правосудие. В отношении главы правительства к опасности народного возмущения Тюрго и в этой отрасли административного искусства обнаружил, что способен удовлетворить самым повышенным требованиям. И тут уж бессильна самая апологетическая историография.

Отвлечемся сейчас начисто от всего того, что Мучная война привнесла в дело проверки практикой "Системы экономистов", и поставим перед собой лишь один — впрочем двойной — вопрос. В какой мере этот жесткий курс, решительное волевое воздействие (на короля, на булочников, на духовенство, парижский парламент и крестьянство) были *органичными* для деятеля, который все же являлся не просто главой государственного аппарата, но был — и прежде всего! — мыслителем, теоретиком, приверженцем, претворителем в жизнь и преобразователем принципов физиократов, фактическим главой школы "экономистов"? Как складывалась и чем предопределялась позиция Тюрго среди обострившейся обстановки, какие воззрения, даже открывая широкую перспективу для активного вмешательства в события, в то же время затуманивали поле зрения, сбивали фокусировку и заводили в трясину?

Никакой импровизации и опрометчивости! Еще в 1765 году Тюрго, в качестве интенданта Лимузена, широко распространил свое (печатное!) послание к полицейским властям тех городов, где имелись хлебные рынки. В нем значилось недвусмысленно: при начинающемся брожении умов безразличие и бездеятельность недопустимы, малейшее возбуждение подлежит успокоению, а лучше — предотвращению. Осмеливающихся подавать пример ропота и недовольства, надлежит выявить, а по отношению к тем, кто образует "кучки", обычно служащие прелюдией к бунту, надлежит применить всю строгость; весьма уместны несколько примеров образцовой строгости в отношении ораторов и вожаков в подобного рода "мелких сборищах", и т.д. "Мятежное скопление" — слишком опасное преступление против общественного порядка, чтобы оставаться безнаказанным. Правительство вынуждено привести в действие спасительную строгость закона и тогда зачинщики в пытках искупают безрассудство, на которое их толкнула их слепая импульсивность. Король требует, чтобы зачинщики беспорядков по поводу перевозок зерна подлежали суду сообразно всей строгости указов, и т.п.

Разумеется, подобные предписания не обходятся и без разъяснительной работы и без борьбы с предубеждениями против свободы хлебной торговли. Но все же: "Каждый, кто подаст пример к ропоту и скоплению, должен быть арестован на месте. Объездная стража получила приказ оказывать поддержку военной силой везде, где ее при-

зовут". Ясно и вполне недвусмысленно — от царства разума, верховенства народа, идеалов прогресса и прочих умствований все это столь же далеко, как циркуляры царских губернаторов или шефов жандармского корпуса. Кавеньяк, Галифе или Носке спокойно бы поставили свою подпись под этим "Предостережением".

Привлечем еще несколько источников: "Письма о свободе хлебной торговли", адресованные зимой 1770 года тогдашнему Генеральному контролеру финансов аббату Терре, а также и те мероприятия, которые были осуществлены в апреле 1775 г., т.е. сразу после беспорядков в Дижоне и стало быть минимум за десять дней до волнений в Париже. И тут снова речь идет об объездной страже и строгости законов и указов. Уже в самый день 3 мая "под страхом смерти запрещено лицам любого сословия образовывать какие бы то ни было скопления... Равным образом и под страхом смерти возбраняется требовать на рынке хлеб или муку по цене ниже той, которая свободно установилась". За всем этим следует уже целая серия законов о чрезвычайном положении — ибо, не привлекая к тому особо широкого внимания, то была все же именно диктатура, осадное положение, приостановка нормального правосудия (причем чрезвычайные меры были окончательно сняты только в декабре). Методически и в полном сознании своей чистой совести ликвидирует министр массовые выступления и все их последствия, как в тревожные дни уличных столкновений и казней, так и в спокойные следующие месяцы.

Только ли войска маршала Бирона и превотальная комиссия в Шатле обеспечивали ему его неомраченную убежденность? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы обнаружилась необходимость установить такие факторы, значимость которых отнюдь не меньше — и притом не только в плане психологических оттенков или проблематики экзистенциалистской "завербованности".

В какой мере реформатору ясна социальная природа того общества, преобразование коего он ожидает и готовит? Что давало ему основание возводить прогресс в ранг верховного движителя Вселенной и Человечества, а свободу торговли рассматривать как необходимую и достаточную предпосылку и как атрибут этого прогресса — и с легким сердцем приносить этим божествам в жертву собственных сограждан — всех неимущих? Как протекает преобразование детерминизма экономического развития, с одной стороны, и классовой ограниченности, с другой, в сознание собственной праведности и порочности "заблуждений и предрассудков" всех прочих, не разделяющих этой праведности? А также в жажду таковых еретиков просветить, переубедить или же... убрать с пути, чего бы то ни стоило.

Здесь же уместно привести краткий обзор главнейших выводов обширнейших разысканий. Хотя они и потребовали методологических размежеваний, их можно было опереть на некоторые из трудов последних лет.

Если начинать с общей оценки физиократического учения, то (несмотря на многочисленные трактовки этой темы, включая и труд Велёrsa)⁴ не требуется вносить чего бы то ни было нового в то толкование их тайны, которое было дано Марксом (Буржуазная система в феодальном обличи). Нет недостатка и в биографических очерках и характеристиках воззрений Тюрго (Фор⁵ и другие буржуазные авторы; а с марксистской стороны Бак, Волгин, Деборин, Казарин⁶). Анри Сэ особо подчеркнул "обостренное чувство действительности" у Тюрго, благодаря которому он опередил прочих физиократов и созрел для борьбы за "свободу труда".⁷ Еще важнее идея развития, все еще рудиментарная и скорее инстинктивная, нежели сознательно проработанная, однако уже воспринимаемая диалектически. Казарин показал, как представления Тюрго об историческом процессе сложились еще в ранние годы и сколь необходимо внести известные поправки в плехановскую схему полнейшего якобы антиисторизма французских просветителей. Поскольку он однако пренебрег обособлением идеи прогресса, автор этот лишает проблему цивилизации — болевую точку всей идеологии 60-х и 70-х годов XVIIIв. — необходимой отчетливости. Идея прогресса — неотъемлемый рычаг любой идеологической системы, состоящей на вооружении класса, ведущего борьбу за овладение господством. Стало уже давно общим местом привлекать имя Тюрго при трактовке этой темы, но делается это обычно лишь на банальном уровне "филиации идей".

Гораздо оригинальнее и содержательнее задумана та реабилитация Тюрго, которая была недавно (1962) предпринята Фрэнком Менюэлом⁸ (не считая нагромождения ошибочных сведений о Мучной войне). Ему принадлежит хорошо продуманный и разносторонний анализ тюрготовской идеи прогресса. "Прогресс требует атмосферы, замечает этот автор, при которой новое не только признается терпимым, но составляет предмет страстного вожделения". Менюэл различает лимитированный оптимизм Тюрго (а ограничивает его не что иное как "предвосхищение Марксова железного закона (уровня заработной платы)") от прямолинейного верования его "бравого лейтенанта" Кондорсе. Не только нет никакого противоречия, но даже и малейшего компромисса в административной практике — ибо захваты зерна, установление таксы на хлеб или муку, вообще любое проявление непонимания принципов свободной торговли в первую очередь — препоны прогрессу. А тем самым мы уже на несколько шагов продвинулись вперед по сравнению с либеральными историками XIX века, даже не исключая Афанасьева⁹, и также по сравнению с абсолютным апологетом Тюрго — Фором.

Чтобы продвинуться еще несколько далее, попытаемся различить, в чем заключался внутренний порок системы мышления, вступавший в противоречие с идеей прогресса, присущей самой этой системе, и предопределившей ее классовую ограниченность. (Подчеркиваем

снова, что для нас при этом речь идет не о психологической, субъективной стороне дела, хотя разумеется духовное содержание невычитается из индивидуальной деятельности). Здесь помощь может оказать богатый мыслями этюд Мишеля Лютфалла¹⁰. Хотя "Очевидность как необходимое и достаточное обоснование естественного миропорядка" в первую очередь исследуется по творениям Кенэ и Морелли, он нередко — небезосновательно — привлекает также Мирабо, Дюпона де Немур, Тома, Бодо, Мерсье и других современников и единомышленников Тюрго. От высшей мудрости рационалистов — "самоочевидности" Декарта физиократы перешли к иной, сенсуалистической: Дюпон утверждает, что "доказывать — это не что иное как дать увидеть, а искусство суждения — всего лишь дар раскрывать глаза".

Здравые основы кажущейся самоочевидною системы, которую Тюрго без устали разъясняет своим субделегатам, крестьянству, генеральному контролеру финансов, а там и самому королю, должны непременно (и опять-таки "очевидно") соответствовать естественному, нормальному порядку вещей. Пусть Дюпон отдает при этом предпочтение размышлению и переживанию, а Морелли — опыту, безразлично (и невзирая на коренное различие обеих концепций — превознесение или же полное отрицание частной собственности) очевидность естественного порядка остается основой всего: "очевидность озаряет (= просвещает) весь мир". Лютфалла подмечает у физиократов явную усталость, вызванную упрямством и тупоумной рутинностью современников, но в то же время неисчерпаемые светлые упования на будущее. Автору удалось показать тесное переплетение такого рода метафизических установок с воззрениями на проблему собственности. Весьма наглядно демонстрирует он и теснейшую связь, существующую между этой верой в очевидность и заботой о распространении очевидного. При таком изложении роль обучения и воспитания в физиократической системе взглядов вполне органически выдвигается на особое место. (Одно из следствий этого мы склонны усмотреть в том подчеркнутом внимании, которое Кондорсе уделяет письменности и книгопечатанию в своем "Наброске общей картины прогресса человеческого разума").

Отношение физиократов к общественному мнению в свою очередь обоснованно выводится из этих же моментов. (Дидро и Гельвеций настроены в отношении принципа очевидности куда более критически; мы же, с своей стороны хотели бы законно включить в данную оговорку и Галиани). Мабли приходит к заключению, что очевидность нередко не более как звук пустой, поскольку каждому то кажется очевидным, что соответствует его интересам.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что Тюрго, располагавший системой прокормления народа и строивший свои расчеты на предпосылке самой идеальной сознательности народа, на практике лишь виселицами и патрулями, сумел ответить на народные страсти

(напомним позицию Мабли: человек — ни животное, нуждающееся лишь в прокормлении, ни ангел, неспособный противостоять убедительности самоочевидности. Он всего лишь существо, приводимое в движение страстями). Объективно Тюрго оказался вождем всех имущих против мира обездоленных (= неимущих). Впрочем, боролся он не только за поддержание порядка и за прочность собственной власти. (И именно в этом коренное отличие его от всяческих реакционных усмирителей и палачей 1848, 1871 или 1905 годов: он-то был убежден, что любое сопротивление его действительно прогрессивным реформам могло исходить единственно от приверженцев рутины и антинародной реакции).

Великих деятелей прошлого следует расценивать не на основании их слабостей и недостатков или недостаточного понимания ими того, что уразумели позже их; как известно, Ленин настаивал на понимании прежде всего того, чем эти люди опережали своих современников. В данном случае, однако, нам приходится разобраться именно в несостоятельности идеологического оснащения великих физиократов ради того, чтобы обнаружить то самое слабое сечение, по которому происходит разрушение испытываемого перегрузкой образца.

В конечном счете такого рода специфический дефект в мышлении Тюрго мы могли бы усмотреть в том, что он хотя и отдавал себе отчет в классовой природе трудящихся слоев общества и даже сам впервые разъяснил механизм принудительного поддержания заработной платы на наинизшем уровне, но все же исходя из соображений социальной политики, рассматривал рабочего формально, как "свободного потребителя", который наравне со всеми прочими потребителями обязан склониться перед свободным ценообразованием и его колебаниями.

Если мы теперь обратимся к Кондорсе, то мы неизбежно придем к наблюдению, что 1)его политическая деятельность была теснейше связана с карьерой Тюрго, 2)вопросами хлебной торговли он занимался не раз, даже и в 80-е годы и в период Революции (см. поучительную заметку Бирамбо в *Annales historiques de la Revolution francaise* за 1966 г.)¹¹ и что 3)при всем внимании, которое он уделял экономическим вопросам и связям, особенно в первобытные времена, в своем "Наброске общей картины прогресса человеческого разума", там чем далее тем более "Разум" отвлекается и обособляется от материальной базы общества и этому растущему "отчуждению" в последней главе противопоставлен лишь ряд вполне утопических рецептов, искоренение же социальных бед ожидается от улучшения общественной морали и от успехов теории вероятности и ее все более широкого применения в общественной жизни и практике; бедность, голодная нужда и бедственное положение масс вне этих рассуждений если не вовсе выпадают из внимания, то во всяком случае отходят на дальний план исторического развития.

Во всем этом в свою очередь нет ничего произвольного или случайного. Предрассудки гнездятся и в лучших умах. Еще до того, как наметился резкий водораздел между новыми классовыми притязаниями и его сумели распознать, Кондорсе оказался увлеченным блестящими дарованиями, прогрессивной деятельностью и глубиной научного анализа Тюрго и стал его ревностным и безоговорочным приверженцем. Прискорбной параллелью к приведенным выше "полицейским" декларациям Тюрго кажется нам тот текст, которому всего более обязана своим возникновением искаженная картина Мучной войны в последующей историографии. Это описание майских дней 1775 года в "Жизнеописании Тюрго", написанном Кондорсе (не позднее 1783 г.). Вольтеру шел 82-й год, когда он издалека набросал свою "Диатрибу", но 32-хлетний Кондорсе 3 мая 1775 г. находился если и не в самом Париже, то в непосредственной близости от места событий. И все же изложение их у Кондорсе не просто тенденциозно, но по каждому конкретному случаю искажено в угоду возвеличению министра и посрамлению и поношению его противников и, что не менее печально, все это запятнано таким безвкусным верноподданническим умилением, что трудно верить своим глазам...

И все же пока это только лишь доктринерская предубежденность скорее нежели классовая борьба. Но наступит момент полного развития темы народной таксации в требованиях масс в 1793 году, которым суждено неотвратимо прийти к "Общему максимуму", и тогда, к сожалению (и тоже в силу верности доктрине), Кондорсе найдет свое боевое место — свое поражение — только в лагере имущих (и даже — крупных собственников).

То, что было в те времена прогрессивным — капиталистический способ производства, уже содержало в себе неизбежное расхождение классовых интересов не только дворянства и буржуазии, но и внутри самого третьего сословия. Лишь немногим было дано подметить это явление, вскрыть его и правильно оценить. Когда же до этого не доходили, между теориями прогресса и осознанием действительности возникал глубокий разрыв.

Ноябрь 1967 г.
Ленинград

Примечания

1. *Goldmann L.* La pensee de Lumieres // *Annales.* 1967. A.22. №4. P.752-779.
2. *Condorcet M.J.A.* Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain. 1794. Рус.пер.: Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Пер. И.А.Шапиро. М., 1936.
3. См.: Люблинский В.С. Вольтер и "Мучная война" // Из истории общественных движений и международных отношений. Сб.статей в память академика Е.В.Тарле. М., 1957. С.135-147; Он же. Народное движение 1775 г. и проблематика ранних плебейских и крестьянских выступлений // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С.197-222.

4. *Weuleursse G.* Le mouvement physiocratique en France de 1756 a 1770. P., 1910. Т.1-2.
5. См.: *Faure E.* La Disgrace de Turgot. P., 1961. Рус.пер.: *Фор Э.* Опала Тюрго. Ред. и вст.ст. В.М.Далина. М., 1979.
6. См.: *Бак И.С.* Тюрго как экономист // *Тюрго А.Р.* Избранные экономические произведения. М., 1961. С.3-26; *Волгин В.П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958. С.88-94; *Деборин А.М.* Социально-политические учения нового и новейшего времени. М., 1958. Т.1. С.371-375; *Казарин А.И.* Тюрго как философ и историк // *Французский ежегодник.* 1961. М., 1962. С.75-94.
7. *See H.* La doctrine politique et sociale de Turgot // *Annales Historiques de la Revolution Française.* 1924. Т.1. P.413-426.
8. См.: *Manuel F.E.* The Prophets of Paris: Turgot, Condorcet, Saint Simon, Fourier and Comte. Cambridge, Mass., 1962.
9. См.: *Афанасьев Г.Е.* Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение. Одесса, 1884
10. *Lutfalla M.* L'evidence, fondement necessaire et suffisant de l'ordre naturel chez Quesnay et Morelly // *Revue d'histoire economique et sociale.* 1963. Т.41. №2. P.213-249.
11. *Birembaut A.* Le probleme de la panification a Paris en 1790 // *Annales Historiques de la Revolution Française.* 1965. Т.37. №3 (181). P.361-367.

Е.Б.Рубинштейн (Казахстан)

Размышляя над книгой о становлении историзма

“Книги, как и люди, имеют свою судьбу”¹. В 1998 г. Институтом всеобщей истории РАН была издана необычная книга. М.А.Барг, ведущий специалист по истории Англии XVII в., задумал продолжить свое увидевшее свет в 1986 г. исследование “Эпохи и идеи. Становление историзма”. Так в конце 80-х родился замысел монографии “От Макиавелли до Юма. Становление историзма” и ее героями должны были стать Макиавелли, Бэкон, Вико, Болингброк, Юм, — мыслители, каждый из которых представлял целую эпоху в развитии историзма. Взятые же вместе они создают картину преемственности исторической мысли от Возрождения до Просвещения. Преждевременная смерть в 1991 г. помешала Михаилу Абрамовичу осуществить задуманное. Его друг и коллега Клавдия Дмитриевна Авдеева взяла на себя завершение этого труда. Ее внезапная болезнь и смерть помешали подготовить рукопись к печати. Эта работа была завершена их учениками и коллегами.

В центре внимания исследователей оказалось историческое сознание. Авторы поставили своей целью рассмотреть взгляды избранных мыслителей “не только в тесной связи с их философскими, социально-политическими и эстетическими взглядами, но и с общей интеллектуальной атмосферой данного времени, с учетом ментальности эпохи, определяющей систему взглядов и нравственную ориентацию историка”². Они показали, что два столетия, отделяющих Макиавелли от Юма — важный этап в становлении историзма. В монографии затрагиваются и более общие вопросы идейных истоков Просвещения.

Этапы работы над книгой не случайно выделены так дотошно. Конец 1980-х в Советском Союзе ознаменовался крушением системы ценностей, связанных с тоталитарной системой, и поисками путей построения демократического общества. История тогда переосмысливалась не только профессионалами, но и активно использовалась в публицистике. Многое из сказанного просветителями свыше двух столетий назад оказывалось чрезвычайно актуальным и злободневным. Например, проблема прав человека, презумпции невиновности, партий, оппозиции, теории разделения и равновесия властей. К 80-м годам относится и моя — увы, единственная! — встреча с М.А.Баргом.

¹ Барг М.А. От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М., 1998. С.5.

² Там же, с.7. Далее ссылки на эту книгу см. в тексте.

В феврале 1986 г. я, тогда еще аспирантка кафедры новой и новейшей истории МГУ, приступила к работе над диссертацией на тему "Общественно-политические взгляды Болингброка". В то время единственной русскоязычной работой, специально посвященной историческим взглядам Болингброка, было послесловие М.А.Барга к изданию "Писем об изучении и пользе истории" в серии "Исторические памятники"³. Он был настолько демократичен, что согласился встретиться со мной. Мы беседовали не только о Болингброке, но и о Просвещении в целом, об особенностях английского его варианта. Михаил Абрамович старался не навязывать мне свою концепцию, но осторожно подталкивал к нужным выводам (в частности, о значении научной революции XVII в. для последовавшего за ней "века Разума"). Однако его взгляд на перспективы диссертации по Болингброку, был обескураживающим: "как бы вы не изощрялись, мне всегда будет казаться, что где-то я об этом уже читал". Он посоветовал выбрать другого мыслителя, такого, мимо которого почему-то прошли британские историки. "Зачем Вам соревноваться с англичанином, который сидит в Оксфорде и имеет доступ к таким рукописям, которых нет здесь?"⁴ Я поинтересовалась, кого бы он мог порекомендовать. "Займитесь Темплом", — посоветовал он, но в случае любого моего решения предлагал свою помощь в работе над статьей и диссертацией. Все-таки, несмотря на его авторитет, я не сочла тему Болингброка исчерпанной и не отказалась от нее, поэтому и не стала больше встречаться с Михаилом Абрамовичем. А потом, уже защитив диссертацию и написав главу в коллективную монографию⁵, я узнала о его смерти в 1991 г. Чувство сожаления об уже окончательно упущенной возможности посетить меня тогда, но в правильности выбора своей темы я не усомнилась, и это подтверждает сейчас лежащая передо мной книга Барга с главой, посвященной Болингброку. Однако за это время произошло множество событий, которые не могли не отразиться на моем восприятии этой книги.

Болингброк оказался для меня счастливым талисманом. Но я благодарна Михаилу Абрамовичу за "науку", ибо после разговора с ним всегда думала, а собственно что я могу сказать нового? Возможно, все эти годы, в течение которых я опубликовала несколько статей о Болингброке и свою монографию, М.А.Барг был моим воображаемым читателем. Благодаря английскому мыслителю я впервые приобщилась к западной научной жизни, став участницей семинара "Восток-Запад", организованного Р.Дарнтоном, а также с его легкой руки выступив на IX Международном конгрессе в Мюнстере в 1995 г.⁶ Потом был Йельский

³ Барг М.А. Болингброк и английское Просвещение // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

⁴ Здесь и в дальнейшем слова М.А.Барга приводятся по памяти.

⁵ Рубинштейн Е.Б. Политическое учение Болингброка // Просветительское движение в Англии. М., 1991.

⁶ Bolingbroke as a man of letters // Transactions. IX ISECS Congress. Oxford, 1996.

университет в 1998 г., беседы о Просвещении с Питером Гэем и семинар по культуре Ф.Тернера, в числе героев которого оказались Бэкон и Юм. Вдохновленная этими дискуссиями, я вернулась домой и взяла в руки книгу "От Макиавелли к Юму. Становление историзма".

Итак, главными персонажами нового труда стали Макиавелли, Бэкон, Вико, Болингброк и Юм. Два итальянца и три англичанина, принадлежащие к двум различным, но взаимосвязанным интеллектуальным эпохам Возрождения и Просвещения.⁷ Споры вокруг Макиавелли, начавшиеся еще при его жизни, не утихают до сих пор. К.Д.Авдеева сразу же вводит читателя в их напряженную атмосферу, приводя полные суждения об итальянском мыслителе:

"Большое внимание обращалось на противоречие между монархическими взглядами, изложенными в "Государе", и республиканскими идеями его "Рассуждений о первой декаде Тита Ливия". Одни подчеркивают непоследовательность и хаотичность его суждений, выводом из этого свое право на "смертный приговор" ему: он круглый невежа в политике и истории, не имевший основательных и твердых суждений. Другим он представлялся в своей жизни и деятельности двуликим Янусом: с одной стороны — поборником свободы, с другой — обучавшим Лоренцо Медичи, как ограбить и лишиться свободы своих сограждан... В последние годы историки много сделали для того, чтобы разобраться в этих противоречиях: подчеркивается не действительность, а видимость их, появился ряд крупных исследований, в которых доказывается стройность и последовательность теории Макиавелли, а сам он возводится в ранг гениальных мыслителей, достойных занять место рядом с Аристотелем и Монтескье" (С.29-30).

Автор анализирует источники и метод Макиавелли, его понимание природы человека, теорию государства, касается проблемы круговорота в истории, а также понятий судьбы и "вирту", характеризует его отношение к религии, но главное внимание уделяется Макиавелли как историку Флоренции. К.Д.Авдеева попыталась снять кажущиеся противоречия в его творчестве, поместив его тексты в контекст общей культуры эпохи Возрождения, явившейся новым этапом в развитии политической и исторической мысли. Она пишет о дидактическом примере гуманистической историографии, влиянии классиков и существовании четкого эталона описания событий, в котором центральное место занимали битвы, портреты и речи героев. Однако она приходит к обоснованному выводу: хотя "История Флоренции" и была написана в соответствии с признанными гуманистическими образцами, но для Макиавелли гуманистические предписания были скорее литературной условностью, которой он следует чисто внешне, сочетая гуманистические принципы с прагматической концепцией. Но больше всего, по мнению Авдеевой, Макиавелли расходится с предшественниками в оценке истории Флоренции: в своей истории он обобщает прежде всего негативный политический опыт. Автор приходит к логичному заключению, утверждая, что "концепция Макиавелли противоположна той, которая

⁷ Глава о Макиавелли написана К.Д.Авдеевой, остальные — М.А.Баргом.

преобладает в гуманистической историографии: вместо побуждения свободного духа к подражанию, он рассчитывает возбудить в нем отвращение к современным злоупотреблениям" (С.74).

Фрэнсис Бэкон, политик, мыслитель и историк, член знаменитого неформального объединения XVII в. "Эпистелиона" или "Республики ученых", объединившего в своих рядах носителей нового не схоластического знания. Современниками и корреспондентами Бэкона по этому неформальному сообществу явились Галилей, Декарт и другие. Бэкон стоит у истоков современного знания как создатель новой теории научного познания – теории индукции, и вместе с Декартом — как создатель теории дедукции — является одним из творцов научной революции XVII в., которая стала качественно новым этапом в теории познания по сравнению с эпохой Возрождения. Действительно, он родился и сформировался как личность в "век Елизаветы", его с полным правом можно назвать современником Шекспира, но труды, благодаря которым Бэкон вошел в историю мировой культуры созданы в иную эпоху и отвечают иным интеллектуальным потребностям и запросам. И прежде всего это относится к "Истории Генриха VII". Следует задаться вопросом, почему Бэкон сразу после ухода со своего поста посвящает все свободное время написанию исторического труда и именно личность и эпоха Генриха VII интересуют его в такой степени, что он заканчивает этот труд в рекордно короткий срок — полгода?

Важно проследить его выбор темы сквозь призму конституционного конфликта, который длился между Стюартами и парламентом с 1603 г. Будучи искушенным политиком, Бэкон не мог не видеть этого глубокого конфликта. Можно предположить, что выбор героя определился обстоятельством плодотворного сотрудничества между Генрихом и парламентом. Не случайно Бэкон делает акцент именно на законотворчестве короля, которое он оценивает как главный итог его деятельности. Стоило бы уделить больше внимания этой проблеме — прерогативам короля и парламента в освещении Бэкона, ибо он выбирает для своего единственного исторического труда такую эпоху, когда после окончания войны Роз король и парламент вынуждены были считаться друг с другом: фактически легитимность власти Генриха была подтверждена парламентом в обмен на расширение его полномочий. Следует отметить, что именно так эта эпоха будет впоследствии трактоваться последователями Бэкона Юмом и Болингброком. Характерно, что ускорение событий в эпоху Стюартов заставило Бэкона обратиться к написанию истории Англии "нового времени", первым томом которой и должна была стать история Генриха VII. Историки эпохи Просвещения выполнили намеченную им задачу, включив как центральный эпизод английской истории революции XVII века. Думается, что всех трех английских мыслителей ("предреволюционного историка" Бэкона и "постреволюционных" историков Болингброка и Юма) следовало бы рассмотреть последовательно (без включения Вико).

Именно начальный тезис об английском Просвещении, изложенный в предисловии, определяет многие из последующих выводов:

“Как система общественной мысли оно сложилось не накануне, а в результате двух волн революции, направленной против старого режима, и отвечало интересам установившегося в стране истеблишмента, что в решающей степени определило его специфику... Парадоксально, но как интеллектуальный продукт двух революций, Просвещение в Англии было лишено революционного заряда. В нем возобладала... утилитарная, охранительная тенденция. Если общественная мысль французского Просвещения носит ярко выраженный критический характер, то в Англии пафос нового мировоззрения оказался по своей сути конформистским” (С.19).

В этом противопоставлении “критического” французского Просвещения “конформистскому” английскому нужно разобраться: ведь современные исследователи оспорили степень революционности французского Просвещения, ведущие деятели которого не только не мечтали о низвержении старого порядка, но активно способствовали его реформированию (вспомним Тюрго как самый наглядный, но отнюдь не единственный пример). Более того, французские просветители, за исключением, может быть, только Руссо, в неменьшей степени были частью истеблишмента, чем английские.⁸ Что же касается “двух волн революции”, то коль скоро речь заходит об историзме и историках, стоило бы подробнее осветить отношение Юма и Болингброка к этим событиям и понять, почему практически все английские просветители, даже радикального крыла, дружно противопоставляют Гражданскую войну 1640-х гг. “Славной революции” 1688 г. По моему глубокому убеждению, основным содержанием английского Просвещения явилось философское осмысление социальных и политических уроков, преподнесенных революциями XVII века. Ни одна другая европейская страна не имела подобного богатейшего опыта социального эксперимента: свержение монархии, казнь короля, индипендентская республика, протекторат Кромвеля, реставрация Стюартов и, наконец, “Славная революция”. Практически каждый английский мыслитель XVIII в. ставил эту цепочку событий во главу угла, пытаясь размышлять об истории или конструировать “свободную систему правления”. Труды Юма и Болингброка самое наглядное тому свидетельство.

Мне также представляется не совсем верным подчеркивать новаторский характер понимания ими экономической подоплеки событий, особенно изменения соотношения собственности и власти к началу конституционного конфликта между королем и парламентом. Барг специально цитирует Юма: “когда палата общин собралась весной 1628 года, то совокупное имущество ее членов в три раза превосходило совокупное имущество палаты лордов” (С.299), но тут же добавляет, что

⁸ В этой связи вспоминается дискуссия, открытая после выхода книги П.Гэя Р.Дарнтоном, подвергшим сомнению радикальность французского Просвещения. — Gay P. The Enlightenment. The Rise of Modern Paganism. N.Y., 1966; Darnton R. The Social History of Ideas // The Kiss of Lamourette. N.Y., 1990. P.228.

таковы пределы постижения Юмом причин, ввергших английское общество в гражданскую войну. В данном случае ни Болингброк, ни Юм не могут рассматриваться в качестве пионеров, так как эта классическая для всей английской политической мысли формула была открыта задолго до них Гаррингтоном в его "Океании" (1652 г.), которая подвела итог грандиозному преобразованию собственности, произошедшему в годы Гражданской войны после отмены закона о рыцарском держании. С другой стороны, Гаррингтон ответил всем радикальным течениям, посягавшим на устои нового режима индипендентской республики, республики собственников. Следует напомнить, что тогда (и в XVIII в.) под "собственностью" в Англии понималась только недвижимость, т.е. земля. Книга Гаррингтона пережила породивший ее режим и была широко известна в эпоху Просвещения: Болингброк и Юм вместе с другими английскими просветителями прекрасно были знакомы с этим трудом, о чем свидетельствует его частое цитирование.

Однако Болингброк и Юм не могли не пойти дальше Гаррингтона, так как их социально-политический и исторический опыт людей иной эпохи включал знание о перспективах развития событий, до которых их предшественники, в том числе Гаррингтон, просто не дожили. И прежде всего это последний аккорд событий XVII в. — "Славная революция" 1688 г. и открытые ею перспективы "свободной системы правления". Болингброк и Юм ставят проблему насилия в революции и предупреждают потомков о его последствиях для тех, кто начинает революцию. Это было сделано ими задолго до крылатой фразы французского жюрондиста о революции, которая пожирает своих детей. Для советской историографии эта проблема в течение десятилетий была табуирована: достаточно вспомнить болезненную реакцию на фильм Анджея Вайды "Дантон" в начале 80-х. Конец же 1980-х гг. ознаменовался бурной дискуссией о сталинских репрессиях, пересмотром роли народных движений и отказом от тезиса о том, что народ всегда прав. В исторической науке это повлекло за собой попытку переосмыслить французскую революцию в связи с ее 200-летним юбилеем. В книге отсутствует попытка взглянуть на английский опыт с этой точки зрения — с учетом травмы, полученной английским обществом в результате событий середины XVII в., когда в прямом смысле этого слова брат пошел на брата. Болингброк, предки которого сражались и на стороне короля, и на стороне парламента, помнил об этом всегда. Английские просветители в своих исторических трудах убедительно доказывают, что "свободную систему правления" насилием создать невозможно.

Следует также подумать о корректности термина "охранительный", который достаточно часто использовался относительно английского Просвещения в советской исторической литературе. К XVIII в. перед Англией открывались три перспективы общественного развития. Первая, это возврат к абсолютизму — альтернатива, выраженная движением якобитов (оно перестало быть политической реальностью только

после подавления последнего восстания 1745 г.). Просветительская мысль дистанцируется от него достаточно определенно. Вторая альтернатива — продолжение республиканских и социальных экспериментов XVII века. Этот опыт, закончившийся не торжеством свободы и представительного правления, а тиранией Кромвеля, также был оценен негативно. Третий путь — конституционной монархии и парламентаризма: путь “золотой середины” между Сциллой абсолютизма и Харибдой анархии открывал перед страной огромные перспективы и был избран просветителями. Поэтому корректнее говорить не об охранительных, но о конструктивных тенденциях английского Просвещения, изначально ориентированного не на разрушение, а на созидание.

Концепции Болингброка и Юма принадлежат к разным этапам Просвещения, что и определяет различия во взглядах на революцию, общество и историю. Их концепции выполняли, если так можно выразиться, разный социальный заказ. Бесспорно, Болингброк был более радикален и либерален по сравнению с Юмом. И это не случайно. М.А.Барг указывает на его аристократизм и торизм, но следует уточнить, что значило быть тори в 1720-40-е гг., ибо без этого невозможно понять дискуссию о так называемой древней конституции, расколовшую английское общество в начале XVIII в.

Главный вопрос, разделявший английский парламент времен Реставрации на тори и вигов — о прерогативах в пользу короны или парламента — был разрешен “Славной революцией” в 1688 г. и окончательно снят с повестки дня. Прерогативы короны и парламента были четко оговорены так называемыми революционными установлениями и больше не подлежали обсуждению. Однако за партией тори прочно закрепился не только имидж сторонников усиления королевской прерогативы и противников парламентаризма, но и тайных сторонников якобитов и реставрации абсолютизма. Целью Болингброка как лидера оппозиции правительствам Роберта Уолпола явилась реабилитация тори как партии, стоящей на позициях признания “революционных установлений”. Однако 1720-40-е годы выдвинули еще несколько проблем общественной жизни, которые оказали мощное воздействие и на политическую теорию, и на историческую концепцию Болингброка. Он сам и его современники отнюдь не считали политическую систему Англии окончательно сложившейся после “Славной революции”. С их точки зрения, основные принципы “свободного правления” были сознательно искажены Уолполом в угоду культивируемой им и правительственными вигами “системе коррупции”. Коррупция в политическом контексте 20-40-х гг. рассматривалась не просто как тривиальное взяточничество, практикуемое во все времена и у всех народов, но как особая система правления, цель которой — подкуп депутатов парламента путем предоставления им пенсий и оплачиваемых мест в королевской администрации. Против подобной порочной практики в отношении конститу-

ционных норм, запрещающих совмещение депутатских обязанностей с должностями в администрации, и выступала оппозиция.

Но проблема была гораздо глубже. Речь шла о двух альтернативах — уже на почве признания постреволюционных реалий. Р.Уолпол и его виги утверждали и теоретически обосновывали бесконтрольность депутатского корпуса в парламенте, который их стараниями из трехлетнего превратился в семилетний. Болингброк и оппозиция требовали не только возвращения к прежней парламентской практике, зафиксированной “революционными установлениями”, но даже настаивали на ежегодных выборах, а также на отчетах депутатов перед своими избирателями, что существенно снизило бы возможности Уолпола и правительства влиять на исход голосования. Болингброк разрабатывал концепцию ответственного парламентского правительства. Он и другие лидеры оппозиции требовали ухода правительства в отставку в случае его несогласия с парламентом. Болингброк своими политическими сочинениями способствовал подготовке общественного мнения к последующему знаменитому конституционному прецеденту 1742 г., когда, потеряв столь долго лелеемое им парламентское большинство, Уолпол сам добровольно ушел в отставку, несмотря на то, что “Билль о правах” ничего не говорил о необходимости для первого министра уйти в отставку в случае вотума недоверия.

В главе о Болингброке, к сожалению, не показана эволюция его политической теории, многие положения которой создавались в разные годы и обосновывались в разных произведениях.⁹ Оценка М.А.Баргом политической теории Болингброка вызывает сомнения. И это касается не только отсутствия упоминания о разработке проблем разделения и равновесия властей, принципов “сдержек и противовесов”, оппозиции, партий и ответственного правительства, но и концепции “короля-патриота” (С.201). Из всего литературного наследия Болингброка “Идея о короле-патриоте” вызвала наиболее противоречивые прочтения. Признавая, что трактат — “итог его политических изысканий и карьеры” и “наиболее философская и блестящая по стилю работа”, авторы расходятся в мнениях по поводу изложенной в ней концепции¹⁰. Этот спор ведется уже почти три столетия. Сын Роберта Уолпола Гораций заявлял, что “Идеей” Болингброк пытался убедить принца Уэльского в том, что именно тори являются самыми преданными сторонниками усиления королевской прерогативы¹¹. Будущий второй президент США Джон Адамс, прочитав тронную речь Георга III, заметил в своем дневнике, что новый король намерен править в традициях “короля-

⁹ Дискуссия, которую Болингброк ведет по этим вопросам с Гоббсом и Локком, относится уже к 40-м годам и рассматривается в его сочинении “Фрагменты, или наброски опытов”. — См.: Рубинштейн Е.Б. Болингброк: путь философа // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С.44-45.

¹⁰ Dickinson H.T. Bolingbroke's *The Idea of a Patriot King* // *History Today*. V.20. 1970. P.13; Varey S. Henry St. John. Viscount Bolingbroke. Boston, 1984. P.99.

¹¹ *Walpole H. Memoirs of the Reign King George the Second*. L., 1895. P.42.

патриота" Болингброка.¹² Томас Джефферсон в федералистской концепции сильной президентской власти видел влияние "Идеи"¹³. Дизраэли оценивал этот трактат как вершину творчества мыслителя, ибо благодаря ей торизм был избавлен от пут уже давно устаревшей теории божественного права¹⁴. Сторонники парламентской реформы 1832 года за аргументами также обращались к "Идее", а В.Сичел, занявшись поисками короля-патриота в реальности, нашел его в королеве Виктории¹⁵. Каждая эпоха читала знаменитый труд созвучно своим большим вопросам. Современные же исследователи определяют "Идею" как "самую утопическую работу" и как "злосторонний политический памфлет", как "идеал гуманистического государя, ставшего анахронизмом для Англии XVIII в." и как "уничтожающую сатиру на Георга III"¹⁶. Продолжительность и острота дискуссии являются убедительным опровержением вывода о том, что "как политическая философия "Идея" разочаровывающе поверхностна"¹⁷. Произведение, лишенное внутренней глубины, никогда не вызвало бы столь пристальный интерес.

Кажущаяся легкость языка "Идеи" скрывает чрезвычайную сложность и содержательность изложенной в ней концепции, которая является действительно вершиной творчества Болингброка. В "Идее" он достигает наибольшей степени обобщения политического и исторического опыта Англии. Главная проблема "Идеи" — взаимоотношения государственной власти и общества. Первостепенной целью "короля-патриота" является преодоление разобщенного состояния общества, достижение согласия среди подданных. На примере методов "короля-патриота" Болингброк показывает, чем "свободная система правления" отличается от "системы тирании", под которой подразумевается не только абсолютизм, но и тирания Кромвеля. Причиной Гражданской войны он считает неспособность короля, лордов и народа прийти к разумному компромиссу и пытается показать, как должен вести себя глава государства в критических ситуациях по отношению к оппозиции: в условиях острой партийной борьбы в "свободной системе правления" королевская власть приобретает функции конституционной цензуры.

Глава, посвященная Юму, открывается небольшим разделом "Юм в историографии". Автор обнаруживает явное влияние "Писем об изучении и пользе истории" Болингброка на понимание значения изучения истории Юмом. Отмечается такой парадоксальный факт: Юм-историк очень долгое время был малозаметной фигурой, прежде чем

¹² The Adam's Works. V.1. P.200-201.

¹³ Hofstadter R. Op. cit., p.42.

¹⁴ Disraeli B. Vindication of the British Constitution. L., 1839. P.20.

¹⁵ Kramnick I. Bolingbroke and his Circle. Cambridge (MA), 1968. P.311; Sichel W. Bolingbroke and his Times. L., 1901-1902. P.203.

¹⁶ Jackman S.W. Man of Mercury. An Appreciation of the Mind of Henry St. John. L., 1965. P.71; Dickinson H.T. Op. cit., p.13; Kramnick I. Op.cit., p.197; Varey S. Op. cit., p.100.

¹⁷ Varey S. Op. cit., p. 102.

“...философы настолько “прозрели, что увидели в “Истории Англии” Юма “логическую кульминацию его жизненного дела”...Появились высказывания, что во всех своих свершениях Юм выступал прежде всего как историк. В “Истории Англии” теперь усматривается не разрыв с его философским прошлым, а подлинное основание его “науки о человеке”. Что же касается историков, то вовлечение ими в поле зрения всего корпуса сочинений Юма позволило им усмотреть в нем представителя того направления в исторической мысли Просвещения, которое во многом подготовило ранний романтизм и конечную победу историзма в методологии истории” (С.235-236)¹⁸.

М.А.Барг справедливо указал на то, что “ведущей чертой мировидения Юма как социально-политического мыслителя явился консерватизм” (С.248). Но консервативные воззрения Юма — не совсем торийских корней. Как это ни парадоксально звучит, “консерватизм” и “надпартийность” Юма имеют прямое отношение к его шотландскому происхождению. Касаясь биографии и образования Юма, М.А.Барг подчеркивает развитие культуры в Шотландии, наличие там университетов, распространение просветительских идей. Однако сам шотландский философ, выросший и получивший образование в Эдинбурге, не мог не знать о существовании фактически двух Шотландий: равнинной и горной. Первая была оплотом Просвещения, зато вторая была весьма далека от цивилизации. Эти две сосуществующие в одной нации культуры находились в постоянном конфликте. Приобщаясь в Эдинбургском университете к культуре Просвещения, Юм знал о возможности рецидива разрушения и возврата к дикости, и потому в своих оценках и творчестве постоянно оглядывался на этот патриархальный мир, грозящий повернуть историю вспять: якобиты-роялисты пользовались поддержкой именно горной Шотландии. Цивилизация, городская культура, образование в Шотландии во времена Юма всегда были под угрозой. Это и породило особое мироощущение Юма: консерватизм для него означал незыблемость установленной “Славной революцией” цивилизации, культуру против дикости, Просвещение против патриархальности. Юм стоял на почве полного и безоговорочного признания ценностей цивилизации и критически относился к любой попытке их пересмотра. Отсюда его скептическое отношение к “социальному эксперименту”, способному выпустить наружу силы анархии. Страх потерять завоевания и блага цивилизации и определил консерватизм Юма.

Касаясь судьбы исторических сочинений Юма, Барг пишет об их успехе во Франции. Нам представляется существенным коснуться этого момента, так как история любит играть шутки с историками. Юма приглашают во дворец, где его восторженно встречают сыновья дофина, будущие короли Людовик XVI, Людовик XVIII и Карл X, осыпающие знаменитого историка комплиментами. Юм, непризнанный в своем отечестве гений, с гордостью опишет во всех деталях эту встречу в письме к другу. Особенно его умилила похвала малолетней принцессы

¹⁸ Многие труды, как и специальное издание политических трактатов Юма, появились уже в 90-е годы. — *Hume D. Political essays. Cambridge, 1994.*

Елизаветы, едва умеющей говорить, но все же пролепетавшей слово "история". Увы, эти похвалы Юму со стороны его впоследствии коронованных читателей, показывают еще раз, что история никого и ничему не учит. Его поклонники — по иронии судьбы и истории — в точности повторяют судьбу королей из династии Стюартов: Людовик XVI, как и Карл I, сложит голову на эшафоте, Людовик XVIII, как и Карл II, узнает радость реставрации, а вот Карл X, которого "История" Юма морально поддерживала в годы эмиграции, совсем забудет о судьбе Якова II и "Славной революции" и для него, как для плохого ученика, история повторится дважды — в Июльской революции.

Трудно, однако, согласиться с выводом М.А.Барга о том, что Юм оказался неспособным оценить историческую роль пуританизма в развитии событий в Англии первой половины XVII в. (С.298), как и с тем, что в подъеме демократического движения он не видел ничего больше, кроме замешательства и неизбежно разрушительных результатов (С.301). Позволю себе изложить собственный взгляд на проблему.

Исследуя умонстроение нации, Юм приходит к малоутешительным выводам: англиканское духовенство утратило власть над умами людей и законопослушание уступило место оппозиции и восстанию. Пуритане-"энтузиасты", бесспорно составляли меньшинство нации, но своим порывом могли увлечь народ сильнее, чем их более рациональные антагонисты. Работа Долгого парламента на первом этапе вызывает у него восхищение, так как все его члены подошли к исполнению своих обязанностей со всей ответственностью. С его точки зрения, "никогда народ не был в меньшей степени подвержен порокам и воодушевлен принципами, чем англичане этого времени"¹⁹, но впоследствии все благородные принципы оказались извращены, и Юм пытается понять — почему. Если Болингброк вину за вооруженное разрешение конфликта возлагает на Карла I, то позиция Юма в этом вопросе совсем иная: Карл I не только не покушался на конституцию "смешанного правления", но накануне гражданской войны выступил с целым пакетом предложений, которые, с точки зрения Юма, могли безболезненно реформировать Англию в конституционную монархию, парламента же изначально стремился к свержению монархии и установлению республиканского строя, поскольку самой религиозной сути пуританизма больше соответствует республиканизм, чем монархия. Но, будучи верой меньшинства, республиканизм мог держаться только силой оружия, что несовместимо со свободой и парламентаризмом.

По пророческому замечанию Юма, революция не останавливается на полпути, и те, кто ее начал, вскоре становятся ее жертвами. Именно так он рассматривает конфликт пресвитериан и индепендентов, закончившийся прайдовой чисткой. Но, избавившись от своих оппонентов в парламенте, индепенденты также недолго удерживали власть: дикта-

¹⁹ *Hume D. The History of England from the invasion of Julius Ceasar to the Revolution of 1688. L., 1811. V.7. P.289.*

тура Кромвеля была естественным завершением конфликта. Эти факты английской истории и приводят Юма к заключению, что любое нарушение законности, какими бы благородными целями оно ни оправдывалось, непременно "обращается в свою противоположность и в конце концов приводит к абсолютной и тиранической власти одного человека"²⁰. Для Юма Кромвель олицетворение той неуправляемой стихии, которая породила гражданскую войну: в условиях гражданского мира фигуры типа Кромвеля не нужны. Но отношение Юма к установлению диктатуры Кромвеля неоднозначно: с одной стороны, он против узурпации и тирании, но, с другой, признает ее неизбежность, поскольку не видит иных средств усмирить анархию и установить стабильность, кроме как силой оружия и диктатурой²¹.

Характеризуя революцию в целом, Юм видит и ее позитивную сторону: благодаря революции, манеры, образ жизни, экономика, политика, искусство претерпели кардинальные изменения. Особое внимание Юм уделяет развитию политической мысли того периода, анализируя творчество Мильтона, Гоббса, Гаррингтона и др.²² Не случайно Юм, в отличие от Болингброка, употребляет термин "революция" не только по отношению к "Славной революции" 1688 г., но и к событиям 40-х гг., которые другие его современники называли мятежом, гражданской войной, разгулом анархии. Юм показал Гражданскую войну во всей ее сложности и противоречивости. Он оставил потомкам грозное предупреждение о последствиях насилия для тех политиков, которые первыми его применяют. Он наглядно показал, как начав раскручиваться, мясорубка насилия вовлекает в себя всех — и правых, и виноватых.

Несмотря на различия в оценке деятелей революции, можно выделить общие черты в ее восприятии у Болингброка и Юма, являющиеся характерными для эпохи Просвещения в целом. Оба они, осуждая абсолютизм как форму государства, наиболее естественной для Англии считали конституцию "смешанного правления", уничтоженную гражданской войной. Стоя на позициях парламентаризма, они в то же время прекрасно осознали и "опасности свободы", которая легко превращается в анархию, а заканчивается тиранией. Поэтому особого внимания удостоивались те деятели и программы, которые способствовали достижению компромисса, сохранению гражданского мира, парламентаризма и стабильности. События XVII века рассматривались как важнейший этап английской истории, оказавший колоссальное влияние на становление политической системы страны.

Завершая свои размышления, остается сказать о том, что эта интересная и содержательная книга уже успешно использовалась мною в работе со студентами: мы обращались к ней как в курсе новой истории, так и в курсе историографии.

²⁰ Hume D. The History..., v.8, p. 147.

²¹ Ibid., p. 218.

²² Ibid., pp. 270-277.

Д.М.Володихин

Изящный семинар в сумерках Просвещения

“Развитие российской государственности может быть представлено и осмыслено как *история болезни империи*. Великий английский философ и политический мыслитель Томас Гоббс (1588-1679) уподоблял государство *Левиафану* – библейскому морскому чудовищу, обладавшему огромной силой. Трудно отыскать более удачный образ для олицетворения и историософского осмысления так называемого “Петербургского периода политической истории России”. Ни одна научная книга по истории так начинаться не может. “Это изящная словесность, а не история”, – сказали бы тысячи здравствующих и функционирующих ученых-историков. Тем не менее, так начинается вполне научная книга известного профессионального историка и оригинального философа С.А.Экштута “На службе российскому Левиафану. Историософские опыты” (М., 1998).

Итак, автор построил повествование о столетнем периоде в истории Российской империи – от Екатерины II до Крымской войны – на метафоре. Не на какой-нибудь историко-философской системе, определяющей место России во всемирно-историческом процессе. И не на простой хронологии, как делают очень часто, предполагая, что кто-нибудь когда-нибудь придет, заинтересуется собранным, а потом складированным по годам материалом, да и включит его... в ту же историко-философскую систему, определяющую место России... и т.п. Если видеть в метафоре Левиафана скелет повествования, то роль плоти сыграли, главным образом, биографии. Семь психологических биографий политических и военных деятелей: Алексея Вульфа, Осипа де Рибаса, Николая Мордвинова, Владимира Корнилова, Арсения Закревского, Павла Пестеля и Александра Бенкендорфа. Это еще одна неожиданность: С.А.Экштут принципиально отказался рисовать цельную и единую картину политической истории. Вместо этого он предпочел понаблюдать, как мечется сознание семи из сотен тысяч служилых-дворян между персональными интересами и государственными, между службой, которая подавляет все прочее в судьбе, и нарождающимися в ту пору частной жизнью и общественным мнением. Автор показал принципиально иной стиль “живописи”: он не пытается тщательно прорисовать все мельчайшие детальки фона, его творческая энергия сосредоточена на нескольких эпизодах первого плана. А выбор именно этих эпизодов диктуется одной целью: дать современникам возможность совместить свое сознание с сознанием российских дво-

рян, живших при Суворове и Пушкине, дать шанс понять их страсти и их трагедии через сопереживание.

Невозможно по-настоящему глубоко познать историю одними лишь рассудочными средствами. Надобно утопить сердце в потоке истории, чтобы почувствовать его внутреннюю силу, его температуру и освещенность, надобно пожить в чешуе щуки или карася. Иначе все знание исторического процесса будет сводиться ко взгляду с высоты птичьего полета на реку: изгибы ее видны, ширина ее известна, но более ничего; неведомо даже, откуда и куда она течет. Современный читатель научной исторической литературы чаще всего получает как раз тот самый "птичий" взгляд на прошлое. Вот каковы социально-экономические предпосылки. А вот карта развития феодально-крепостнических отношений. Или, если угодно, схема процесса вестернизации культуры. Или еще что-нибудь того же сорта. С.А.Экштут дополняет "птичье" видение "рыбьим" – изнутри, из толщи потока времени¹.

Эта книга – знамение перемен, происходящих в российской исторической науке 90-х. Было бы совершенно бессмысленным делом анализировать ее в отрыве от историографического контекста. Интерес историков явственно сместился из области глобальных процессов, судеб целых регионов, масс, классов, периодов большой длительности, к частной жизни, персональной истории, ко всему индивидуальному, к единичным событиям, к личному, к судьбе отдельных городов, деревень и семей... Иными словами, от макроистории к микроистории. Историческая социология уступает позиции исторической психологии. Как выразилась Л.П.Репина, известный современный методолог, произошел "поворот... от "человека типичного" или "среднего" к конкретному индивиду"². В Институте всеобщей истории РАН вот уже несколько лет работает семинар Ю.Л.Бессмертного по истории частной жизни. Участники семинара издали в 1997 и 1999 гг. два выпуска сборника с характерным названием "Казус. Индивидуальное и уникальное в истории". Им предшествовала книга с не менее "говорящим" именем: "Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени" (М., 1996). В предисловии ко второму "Казусу" руководитель

¹ О гармоничном слиянии микро- и макроподхода в исследовательской практике очень точно и образно сказал Ю.Л.Бессмертный: "Нельзя ли предположить, что целокупное – и по-своему интегрированное – видение прошлого может быть только "двухслойным", двуединным, основывающимся на сосуществовании двух дополняющих друг друга вариантов?" – *Бессмертный Ю.Л. Проблема интеграции микро- и макроподходов // Историк в поиске. М., 1999. С.297.* Вообще, у большинства историков, работающих в русле микроистории, довольно прочно установилось мнение о необходимости и принципиальной возможности синтеза двух подходов. Тот же С.А.Экштут в маленьком блестящем эссе "Одна картина и много взглядов на нее" показал естественный механизм локального исторического исследования с использованием самых разных подходов в качестве подручных технических средств. – *Экштут С.А. Указ. соч. // Историк в поиске. М., 1999. С.280-282.*

² *Репина Л.П. Комбинация микро- и макроподходов // Историк в поиске. М., 1999. С.53.*

семинара констатирует: "...есть... и среди современных историков глубокий интерес не только к повторяющемуся и типичному, но и к переломным "мгновениям", к уникальным случаям, к неожиданным поворотам, к непредвиденным происшествиям"³. Нельзя сказать, что новация, сделанная в исторической науке группой Бессмертного, встретила всеобщее признание. Напротив, многие профессиональные историки восприняли это направление со скепсисом. В 1999 г. вышел (тиражом всего 300 экз.) сборник "Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого". На страницах этой книги отразилась жесткая полемика между сторонниками и противниками микроистории. Один из полемических текстов (принадлежащий перу Н.Е.Копосова) так и называется: "О невозможности микроистории". За несколько месяцев до этого вышла работа Экштута, к которой мы еще вернемся. Три месяца спустя был издан сборник психологических биографий "Персональная история" (М., 1999, сост. Д.М.Володихин). В нем откровенно сказано: "Любой человек, вне зависимости от пола, возраста, национальности, гражданства, сексуальной ориентации и т.п., достоин того, чтобы стать объектом исторического исследования. Не какой-нибудь исторический закон, не страна, не город, не век и не сословие, а именно один-единственный человек. Самое ценное в его биографии – поиски смысла жизни и собственного предназначения, решение "вечных вопросов"⁴. И здесь использован микроисторический масштаб исследовательской практики. Стержневой идеей сборника стало раскрытие на конкретно-историческом материале философских категорий "выбор судьбы" и "план судьбы", характерных для классического экзистенциализма. В книге сцеплены воедино биографии людей, достаточно далеко отстоящих друг от друга в хронологическом и культурно-историческом смысле, например, судьбы английского путешественника XVII в. Джона Сандерсона, русского философа Константина Леонтьева и французского сюрреалиста Антонена Арто. Методологически это соединение мотивируется единством проблем, решая которые личность обретает ценный экзистенциальный опыт, на хронологическом и цивилизационном промежутке большой длительности⁴.

³ Бессмертный Ю.Л. Продолжаем наш поиск // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С.9.

⁴ Сборник "Персональная история" и второй выпуск "Казуса" вышли в свет фактически одновременно. Примечательно, что в последнем была напечатана статья Л.П.Репиной "Персональная история": биография как средство исторического познания". Авторы названного сборника и Л.П.Репина принадлежат к разным историографическим направлениям. Если в первом случае микроподход методологически самодостаточен, то в последнем естественным представлен синтез достоинств макроподхода и микроподхода. Вместе с тем, Л.П.Репина пишет о необходимости исследования "механизмов личного выбора", "индивидуального рационального выбора", а также о генерировании нового подхода к социальному – "через реконструкцию опыта индивида и микрогрупп в самых разных и подвижных контекстах" (а подобного рода исследовательская активность находится буквально на грани экзистенциалистских размышлений). - Репина Л.П. Указ. соч. С.77; Она же. Комбинация микро- и макроподходов... С.52;

Таким образом, происходит настоящий прорыв микроподхода в исторической науке. Какая уж тут "невозможность"! Поздно о ней говорить. Книга С.А.Экштута – на острие прорыва. Его метод по сути своей микроисторичен. Биографии его героев показаны отнюдь не как объект анализа, на основе которого будет впоследствии составлен портрет мировидения и общих жизненных условий всего российского дворянства. О нет! Каждая персональная судьба – самоценный, суверенный фрагмент реальности, и в ней отражено все ее многоцветье; так в единственной капле воды видна вода всех океанов мира, ведь химическая формула – одна... Отличие лишь в форме и объеме. Де Рибас, Закревский и Пестель не потому поставлены рядом, что они "представляют" Российскую империю, а потому, что они и есть – Российская империя.

Если бы автор этих строк поставил задачу сообщить читателям о методологических новинках в исторической науке на примере новой книги, то на этом месте можно было бы завершить экскурс. Но нет, нет: у любого человека, народа или страны есть две биографии – то, о чем личность или общество *думает*, а также то, что с ними *происходит*. Такая же "двойственная" жизнь и у научных дисциплин. В Европе говорят о кризисе исторической науки с 20-х годов нашего столетия. В России кризис вроде бы разразился только на рубеже 80-90-х на почве падения марксизма и замены моноподхода к истории на множественность подходов. К настоящему времени стало понятно, что дело не в марксизме. Наш отечественный кризис оказался частью кризиса мирового. А суть его такова: научная история утратила понятие цели.

В XIX в. оно было: историки должны были реконструировать реальность прошлого, чтобы понять законы, управляющие историей человечества, на их основе объяснить настоящее и дать рекомендацию – какие действия следует предпринять для наилучшего устройства будущего. Тогда светлое будущее мыслилось как непрменный результат постепенного реформирования настоящего, а историки получили священную обязанность с помощью математической логики предсказывать наиболее эффективные пути этого реформирования. Страшная логика жизни оказалась непознаваемой. Наивная вера в золотой век, всеобщий прогресс, всеилие науки столкнулись с двумя мировыми войнами и дали дуба. Парадигма научного познания мира, сформулированная в эпоху Просвещения, вошла в сумеречную зону. Хотелось бы подчеркнуть: речь идет не о кризисе отечественной истории и не о кризисе в сфере гуманитарных дисциплин в целом, а о глобальном снижении авторитета научного знания, добытого рациональными экспериментальными и логическими методами.

Что ж историки? К началу XX столетия они фактически реконструировали основную фактическую канву европейской и российской исто-

рии. Оставалось добавлять к полученным знаниям исследования последних лет и десятилетий, а также давать интерпретации прошлого. А на основе интерпретаций, соответственно, формулировать прогнозы. Это очень важно: первая, "восстановительная" функция исторической науки иссякла еще до 1917 г., поскольку несколько поколений историков эту задачу успели выполнить. Поэтому дореволюционные учебники Иловайского, Ключевского, Платонова, Виппера успешно применялись и применяются в российской средней школе 90-х годов! Ведь фактический костяк тысячелетней российской истории, как его знали в начале века, не претерпел глобальных изменений...

Зато с прогностической задачей у историков явно не заладилось. Чтобы составить здравый прогноз, необходимо знать главные закономерности всемирного исторического процесса. Для этого необходимо выстроить здание единого объяснения всей истории человечества, здание общей для всех - истинной интерпретации. Но как строить дом по десятку разных архитектурных планов! А в научной истории сложилось именно так: множество методологий истории, множество разнообразных толкований боролись и борются за звание универсальной истины. У тех одни закономерности, у этих другие, третьи объявляют, что закономерностей вообще нет или же они принципиально неуловимы. Конфликт интерпретаций оказался настоящей *дисфункцией исторической науки*. В 70-80-е гг. в мировом сообществе историков установилась великая тоска по "глобальному синтезу" или, иначе, по "директиве интегрального объяснения"... Если нет единого здания, "глобального синтеза", то историческая наука автоматически теряет гордое звание "учительницы жизни", утрачивается главный смысл исследовательских усилий, да и общественный статус историков может понизиться. Кризис получил мощную подпитку: прежняя позиция историков, как ученых поводырей общества, оказалась "беспочвенным мечтанием"; целое научное сообщество вынуждено сойти с профессорской кафедры и смешаться с аудиторией... Потеряв, разумеется, профессорское жалование и профессорский авторитет.

Изо всех сил цепляться за "глобальный синтез" - значит оттягивать неизбежное. Микроподход представляет собой "квест" в ином направлении. Пока авторитет еще не потерян, "профессор" может перейти от монолога, от "чтения лекции" к диалогу, к беседе, к дискуссии. Он должен научиться бегло отвечать на заковыристые вопросы из зала. Он должен *научиться быть полезным*; более того, ему следует *осознанно выбирать аудиторию*, которой он может быть полезен.

Многие российские историки 90-х пришли к осознанию сложности проблемы. В 1995 г. автор этих строк писал, что создать академический труд - полдела, он бесполезен, куда полученные в ходе исследования результаты не востребованы обществом; в огромном большинстве случаев путь адаптации научного знания для использования его широкими слоями неспециалистов избыточно длинен и несовер-

шенен; участие сколько-нибудь значительного процента фундаментального знания, добытого трудом исследователей, в общественной практике – иллюзорно⁵. Вот характерный пассаж из доклада историка М.А.Бойцова “Вперед, к Геродоту!” (1998 г.): “Прошло то время, когда автора академической монографии совершенно не интересовало мнение публики – оно не сказывалось ни на принятии книжки к печати, ни на ее тираже, ни на ее оценке. Теперь за читателя вне пределов узкого круга специалистов (а значит, в конечном счете и за спонсора для новых исследований) придется побороться...”⁶

В книге С.А.Экштута видно глубокое понимание новой ситуации. Автор ясно представляет себе читателя, с которым он устанавливает диалог: это человек, принадлежащий к интеллектуальной элите, история дает ему пищу для игры ума, историческое повествование нужно ему ровно столько же как средство к наслаждению, сколько в качестве инструмента познания мира. Историк пишет: “Платой за слишком долгое отчуждение науки от нужд гражданского общества станет резко возросшая необходимость торговать рукописью и необходимость считаться с законами книжного рынка. Таковы неизбежные издержки будущего обмирщения науки”⁷. Собственный стиль С.А.Экштут назвал “историческим маньеризмом”. Огромная техническая работа по сбору и анализу источников почти скрыта под притягательным изяществом и интеллектуальной прихотливостью изложения. Исторический маньеризм предполагает “сплав науки с литературой и искусством”, преобладание эссе (“историософских опытов”) над прочими жанрами, возвращение ранее утраченных “прав научного гражданства” воображению и метафоре. Историк видит в этом будущее своего ремесла⁸.

Так вот, успех микроподхода связан именно с необходимостью диалогизма, внимания к “нуждам гражданского общества”. Слишком долг путь от глобальной, социологической истории, от обобщенного знания до слушателя-неспециалиста. А от микроистории – буквально один шаг. Легче завязать беседу о чем-то живом, частном, близком; легче сделать понятным и полезным собственное знание для другого человека или целой группы. Историки, к которым принадлежит и автор этих строк, провалились с “лекцией”, поскольку “глобального синтеза” не получилось и, видимо, уже не получится. Микроистория дает новый шанс, переводя лекцию в “семинар” или даже “салон”. Надо попробовать не провалиться и здесь⁹.

⁵ Володихин Д.М. Эстетика исторического факта // Терминоведение. 1995. Вып. 1.

⁶ Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 40.

⁷ Экштут С.А. Указ. соч. С. 275.

⁸ В книге С.А.Экштута технический арсенал “исторического маньеризма” ничуть не мешает достижению исследовательских целей и удивительно точно соответствует философской задаче работы.

⁹ Сильно сокращенный вариант этого текста был опубликован в газете “Книжное обозрение”, № 48 за 1999 г.

SUMMARIES

Lorina P. Repina. Intellectual History Today: Problems and Perspectives.

The author first gave a historical survey and states that A.O. Lovejoy's program in many respects anticipated changes in intellectual history that have occurred during the last decade when intellectual history has been widening its field and gaining importance through the study of the reflective and cognitive aspects of human experience in the past. Intellectual history includes different strata that still have features of their "parent" disciplines. New perspectives depend on re-interpreting the subject of research and overcoming the diversity of sub-disciplines. The field of intellectual history includes a new, more complex and flexible intellectual territory, influenced by "new cultural history", which finally replaced the binary model of cultural forms created by historiography of the 1970-80s. In this perspective human subjectivity is treated in its integrity as a combination of conscience and thought. This variant unites cultural and intellectual histories.

The field of intellectual history can include the analysis of intellectual instruments, ways of conceptualizing nature and society (i.e. history of subjectivity of "intellectuals"), forms, means, institutes of intellectual communication and its complex interrelations with the "outer" world of culture. It is now time to unite the efforts of all scholars, who study different variants of human creative activity and its conditions, forms and results in long term perspective.

Vassily D. Balakin. Medieval Roman Empire: Idea and Reality.

The paper deals with the history of the idea of Roman Empire in the Early Middle Ages. The fall of Western Roman Empire in 476 marked the final collapse of Roman State but the idea of Empire survived. This idea emerged during the Hellenistic period and for centuries it served to justify the need for strong state power, which would govern all territory dwelled by civilized peoples (oikumena). Such state existed to protect peace and safety of all its inhabitants. In Antiquity this idea was embodied by the Roman Empire, that became symbol of universal state, and its ruler, an emperor, - a model of an absolute monarch. Christianity changed this idea into one of "Christian Empire": since God in heaven is the "emperor", there should be terrestrial emperor who would defend Church and spread Christian faith among pagans. The idea of Christian Empire was incarnated by Charles the Great. At Christmas, 800 the pope crowned him as an emperor. The relations between spiritual and temporal powers, pope and emperor, however, never were harmonic as they should be according to the idea of Christian Empire. Popes and Emperors aimed at absolute power within Christian world, and their opposition revealed itself in existence of two theories of Christian Empire - Carolingian and Roman (papal). These theories were struggling against each other during two centuries, and the idea of Empire, which was not connected with papal curia, was defeated.

Under successors of Otto I who revived the Western Empire in 962 papal theory of Empire finally triumphed.

Irina M. Savelieva, Andrei V. Poletayev.

History as Empirical Knowledge.

The article deals with the empirical component of historical science, concerned with the past social reality. By the standards of modern philosophy of science, especially analytical one, history employs empirical base which is essentially not so much different from that of social sciences, usually treated as dealing with the "present". It is a common point to assert the advantages possessed by social scientists which are unavailable to historians, who unlike the social scientists cannot observe the past where his/her subject-matters are located. The incapacity to observe is sometimes the reason to deprive history the "objectivity" of the science. But generally the social scientists as well have not access via direct observation to their subject-matter. Contrary to everyday (common) knowledge in fact based primarily on direct observation, scientific knowledge *per se* is based mainly on recorded data. In this sense social scientists stand in no more intimate a relationship to their subject-matter than historians do. In most cases both have to deal with *information* about human actions.

The difference between history and science is not that social science does and history does not employ observable empirical data. The distinction is that historian lacks the sense of everyday reality as the past is one of the things which are not experienced. This factor is extremely important from the point of view of phenomenological sociology of knowledge. Another distinction relates to parameters of data used by historians and social scientists. The latter enjoy at full scale the benefits of the division of labor using data proceeded by information agencies, mass media, statistical services, etc. Historians have to proceed data used in the process of research by themselves, which attaches to the general shortage of empirical material.

Svetlana I. Sotnikova. Methods of Natural Sciences and Historical Knowledge.

The article analyses the tradition of adopting instrumentary used by sciences (mathematics, physics, chemistry, biology, geology, and geography) in historical research. The outcome of implementing these methods is evaluated by their application in historical interpretation. The author suggests ways of working up mass data, verification of names, dates, events, changing traditional interpretations of traditional subjects, creation of variative models of some historical processes etc. The article deals with Russian history, archeology, and source study.

Semion A. Ekshtut. The Subjunctive Mood in History.

Historical alternative, by definition, suggests need to choose one of two (or more) possibilities. The process of searching and choosing is always a successive analysis of exclusive variants, but only in extreme cases it

turns to be the choice between two alternative decisions. The possibilities rejected by history have not disappeared completely: they survived in historical memory and in tradition. Contemporary historians try to incorporate 'subjunctive mood' into historical narrative.

The author of the article defines five stages in dealing with the problem of searching historical alternative. When reaching the ultimate stage scholars realize that ontological aspect of the problem could be interesting for futurologists, sociologists, political scientists, economists, lawyers, but historians and philosophers should consider its axiological and epistemological aspects. The counterfactual model helps to understand the essence of past events by drawing limits of unknown, which we use to call a 'mystery'. In this sense the model can be said to lead to increase in knowledge; it becomes the object of inevitable polemics and turns to be fact of historiography.

**Pavel P. Shkarenkov. 'Variae' by Cassiodorus
in the Context of the Intellectual Culture of the Late Antiquity.**

The article deals with the linguistic image of world created by rhetoric culture. Language does not express what it calls but models the reality described by the author and reflects a certain way of perceiving and organizing the world. The specific features of late rhetoric demonstrate that personality was put on the back burner, and an individual was replaced by his image, an ideal model, which was closely related with social and moral norms. An individual was treated as having certain qualities, which seemed to be static and immutable in institutionalized world. So necessary attributes (instead of individual characteristics) were considered deserving of note. All this features formed the system of values that defined the notion of human being at the period of transition from the Antiquity to the Middle Ages when mimetic tradition of reflecting and comprehending the reality was replaced by symbolic and allegoric ones.

Maya S. Petroff. Martianus Capella: Prosopographical Essay.

The article presents a critical survey and analysis of premises and assumptions whereby students of Martianus Capella reconstruct his career and date his treatise *De nuptiis*. Some conclusions of the recent study by Shanzer are rejected (pp.19-20). Particularly, the hypothesis that Martianus possibly draws on Dracontius (*Romulea* VI,57-58) is discarded. The conclusion is that the *Romulea* VI does not belong to the early Dracontius' poems, and therefore, Martianus could not borrow from it. The suggestion is offered that there existed an intermediary work between *De nuptiis* and *Romulea* which is lost now.

The late 470s are given as the adjusted date for Martianus' composing the *De nuptiis*. A new reconstruction of Martianus' biography is proposed on the basis of textual analysis and examination of prosopographical material. As a plausible date for Martianus' birth 420-425 are considered. The Martianus' mentioning of his senile age (2,7-8: *incrementisque lustrati-*

bus decuriatum) is treated as a literary topos common among the authors of that period (cf. Boethius, *De Consolatione Philosophiae* I, praefatio.). The final biographical poem of Martianus is translated into Russian. The need of manuals for the seven curriculum disciplines in the late V century is discussed. The attempts to create such a manual are considered: Augustine's *De grammatica* (now lost), *De musica*, *De dialectica* ascribed to Augustine, Macrobius' *Commentary on the Dream of Scipio* (c.440). It is suggested that Martianus, while choosing disciplines to include into the curriculum, followed the Greek authors and not only the Latin ones. There is a brief discussion of the Martianus' legacy in the early Middle Ages, his influence on Boethius, Cassiodorus, John Scottus Eriugena is treated.

Oleg M. Kozick. An Enigma of Lady Meed in William Langland's Poem: a Problem of "Correct and Right" in the XIV-Century England.

"Who" is Lady Meed in the William Langland's famous poem *The Vision of Piers Plowman*? What does this image represent in this poem, which is a complex artistic construction of allegories and allegories inside allegories? There are different explanations, the explanation of Chr. Dawson the author considers to be the best so far given, but still insufficient. Oleg Kozick compares Lady Meed's enigma in the poem with a puzzle-toy, every part of which has to find it's proper place the puzzle to be solved. The answer to the question "who is Lady Meed" can be uttered in quite several words, but to understand all the significance of this allegorical image for the Langland's contemporary means necessarily to say much.

The article is a "reflection" of a more voluminous work, in which Oleg Kozick investigates problems of world outlook in the XIVth-century England. Using the materials of this major work, he shows one of the reasons of widespread popularity of Langland's poem among contemporaries. In Lady Meed's complex artistic allegorical image a contemporary could find an allusion to a whole junction of the most acute, vivid, painful problems of the time, reflected and transformed into "staunch claches" of massive stereotypes of world outlook and behavior, of the stereotypical notions on the "correct and right" (just, justified and "should be") in life, behavior, world-vision - in different aspects, not only in a social one, though a reflection of social problems reigns in the powerful influence of Lady Meed's artistic image.

Yuri V. Chaikovskiy. The Founders of the Milesian School. (For the study of origins of the European science).

Natural philosophy (general system of knowledge about the world), astronomy, geometry, geography, and history were amazingly rapidly developed in the Milesian philosophy school. Who could the Milesians borrow their knowledge from? All attempts to find the origin of the Milesian world outlook in the early Eastern schools were unsuccessful. The influence of Egyptian science on the Milesians is doubtless, but it can't explain much. No signs of the Babylonian science influence can be found

until the beginning of the Persian Wars era when Miletus had already been demolished. As the evidence of the Babylonian influence some scientists often refer to the correspondence between configurations of Babylonian and Greek constellations and sometimes their names but it is rather the evidence of the very ancient (much earlier than Trojan War) contacts in everyday life than scientific contacts during the time period when Greek science was developed. Is it possible that we have omitted some cultural layer where the fundament of European science was based?

Evidently, Thales could not be the founder of Milesian school. In my previous work (*Voprosy filosofii*, 1997, N 8) I argued in favour of existence of scholars in Miletus before Thales. Further analysis proved that the amount of pre-Thalesian scholars was large enough to propose the presence of a continual pre-scientific tradition in Greece beginning from the Homer's epoch.

Larissa A. Bourganova. Lessons of William Sumner.

The article is devoted to one of the pioneers of the American sociology – William G. Sumner. The author analyses his life and his scientific work, first of all his famous fundamental book "Folkways" (1906). Trying to define Sumner's place in intellectual process of the XX-th century, the author sees in him one of the consistent opponents of the theory and practice of social constructivism. One of the main subjects of the article is Sumner's conception of ethnocentrism. In the author's opinion Sumner's "lesson" means that the dual opposition of "we" – "they", revealed by the sociologist, can be useful only in the epistemological plan, as giving a methodological basis for the analysis of modern ethnic processes and conflicts. But it is fraught with danger being understood as a path of search of practical solutions of interethnic conflicts, as practice of ethnocentric socialization.

Marina S. Bobkova. Jean Bodin and the Subject of History.

The article characterizes the treatise by Jean Bodin ("The Method of facilitating the study of history") as a historical source. It also contains a fragment of Russian translation of this Latin work ('An Introduction', and the first chapter entitled 'What is history'). In this short extract the author deals with the problems that are important for the definition of history as an independent discipline, and with the correlation between history and other fields of knowledge. Here the subject of historical knowledge is defined.

While determining the notion of "history" in strict sense Bodin demonstrated the variety in the *subject* of history. He wrote: "Human history consists of human actions (actio) described clearly and honestly in narration on past events". Actio, according to Bodin, has its aim in itself: "It can result in no real outcome (like in speech). Bodin also used the term 'effectio', that is "doing, production, outcome (like in writing).

Bodin was the first thinker who suggested mathematics to be a form of history. In Bodin's opinion the history of mankind developed on the basis of harmonic proportion that was studied by mathematics. Thus he posed a question of the "countability" of the rhythms of history. The work by Jean

Bodin evaluated history as an independent discipline that had its own method and ways of cognition.

Alexander I. Boroznyak. Phenomena of "Ordinary Fascism" in the Mirror of Local Researches by German Schoolchildren.

The article generalizes the studies of the German's everyday life under the fascist dictatorship. These researches arose from the contest of the secondary school history compositions for the Prize of the President of the Federal Republic of Germany. A great attention is paid to the destinies of the Soviet prisoners of war and "Ostarbeiter" in the third Reich.

Igor O. Ermachenko. Far Eastern Cultural Tradition and the Poetry of Russian Postmodernism. 1. Russia in the Mirror of China.

The critical description of Russian life as "Chinese" one, which was traditional for poetic satire of the 19 – early 20th century, set off the specific of postmodernist interpretation of this theme (poems by D.A.Prigov, L.Rubinshtein, L.Losev etc.) In the conceptualist poetry Russia is not alienated by its depiction as "China" but is included in the same context, which is common for Russia and China. Contemporary authors mix "Soviet concept" with the outcome of "Eastern boom" in underground and mass culture. Ironic redefining of the stereotype perception of the eastern esoteric tradition, on the one hand, and political upheavals of the "friendship" between USSR and China, on the other, creates complicated discourse on dialectic of historical ways of the two countries in their correspondence and separation. As a result, postmodernist decanonization and desemantization of the tradition does not revoke the principle of historicism but proposes specific transformation in its understanding.

Elena V. Markasova. Historical and Cultural Context of a Postmodernist Citation (Seasons in Poem 'Snow-storm' by T.Kibirov).

Placing the poem by T. Kibirov into historical and cultural context helps to analyze the transformation of images, which researches and readers usually connected with the theme of changing popular consciousness and social troubles. In the poem the images derived from the "Captain's daughter" by A.S.Pushkin (the chapter "Guide") are juxtaposed with the ideologically meaningful images of the Soviet literature. The text presents the cultural tradition of justifying a certain system of chronological orientation in two variants: in counting time from 1917, which was important for the Soviet reader, and in counting time from abstract reference points of culture that could not be objectivated. The symbolic change of stereotypes and overcoming romantic charm of the past reveal in the "mixture" of the seasons and help the hero to feel his "dis-inclusion" to the present, so Kibirov's hero balances between the eternity (where the idea of a season is not actual) and time. The analysis of the text reveal author's intentions that are interesting to the historian of popular consciousness.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

Л.П.Репина

Интеллектуальная история сегодня:
проблемы и перспективы.....5

Идея империи

В.Д.Балакин

Средневековая Римская империя: идея и реальность.....14

Теория и метод в историческом познании

И.М.Савельева, А.В.Полетаев

Эмпирические основания исторической науки.....36

С.И.Сотникова

Естественнонаучные методы в современном
историческом познании.....52

Поиск альтернатив

С.А.Экштут

"Несбывшееся - воплотить!": опыт историософского
осмысления сослагательного наклонения в истории.....70

Интеллектуальная культура античности и средневековья

П.П.Шкаренков

"*Variae*" Кассиодора в контексте
позднеантичной интеллектуальной культуры.....95

М.С.Петрова

Марциан Капелла (просопографический очерк).....110

О.М.Козик

Загадка Девы Мид в поэме Уильяма Ленгланда:
проблема "правильного" в Англии XIV века.....142

Из истории наук о природе и обществе

Ю.В.Чайковский Основатели милетской школы (к истории рождения европейской науки).....	161
Л.А.Бурганова (Казань) Уроки Уильяма Самнера.....	182

Из истории исторической мысли

М.С.Бобкова Жан Боден о предмете истории.....	192
Ж.Боден. Метод легкого познания истории (фрагмент).....	198

История и память

А.И.Борозняк (Липецк) Реалии "обыкновенного фашизма" в зеркале локальных исследований школьников ФРГ.....	209
--	-----

Перекрестки постмодернизма

И.О.Ермаченко (Петрозаводск) Дальневосточная культурная традиция и поэзия русского постмодернизма.....	225
Е.В.Маркасова (Санкт-Петербург) Историко-культурный контекст постмодернистской цитаты: времена года в поэме Т.Кибирова "Буран".....	248

Публикации

В.С.Люблинский Идея прогресса и восприятие действительности у Тюрго и Кондорсе.....	263
(Публикация Л.Б.Вольфцун и Б.С.Кагановича).	

Читая книги...

Е.Б.Рубинштейн (Казахстан) Размышляя над книгой о становлении историзма.....	273
Д.М.Володихин Изящный семинар в сумерках Просвещения.....	285

SUMMARIES.....	291
----------------	-----

CONTENTS

Intellectual History Today

L.P.Repina

Intellectual History Today: Problems and Perspectives..... 5

Idea of Empire

V.D.Balakin

Medieval Roman Empire: Idea and Reality..... 14

Theory and Method in History

I.M.Savelieva, A.Poletayev

History as Empirical Knowledge..... 36

Looking for Alternatives

S.A.Ekshtut

The Subjunctive Mood in History..... 70

Intellectual Culture of Antiquity and the Middle Ages

P.P.Shkarenkov

"*Variae*" by Cassiodorus in the Context
of the Intellectual Culture of the Late Antiquity..... 95

M.S.Petroff

Martianus Capella: Prosopographical Essay..... 110

O.M.Kozick

An Enigma of Lady Meed in William Langland's poem:
A Problem of "Correct and Right" in the XIV-century England..... 142

History of Sciences

Yu.V.Chaikovsky

The founders of the Milesian school
(for the study of origins of the European science)..... 161

L.A.Bourganova

Lessons of William Sumner..... 182

History of Historical Thought

M.S.Bobkova

Jean Bodin and the Subject of History.....192

History and Memory

A.I.Boroznyak

Phenomena of "Ordinary Fascism" in the mirror of
Local Researches by German Schoolchildren.....170

Crossroads of Postmodernism

I.O.Ermachenko

Far Eastern Cultural Tradition and the Poetry of
Russian Postmodernism. 1. Russia in the Mirror of China.....225

E.V.Markasova

Historical and Cultural Context of a Postmodernist Citation
(Seasons in Poem 'Snow-storm' by T.Kibirov).....248

Publications

V.S.Lublinsky

Idea of Progress and Perception of Reality
by Turgot and Condorcet. (Publ. by *L.B.Volfzun, B.S.Kaganovich*).....263

"Reading-Room"

E.B.Rubinstein

Considering a Book on the Formation of Historism.....273

D.M.Volodikhin

Refined Seminar in the Twilight of Enlightenment.....285

SUMMARIES.....291

**ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН**

готовит к изданию *биобиблиографический справочник*, посвященный историкам, научные интересы которых лежат в области *интеллектуальной истории*. Мы просим всех ученых, интересующихся данными сюжетами, сообщить нам информацию о себе: биографические сведения (ФИО, дата рождения) адрес, место работы, темы диссертационных сочинений, области научных интересов, сведения о читаемых курсах, публикациях и проектах, посвященных интеллектуальной истории.

**ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН**

просит своих читателей присылать аннотации и рецензии на опубликованные после 1997 г. монографии и тематические сборники, связанные с проблематикой интеллектуальной истории. Ваши материалы будут публиковаться в последующих выпусках альманаха "Диалог со временем".

**ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН**

приглашает принять участие в работе конференции **"Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории"**, которая состоится 20-21 ноября 2000 г.
Адрес Центра: 117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а, 14-й этаж, к.1418.
Справки по тел. (095) 938-52-22
Просьба присылать заявки (с краткой аннотацией) или тезисы предлагаемых для обсуждения докладов до 15 сентября 2000 г.

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Альманах интеллектуальной истории

Вып. 2

Утверждено к печати

Ученым советом

Института всеобщей истории

Российской Академии наук

Издательство «Эдиториал УРСС».

113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11, к.п.

Лицензия ЛР № 064418 от 24.01.96 г.

**Гигиенический сертификат на выпуск книжной
продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г.**

Подписано к печати 15.03.2000 г.

Формат 60x84/16. Печ. л. 19. Тираж 300 экз. Зак. № 362.

Отпечатано в множительной лаборатории

Кольчугинского завода технических изделий.

601750, Владимирская обл., г. Кольчугино, ул. Добровольского, 2.